

Удажковская фотография
В.Н. ЧЕНЦОВА

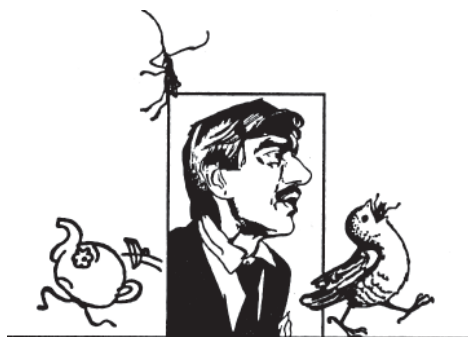
Cabinet

Коллекция

оптимально

Корней Чуковский

Корней Чуковский

Корней

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ПЯТНАДЦАТИ ТОМАХ

Чуковский

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ТОМ ПЕРВЫЙ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ

ФТМ

МОСКВА

2013

УДК 882

ББК 84 (2Рос=Рус) 6

Ч-88

Файл книги для электронного издания подготовлен
ООО «Агентство ФТМ, Лтд.» по оригинал-макету издания:
Чуковский К. И. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 1. —
М.: ТЕРРА—Книжный клуб, 2001.

Составление и комментарии

Е. Чуковская

Оформление художника

С. Любава

На обложке

*фотография К. Чуковского со своими детьми.
На руках — младший сын Борис, слева — дочь Лида,
справа — старший сын Николай. Куоккала 1912 г.*

На задней стороне обложки

*композиция на основе первого издания сказки
К. Чуковского «Бармалей». Рис. М. Добужинского. 1925 г.*

Чуковский К. И.

Ч-88 Собрание сочинений: В 15 т. Т. 1: Произведения для
детей / Сост., коммент. Е. Чуковской. — 2-е изд., электронное,
испр. — М.: Агентство ФТМ, Лтд., 2013. — 598 с.: ил.

С творчеством Корнея Ивановича Чуковского (1882–1969) начинают знакомиться в раннем детстве, чтобы затем всю жизнь открывать для себя новые грани таланта писателя. Сочинение сказок, критика, литературоведение, лингвистика, переводы — Чуковский блестяще выступал в этих и многих других областях литературы. Корней Иванович однажды назвал себя «радостным человеком в радостном мире». Познакомиться с удивительным миром Чуковского, представить себе масштаб созданного этим человеком позволяет настоящее Собрание сочинений.

Первый том включает в себя произведения для детей: стихи и сказки писателя, а также переводы, пересказы и обработки народных песенок.

УДК 882

ББК 84 (2Рос=Рус) 6

© К. Чуковский, наследники, 2013

© Е. Чуковская, составление,
комментарии, 2013

© Агентство ФТМ, Лтд., 2013

О СЕБЕ

Конечно, мне не слишком-то нравится, что меня именуют одним из старейших писателей. Но ничего не поделаешь: я пишу и печатаюсь шестьдесят три года. Помню Куприна молодым человеком, еще до того, как он написал «Поединок», и юного Блока в студенческой нарядной тужурке. И мне самому удивительно, что я все еще не бросаю пера. Но не могу и представить себе, как бы я прожил хоть несколько дней без него.

Я родился в Петербурге в 1882 году, после чего мой отец, петербургский студент, покинул мою мать, крестьянку Полтавской губернии; и она с двумя детьми переехала на житье в Одессу. Вероятно, отец давал ей вначале какие-то деньги на воспитание детей: меня отдали в одесскую гимназию, из пятого класса которой я был несправедливо исключен.

Перепробовав много профессий, я с 1901 года стал печататься в «Одесских новостях», писал главным образом статейки о выставках картин и о книгах. Иногда — очень редко — стихи.

В 1903 году газета послала меня корреспондентом в Лондон. Корреспондентом я оказался из рук вон плохим: вместо того чтобы посещать заседания парламента и слушать там речи о высокой политике, я целые дни проводил в библиотеке Британского музея, читал Карлейля, Маколея, Хэзлитта, де-Куинси, Мэтью Арнолда. Очень увлекался Робертом Браунингом, Россетти и Суинберном. (Английский язык я изучил самоучкой.)

Газета перестала печатать мои письма из Лондона, далекие от злободневной тематики; ими заинтересовался Вале-

рий Брюсов и пригласил меня в свой журнал «Весы», где я начал усердно сотрудничать.

Вернувшись в Россию, я пережил в Одессе дни броненосца «Потемкина», побывал на мятежном корабле и познакомился со многими повстанцами.

Настроения боевого подъема, которыми в те дни жила Россия, естественно, захватили меня, и поэтому, приехав в Петербург, я, под влиянием революционных событий, затеял издание сатирического журнала «Сигнал». К сотрудничеству в журнале привлек Куприна, Сологуба, Тэффи, Чюмину, Дымова, Вл. Тихонова и многих других.

После четвертого номера я был посажен в тюрьму и отдан под суд «за оскорбление величества», «царствующего дома» и т. д. Защищал меня при закрытых дверях знаменитый адвокат О. О. Грузенберг и добился моего оправдания.

Сидя в «предварилке», я стал переводить Уолта Уитмена, которым горячо увлекался.

В 1907 году мои переводы вышли отдельной книжкой в издательстве «Кружок молодых» при Петербургском университете. Переводы были слабы, но книжка имела огромный успех, так как поэзия Уитмена вполне гармонировала с тогдашними литературными веяниями.

В том же году вышла в свет моя новая (тоже незрелая!) книжка — критические очерки «От Чехова до наших дней».

Книжка разошлась очень быстро, и в течение той же зимы потребовалось новое издание, а еще через год вышло третье. Проработав больше года в мелкой прессе (худшая полоса моей писательской жизни), я сделался сотрудником «Нивы», «Речи», «Русской мысли», где поместил критические статьи о Гаршине, Федоре Сологубе, Леониде Андрееве, Куприне, Сергееве-Ценском, Борисе Зайцеве, Алексее Ремизове, впоследствии собранные в двух моих книгах — «Лица и маски» и «Книга о современных писателях», вышедших в 1914 году в издательстве «Шиповник».

Еще в конце 1906 года я переехал в финское местечко Куоккалу, где сблизился с И. Е. Репиным. Я горячо полюбил Илью Ефимовича, часто позировал ему для его картин и в течение нескольких лет редактировал его мемуары, часть

которых он написал по моему настоянию. Эти мемуары, названные Репиным «Далекое близкое», впервые вышли в Москве лишь в 1937 году.

Там же, в Куоккале, познакомился я с В. Г. Короленко и Н. Ф. Анненским. Бывали месяцы, когда я посещал их почти ежедневно. К этому времени у меня появилось немало друзей и знакомых в литературно-художественном мире: я близко узнал Алексея Толстого, Леонида Андреева, Н. Н. Евреинова, Аркадия Аверченко, Тэффи, Минского, Александра Бенуа, Кустодиева, Добужинского, Шаляпина, Комиссаржевскую, Яворскую, Собинова, — и нашел истинного друга в лице академика Анатолия Федоровича Кони.

К этому же периоду относится мое первое увлечение детской словесностью.

Мои статьи, посвященные ей, собраны в книжке «Матерям о детских журналах» (1911). Тогда же я составил для «Шиповника» сборник «Жар-птица», где сделал попытку завербовать для служения детям лучших писателей и художников.

В 1916 году А. М. Горький, возглавлявший издательство «Парус», задумал наладить в нем детский отдел и пригласил для этой цели меня. Под его руководством я составил сборник «Елка» и написал свою первую детскую сказку «Крокодил». Издательство вскоре распалось, и я перекочевал со своим «Крокодилом» в «Ниву», которая в 1917 году стала давать особое приложение «Для детей» — под моей редакцией. «Крокодил» с первых же дней своего появления в печати полюбился малолетним читателям.

И все же я испытывал в те времена острое недовольство собой и своей литературной работой.

Мне была невыносима ее пестрота, ее раздробленность, ее легковесность. Мне хотелось отдать свои силы одной сосредоточенной многолетней работе. Об этом у меня был откровенный разговор с В. Г. Короленко. Короленко посоветовал мне не растрачивать себя по мелочам, а засесть за большой основательный труд о Некрасове, так как Некрасов с самого раннего детства был мой любимый поэт. Я стал пристально изучать его жизнь и творчество. И тут

обнаружилась позорная вещь: оказалось, что через сорок лет после смерти поэта его стихи все еще продолжают печататься в исковерканном виде. Никаких комментариев к ним не было, и даже даты были сильно перепутаны. Кроме того, оказалось, что десятки наиболее ярких революционных стихов, изъятых старинной цензурой, все еще остаются под спудом и не могут дойти до читателей.

Началась борьба за освобождение поэта от самоуправной цензуры.

Чтобы установить канонический некрасовский текст, я стал разыскивать в разных местах подлинные рукописи стихотворений Некрасова: посетил вдову поэта Зинаиду Николаевну, свел близкое знакомство с двумя его побочными сестрами, а также с дочерью Авдотьи Панаевой, и мало-помалу у меня собралось изрядное количество некрасовских рукописей. Кое-что подарил мне историк В. Богучарский, кое-что сообщил в достоверных копиях Н. Ф. Анненский.

Я опубликовал собранные мною тексты в газетах.

И тогда в моей жизни случилось большое событие. Академик А. Ф. Кони, обладавший огромным фондом некрасовских рукописей, прочел мои газетные статьи о Некрасове и решил предоставить мне хранившиеся у него материалы. Количество рукописей было так велико, что мне потребовалось несколько лет для исследовательской работы над ними. Достаточно сказать, что здесь находились черновые и беловые рукописи поэмы «Кому на Руси жить хорошо», рукопись поэмы «Княгиня Волконская», черновики сатиры «Современники» и т. д., и т. д.

Когда я изучил всю эту грудку некрасовских рукописей, я обратился к родственникам поэта с предложением включить в издаваемое ими «полное» собрание стихотворений Некрасова около пяти тысяч новых стихов. Но они и слышать не хотели о каком бы то ни было изменении текстов. Только революция освободила поэзию Некрасова от зловредной опеки его корыстных наследников.

В 1918 году я показал А. В. Луначарскому имеющиеся у меня рукописи Некрасова и при его поддержке стал гото-

вить к печати первое советское собрание стихотворений Некрасова. И здесь меня постигла неудача: хотя я включил в это издание множество новых текстов, найденных мною и другими исследователями, главным образом В. Е. Евгеньевым-Максимовым, хотя в смысле полноты новое издание значительно превосходило все предыдущие, — к сожалению, я еще не овладел научными методами, необходимыми для подобной работы. Эти изъяны стали для меня очевидны, едва только издание вышло в свет. Они очень огорчили меня, и для того, чтобы их устранить, я тотчас же стал работать над новым изданием, поставив себе задачу, почти непосильную для одного человека, — окончательно выработать канонический текст, свободный от цензурных искажений, и дать научный историко-литературный и текстологический комментарий к каждому стихотворению Некрасова.

Большим поощрением в этой работе был для меня положительный отзыв В. И. Ленина о первом издании книги, сообщенный мне А. М. Горьким и В. В. Воровским. Впоследствии Горький процитировал этот отзыв в «Правде» (14 марта 1928 г.).

Шесть лет я трудился над новым изданием Некрасова в книгохранилищах Москвы и Ленинграда. Самый процесс этой кропотливой работы дал мне глубокое душевное удовлетворение. Было приятно уйти от суетливой и пестрой газетно-журнальной поденщины к научной сосредоточенной деятельности. Я был воистину счастлив, что могу дать советским читателям освобожденные от многолетних искажений подлинные тексты Некрасова. Работа была неблагодарная, незаметная, трудоемкая, но это-то и привлекало меня к ней. Один реальный комментарий к поэме «Кому на Руси жить хорошо» отнял у меня около полугода. Чтобы прокомментировать сатиру «Современники» и разъяснить содержащиеся в ней намеки на тогдашних финансовых деятелей, я должен был целые месяцы изучать биржу семидесятих годов.

Закончив главный труд своей жизни — полное собрание стихотворений Некрасова (1926), научно прокомментиро-

ванное, исцеленное от ран и увечий, нанесенных им царской цензурой, я написал ряд историко-литературных этюдов, связанных с эпохой Некрасова. Эти этюды — «Лев Толстой и Дружинин», «Неизвестный Петров», «Жизнь и смерть Николая Успенского», «Василий Слепцов» и др. — вошли в мою книгу «Люди и книги шестидесятых годов».

Плодами детального изучения этой эпохи были также два «Некрасовских сборника», том неизвестных произведений Некрасова с моими вступлениями к каждой находке, изданный под заглавием «Тонкий человек», и десятки статей о поэте в «Правде», «Известиях», «Литературном критике», «Знамени», «Известиях Академии наук СССР».

Тогда же я закончил свой давно задуманный труд — книгу «Некрасов», которая вышла в издательстве «Кубуч» в 1926 году (второе издание в «Федерации» в 1930 г.). Недавно я перечитал эту старинную книгу. Многие в ней спорно, кое-что опрометчиво, но ее основная цель — смыть с Некрасова «хрестоматийный глянec», представить его читателям не как абстрактного носителя таких-то и таких-то идей, а как близкого, живого человека, была, мне кажется, в некоторой мере достигнута.

Среди других волновавших меня всю жизнь литературных вопросов была проблема художественного перевода. Она интересовала меня с юных лет. Еще в «Весах» я писал о переводах Шелли и Уитмена. В 1918 году А. М. Горький организовал в Петрограде издательство «Всемирная литература» и предложил мне возглавить англо-американский отдел этого издательства. Во времена «Всемирной литературы» интерес к теории и практике художественного перевода сильно возрос. Так как СССР страна разноязычных народов, стремящихся к постоянному обмену духовными ценностями, мастерство перевода стало играть у нас особую роль. Пытаясь установить, каковы современные методы этого мастерства, я написал (по желанию А. М. Горького) сперва брошюру, а потом и книгу, посвященную искусству перевода, которую исправлял и дополнял от издания к изданию. В 1941 году книга вышла под заглавием «Высокое искусство», а теперь, через двадцать с лишним лет, я снова перера-

ботал ее на основе новых материалов. Тема эта дорога мне и нынче, отчасти оттого, что я и сам переводчик: перевел «Листья травы» и «Демократические дали» Уолта Уитмена, «Приключения Тома Сойера» Марка Твена, «Робинзона Крузо» Дефо, «Живчеловека» Честертона, «Королей и капусту» О. Генри и др.

Есть у меня и еще одна тема, проходящая через всю мою жизнь: психика малых детей, их титаническая работа по овладению — в такие сказочно короткие сроки — сложившимися формами родительской и прародительской речи.

Эта тема воплотилась в моей книге «От двух до пяти», которая, конечно, никогда не была бы написана, если бы у меня не было четверых детей, а теперь уже и пятерых внуков и пятерых правнуков и если бы общение с детьми — своими или чужими — не было моим любимейшим отдыхом. Книга эта выдержала семнадцать изданий, и для каждого нового издания я исправлял и расширял ее текст, так как все это время ко мне шли непрерывным потоком тысячи и тысячи писем от воспитателей, матерей и отцов, сообщавших мне свои наблюдения над детьми¹.

Незадолго до этого я написал для детей (вслед за «Крокодиллом») «Мойдодыра», «Муху-Цокотуху», «Тараканище», «Доктора Айболита» и другие сказки в стихах. Сказки эти появились впервые в печати в самом начале двадцатых годов и вызвали жестокие нападки рапповцев, пролеткультовцев, педологов. Мне и в голову тогда не приходило, что когда-нибудь эти гонимые сказки будут печататься миллионами экземпляров и выдержат многие десятки изданий и что я доживу до поры, когда те дети, для которых эти сказки написаны, превратятся в седых стариков и будут читать их своим внукам и правнукам.

Все другие мои сочинения до такой степени заслонены моими детскими сказками, что в представлении многих чи-

¹ При жизни автора было 20 изданий «От двух до пяти», 21-е вышло посмертно (1970), с авторской корректурой. — *Сост.*

тателей я, кроме «Мойдодыров» и «Мух-Цокотух», вообще ничего не писал.

Когда началась война, я вместе с Евг. Петровым и А. Н. Афиногеновым стал работать в англо-американском отделе Совинформбюро и в течение первых месяцев войны писал для этого отдела статьи.

После окончания войны я опять отдался излюбленным темам. Написал новую книгу — «Мастерство Некрасова», проредактировал двенадцатитомное собрание его сочинений, закончил первый том своих воспоминаний: о Горьком, Короленко, Куприне, Леониде Андрееве, Блоке, Луначарском, Маяковском и др. («Современники»), опубликовал книжку о языке «Живой как жизнь» и, поглощенный этой увлекательной работой, не заметил, как подкрался ко мне 1962 год и мне исполнилось восемьдесят лет. Дата, конечно, не очень веселая. Но словно для того, чтобы хоть отчасти утешить меня, этот год послал мне нечаянную радость: книга моя «Мастерство Некрасова» была удостоена Ленинской премии.

В этом же году Оксфордский университет присудил мне почетное звание Доктора литературы. Для получения этого звания я был приглашен в Англию — через шестьдесят лет после моего пребывания в этой стране — и с большим удовольствием провел там весь май среди новых — милых и радужных — друзей.

Оглядываясь на свой долгий писательский путь, я нахожу на нем немало ошибок, неверных шагов и провалов. Но одна черта в некоторой мере искупает мои недостатки: абсолютная искренность. В качестве критика я, если бы даже хотел, не умел бы написать о том или ином литературном явлении хоть одно неправдивое слово.

В писательской работе меня больше всего увлекает радость изобретения, открытия. Эту радость я впервые почувствовал, когда сочинял свои сказки, форма которых, уже не говоря о сюжетах, была в нашей литературе нова.

Точно так же я не стал бы писать свои книги «Высокое искусство» или «От двух до пяти», если бы меня не окрыляла уверенность, что у нас еще не было книг на подобные темы и

что я таким образом иду по непроторенной дороге. И разве отдал бы я сорок лет своей жизни изучению Некрасова, если бы не сознание, что мне предстоит разрушить застарелые, рутинные представления о нем? Этим чувством преодоления многолетней инерции, жаждой бороться за новое понимание Некрасова продиктованы мои книги «Некрасов как художник», «Мастерство Некрасова» и другие работы, включая сюда комментарии ко многим стихотворениям поэта в двенадцатитомном собрании его сочинений. Свою до сих пор не законченную книгу о Чехове я стал писать по такой же причине: Чехов, как и Некрасов, был одним из наиболее оболганных русских писателей. И я считал своим долгом освободить его образ от той многолетней лжи, которую горе-критики нагромодили вокруг его имени.

Ненавижу подражательность, эпигонство, рутину.

«Открытия» могли быть микроскопически мелкими, и некоторые из них, как я вижу теперь, приводили к ошибкам, но я не мог бы писать ни о Николае Успенском, ни о Слепцове, ни о Гаршине, ни об Авдотье Панаевой, ни о Валерии Брюсове, если бы меня не обуревало в ту пору желание сказать об этих авторах новое слово, отменяющее привычные представления о них.

В молодости это стремление к борьбе с установленными, тривиальными мнениями придавало иногда моим писаниям задиристый, запальчивый, крикливый характер, от которого я избавился лишь в зрелые годы, в пореволюционный период, потребовавший от писателей максимальной серьезности.

Тяга к новаторству, к преодолению косных, заплесневелых идей присуща решительно каждому, кто увлеченно работает в какой бы то ни было области знаний.

В этом-то и таится для нас праздничная радость работы, ее главное очарование, ее соблазнительность, и я от души благодарен судьбе, что мне было дано испытать эту ни с чем не сравнимую радость.

Жизнь моя подходит к концу. «И утро, и полдень, и вечер мои позади». И мне все чаще вспоминаются строки любимого моего Уолта Уитмена:

Стариковское спасибо, — пока я не умер,
За здоровье, за полуденное солнце, за этот неосязаемый воздух,
За жизнь, просто за жизнь...
За любовь, за дела и слова, за книги, за краски и формы,
Как солдат, что воротился домой по окончании войны,
Как путник, из тысяч, что озирается на пройденный путь,
На длинную процессию идущих за ним, —
Спасибо, — говорю я, — веселое спасибо! — от путника,
от солдата спасибо!

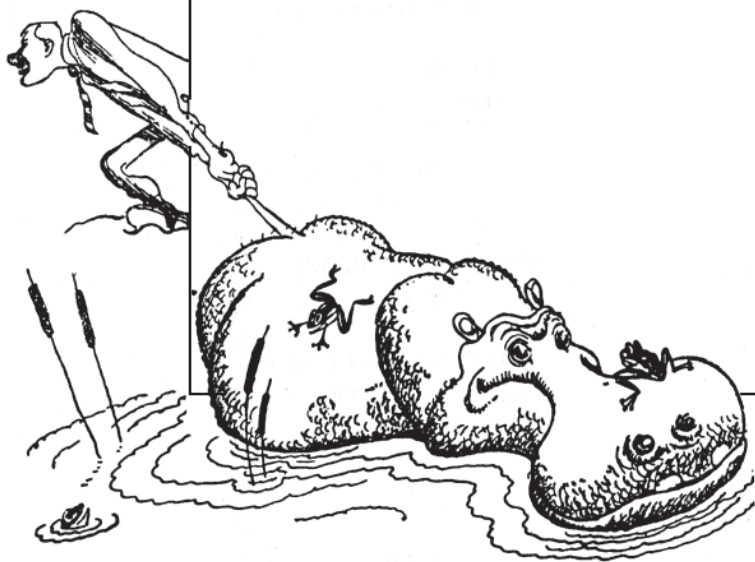
Но когда я беру в руки перо, меня до сих пор не покидает иллюзия, что я все еще молод и что тем, для кого я пишу, еще очень недавно исполнилось двадцать. И что у меня с ними общий язык.

Наивная иллюзия, но без нее я не мог бы ни жить, ни писать, так как (нынче я чувствую это особенно ясно) быть с молодыми — наш радостный долг.

1964

ЧУДО-ДЕРЕВО

и другие сказки

МУХА-ЦОКОТУХА

Муха, Муха-Цокотуха,
Позолоченное брюхо!

Муха по полю пошла,
Муха денежку нашла.

Пошла Муха на базар
И купила самовар:

«Приходите, тараканы,
Я вас чаем угощу!»

Тараканы прибегали,
Все стаканы выпивали,

А букашки —
По три чашки
С молоком
И крендельком:

Нынче Муха-Цокотуха
Именинница!

Приходили к Мухе блошки,
Приносили ей сапожки,

А сапожки не простые —
В них застёжки золотые.

Приходила к Мухе
Бабушка пчела,
Мухе-Цокотухе
Мёду принесла...

«Бабочка красавица,
Кушайте варенье!
Или вам не нравится
Наше угощенье?»

Вдруг какой то старичок
Паучок
Нашу Муху в уголок
Поволок —
Хочет бедную убить,
Цокотуху погубить!

«Дорогие гости, помогите!
Паука-злодея зарубите!
И кормила я вас,
И поила я вас,
Не покиньте меня
В мой последний час!»

Но жуки-червяки
Испугались,
По углам, по щелям
Разбежались:
Тараканы
Под диваны,
А козявочки
Под лавочки,
А букашки под кровать —
Не желают воевать!
И никто даже с места
Не сдвинется:
Пропадай-погибай
Именинница!

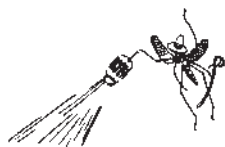
А кузнечик, а кузнечик,
Ну, совсем как человечек,
Скок, скок, скок, скок!
За кусток,
Под мосток
И молчок!

А злодей то не шутит,
Руки ноги он Мухе верёвками крутит,
Зубы острые в самое сердце вонзает
И кровь у неё выпивает.

Муха криком кричит,
Надрывается,
А злодей молчит,
Ухмыляется.

Вдруг откуда то летит
Маленький Комарик,
И в руке его горит
Маленький фонарик.

«Где убийца? Где злодей?
Не боюсь его когтей!»

Подлетает к Пауку,
Саблю вынимает
И ему на всём скаку
Голову срубает!

Муху за руку берёт
И к окошечку ведёт:
«Я злодея зарубил,
Я тебя освободил
И теперь, душа-девица,
На тебе хочу жениться!»

Тут букашки и козявки
Выползают из-под лавки:
«Слава, слава Комару —
Победителю!»

Прибегали светляки,
Зажигали огоньки —
То-то стало весело,
То-то хорошо!

Эй, сороконожки,
Бегите по дорожке,
Зовите музыкантов,
Будем танцевать!

Музыканты прибежали,
В барабаны застучали.

Бом! бом! бом! бом!
Пляшет Муха с Комаром.

А за нею Клоп, Клоп
Сапогами топ, топ!

Козявочки с червяками,
Букашечки с мотыльками.
А жуки рогатые,
Мужики богатые,
Шапочками машут,
С бабочками пляшут.

Тара-ра, тара-ра,
Заплясала мошкара.

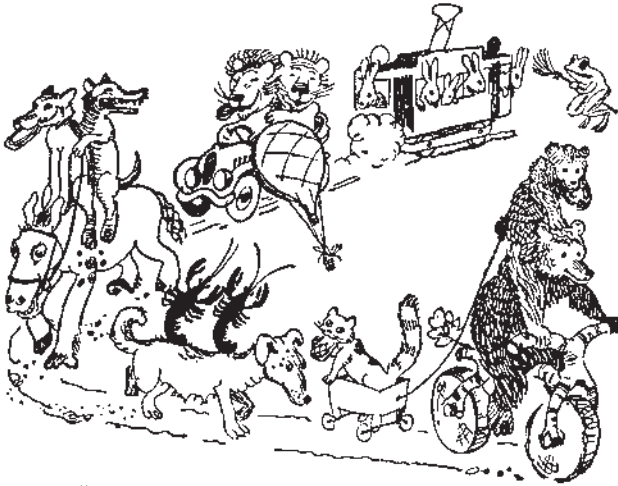
Веселится народ —
Муха замуж идёт
За лихого, удалого,
Молодого Комара!

Муравей, Муравей!
Не жалеет лаптей, —
С Муравьиhoю попрыгивает
И букашечкам подмигивает:

«Вы букашечки,
Вы милашечки,
Тара-тара-тара-тара-таракашечки!»

Сапоги скрипят,
Каблуки стучат, —
Будет, будет мошкара
Веселиться до утра:
Нынче Муха-Цокотуха
Именинница!

ТАРАКАНИЦЕ

Часть первая

Ехали медведи
На велосипеде.

А за ними кот
Задом наперёд.

А за ним комарики
На воздушном шарике.

А за ними раки
На хромой собаке.

Волки на кобыле.
Львы в автомобиле.

Зайчики
В трамвайчике.

Жаба на метле...

Едут и смеются,
Пряники жуют.

Вдруг из подворотни
Страшный великан,
Рыжий и усатый
Та-ра-кан!

Таракан, Таракан, Тараканище!

Он рычит, и кричит,
И усами шевелит:
«Погодите, не спешите,
Я вас мигом проглочу!
Проглочу, проглочу, не помилую».

Звери задрожали,
В обморок упали.

Волки от испуга
Скушали друг друга.

Бедный крокодил
Жабу проглотил.

А слониха, вся дрожа,
Так и села на ежа.

Только раки забияки
Не боятся бою драки;
Хоть и пятятся назад,
Но усами шевелят
И кричат великану усатому:

«Не кричи и не рычи,
Мы и сами усачи,
Можем мы и сами
Шевелить усами!»
И назад ещё дальше попятились.

И сказал Гиппопотам
Крокодилам и китам:

«Кто злодея не боится
И с чудовищем сразится,
Я тому богатырю
Двух лягушек подарю
И еловую шишку пожалуй!»

«Не боимся мы его,
Великана твоего:

Мы зубами,
Мы клыками,
Мы копытами его!»

И весёлою гурьбой
Звери кинулися в бой.

Но, увидев усача
(Ай-ай-ай!),
Звери дали стрекача
(Ай-ай-ай!).

По лесам, по полям разбежались:
Тараканьих усов испугались.

И вскричал Гиппопотам:
«Что за стыд, что за срам!
Эй, быки и носороги,
Выходите из берлоги
И врага
На рога
Поднимите-ка!»

Но быки и носороги
Отвечают из берлоги:
«Мы врага бы
На рога бы,
Только шкура дорога,
И рога нынче тоже не дешёвы».

И сидят и дрожат под кусточками,
За болотными прячутся кочками.

Крокодилы в крапиву забились,
И в канаве слоны схоронились.

Только и слышно, как зубы стучат,
Только и видно, как уши дрожат.

А лихие обезьяны
Подхватили чемоданы
И скорее со всех ног
Наутёк.

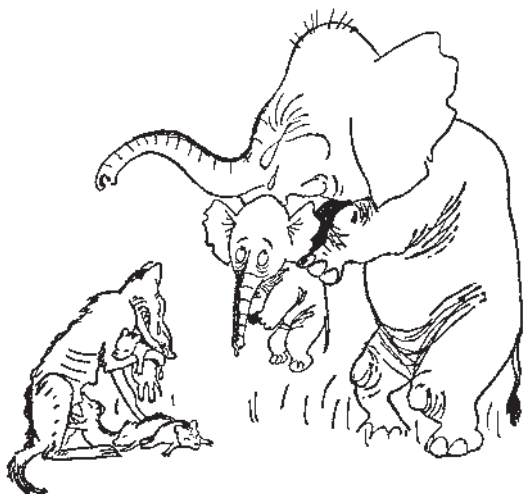
И акула
Увильнула,
Только хвостиком махнула.

А за нею каракатица —
Так и пятится,
Так и катится.

Часть вторая

Вот и стал Таракан победителем,
И лесов и полей повелителем.
Покорилися звери усатому
(Чтоб ему провалиться, проклятому!).
А он между ними похаживает,
Золочёное брюхо поглаживает:
«Принесите ка мне, звери, ваших детушек,
Я сегодня их за ужином скушаю!»

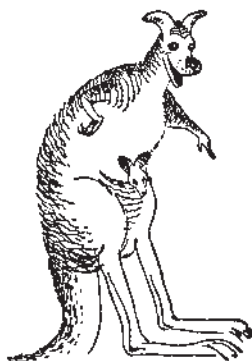

Бедные, бедные звери!
Воют, рыдают, режут!
В каждой берлоге
И в каждой пещере
Злого обжору клянут.

Да и какая же мать
Согласится отдать
Своего дорогого ребёнка —
Медвежонка, волчонка, слонёнка, —
Чтобы несътое чучело
Бедную крошку замучило!

Плачут они, убиваются,
С малышами навеки прощаются.

Но однажды поутру
Прискакала кенгуру,
Увидала усаца,
Закричала сторяча:
«Разве это великан?
(Ха ха ха!)»

Это просто таракан!
(Ха ха ха!)

Таракан, таракан, таракашечка,
Жидконогая козявочка-букашечка.
И не стыдно вам?
Не обидно вам?
Вы — зубастые,
Вы — клыкастые,
А малявочке
Поклонились,
А козявочке
Покорились!»

Испугались бегемоты,
Зашептали: «Что ты, что ты!
Уходи ка ты отсюда!
Как бы не было нам худа!»

Только вдруг из за кусточка,
Из за синего лесочка,
Из далёких из полей
Прилетает Воробей.

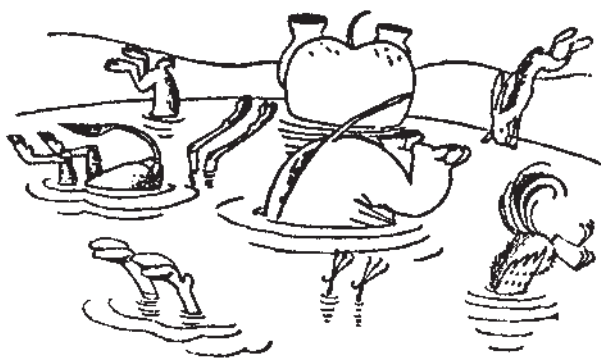
Прыг да прыг
Да чик-чирик,
Чики-рики-чик-чирик!

Взял и клюнул Таракана —
Вот и нету великана.
Поделом великану досталось,
И усов от него не осталось.

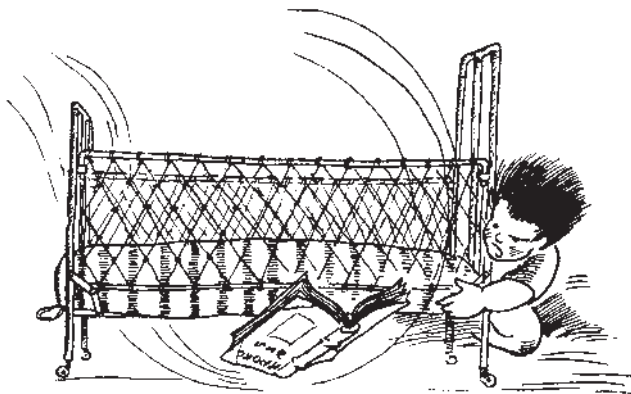
То-то рада, то-то рада
Вся звериная семья,
Прославляют, поздравляют
Удалого Воробья!

Ослы ему славу по нотам поют,
Козлы бороною дорогу метут,
Бараны, бараны
Стучат в барабаны!
Сычи-трубачи
Трубят!
Грачи с каланчи
Кричат!
Летучие мыши
На крыше
Платочками машут
И пляшут.

А слониха-щеголиха
Так отплясывает лихо,
Что румяная луна
В небе задрожала
И на бедного слона
Кубарем упала.

Вот была потом забота —
За луной нырять в болото
И гвоздями к небесам приколачивать!

МОЙДОДЫР

Одеяло
Убежало,
Улетела простыня,
И подушка,
Как лягушка,
Ускакала от меня.

Я за свечку,
Свечка — в печку!
Я за книжку,
Та — бежать
И вприпрыжку
Под кровать!

Я хочу напиться чаю,
К самовару подбегаю,
Но пузатый от меня
Убежал, как от огня.

Пироги
за
утюгами,
Кочерга
за
кушаком —
Всё вертится,
И кружится,
И несётся кувырком.

Вдруг из маминой из спальни,
Кривоногий и хромой,
Выбегает умывальник
И качает головой:

«Ах ты гадкий, ах ты грязный,
Неумытый поросёнок!
Ты чернее трубочиста,
Полюбуйся на себя:
У тебя на шее вакса,
У тебя под носом клякса,
У тебя такие руки,
Что сбежали даже брюки,
Даже брюки, даже брюки
Убежали от тебя.

Рано утром на рассвете
Умываются мышата,
И котята, и утятя,
И жучки, и паучки.

Ты один не умывался
И грязнулею остался,
И сбежали от грязнули
И чулки, и башмаки.

Я – Великий Умывальник,
Знаменитый Мойдодыр,
Умывальников Начальник
И мочалок Командир!

Если топну я ногою,
Позову моих солдат,
В эту комнату толпою
Умывальники влетят,
И залают, и завоюют,
И ногами застучат,
И тебе головомойку,
Неумытому, дадут –
Прямо в Мойку,
Прямо в Мойку
С головою окунут!»

Он ударил в медный таз
И вскричал: «Кара барас!»

И сейчас же щётки, щётки
Затрещали, как трещотки,
И давай меня тереть,
Приговаривать:

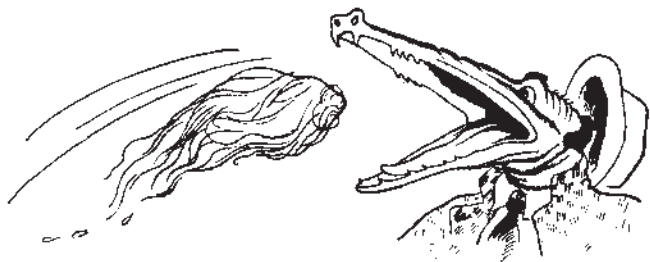
«Моем, моем трубочиста
Чисто, чисто, чисто, чисто!
Будет, будет трубочист
Чист, чист, чист, чист!»

Тут и мыло подскочило
И вцепилось в волоса,
И юлило, и мылило,
И кусало, как оса.

А от бешеной мочалки
Я помчался, как от палки,
А она за мной, за мной
По Садовой, по Сенной.

Я к Таврическому саду,
Перепрыгнул через ограду,
А она за мною мчится
И кусает, как волчица.

Вдруг навстречу мой хороший,
Мой любимый Крокодил.
Он с Тотошей и Кокочей
По аллее проходил
И мочалку, словно галку,
Словно галку, проглотил.

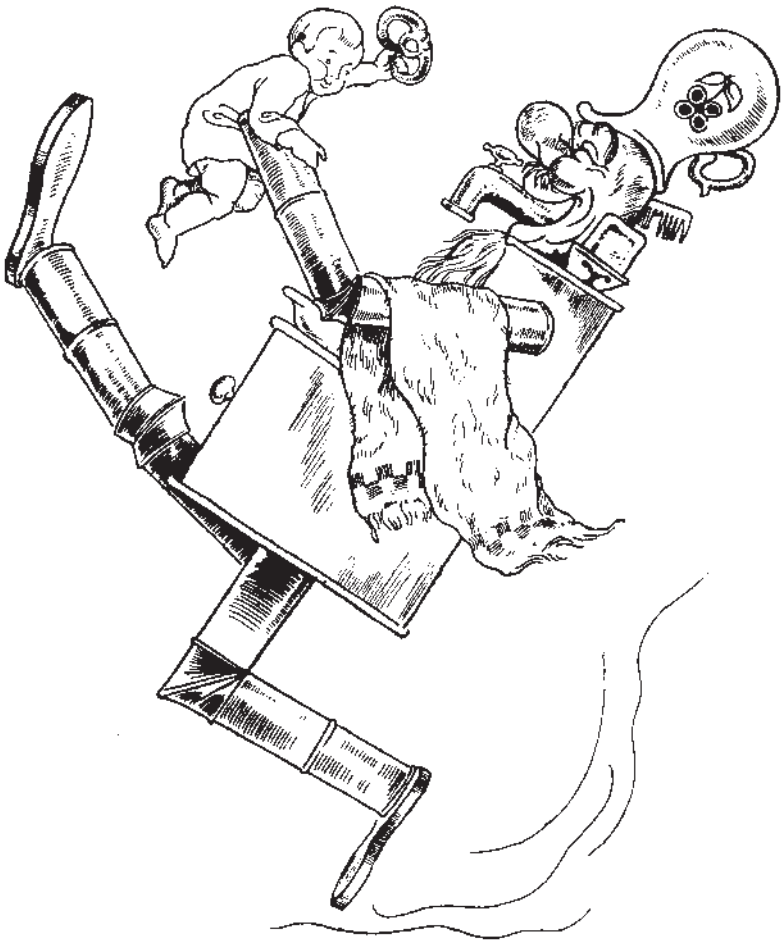
А потом как зарычит
На меня,
Как ногами застучит
На меня:
«Уходи ка ты домой,
Говорит,
Да лицо своё умой,
Говорит,
А не то как налечу,
Говорит,
Растопчу и проглочу!» —
Говорит.

Как пустился я по улице бежать,
Прибежал я к умывальнику опять,
Мылом, мылом,
Мылом, мылом
Умывался без конца,
Смыл и ваксу
И чернила
С неумытого лица.

И сейчас же брюки, брюки
Так и прыгнули мне в руки.

А за ними пирожок:
«Ну ка, съешь меня, дружок!»

А за ним и бутерброд.
Подскочил — и прямо в рот!

Вот и книжка воротилась,
Воротилась тетрадь,
И грамматика пустилась
С арифметикой плясать.

Тут Великий Умывальник,
Знаменитый Мойдодыр,
Умывальников Начальник
И мочалок Командир,

Подбежал ко мне, танцуя,
И, целуя, говорил:

«Вот теперь тебя люблю я,
Вот теперь тебя хвалю я!
Наконец-то ты, грязнуля,
Мойдодыру угодил!»

Надо, надо умываться
По утрам и вечерам,

А нечистым
Трубочистам —
Стыд и срам!
Стыд и срам!

Да здравствует мыло душистое,
И полотенце пушистое,
И зубной порошок,
И густой гребешок!

Давайте же мыться, плескаться,
Купаться, нырять, кувыркаться
В ушате, в корыте, в лохани,
В реке, в ручейке, в океане,
И в ванне, и в бане,
Всегда и везде —
Вечная слава воде!

ЧУДО-ДЕРЕВО

Как у наших у ворот
Чудо-дерево растёт.

Чудо, чудо, чудо, чудо
Расчудесное!

Не листочки на нём,
Не цветочки на нём,
А чулки да башмаки,
Словно яблоки!

Мама по саду пойдёт,
Мама с дерева сорвёт
Туфельки, сапожки,
Новые калошки.

Папа по саду пойдёт,
Папа с дерева сорвёт
Маше — гамаша,
Зинке — ботинки,
Нинке — чулки,

А для Мурочки такие
Крохотные голубые
Вязаные башмачки
И с помпончиками!

Вот какое дерево,
Чудесное дерево!

Эй вы, ребятки,
Голые пятки,
Рваные сапожки,
Дранные калошки,
Кому нужны сапоги,
К чудо-дереву беги!

Лапти созрели,
Валенки поспели,
Что же вы зеваете,
Их не обрываете?

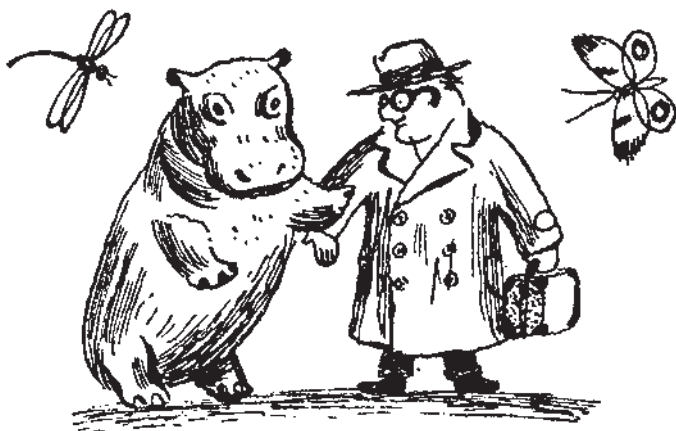
Рвите их, убогие!
Рвите, босоногие!
Не придётс вам опять
По морозу щеголять
Дырками-заплатками,
Голенькими пятками!

ЧТО СДЕЛАЛА МУРА, КОГДА ЕЙ ПРОЧЛИ СКАЗКУ «ЧУДО ДЕРЕВО»»

Мура туфельку снимала,
В огороде закопала:
— Расти, туфелька моя,
Расти, маленькая!
Уж как туфельку мою
Я водичкою полью,
И вырастет дерево,
Чудесное дерево!

Будут, будут босоножки
К чудо-дереву скакать
И румяные сапожки
С чудо дерева срывать,
Приговаривать:
«Ай да Мурочка,
Ай да умница!»

АЙБОЛИТ

1

Добрый доктор Айболит!
Он под деревом сидит.
Приходи к нему лечиться
И корова, и волчица,
И жучок, и червячок,
И медведица!

Всех излечит, исцелит
Добрый доктор Айболит!

2

И пришла к Айболиту лиса:
«Ой, меня укусила оса!»
И пришёл к Айболиту барбос:
«Меня курица клюнула в нос!»

И прибежала зайчиха
И закричала: «Ай, ай!
Мой зайчик попал под трамвай!
Мой зайчик, мой мальчик
Попал под трамвай!
Он бежал по дорожке,
И ему перерезало ножки,
И теперь он больной и хромой,
Маленький зайнышка мой!»

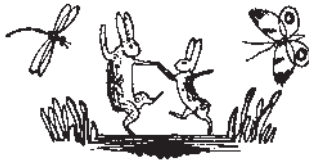

И сказал Айболит: «Не беда!
Подай-ка его сюда!
Я пришью ему новые ножки,
Он опять побежит по дорожке».

И принесли к нему зайку,
Такого больного, хромого,
И доктор пришил ему ножки,
И зайнышка прыгает снова.
А с ним и зайчиха-мать
Тоже пошла танцевать.
И смеётся она, и кричит:
«Ну, спасибо тебе, Айболит!»

3

Вдруг откуда то шакал
На кобыле прискакал:

«Вот вам телеграмма
От Гишпопотама!»

*«Приезжайте, доктор,
В Африку скорей,
И спасите, доктор,
Наших малышей!»*

«Что такое? Неужели
Ваши дети заболели?»

«Да да да! У них ангина,
Скарлатина, холерина,
Дифтерит, аппендицит,
Малярия и бронхит!

Приходите же скорее,
Добрый доктор Айболит!»

«Ладно, ладно, побегу,
Вашим детям помогу.
Только где же вы живёте?
На горе или в болоте?»

«Мы живём на Занзибаре,
В Калахари и Сахаре,
На горе Фернандо-Пó,
Где гуляет Гишпо-пó
По широкой Лимпопó».

4

И встал Айболит, побежал Айболит.
По полям, по лесам, по лугам он бежит.
И одно только слово твердит Айболит:
«Лимпопó, Лимпопó, Лимпопó!»

А в лицо ему ветер, и снег, и град:
«Эй, Айболит, воротися назад!»
И упал Айболит и лежит на снегу:
«Я дальше идти не могу».

И сейчас же к нему из-за ёлки
Выбегают мохнатые волки:
«Садись, Айболит, верхом,
Мы живо тебя доведём!»

И вперёд поскакал Айболит
И одно только слово твердит:
«Лимпопó, Лимпопó, Лимпопó!»

5

Но вот перед ними море
— Бушует, шумит на просторе.
А в море высокая ходит волна,
Сейчас Айболита проглотит она.

«О, если я утону,
Если пойду я ко дну,
Что станется с ними, с больными,
С моими зверями лесными?»

Но тут выплывает кит:
«Садись на меня, Айболит,
И, как большой пароход,
Тебя повезу я вперёд!»

И сел на кита Айболит
И одно только слово твердит:
«Лимпопó, Лимпопó, Лимпопó!»

6

И горы встают перед ним на пути,
И он по горам начинает ползти,
А горы всё выше, а горы всё круче,
А горы уходят под самые тучи!

«О, если я не дойду,
Если в пути пропаду,
Что станется с ними, с больными,
С моими зверями лесными?»

И сейчас же с высокой скалы
К Айболиту слетели орлы:
«Садись, Айболит, верхом,
Мы живо тебя доведём!»

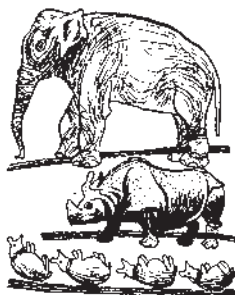
И сел на орла Айболит
И одно только слово твердит:
«Лимпопó, Лимпопó, Лимпопó!»

7

А в Африке,
А в Африке,
На чёрной
Лимпопó,
Сидит и плачет
В Африке
Печальный Гиппопó.

Он в Африке, он в Африке
Под пальмою сидит
И на море из Африки
Без отдыха глядит:
Не едет ли в кораблике
Доктор Айболит?

И рыщут по дороге
Слоны и носороги,
И говорят сердито:
«Что ж нету Айболита?»

А рядом бегемотики
Схватились за животики:
У них, у бегемотиков,
Животики болят.

И тут же страусята
Визжат, как поросята.
Ах, жалко, жалко, жалко
Бедных страусят!

И корь, и дифтерит у них,
И оспа, и бронхит у них,
И голова болит у них,
И горлышко болит.

Они лежат и бредят:
«Ну что же он не едет,
Ну что же он не едет,
Доктор Айболит?»

А рядом прикорнула
Зубастая акула,
Зубастая акула
На солнышке лежит.

Ах, у её малюток,
У бедных акулят,
Уже двенадцать суток
Зубки болят!

И вывихнуто плечико
У бедного кузнечика;
Не прыгает, не скачет он,
А горько горько плачет он,
И доктора зовёт:
«О, где же добрый доктор?
Когда же он придёт?»

8

Но вот, поглядите, какая-то птица
Всё ближе и ближе по воздуху мчится.
На птице, глядите, сидит Айболит
И шляпою машет, и громко кричит:
«Да здравствует милая Африка!»

И рада и счастлива вся детвора:
«Приехал, приехал! Ура! Ура!»

А птица над ними кружится,
А птица на землю садится.
И бежит Айболит к бегемотикам,
И хлопает их по животикам,
И всем по порядку
Даёт шоколадку,
И ставит, и ставит им градусники!

И к полосатым
Бежит он тигрятам,
И к бедным горбатым
Большим верблюжатам,
И каждого гоголем,

Каждого моголем,
Гоголем-моголем,
Гоголем-моголем,
Гоголем-моголем потчует.

Десять ночей Айболит
Не ест, не пьёт и не спит,
Десять ночей подряд
Он лечит несчастных зверят
И ставит, и ставит им градусники.

9

Вот и вылечил он их,
Лимпопо!
Вот и вылечил больных,
Лимпопо!
И пошли они смеяться,
Лимпопо!
И плясать и баловаться,
Лимпопо!

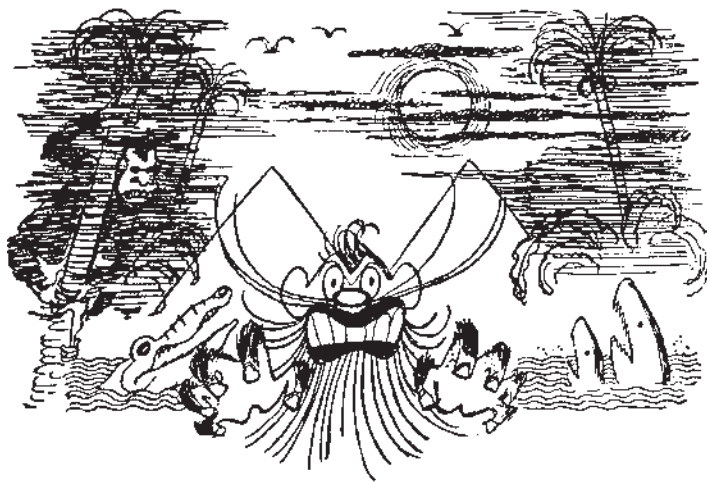

И акула Каракула
Правым глазом подмигнула
И хохочет, и хохочет,
Будто кто её щекочет.

А малютки бегемотики
Ухватились за животики
И смеются, заливаются —
Так что дү бы сотрясаются.

Вот и Гиппо, вот и По́по,
Гиппо-по́по, Гиппо-по́по!
Вот идёт Гиппопотам.
Он идёт от Занзибара,
Он идёт к Килиманджаро —
И кричит он, и поёт он:
«Слава, слава Айболиту!
Слава добрым докторам!»

БАРМАЛЕЙ

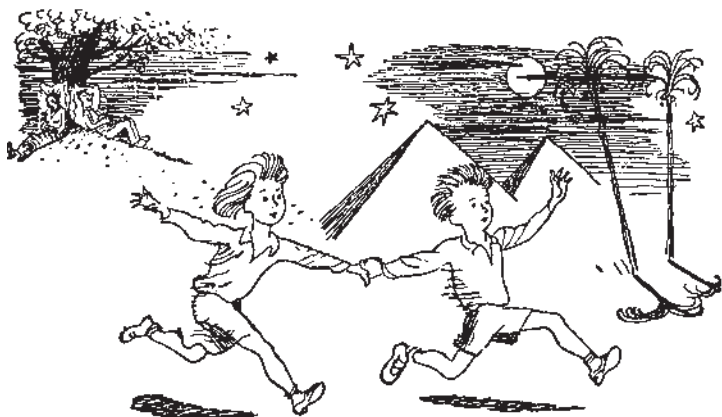
Часть первая

•
•
Маленькие дети!
Ни за что на свете
Не ходите в Африку,
В Африку гулять!
В Африке акулы,
В Африке гориллы,
В Африке большие
Злые крокодилы
Будут вас кусать,
Бить и обижать, —
Не ходите, дети,
В Африку гулять.

В Африке разбойник,
В Африке злодей,
В Африке ужасный
Бар-ма-лей!

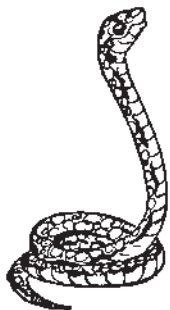

Он бегает по Африке
И кушает детей —
Гадкий, нехороший, жадный Бармалей!

И папочка и мамочка
Под деревом сидят,
И папочка и мамочка
Детям говорят:

«Африка ужасна,
Да-да-да!
Африка опасна,
Да-да-да!
Не ходите в Африку,
Дети, никогда!»

Но папочка и мамочка уснули вечером,
А Танечка и Ванечка — в Африку бегом, —
В Африку!
В Африку!

Вдоль по Африке гуляют,
Фиги-финики срывают, —
Ну и Африка!
Вот так Африка!

Оседлали носорога,
Покатались немного, —
Ну и Африка!
Вот так Африка!

Со слонами на ходу
Поиграли в чехарду, —
Ну и Африка!
Вот так Африка!

Выходила к ним горилла,
Им горилла говорила,
Говорила им горилла,
Приговаривала:

«Вон акула Каракула
Распахнула злую пасть.
Вы к акуле Каракуле
Не хотите ли попасть
Прямо в па-ась?»

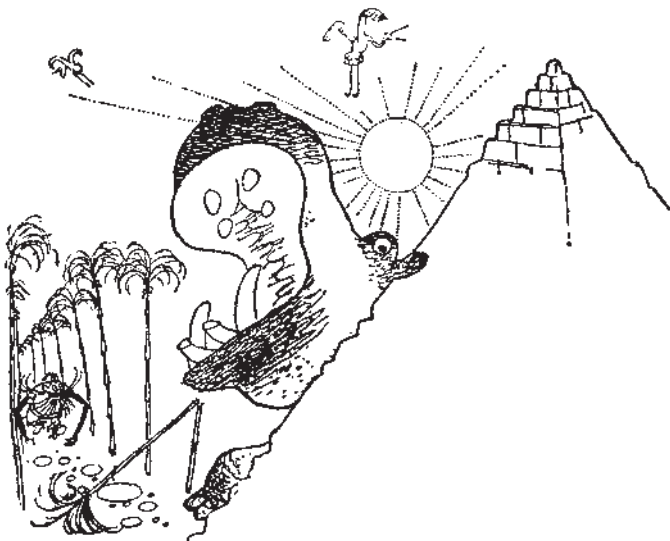
«Нам акула Каракула
Нипочём, нипочём,
Мы акулу Каракулу
Кирпичом, кирпичом,
Мы акулу Каракулу
Кулаком, кулаком!

Мы акулу Каракулу
Каблуком, каблуком!»

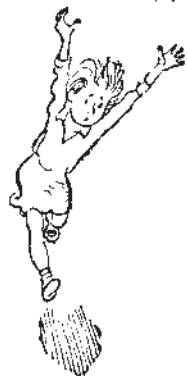
Испугалась акула
И со страху утонула,
— Поделом тебе, акула, поделом!

Но вот по болотам огромный
Идёт и ревёт бегемот,
Он идёт, он идёт по болотам
И громко и грозно ревёт.

А Тania и Ваня хохочут,
Бегемотово брюхо щекочут:
«Ну и брюхо,
Что за брюхо —
Замечательное!»

Не стерпел такой обиды
Бегемот,
Убежал за пирамиды
И ревёт,

Бармалея, Бармалея
Громким голосом
Зовёт:

«Бармалей, Бармалей, Бармалей!
Выходи, Бармалей, поскорей!
Этих гадких детей, Бармалей,
Не жалей, Бармалей, не жалей!»

Часть вторая

Таня Ваня задрожали —
Бармалея увидали.
Он по Африке идёт,
На всю Африку поёт:

«Я кровожадный,
Я беспощадный,
Я злой разбойник Бармалей!
И мне не надо
Ни мармелада,
Ни шоколада,
А только маленьких
(Да, очень маленьких!)
Детей!»

Он страшными глазами сверкает,
Он страшными зубами стучит,
Он страшный костёр зажигает,
Он страшное слово кричит:
«Карабас! Карабас!
Пообедаю сейчас!»

Дети плачут и рыдают,
Бармалея умоляют:

«Милый, милый Бармалей,
Смилуйся над нами,
Отпусти нас поскорей
К нашей милой маме!

Мы от мамы убежать
Никогда не будем
И по Африке гулять
Навсегда забудем!

Милый, милый людоед,
Смилуйся над нами,
Мы дадим тебе конфет,
Чаю с сухарями!»

Но ответил людоед:
«Не-е-ет!!!»

И сказала Таня Ване:
«Посмотри, в аэроплане
Кто-то по́ небу летит.
Это доктор, это доктор,
Добрый доктор Айболит!»

Добрый доктор Айболит
К Тане-Ване подбегает,
Таню-Ваню обнимает
И злодею Бармалею,
Улыбаясь, говорит:

«Ну, пожалуйста, мой милый,
Мой любезный Бармалей,
Развяжите, отпустите
Этих маленьких детей!»

Но злодей Айболита хватает
И в костёр Айболита бросает.
И горит, и кричит Айболит:
«Ай, болит! Ай, болит! Ай, болит!»

А бедные дети под пальмой лежат,
На Бармалея глядят
И плачут, и плачут, и плачут!

Часть третья

Но вот из за Нила
Горилла идёт,
Горилла идёт,
Крокодила ведёт!

Добрый доктор Айболит
Крокодилу говорит:
«Ну, пожалуйста, скорее
Проглотите Бармалея,
Чтобы жадный Бармалей
Не хватал бы,
Не глотал бы
Этих маленьких детей!»

Повернулся,
Улыбнулся,
Засмеялся
Крокодил
И злодея
Бармалея,
Словно муху,
Проглотил!

Рада, рада, рада, рада детвора,
Заплясала, заиграла у костра:

«Ты нас,
Ты нас
От смерти спас,
Ты нас освободил.
Ты в добрый час
Увидел нас,
О добрый
Крокодил!»

Но в животе у Крокодила
Темно, и тесно, и уныло,
И в животе у Крокодила
Рыдает, плачет Бармалей:

«О, я буду добрей,
Полюблю я детей!
Не губите меня!
Пощадите меня!

О, я буду, я буду, я буду добрей!»

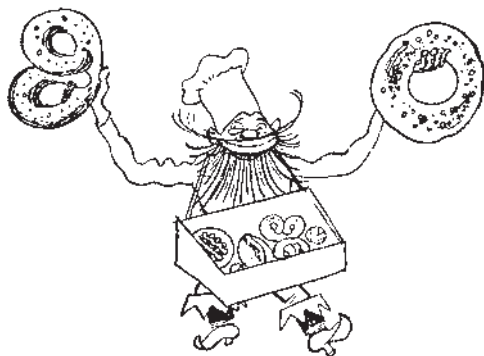
Пожалели дети Бармалея,
Крокодилу дети говорят:
«Если он и вправду сделался добрее,
Отпусти его, пожалуйста, назад!
Мы возьмём с собою Бармалея,
Увезём в далёкий Ленинград!»

Крокодил головою кивает,
Широкую пасть разезает,

– И оттуда, улыбаясь, вылетает Бармалей,
А лицо у Бармалея и добрее и милей:
«Как я рад, как я рад,
Что поеду в Ленинград!»

Пляшет, пляшет Бармалей, Бармалей!
«Буду, буду я добрей, да, добрей!
Напеку я для детей, для детей
Пирогов и кренделей, кренделей!
По базарам, по базарам буду, буду я гулять!
Буду даром, буду даром пироги я раздавать,
Кренделями, калачами ребятишек угощать.

А для Ванечки
И для Танечки
Будут, будут у меня
Мятны прянички!
Пряник мятный,
Ароматный,
Удивительно приятный,
Приходите, получите,
Ни копейки не платите,
Потому что Бармалей
Любит маленьких детей,
Любит, любит, любит, любит,
Любит маленьких детей!»

ТОПТЫГИН И ЛИСА

«Отчего ты плачешь,
Глупый ты Медведь?» —
«Как же мне, Медведю,
Не плакать, не реветь?»

Бедный я, несчастный
Сирота,
Я на свет родился
Без хвоста.

Даже у кудлатых,
У глупых собачат
За спиной весёлые
Хвостики торчат.

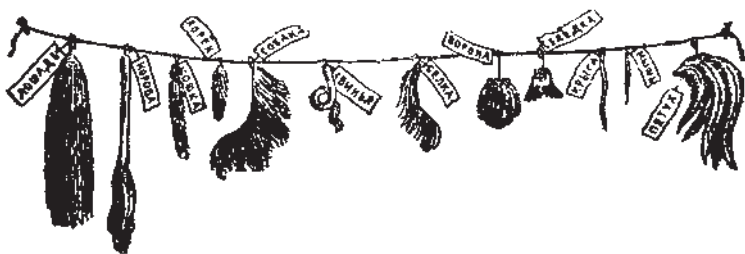
Даже озорные
Дранные коты
Кверху задирают
Рваные хвосты.

Только я, несчастный
Сирота,
По лесу гуляю
Без хвоста.

Доктор, добрый доктор,
Меня ты пожалей,
Хвостик поскорее
Бедному пришей!»

Засмеялся добрый
Доктор Айболит.
Глупому Медведю
Доктор говорит:

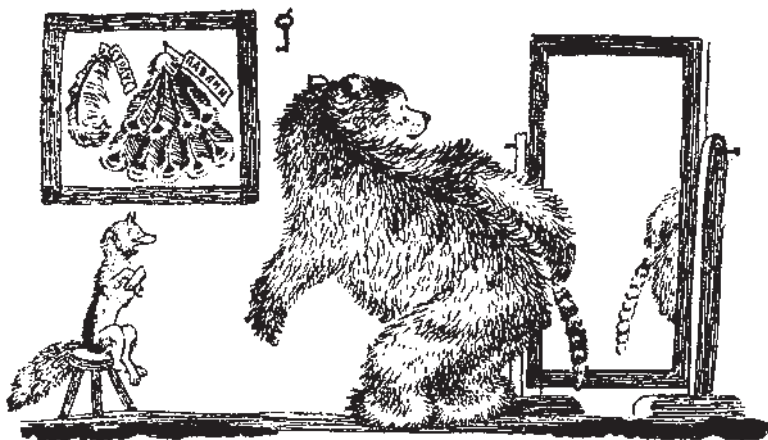
«Ладно, ладно, родной, я готов.
У меня сколько хочешь хвостов.
Есть козлиные, есть лошадиные,
Есть ослиные, длинные-длинные.
Я тебе, сирота, услужу:
Хоть четыре хвоста привяжу...»

Начал Мишка хвосты примерять,
Начал Мишка перед зеркалом гулять:
То кошачий, то собачий прикладывает
Да на Лисоньку сбоку поглядывает.

А Лисица смеётся:
«Уж очень ты прост!
Не такой тебе, Мишенька, надобен хвост!..»

Ты возьми себе лучше павлиний:
Золотой он, зелёный и синий.
То-то, Миша, ты будешь хорош,
Если хвост у павлина возьмёшь!»

А косолапый и рад:
«Вот это наряд так наряд!
Как пойду я павлином
По горам и долинам,
Так и ахнет звериный народ:
Ну что за красавец идёт!»

А медведи, медведи в лесу,
Как увидят мою красу,
Заболеют, бедняги, от зависти!»

Но с улыбкою глядит
На медведя Айболит:
«И куда тебе в павлины!
Ты возьми себе козлиный!»

«Не желаю я хвостов
От баранов и котов!
Подавай ка мне павлиний,

Золотой, зелёный, синий,
Чтоб я по лесу гулял,
Красотою щеголял!»

И вот по горам, по долинам
Мишка шагает павлином,
И блестит у него за спиной
Золотой золотой,
Расписной,
Синий-синий
Павлиний
Хвост.

А Лисица, а Лисица
И юлит, и суетится,
Вокруг Мишеньки похаживает,
Ему пёрышки поглаживает:

«До чего же ты хорош,
Так павлином и плывёшь!

Я тебя и не признала,
За павлина принимала.
Ах, какая красота
У павлиньего хвоста!»

Но тут по болоту охотники шли
И Мишенькин хвост увидали вдали.

«Глядите: откуда такое
В болоте блестит золотое?»

Поскакали по кочкам вприпрыжку
И увидели глупого Мишку.
Перед лужею Мишка сидит,
Словно в зеркало, в лужу глядит,

Всё хвостом своим, глупый, любуется,
Перед Лисонькой, глупый, красуется
И не видит, не слышит охотников,
Что бегут по болоту с собаками.

Вот и взяли бедного
Голыми руками,
Взяли и связали
Кушаками.

А Лисица
Веселится,
Забавляется

Лисица:
«Ох, недолго ты гулял,
Красотою щеголял!
Вот ужо тебе, павлину,
Мужики нагреют спину,
Чтоб не хвастался,
Чтоб не важничал!»

Подбежала — хватъ да хватъ —
Стала перья вырывать.
И весь хвост у бедняги повыдергала.

ТОПТЫГИН И ЛУНА

Как задумал
Медведь
На луну
Полететь:
«Словно птица, туда я вспорхну!»
Медвежата за ним:
«Полетим!
Улетим!
На Луну, на Луну, на Луну!»

Два крыла, два крыла
Им ворона
Дала, —
Два крыла
От большого орла.
А четыре крыла
Им сова
Принесла —
Воробьиных четыре крыла.

Но не может
Взлететь
Косолапый
Медведь,
Он не может,
Не может взлететь.
Он стоит
Под Луной
На поляне
Лесной, —
Косолапый
И глупый
Медведь.

И взбирается он
На большую сосну
И глядит в вышину
На Луну.
А с Луны словно мёд
На поляну течёт,
Золотой
Разливается
Мёд.

«Ах, на милой Луне
Будет весело мне
И порхать, и резвиться, и петь!
О, когда бы скорей
До Луны до моей,
До медовой Луны
Долететь!»

То одной, то другою он лапой махнёт —
И вот-вот улетит в вышину.
То одним, то другим он крылом шевельнёт
И глядит, и глядит на Луну.

А внизу
Под сосной,
На поляне
Лесной,
Ощетинившись,
Волки сидят:
«Эх ты, Мишка шальной,
Не гонись
За Луной,
Воротись, косолапый, назад!»

ФЕДОРИНО ГОРЕ

1

Скачет сито по полям,
А корыто по лугам.

За лопатую метла
Вдоль по улице пошла.

Топоры-то, топоры
Так и сыплются с горы.

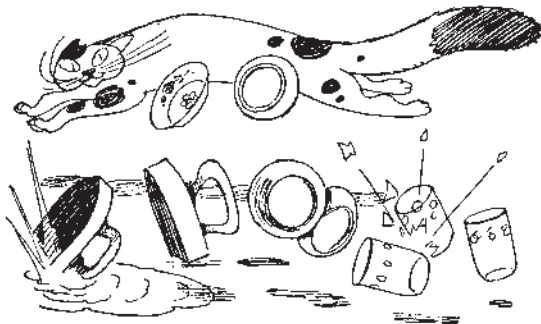
Испугалась коза,
Растопырила глаза:
«Что такое? Почему?
Ничего я не пойму».

2

Но, как чёрная железная нога,
Побежала, поскакала кочерга.

И помчались по улице ножи:
«Эй, держи, держи, держи, держи, держи!»

И кастрюля на бегу
Закричала утюгу:
«Я бегу, бегу, бегу,
Удержаться не могу!»

Вот и чайник за кофейником бежит,
Тараторит, тараторит, дребезжит...

Утюги бегут, побрякивают,
Через лужи, через лужи перескакивают.

А за ними блюдца, блюдца —
Дзынь-ля-ля! Дзынь-ля-ля!
Вдоль по улице несутся —
Дзынь-ля-ля! Дзынь-ля-ля!
На стаканы — дзынь! — натыкаются,
И стаканы — дзынь! — разбиваются.

И бежит, бренчит, стучит сковорода:
«Вы куда? куда? куда? куда? куда?»

А за нею вилки,
Рюмки да бутылки,
Чашки да ложки
Скачут по дорожке.

Из окошка вывалился стол
И пошёл, пошёл, пошёл, пошёл, пошёл...

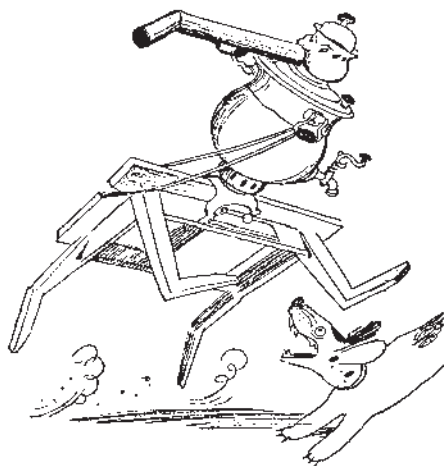
А на нём, а на нём,
Как на лошади верхом,
Самоварище сидит
И товарищам кричит:
«Уходите, бегите, спасайтесь!»

И в железную трубу:
«Бу-бу-бу! Бу-бу-бу!»

3

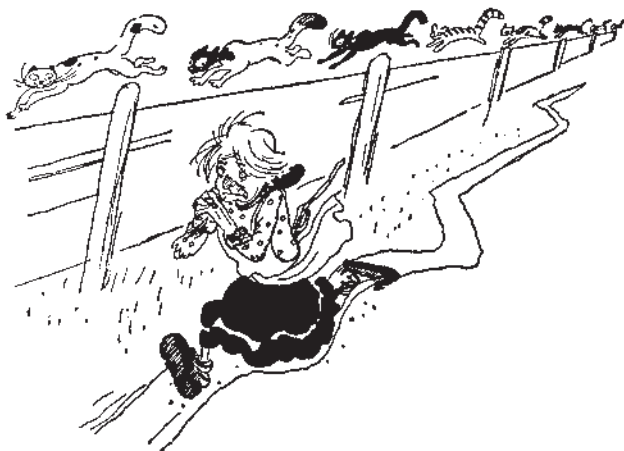
А за ними вдоль забора
Скачет бабушка Федора:
«Ой-ой-ой! Ой-ой-ой!
Воротитесь домой!»

Но ответило корыто:
«На Федору я сердито!»
И сказала кочерга:
«Я Федоре не слуга!»

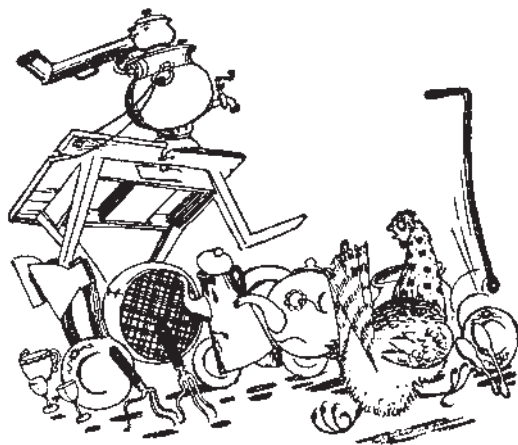
А фарфоровые блюда
Над Федорою смеются:
«Никогда мы, никогда
Не воротимся сюда!»

Тут Федорины коты
Расфуфырили хвосты,
Побежали во всю прыть,
Чтоб посуду воротить:

«Эй вы, глупые тарелки,
Что вы скачете, как белки?
Вам ли бегать за воротами
С воробьями желторотыми?
Вы в канаву упадёте,
Вы утонете в болоте.
Не ходите, погодите,
Воротитесь домой!»

Но тарелки вьются-вьются,
А Федоре не даются:
«Лучше в поле пропадём,
А к Федоре не пойдём!»

4

Мимо курица бежала
И посуду увидала:
«Куд-куда! Куд-куда!
Вы откуда и куда?!»

И ответила посуда:
«Было нам у бабы худо,
Не любила нас она,
Била, била нас она,
Запылила, закоптила,
Загубила нас она!»

«Ко-ко-ко! Ко-ко-ко!
Жить вам было нелегко!»

«Да, — промолвил медный таз, —
Погляди ка ты на нас:
Мы поломаны, побиты,
Мы помоями облиты.
Загляни-ка ты в кадушку —
И увидишь там лягушку.
Загляни-ка ты в ушат —
Тараканы там кишат,

Оттого то мы от бабы
Убежали, как от жабы,
И гуляем по полям,
По болотам, по лугам,
А к неряхе-замарахе
Не воротимся!»

5

И они побежали лесочком,
Поскакали по пням и по кочкам.
А бедная баба одна,
И плачет, и плачет она.
Села бы баба за стол,
Да стол за ворота ушёл.
Сварила бы баба щи,
Да кастрюлю поди поищи!
И чашки ушли, и стаканы,
Остались одни тараканы.
Ой, горе Федоре,
Горе!

6

А посуда вперёд и вперёд
По полям, по болотам идёт.

И чайник шепнул утюгу:
«Я дальше идти не могу».

И заплакали блюда:
«Не лучше ль вернуться?»

И зарыдало корыто:
«Увы, я разбито, разбито!»

Но блюдо сказало: «Гляди,
Кто это там позади?»

И видят: за ними из тёмного бора
Идёт-ковыляет Федора.

Но чудо случилось с ней:
Стала Федора добрей.
Тихо за ними идёт
И тихую песню поёт:

«Ой вы, бедные сиротки мои,
Утюги и сковородки мои!
Вы подите-ка, немытые, домой,
Я водою вас умою ключевой.
Я почищу вас песочком,
Окачу вас кипяточком,
И вы будете опять,
Словно солнышко, сиять,
А поганых тараканов я повыведу,
Прусаков и пауков я повымету!»

И сказала скалка:
«Мне Федору жалко».

И сказала чашка:
«Ах, она бедняжка!»

И сказали блюдца:
«Надо бы вернуться!»

И сказали утюги:
«Мы Федоре не враги!»

7

Долго, долго целовала
И ласкала их она,
Поливала, умывала,
Полоскала их она.

«Уж не буду, уж не буду
Я посуду обижать,
Буду, буду я посуду
И любить, и уважать!»

Засмеялися кастрюли,
Самовару подмигнули:
«Ну, Федора, так и быть,
Рады мы тебя простить!»

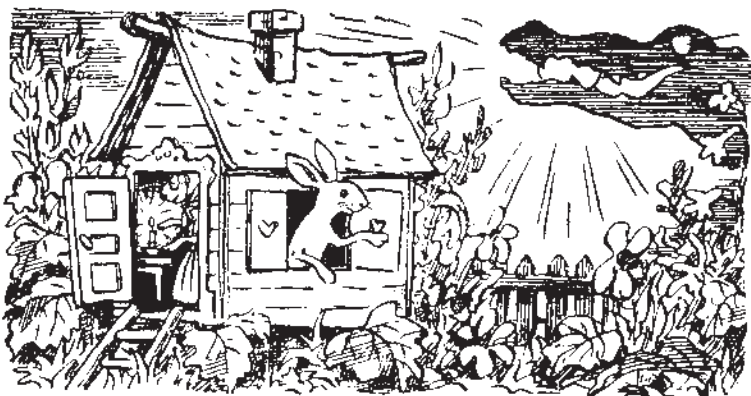
Полетели,
Зазвенели
Да к Федоре прямо в печь!
Стали жарить, стали печь, —
Будут, будут у Федоры и блины, и пироги!

А метла-то, а метла — весела —
Заплясала, заиграла, замела,
Ни пылинки у Федоры не оставила.

И обрадовались блюда:
Дзынь-ля-ля! Дзынь-ля-ля!
И танцуют, и смеются —
Дзынь-ля-ля! Дзынь-ля-ля!

А на белой табуреточке
Да на вышитой салфеточке
Самовар стоит,
Словно жар горит,
И пыхтит, и на бабу поглядывает:
«Я Федорушку прощаю,
Сладким чаем угощаю.
Кушай, кушай, Федора Егоровна!»

КРАДЕНОЕ СОЛНЦЕ

Солнце по́ небу гуляло
И за тучу забежало.
Глянул зайнька в окно,
Стало зайньке темно.

А сороки-
Белобоки
Поскакали по полям,
Закричали журавлям:
«Горе! Горе! Крокодил
Солнце в небе проглотил!»

Наступила темнота,
Не ходи за воротá:
Кто на улицу попал —
Заблудился и пропал.

Плачет серый воробей:
«Выйди, солнышко, скорей!
Нам без солнышка обидно —
В поле зёрнышка не видно!»

Плачут зайки
На лужайке:
Сбились, бедные, с пути,
Им до дому не дойти.

Только раки пучеглазые
По земле во мраке лазают,
Да в овраге за горою
Волки бешеные воют.

Рано-рано
Два барана
Застучали в воротá:
Тра-та-та и тра-та-та!

«Эй вы, звери, выходите,
Крокодила победите,
Чтобы жадный Крокодил
Солнце в небо воротил!»

Но мохнатые боятся:
«Где нам с этаким сражаться!
Он и грозен, и зубаст,
Он нам солнца не отдаст!»

И бегут они к Медведю в берлогу:
«Выходи-ка ты, Медведь, на подмогу.
Полно лапу тебе, лодырю, сосать,
Надо солнышко идти выручать!»

Но Медведю воевать неохота:
Ходит-ходит он, Медведь, круг болота,
Он и плачет, Медведь, и ревёт,
Медвежат он из болота зовёт:

«Ой, куда вы, толстопятые, сгнули?
На кого вы меня, старого, кинули?»

А в болоте Медведица рыщет,
Медвежат под корягами ищет:
«Куда вы, куда вы пропали?
Или в канаву упали?»

Или шальные собаки
Вас разорвали во мраке?»

И весь день она по лесу бродит,
Но нигде медвежат не находит.
Только чёрные совы из чащи
На неё свои очи таращат.

Тут Зайчиха выходила
И Медведю говорила:
«Стыдно старому реветь —
Ты не заяц, а Медведь.
Ты поди-ка, косолапый,
Крокодила исцарапай,
Разорви его на части,
Вырви солнышко из пасти.
И когда оно опять
Будет на небе сиять,
Малыши твои мохнатые,
Медвежата толстопятые,
Сами к дому прибегут:
«Здравствуй, дедушка, мы тут!»»

И встал
Медведь,
Зарычал
Медведь,
И к Большой Реке
Побежал
Медведь.

А в Большой Реке
Крокодил
Лежит,
И в зубах его

Не огонь горит, —
Солнце красное,
Солнце краденое.

Подошёл Медведь тихонько,
Толкнул его легонько:
«Говорю тебе, злодей,
Выплюнь солнышко скорей!
А не то, гляди, поймаю,
Пополам переломаю, —
Будешь ты, невежа, знать
Наше солнце воровать!
Ишь разбойничья порода:
Цапнул солнце с небосвода
И с набитым животом
Завалился под кустом,
Да и хрюкает спросонья,
Словно сытая хавронья.
Пропадает целый свет,
А ему и горя нет!»

Но бессовестный смеётся
Так, что дерево трясётся:
«Если только захочу,
И луну я проглочу!»

Не стерпел
Медведь,
Заревел
Медведь,
И на злого врага
Налетел
Медведь.

Уж он мял его
И ломал его:
«Подавай сюда
Наше солнышко!»

Испугался Крокодил,
Завопил, заголосил,
А из пасти
Из зубастой
Солнце вывалилось,
В небо выкатилось!
Побежало по кустам,
По берёзовым листьям.

Здравствуй, солнце золотое!
Здравствуй, небо голубое!

Стали пташки щебетать,
За букашками летать.

Стали зайки
На лужайке
Кувыркаться и скакать.

И глядите: медвежата,
Как весёлые котята,
Прямо к дедушке мохнатому,
Толстопятые, бегут:
«Здравствуй, дедушка, мы тут!»

Рады зайчики и белочки,
Рады мальчики и девочки,
Обнимают и целуют косолапого:
«Ну, спасибо тебе, дедушка, за солнышко!»

ТЕЛЕФОН

1

У меня зазвонил телефон.

— Кто говорит?

— Слон.

— Откуда?

— От верблюда.

— Что вам надо?

— Шоколада.

— Для кого?

— Для сына моего.

— А много ли прислать?

— Да пудов этак пять

Или шесть:

Больше ему не съесть,

Он у меня ещё маленький!

2

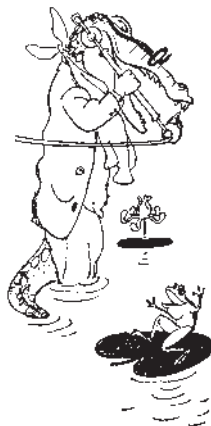
А потом позвонил

Крокодил

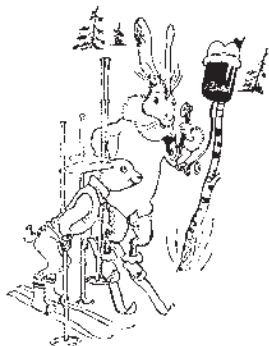
И со слезами просил:

— Мой милый, хороший,
Пришли мне калоши,
И мне, и жене, и Тотоше.

— Постой, не тебе ли
На прошлой неделе
Я выслал две пары
Отличных калош?

— Ах, те, что ты выслал
На прошлой неделе,
Мы давно уже съели
И ждём не дожёмся,
Когда же ты снова пришлѐшь
К нашему ужину
Дюжину
Новых и сладких калош!

3

А потом позвонили зайчатки:
— Нельзя ли прислать перчатки?

А потом позвонили мартышки:
— Пришлите, пожалуйста, книжки!

4

А потом позвонил медведь
Да как начал, как начал реветь.

— Погодите, медведь, не ревите,
Объясните, чего вы хотите?

Но он только «му» да «му»,
А к чему, почему —
Не пойму!

— Повесьте, пожалуйста, трубку!

5

А потом позвонили цапли:
— Пришлите, пожалуйста, капли:
Мы лягушками нынче объелись,
И у нас животы разболелись!

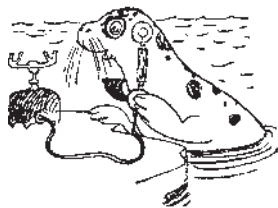
6

А потом позвонила свинья:
— Нельзя ли прислать соловья?
Мы сегодня вдвоём
С соловьём
Чудесную песню
Споём.
— Нет, нет! Соловей
Не поёт для свиней!
Позови-ка ты лучше ворону!

7

И снова медведь:
— О, спасите моржа!
Вчера проглотил он морского ежа!

8

И такая дребедень
 Целый день:
 Динь-ди-лень,
 Динь-ди-лень,
 Динь-ди-лень!
 То тюлень позвонит, то олень.

А недавно две газели
 Позвонили и запели:

— Неужели
 В самом деле
 Все сгорели
 Карусели?

— Ах, в уме ли вы, газели?
 Не сгорели карусели,
 И качели уцелели!
 Вы б, газели, не галдели,
 А на будущей неделе
 Прискакали бы и сели
 На качели-карусели!

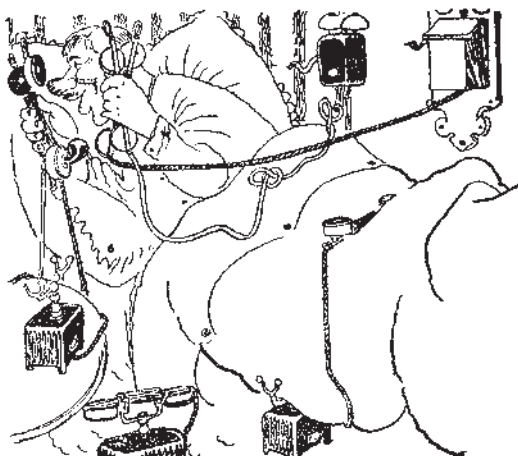
Но не слушали газели
 И по-прежнему галдели:

— Неужели
 В самом деле
 Все качели
 Погорели?

Что за глупые газели!

9

А вчера поутру
 Кенгуру:
 — Не это ли квартира
 Мойдодыра?

Я рассердился да как заору:
— Нет! Это чужая квартира!!!
— А где Мойдодыр?
— Не могу вам сказать...
Позвоните по номеру
Сто двадцать пять.

10

Я три ночи не спал,
Я устал.
Мне бы заснуть,
Отдохнуть...
Но только я лёг —
Звонок!
— Кто говорит?
— Носорог.
— Что такое?
— Беда! Беда!
Бегите скорее сюда!
— В чём дело?
— Спасите!
— Кого?
— Бегемота!

Наш бегемот провалился в болото...

— Провалился в болото?!

— Да!

И ни туда, ни сюда!

О, если вы не придёте, —

Он утонет, утонет в болоте,

Умрёт, пропадёт

Бегемот!!!

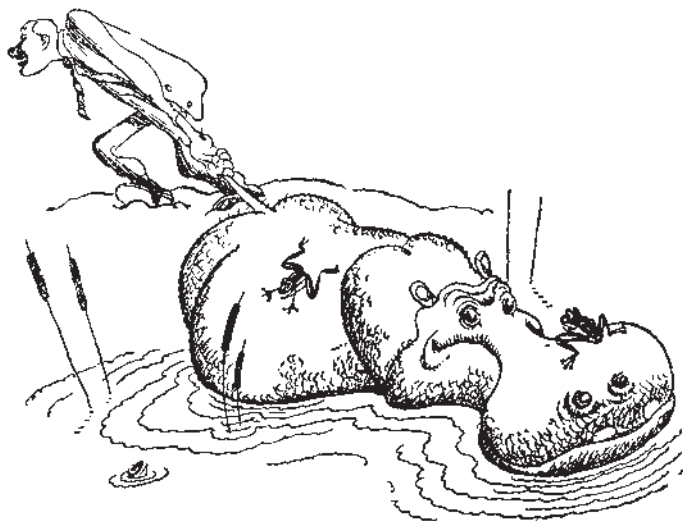
— Ладно! Бегу! Бегу!

Если могу, помогу!

11

Ох, нелёгкая это работа —

Из болота тащить бегемота!

ПУТАНИЦА

Замяукали котята:
«Надоело нам мяукать!
Мы хотим, как поросята,
Хрюкать!»

А за ними и утята:
«Не желаем больше крякать!
Мы хотим, как лягушата,
Квакать!»

Свинки замяукали:
Мяу, мяу!

Кошечки захрюкали:
Хрю, хрю, хрю!

Уточки заквакали:
Ква, ква, ква!

Курочки закрякали:
Кря, кря, кря!

Воробышек прискакал
И коровой замычал:
Му-у-у!

Прибежал медведь
И давай реветь:
Ку-ка-ре-ку!

И кукушка на суку:
«Не хочу кричать куку,
Я собакою залаю:
Гав, гав, гав!»

Только зайчика
Был паинька:
Не мяукал
И не хрюкал —
Под капустою лежал,
По-заячьи лопотал
И зверюшек неразумных
Уговаривал:

«Кому велено чирикать —
Не мурлькайте!
Кому велено мурлькать —
Не чирикайте!
Не бывать вороне коровою,
Не летать лягушатам под облаком!»

Но весёлые зверята —
Поросята, медвежата —
Пуще прежнего шалят,
Зайца слушать не хотят.

Рыбы по полю гуляют,
Жабы по небу летают,

Мыши кошку изловили,
В мышеловку посадили.

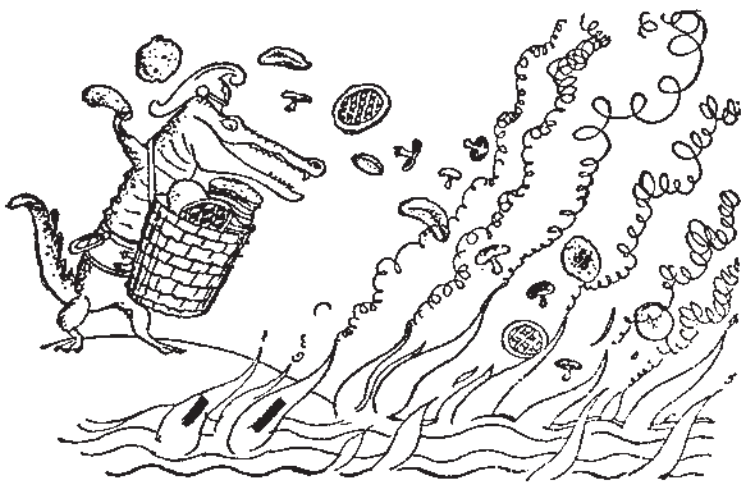
А лисички
Взяли спички,
К морю синему пошли,
Море синее зажгли.

Море пламенем горит,
Выбежал из моря кит:
«Эй, пожарные, бегите!
Помогите, помогите!»

Долго, долго крокодил
Море синее тушил
Пирогами, и блинами,
И сушёными грибами.

Прибегали два курчонка,
Поливали из бочонка.

Приплывали два ерша,
Поливали из ковша.

Прибегали лягушата,
Поливали из ушата.

Тушат, тушат – не потушат,
Заливают – не зальют.

Тут бабочка прилетала,
Крыльшками помахала,
Стало море потухать –
И потухло.

Вот обрадовались звери!
Засмеялись и запели,
Ушками захлопали,
Ножками затопали.

Гуси начали опять
По-гусиному кричать:
Га-га-га!

Кошки замурлыкали:
Мур-мур-мур!

Птицы зачирикали:
Чик-чирик!

Лошади заржали:
И-и-и!

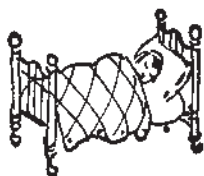
Мухи жажужжали:
Ж-ж-ж!

Лягушата квакают:
Ква-ква-ква!

А утята крякают:
Кря-кря-кря!

Поросята хрюкают:
Хрю-хрю-хрю!

Мурочку баюкают
Милую мою:
Баюшки-баю!
Баюшки-баю!

КРОКОДИЛ

(Старая престарая сказка)

Часть первая

1

Жил да был
Крокодил.
Он по улицам ходил,
Папиросы курил,
По турецки говорил, —
Крокодил, Крокодил Крокодилович!

2

А за ним-то народ
И поёт и орёт:
— Вот урод так урод!
Что за нос, что за рот!
И откуда такое чудовище?

3

Гимназисты за ним,
Трубочисты за ним,
И толкают его,
Обижают его;
И какой то малыш
Показал ему шиш,
И какой то барбос
Укусил его в нос, —
Нехороший барбос, невоспитанный.

4

Оглянулся Крокодил
И барбоса проглотил,
Проглотил его вместе с ошейником.

5

Рассердился народ,
И зовёт, и орёт:
— Эй, держите его,
Да вяжите его,
Да ведите скорее в полицию!

6

Он вбегает в трамвай,
Все кричат: — Ай ай ай! —
И бегом,
Кувырком,
По домам,
По углам:
— Помогите! Спасите! Помилуйте!

7

Подбежал городской:
— Что за шум? Что за вой?
Как ты смеешь тут ходить,
По-турецки говорить?
Крокодилам тут гулять воспрещается.

8

Усмехнулся Крокодил
И беднягу проглотил,
Проглотил с сапогами и шашкою.

9

Все от страха дрожат,
Все от страха визжат.
Лишь один
Гражданин
Не визжал,
Не дрожал —
Это доблестный Ваня Васильчиков.

10

Он боец,
Молодец,
Он герой
Удалой:
Он без няни гуляет по улицам.

11

Он сказал: — Ты злодей,
Пожираешь людей,
Так за это мой меч —
Твою голову с плеч! —
И взмахнул своей саблей игрушечной.

12

И сказал Крокодил:
— Ты меня победил!
Не губи меня, Ваня Васильчиков!
Пожалей ты моих крокодильчиков!
Крокодильчики в Ниле плескаются,
Со слезами меня дожидаются,
Отпусти меня к деточкам, Ванечка,
Я за то подарю тебе пряничка.

13

Отвечал ему Ваня Васильчиков:
— Хоть и жаль мне твоих крокодильчиков,
Но тебя, кровожадную гадину,
Я сейчас изрублю, как говядину.
Мне, обжора, жалеть тебя нечего:
Много мяса ты съел человеческого.

14

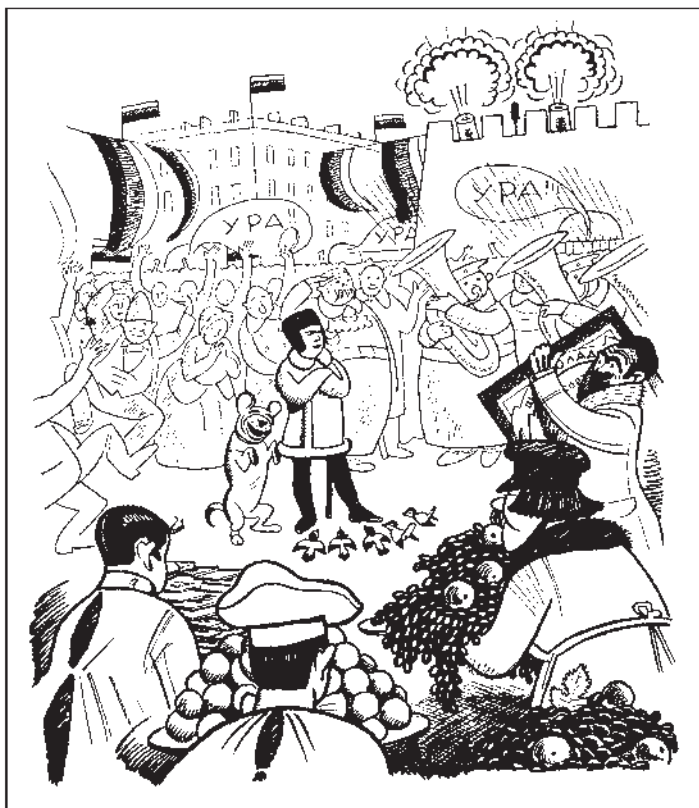
И сказал крокодил:
— Всё, что я проглотил,
Я обратно отдам тебе с радостью!

15

И вот живой
Городовой
Явился вмиг перед толпой:
Утроба Крокодила
Ему не повредила.

16

И Дружок
В один прыжок
Из пасти Крокодила
Скок!

Ну от радости плясать,
Щёки Ванины лизать.

17

Трубы затрубили,
Пушки запалили!
Очень рад Петроград —
Все ликуют и танцуют,
Ваню милого целуют,
И из каждого двора
Слышно громкое «ура».
Вся столица украсилась флагами.

18

Спаситель Петрограда
От яростного гада,
Да здоровствует Ваня Васильчиков!

19

И дать ему в награду
Сто фунтов винограду,
Сто фунтов мармеладу,
Сто фунтов шоколаду
И тысячу порций мороженого!

20

А яростного гада
Долой из Петрограда:
Пусть едет к своим крокодильчикам!

21

Он вскочил в аэроплан,
Полетел, как ураган,
И ни разу назад не оглядывался,

И домчался стрелой
До сторонки родной,
На которой написано: «Африка».

22

Прыгнул в Нил
Крокодил,
Прямо в ил
Угодил,
Где жила его жена Крокодилица,
Его детушек кормилица-поилица.

Часть вторая

1

Говорит ему печальная жена:
— Я с детишками намучилась одна:
То Кокошенька Лелёшеньку разит,
То Лелёшенька Кокошеньку тузит.
А Тотошенька сегодня нашалил:
Выпил целую бутылочку чернил.
На колени я поставила его

И без сладкого оставила его.
У Кокошеньки всю ночь был сильный жар:
Проглотил он по ошибке самовар, —
Да, спасибо, наш аптекарь Бегемот
Положил ему лягушку на живот. —
Опечалился несчастный Крокодил
И слезу себе на брюхо уронил:
— Как же мы без самовара будем жить?
Как же чай без самовара будем пить?

2

Но тут распахнулись двери,
В дверях показались звери:
Гиены, удавы, слоны,
И страусы, и кабаны,
И Слониха-
Щеголиха,
Стопудовая купчиха,
И Жираф —
Важный граф,
Вышиною с телеграф, —
Всё приятели-друзья,
Всё родня и кумовья.
Ну соседа обнимать,
Ну соседа целовать:
— Подавай-ка нам подарочки заморские!

3

Отвечает Крокодил:
— Никого я не забыл,
И для каждого из вас
Я подарочки припас!
Льву —
Халву,
Мартышке —
Коврижки,

Орлу —
Пастилу,
Бегемотику —
Книжки,
Буйволу — удочку,
Страусу — дудочку,
Слонихе — конфет,
А слону — пистолет...

4

Только Тотошеньке,
Только Кокошеньке
Не подарил
Крокодил
Ничегошеньки.

Плачут Тотоша с Кокошей:
— Папочка, ты нехороший:
Даже для глупой Овцы
Есть у тебя леденцы.
Мы же тебе не чужие,
Мы твои дети родные,
Так отчего, отчего
Ты нам не привёз ничего?

5

Улыбнулся, засмеялся Крокодил:
— Нет, проказники, я вас не позабыл:
Вот вам ёлочка душистая, зелёная,
Из далёкой из России привезённая,
Вся чудесными увешана игрушками,
Золочёными орешками, хлопушками.
То-то свечки мы на ёлочке зажжём,
То-то песенки мы ёлочке споём:
«Человечьим ты служила малышам,
Послужи теперь и нам, и нам, и нам!»

6

Как услышали про ёлочку слоны,
Ягуары, павианы, кабаны,
Тотчас за руки
На радостях взялись
И вокруг ёлочки
Вприсядку понеслись.

Не беда, что, расплясавшись, Бегемот
Повалил на Крокодилицу комод,
И с разбегу круторогий Носорог
Рогом, рогом зацепился за порог.
Ах, как весело, как весело Шакал
На гитаре плясовую заиграл!
Даже бабочки упёрлися в бока,
С комарами заплясали трепака.
Пляшут чижики и зайчики в лесах,
Пляшут раки, пляшут окуни в морях,
Пляшут в поле червячки и паучки,
Пляшут божии коровки и жучки.

7

Вдруг забили барабаны,
Прибежали обезьяны:
— Трам-там-там! Трам-там-там!
Едет к нам Гиппопотам.
— К нам —
Гиппопотам?!

— Сам —
Гиппопотам?!
— Там —
Гиппопотам?!¹

Ах, какое поднялось рычанье,
Верещанье, и бляенье, и мычанье:
— Шутка ли, ведь сам Гиппопотам
Жаловать сюда изволит к нам!

Крокодилица скорее убежала
И Кокошу и Тотошу причесала.
А взволнованный, дрожащий Крокодил
От волнения салфетку проглотил.

¹ Некоторые думают, будто Гиппопотам и Бегемот — одно и то же. Это неверно. Бегемот — аптекарь, а Гиппопотам — царь.

И встал печальный Крокодил
И медленно заговорил:

— Узнайте, милые друзья,
Потрясена душа моя,
Я столько горя видел там,
Что даже ты, Гиппопотам,
И то завыл бы, как щенок,
Когда б его увидеть мог.
Там наши братья, как в аду —
В Зоологическом саду.

О, этот сад, ужасный сад!
Его забыть я был бы рад.
Там под бичами сторожей
Немало мучится зверей,
Они стенают, и зовут,
И цепи тяжкие грызут,
Но им не вырваться сюда
Из тесных клеток никогда.

Там слон — забава для детей,
Игрушка глупых малышей.
Там человечья мелюзга
Оленю теревит рога
И буйволу щекочет нос,
Как будто буйвол — это пёс.
Вы помните, меж нами жил
Один весёлый крокодил...
Он мой племянник. Я его
Любил, как сына своего.
Он был проказник, и плясун,
И озорник, и хохотун,
А ныне там передо мной,
Измученный, полуживой,
В лохани грязной он лежал
И, умирая, мне сказал:

«Не проклиная палачей,
Ни их цепей, ни их бичей,
Но вам, предатели друзья,
Проклятье посылаю я.
Вы так могучи, так сильны,
Удавы, буйволы, слоны,
Мы каждый день и каждый час
Из наших тюрем звали вас
И ждали, верили, что вот
Освобождение придёт,
Что вы нахлынете сюда,
Чтобы разрушить навсегда
Людские, злые города,
Где ваши братья и сыны
В неволе жить обречены!» —
Сказал и умер.

Я стоял

И клятвы страшные давал
Злодеям людям отомстить
И всех зверей освободить.
Вставай же, сонное зверьё!
Покинь же логово своё!
Вонзи в жестокого врага
Клыки, и когти, и рога!

Там есть один среди людей
— Сильнее всех богатырей!
Он страшно грозен, страшно лют,
Его Васильчиков зовут,
И я за голову его
Не пожалел бы ничего!

10

Ощетинились зверюги и, оскалившись, кричат:
— Так веди нас за собою на проклятый Зоосад,
Где в неволе наши братья за решётками сидят!

Мы решётки поломаем, мы оковы разобьём,
И несчастных наших братьев из неволи мы спасём.
А злодеев забодаем, исуcaем, загрызём!

Через болота и пески
Идут звериные полки,
Их воевода впереди,
Скрестивши руки на груди.
Они идут на Петроград,
Они сожрать его хотят,
И всех людей,
И всех детей
Они без жалости съедят.
О бедный, бедный Петроград!

Часть третья

1

Милая девочка Лялечка!
С куклой гуляла она
И на Таврической улице
Вдруг увидала Слона.

Боже, какое страшилище!
Ляля бежит и кричит.
Глядь, перед ней из-под мостика
Высунул голову Кит.

Лялечка плачет и пятится,
Лялечка маму зовёт...
А в подворотне на лавочке
Страшный сидит Бегемот.

Змеи, шакалы и буйволы
Всюду шипят и рычат.
Бедная, бедная Лялечка!
Беги без оглядки назад!

Лялечка лезет на дерево,
Куклу прижала к груди.
Бедная, бедная Лялечка!
Что это там впереди?

Гадкое чучело-чудище
Скалит клыкастую пасть,
Тянется, тянется к Лялечке,
Лялечку хочет украсть.

Лялечка прыгнула с дерева,
Чудище прыгнуло к ней,
Сцапало бедную Лялечку
И убежало скорей.

А на Таврической улице
Мамочка Лялечку ждёт:
— Где моя милая Лялечка?
Что же она не идёт?

2

Дикая Горилла
Лялю утащила
И по тротуару
Побежала вскачь.

Выше, выше, выше,
Вот она на крыше,
На седьмом этаже
Прыгает, как мяч.

На трубу вспорхнула,
Сажи зачерпнула,
Вымазала Лялю,
Села на карниз.

Села, задремала,
Лялю покачала
И с ужасным криком
Кинулася вниз.

3

Закрывайте окна, закрывайте двери,
Полезайте поскорее под кровать,
Потому что злые, яростные звери
Вас хотят на части, на части разорвать!

Кто, дрожа от страха, спрятался в чулане,
Кто в собачьей будке, кто на чердаке...
Папа схоронился в старом чемодане,
Дядя под диваном, тётя в сундуке.

4

Где найдётся такой
Богатырь удалой,
Что побьёт крокодилово полчище?

Кто из лютых когтей
Разъярённых зверей
Нашу бедную Лялечку вызволит?

Где же вы, удалыцы,
Молодцы-храбрецы?
Что же вы, словно трусы, попрятались?

Выходите скорей,
Прогоните зверей,
Защитите несчастную Лялечку!

Все сидят, и молчат,
И, как зайцы, дрожат,
И на улицу носа не высунут!

Лишь один гражданин
Не бежит, не дрожит —
Это доблестный Ваня Васильчиков.

Он ни львов, ни слонов,
Ни лихих кабанов
Не боится, конечно, ни капельки!

5

Они рычат, они визжат,
Они сгубить его хотят,
Но Ваня смело к ним идёт
И пистолетик достаёт.

Пиф-паф! – и яростный Шакал
Быстрее лани ускакал.

Пиф-паф! – и Буйвол наутёк,
За ним в испуге Носорог.

Пиф-паф! – и сам Гиппопотам
Бежит за ними по пятам.

И скоро дикая орда
Вдали исчезла без следа.

И счастлив Ваня, что пред ним
Враги рассеялись как дым.

Он победитель! Он герой!
Он снова спас свой край родной.

И вновь из каждого двора
К нему доносится «ура».

И вновь весёлый Петроград
Ему подносит шоколад.

Но где же Ляля? Ляли нет!
От девочки пропал и след!

Что, если жадный Крокодил
Её схватил и проглотил?

6

Кинулся Ваня за злыми зверями:
— Звери, отдайте мне Лялю назад! —
Бешено звери сверкают глазами,
Лялю отдать не хотят.

— Как же ты смеешь, — вскричала Тигрица, —
К нам приходите за сестрою твоей,
Если моя дорогая сестрица
В клетке томится у вас, у людей!

Нет, ты разбей эти гадкие клетки,
Где на потеху двуногих ребят
Наши родные мохнатые детки,
Словно в тюрьме, за решёткой сидят!

В каждом зверинце железные двери
Ты распахни для пленённых зверей,
Чтобы оттуда несчастные звери
Выйти на волю могли поскорей!

Если любимые наши ребята
К нам возвратятся в родную семью,
Если из плена вернутся тигрята,
Львята с лисятами и медвежата —
Мы отдадим тебе Лялю твою.

7

Но тут из каждого двора
Сбежалась к Ване детвора:

— Веди нас, Ваня, на врага,
Нам не страшны его рога!

И грянул бой! Война! Война!
И вот уж Ляля спасена.

И вскричал Ванюша:
 — Радуйтесь, звери!
 Вашему народу
 Я даю свободу,
 Свободу я даю!

Я клетки поломаю,
 Я цепи разбросаю,
 Железные решётки
 Навеки разобью!

Живите в Петрограде,
 В уюте и прохладе,
 Но только, Бога ради,
 Не ешьте никого:

Ни пташки, ни котёнка,
 Ни малого ребёнка,
 Ни Лялечкиной мамы,
 Ни папы моего!

Да будет пища ваша —
 Лишь чай, да простокваша,
 Да гречневая каша
 И больше ничего.

(Тут голос раздался Кокоши:
 — А можно мне кушать калоши? —
 Но Ваня ответил: — Ни-ни,
 Боже тебя сохрани.)

— Ходите по бульварам,
 По лавкам и базарам,
 Гуляйте где хотите,
 Никто вам не мешай!

Живите вместе с нами,
И будемте друзьями:
Довольно мы сражались
И крови пролили!

Мы ружья поломаем,
Мы пули закопаем,
А вы себе спилите
Копыта и рога!

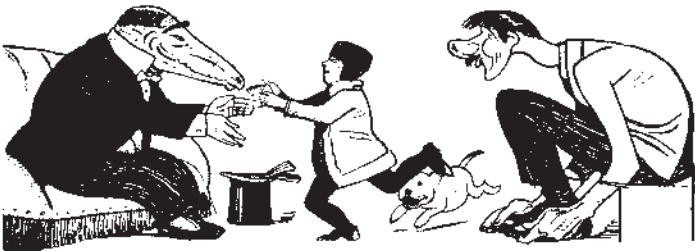
Быки и носороги,
Слоны и осьминоги,
Обнимемте друг друга,
Пойдёмте танцевать!

9

И наступила тогда благодать:
Некого больше лягать и бодать.

Смело навстречу иди Носорогу —
Он и букашке уступит дорогу.

Вежлив и кроток теперь Носорог:
Где его прежний пугающий рог?

Вон по бульвару гуляет Тигрица —
Ляля ни капли её не боится:

Что же бояться, когда у зверей
Нету теперь ни рогов, ни когтей!

Ваня верхом на Пантеру садится
И, торжествуя, по улице мчится.

Или возьмёт оседлает Орла
И в поднебесье летит, как стрела.

Звери Ванюшу так ласково любят,
Звери балуют его и голубят.

Волки Ванюше пекут пироги,
Кролики чистят ему сапоги.

По вечерам быстроглазая Серна
Ване и Ляле читает Жюль Верна,

А по ночам молодой Бегемот
Им колыбельные песни поёт.

Вон вокруг Медведя столпилися детки —
Каждому Мишка даёт по конфетке.

Вон, погляди, по Неве по реке
Волк и Ягнёнок плывут в челноке.

Счастливы люди, и звери, и гады,
Рады верблюды, и буйволы рады.

Нынче с визитом ко мне приходил —
Кто бы вы думали? — сам Крокодил.

Я усадил старика на диванчик,
Дал ему сладкого чаю стаканчик.

Вдруг неожиданно Ваня вбежал
И, как родного, его целовал.

Вот и каникулы! Славная ёлка
Будет сегодня у серого Волка.

Много там будет весёлых гостей.
Едемте, дети, туда поскорей!

ЦЫПЛЁНОК

Жил на свете цыплёнок. Он был маленький. Вот такой:

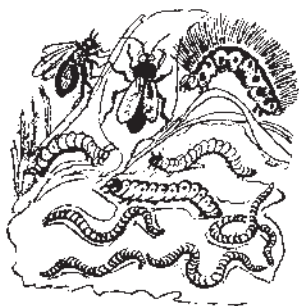
Но он думал, что он очень большой, и важно задирает голову. Вот так:

И была у него мама. Мама его очень любила. Мама была вот такая:

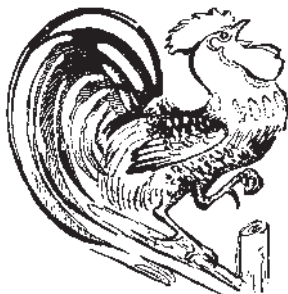
Мама кормила его червяками. И были эти червяки вот такие:

Как-то раз налетел на маму Чёрный Кот и погнал её прочь со двора. И был Чёрный Кот вот такой:

Цыплёнок остался у забора один. Вдруг он видит: взлетел на забор красивый большой петух, вытянул шею вот так:

И во всё горло закричал: «Кукареку!» И важно посмотрел по сторонам: «Я ли не удалец? Я ли не молодец?»

Цыплёнку это очень понравилось. Он тоже вытянул шею. Вот так:

И что было силы запищал: «Пи-пи-пи-пи! Я тоже удалец! Я тоже молодец!» Но споткнулся и шлёпнулся в лужу. Вот так:

В луже сидела лягушка. Она увидела его и засмеялась: «Ха-ха-ха! Ха-ха-ха! Далеко тебе до петуха!» А была лягушка вот такая:

Тут к цыплёнку подбежала мама. Она пожалела и приласкала его. Вот так:

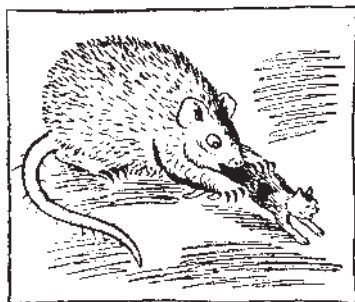
ТАК И НЕ ТАК

1

— Боба, — сказала Мура, — нарисуй мне, пожалуйста, кошку и мышку.

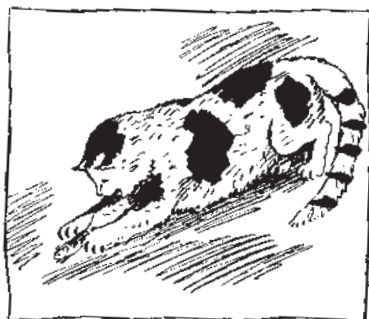
— Кошку и мышку? — сказал Боба. — Отлично! Нарисую тебе кошку и мышку.

И он нарисовал вот такую картинку:

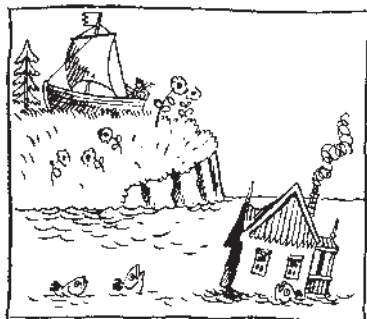
— Ах, какой ты, Боба, смешной, — сказала Мура. — Разве может мышка кошку сцапать! Ведь мышка маленькая, а кошка большая. Пожалуйста, нарисуй мне другую картинку, получше.

— Неужели я ошибся? — сказал Боба.
И нарисовал вот такую картинку:

— Теперь хорошо, — сказала Мура. — Всё на своём месте, где надо. А сейчас нарисуй мне, пожалуйста, лодочку и маленький домик.

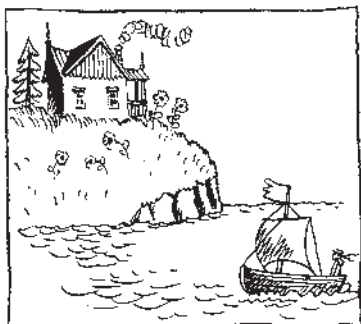
— Ладно, — сказал Боба и нарисовал вот такую картинку:
Мура засмеялась и сказала:

— Ты опять нарисовал чепуху! Ну подумай сам: разве может домик стоять на воде, а кораблик плавать по земле?

4

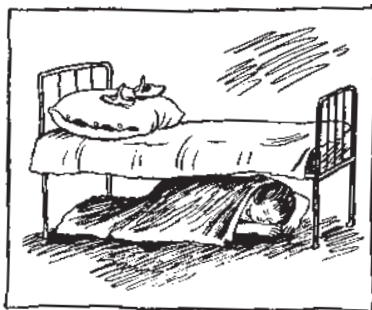
— Верно, верно, — сказал Боба. — Как это я раньше не подумал! Кораблик надо в речку, а домик на горку!
И нарисовал вот такую картинку:

5

— Видишь, — сказала Мура, — какая отличная вышла картинка! Всё на своём месте, как надо. А теперь нарисуй мне, пожалуйста, кровать и девочку Люшеньку.

— Ладно, — сказал Боба. — Вот тебе кровать и вот тебе Люшенька!

— Ах, Боба, какой ты ужасный! Ты испортил, ты испортил всю картинку! Где это ты видел, чтобы дети клали башмаки на подушку, а сами ложились бы спать под кровать?

— Ай-ай-ай! — вскричал Боба. — Какой я рассеянный! Рассеянный с Бассейной! И он нарисовал вот такую картинку:

— Прекрасная картинка! — воскликнула Мура. — Люше так хорошо на кровати, а башмакам и под кроватью неплохо! Теперь, пожалуйста, нарисуй самолёт, высоко высоко, а внизу, на земле, мотоцикл.

— С удовольствием! — сказал Боба. — Люблю рисовать самолёты. И мотоциклы люблю!

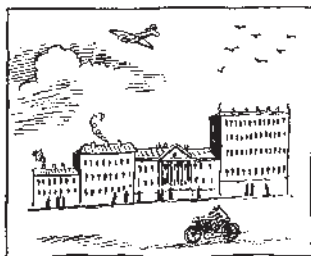
Боба взял карандаш и нарисовал вот такую картинку:

Мура взглянула на неё и даже руками всплеснула:

Нет, ты сегодня совсем невозможный! Где же ты видел, чтобы мотоциклы летали по воздуху, а самолёты катились по улицам!

Боба засмеялся и нарисовал вот такую картинку:

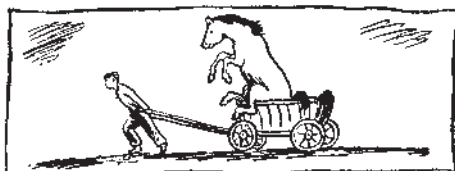

Мура очень похвалила её, потом достала чистый листочек бумаги и положила на столе перед Бобой.

— Теперь напоследок, — сказала она, — нарисуй мне, пожалуйста, лошадку и нашего Митю.

— Это я могу! — сказал Боба. — Нарисую тебе и лошадку и Митю.

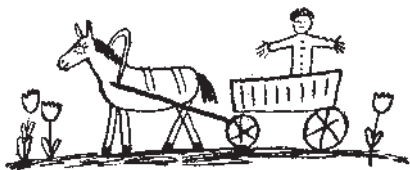
Он взял карандаш и нарисовал вот такую картинку:

— Фу, Боба! — закричала Мура. — Ты опять нарисовал чепуху! Разве лошадь может кататься на Мите?

— В самом деле! — сказал Боба и хотел нарисовать всё как следует, но его позвали к телефону.

Остался чистый листок бумаги. Мура взяла карандаш и сама нарисовала и лошадку и Митю. Нарисовала как следует, правильно. И ей очень хотелось бы, чтобы те мальчики и девочки, которые будут читать эту книжку, тоже нарисовали и лошадку и Митю, чтобы Боба видел, как нужно рисовать:

Приключение первое БИБИГОН И БРУНДУЛЯК

Я живу на даче в Переделкине. Это недалеко от Москвы. Вместе со мною живёт крохотный лилипут, мальчик с пальчик, которого зовут Бибигон. Откуда он пришёл, я не знаю. Он говорит, что свалился с Луны. И я, и мои внучки Тата и Лена — мы все очень любим его. Да и как же, скажите, его не любить!

Тоненький он,
Словно прутик,
Маленький он
Лилипутик.

Ростом, бедняга, не выше
Вот этакой маленькой мыши.

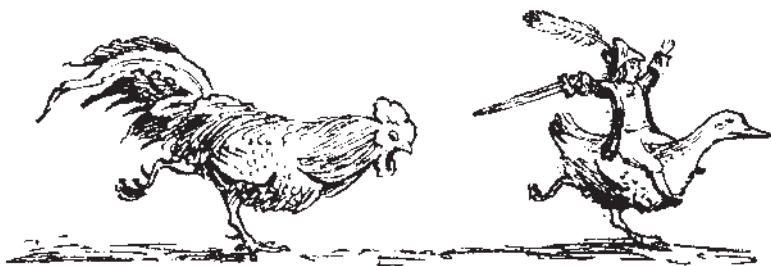
И каждая может ворона
Шутя погубить Бибигона.

А он, поглядите, какой боевой:
Бесстрашно и дерзко бросается в бой.

Со всеми, со всеми
Готов он сразиться
И никогда
Никого
Не боится.

Он весел и ловок,
Он мал, да удал,
Другого
Такого
Я век не видал.

Глядите: он скачет верхом на утёнке
С моим молодым петухом вперебóнки.

И вдруг перед ним его бешеный враг,
Огромный и грозный индюк Брундуляк.

И крикнул индюк: — Брундулю́! Брундулю́!
Сейчас я тебя загублю, задавлю!

И всем показалось,
Что в эту минуту
Смертельная гибель
Грозит лилипуту.

Но он закричал индюку
На скаку:
— Сейчас отсеку
Твою злую башку!

И, шпагой взмахнувши своей боевою,
На индюка он помчался стрелю.

И чудо свершилось: огромный индюк,
Как мокрая курица, съёжился вдруг,

Попятился к лесу,
За пень зацепился
И вниз головою
В канаву свалился.

И все закричали:
— Да здравствует он,
Могучий и храбрый
Боец Бибигон!

Но прошло всего несколько дней, и Брундуляк снова появился у нас во дворе — надутый, сердитый и злой. Страшно было глядеть на него. Он такой огромный и сильный. Неужели он убьёт Бибигона?

Увидев его, Бибигон быстро вскарабкался ко мне на плечо и сказал:

— Вон погляди: стоит индюк
И смотрит яростно вокруг.
Но ты не верь своим глазам, —

Он не индюк. На землю к нам
Сюда спустился он тайком
И притворился индюком.
Он злой колдун, он чародей!
Он может превращать людей
В мышей, в лягушек, в пауков,
И в ящериц, и в червяков!

— Нет, — сказал я. — Он совсем не колдун. Он самый
обыкновенный индюк!

Бибигон покачал головой:

— Нет, он колдун! Подобно мне,
И он родился на Луне.
Да, на Луне, и много лет
За мною рыщет он вослед.
И хочет превратить меня
В букашку или в муравья.
Но нет, коварный Брундуляк!
Со мной не справишься никак!
Я шпагой доблестной моей
Всех заколдованных людей
От злой гибели спасу
И голову тебе снесу!

Вот какой он добрый и бесстрашный — маленький мой
Бибигон!

Приключение второе БИБИГОН И КАЛОША

Но если б вы знали, какой он сорванец и проказник!

Увидел сегодня калошу мою
И потащил её прямо к ручью.
И прыгнул в неё, и поёт:
«Вперёд, моя лодка, вперёд!»

А того не заметил герой,
Что калоша была с дырой:
Только пустился он в путь,
Как уже начал тонуть.

Кричит он, и плачет, и стонет,
А калоша всё тонет и тонет.

Холодный и бледный
Лежит он на дне.
Его треуголка
Плывёт по волне.

Но кто это хрюкает там у ручья?
Это любимая наша свинья!
Схватила она человечка
И к нам принесла на крылечко.

И внучки мои чуть с ума не сошли,
Когда беглеца увидали вдали:

— Это он, это он,
Бибигон!

Целуют его и ласкают его,
Как будто родного сынка своего,
И, уложив на кровать,
Начинают ему напевать:

«Баюшки бай,
Бибигон!
Спи засыпай,
Бибигон!»

А он как ни в чём не бывало
Вдруг сбросил с себя одеяло
И, лихо вскочив на комод,
Хвастливую песню поёт:

«Я знаменитый капитан,
И мне не страшен ураган!
Вчера я был в Австралии,
Потом поехал далее
И возле мыса Барнаул
Убил четырнадцать акул!»

Что поделаешь с таким хвастунишкой! Я хотел сказать ему, что хвастаться стыдно, но он в ту же минуту умчался во двор — к новым приключениям и шалостям.

Приключение третье БИБИГОН И ПАУК

Ни минуты не посидит он на месте, —

То побежит за петухом
И сядет на него верхом.

То с лягушатами в саду
Весь день играет в чехарду.

То сбегает на огород,
Гороху мелкого нарвёт

И ну стрелять исподтишка
В громаднейшего паука.

Паук молчал, паук терпел,
Но наконец рассвирепел,

И вот под самый потолок
Он Бибигона уволок.

И паутиною своей
Так обмотал его, злодей,

Что тот на ниточке повис,
Как муха, головою вниз.

Кричит
И рвётся
Бибигон,
И в паутине
Бьётся он.

И прямо в миску с молоком
Летит оттуда кувырком.

Беда! Беда! Спасенья нет!
Погибнет он во цвете лет!

Но тут из тёмного угла
Большая жаба подползла

И лапу
Подала ему,
Как будто
Брату своему.

И засмеялся
Бибигон,

И в тот же миг
Умчался он

В соседний двор на сеновал
И там весь вечер танцевал

С какой-то крысою седой
И воробьиной молодой.

А после ужина ушёл
Играть с мышатами в футбол

И, воротившись на заре,
Заснул в собачьей конуре.

Приключение четвёртое БИБИГОН И ВОРОНА

Однажды Бибигон увидел, что злая ворона поймала молодого гусёнка и хочет унести к себе в гнездо. Он схватил камень и бросил в ворону. Ворона испугалась, кинула гусёнка и улетела. Гусёнок остался жив.

Но прошло три дня —

И спустилася ворона
С вышины,
И схватила Бибигона
За штаны.

Он без бою не сдаётся,
Бибигон!

И брыкается, и рвётся
Бибигон!

Но из чёрного
Вороньего
Гнезда
Не уйдёт он,
Не спасётся
Никогда.

А в гнезде —
Гляди, какие
Безобразные и злые
Восемнадцать воронят,
Как разбойники лихие,
Погубить его хотят.

Восемнадцать воронят
На несчастного глядят,
Ухмыляются, а сами
Знай долбят его носами!

И вдруг раздался
Громкий крик:
— Ага, попался,
Озорник!

То злобный голос Брундуляка.
И рад, и счастлив Брундуляк:
— Теперь-то, глупый забияка,
Уж не спасёшься ты никак!

Но в эту самую минуту
Взбежала Лена на порог
И прямо в руки лилипуту
Какой-то бросила цветок.

То — лилия!
— Спасибо Лене
За этот дивный парашют! —
И прямо к Лене на колени
Отважно прыгнул лилипут.

Но сейчас же соскочил с её колен и как ни в чём не бывало умчался со двора к своим друзьям. А друзей у него много везде — и в поле, и на болоте, и в лесу, и в саду. Все любят смельчака Бибигона: ёжики, кролики, сороки, лягушки.

Вчера две маленькие белки
Весь день играли с ним в горелки
И танцевали без конца
На именинах у скворца.

А нынче он, как будто в танке,
Промчался по двору в жестянке
И бросился в неравный бой
С моею курицей рябой.

А что же Брундуляк? Брундуляк затевает недоброе. Он стоит тут же, неподалёку, под деревом и думает, как бы погубить Бибигона. Должно быть, он и в самом деле злой колдун.

— Да, да! Он колдун! Он волшебник! — говорит Бибигон и указывает на лохматого пса, пробежавшего в эту минуту по улице:

— Вон погляди: бежит Барбос.
Ты думаешь, что это пёс?
Нет, это — старый Агафон,
Ваш деревенский почтальон.
Ещё недавно в каждый дом
С газетою или с письмом
Он приходил, но как-то раз
Колдун сказал: «Кара-бараз».

И вдруг — о чудо! — в тот же миг
Барбосом сделался старик.

— Бедняжка Агафон, — говорю я со вздохом. — Я хорошо его помню. У него были такие большие усы!

А Бибигон сидит у меня на плече и указывает на соседнюю дачу:

— Вон погляди, стоит Федот
И жабу гонит от ворот,
А между тем ещё весной
Она была его женой.

— Но почему же ты не боишься злодея? — спрашивают Бибигона мои внуки. — Ведь он может заколдовать и тебя.

— А потому я не боюсь, что я смелый! — отвечает Бибигон и смеётся. — Смелому никакие колдуны не страшны!..

Приключение пятое БИБИГОН И ПЧЕЛА

— Да, да, я бесстрашный, я храбрый, — повторяет Бибигон с гордым видом. А потом взмахивает саблей и, вскочив на утёнка, поёт:

— Я знаменитый капитан!
И мне не страшен ураган!

И мчится к болоту и требует, чтобы, увидев его, все лягушата кричали «ура».

Конечно, это не нравится мне. Я терпеть не могу хвастунов. Но как мне объяснить ему, что хвастаться стыдно? Впрочем, на днях случилось такое событие, которое должно хорошо проучить хвастунишку:

Сидел у меня на столе Бибигон
И силой и храбростью хвастался он:

— Ну мне ли
Могучих
Бояться зверей?

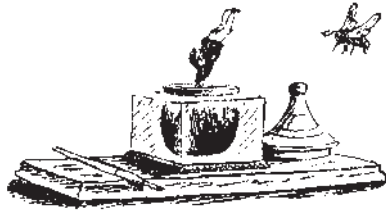
Я всякого зверя
Сильней и храбрей!

Дрожит предо мной
Косолапый медведь.
Куда же медведю
Меня одолеть!

Ещё не родился
Такой крокодил,
Который бы в битве
Меня победил!

Вот этой рукою
Свирепому льву
Косматую голову
Я оторву!

Но тут прилетела
Мохнатая пчёлка...
— Спасите! — вскричал он.
Беда! Караул! —
И от неё,
Как от лютого волка,
В чернильницу
Весь с головою нырнул.

Спасибо, старуха Федосья
Схватила его за волосья.
Был бы бедняге капут —
Прощай навсегда лилипут!

Но если б вы знали,
Какой безобразный,
Дрожащий, и мокрый,
И жалкий, и грязный,
Всклокоченный, еле живой,
Предстал он тогда предо мной!

Мы схватили его
И бегом на квартиру
К самому старику Мойдодыру.
Целый день Мойдодыр его чистил и мыл,
Но не смыл он, не смыл этих чёрных чернил!

Впрочем, внучки мои не горюют,
Бибигона, как прежде, целуют.
— Ну что ж, — говорят, — ничего!
Мы и чёрного любим его!

И нам он, пожалуй, дороже
Теперь, когда он чернокожий,
На милого негра похожий.

Да и он не унывает,
На крылечко выбегает
И толкует детворе,
Что гуляет во дворе:

— По Кавказу я скитался,
В Чёрном море искупался,
Море Чёрное — черно,
Всё чернилами полно!

Искупался я — и разом
Стал, как уголь, черномазым,
Так что даже на Луне
Позавидовали мне.

— Почему ты говоришь о Луне, Бибигон? — спросили у него Тата и Лена.

— Потому что Луна — моя родина.

Внучки засмеялись:

— Что за вздор!

Он посмотрел на них и гордо сказал:

— Да, я родился на Луне,
Сюда свалился я во сне.

Меня на родине зовут
Граф Бибигон де Лилипут.

О, если б мог вернуться я
В мои родимые края!

— А зачем тебе лететь на Луну? — спросили у него Тата и Лена.

Он долго молчал, а потом указал на Луну и вздохнул:

— Там, на Луне, моя сестра!
Она прекрасна и добра.
Какое счастье было мне
Резвиться с нею на Луне!

Там у неё чудесный сад,
Где звёзды, словно виноград,
Таковыми гроздьями висят,
Что поневоле на ходу
Нет-нет да и сорвёшь звезду.
О, если б мог я поскорей
На небеса вернуться к ней,
И с ней по Млечному Пути,
Как будто по полю, пойти,
И погулять в её саду,
Срывая звёзды на ходу,
И, взявшись за руки, вдвоём
Слететь на Землю, в этот дом,
К вам, в Переделкино, сюда,
И здесь остаться навсегда!

— Неужели это правда? — воскликнул я. — Неужели у тебя там, на Луне, осталась родная сестра?

Он вздохнул ещё печальнее и тихо сказал:

— Моя родная Цинцинела
Сидит и плачет на Луне.
Уже давно она хотела
На Землю прилететь ко мне.

Но стережёт её ужасный
И отвратительный дракон,
И пленницы своей несчастной
На землю не отпустит он.

Но час придёт: рукою смелой
Врагу я голову снесу!
Мою родную Цинцинелу
Я от чудовища спасу.

Приключение шестое ЧУДЕСНЫЙ ПОЛЁТ

Признаться, я не поверил ему и даже посмеялся над ним. Но прошло несколько дней, и вот недавно, седьмого июня, с Бибигоном случилось такое событие:

Сидел Бибигон
Под большим лопухом
И спорил о чём-то
С моим петухом.

Как вдруг
Залетела
В наш сад стрекоза
И мигом попалась
Ему на глаза.

И он закричал: — Это мой самолёт!
Сейчас я отправлюсь в большой перелёт.

Из Африки
Я полечу к Парагваю,
Потом на любимой Луне побываю.

Три чуда
Оттуда
Я вам привезу! —
И он на лету оседлал стрекозу!

Глядите! Глядите!
Летит он над ёлкой
И весело машет своей треуголкой!

— Прощайте, — кричит он, —
В открытом бою
Я злого дракона,
Как муху, убью!

И мы закричали:
— Куда ты? Постой! —
Но нам только эхо
Ответило «ой!».

И нет Бибигона!
Пропал он, исчез!
Как будто растаял
Средь синих небес!

И домик его остаётся пустой —
Игрушечный домик, уютный такой, —
Который своими руками
Ему мастерили мы сами:
С игрушечной ванной, с картонной плитой...
Неужто навеки он будет пустой?

Теперь в этом домике кукла Аглая,
Но кукла Аглая — она не живая!

Она не живая, в ней сердце не бьётся,
Она не поёт, не шалит, не смеется!
А наш Бибигоша, хоть он озорной,
Но он — человек, живой он, живой.

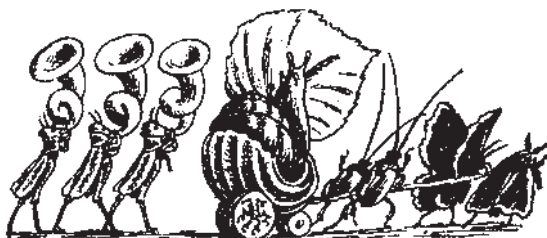
И в небо глядят безутешные внучки,
И, за слезою роняя слезу,
Всё ждут, не увидят ли там, возле тучки,
Летающую к ним стрекозу.

И встала Луна над кустами сирени,
И Тата печально шепнула Елене:
— Взгляни ка, иль это мерещится мне?
Как будто он там, на Луне!

— Он там, на Луне! Он туда воротился
И с нашей Землёю навеки простился! —

И долго бедняжки стоят у крыльца
И смотрят, и смотрят в бинокли,
И катятся слёзы у них без конца,
От слёз их бинокли промокли.

Вдруг видят —
Полосатая
Кибиточка
Катит.
В кибиточке рогатая
Улиточка сидит.

Везут её проворные
Усатые жуки
И чёрные-пречёрные
Ночные мотыльки.

Кузнечики зелёные
Идут за нею в ряд
И в трубы золочёные
Без умолку трубят.

Катит-катит кибиточка,
И прямо на крыльцо
Весёлая улиточка
Бросает письмоце.

В тревоге и в печали
К письму мы подбежали
И начали читать.
Когда же прочитали,
Забыли все печали
И стали хохотать.

Всего четыре строчки
На липовом листочке
Нам пишет Бибигон:

«Вчера за чёрной тучею
Моей рукой могучею
Сражён и побеждён
Дракон Караккакон!
Отпраздновать победу
Я к вам приеду в среду.

Примите мой поклон!
Ваш верный
БИБИГОН».

И счастливы внушки:
— Мы будем опять
Его умыть, одевать, баловать!
Он жив и здоров,
Он вернётся сюда,
И мы не расстанемся с ним никогда!

Желанного гостя мы радостно ждём!
И моем, и чистим игрушечный дом.

В игрушечном доме — покой и уют.
Как весело тут заживёт лилипут.

Старуха Федосья из белой муки
Ему, Бибигону, печёт пирожки.

А Тата и Лена взяли за иглолку
И новую сшили ему треуголку.

— Только скорее вернулся бы он,
Маленький наш Бибигон!

Из разноцветных своих лоскутков,
Оранжевых, синих и красных,
Немало они ему сшили обнов —
Нарядных жилетов, красивых штанов,
Плащей и камзолов атласных!

О, только б вернулся сюда Бибигон!
Каким разоденется щёголом он!

Но он не вернулся,
И нет Бибигона!
Быть может,
Его проглотила ворона?

А может быть, он
Захлебнулся в воде,
В какомнибудь озере
Или пруде?

Быть может, за дерево
Он зацепился,
Упал с самолёта
И насмерть разбился?

Но вот как-то раз
Мы стоим под дождём
И ждём Бибигона,
И ждём его, ждём...

Глядь, а он на одуванчике,
Как на маленьком диванчике,
Развалился и сидит
И с каким-то незнакомым
Длинноногим насекомым
Разговаривает.

От радости внучки мои завизжали
И вперегонки к нему побежали:
— Где же ты был-пропадал?
С кем ты в пути воевал?
Скажи, отчего ты такой
Бледный, усталый, худой?
Может быть, ты нездоров?
Не позвать ли к тебе докторов?

И долго они целовали его,
Ласкали его, согревали его,
А потом прошептали несмело:
— Но где же твоя Цинцинела?

— Моя Цинцинела! — сказал Бибигон,
И, тяжело вздыхая, нахмурился он. —
Она прилетела сегодня со мной,
Но спряталась, бедная, в чаще лесной,
И рада бы встретиться с вами она,
Да злого боится она колдуна:
Жесток и коварен седой чародей,
И горькое горе готовит он ей.
Но нет, не поможет ему колдовство.
Я, словно гроза, налечу на него,
И над лукавой его головой
Опять засверкает мой меч боевой!

И вновь Бибигон улыбнулся устало...
Но молния вдруг в облаках заблестала.

Скорее домой!
Мы бежим под дождём
И Бибигона
С собою несём!

Ну вот мы и дома!
И мёдом, и чаем
Усталого путника
Мы угощаем!

И он засмеялся:
— Я рад,
Что к вам воротился назад:
Милую вашу семью
Я как родную люблю.

Но сейчас я смертельно устал,
С лютым недругом я воевал,
И мне бы хотелось чуть-чуть
Тут у окна отдохнуть.
Уж очень он зол и силён,
Этот проклятый дракон!

И, повалившись на стул,
Он сладко зевнул
И заснул.

Тише! Пускай отоспится!
Будить его нам не годится!
Про все свои подвиги нам
Завтра расскажет он сам.

Приключение седьмое ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА БИБИГОНА

На следующий день Бибигон привёл Цинцинелу к нам. Цинцинела, крохотная девочка, похожая на розовую куклу, приветливо сказала нам *здравствуйте* и, схватив Бибигона за руку, прыгнула из окна прямо в сад. Такая смелая, отчаянная девочка! В саду ей понравилось всё — и цветы, и бабочки, и белки, и скворцы, и еловые шишки, и даже быстрые смешные головастики, что так весело резвятся в тёплой лу-

жице. Бибигон не отходил от сестры ни на шаг. Целый день они бегали по саду, и пели песни, и звонко смеялись. Но вдруг Цинцинела вскрикнула — и вся в слезах прибежала ко мне: она увидела вдали, у забора, своего врага Брундуляка.

— Какой он страшный! — повторяла она. — Какие у него злые глаза! Спасите, спасите меня от него! Он хочет меня погубить!

— Не плачь, Цинцинела, — сказал Бибигон. — Я не дам тебя в обиду никому. Сегодня же расправлюсь со злодеем!

И Бибигон стал точить свою саблю, потом зарядил пистолеты и, вскочив на утёнка, запел:

— Да, за любимую сестру
Я с наслаждением умру!
.....
И вот уж он летит в атаку
Навстречу злому Брундуляку:
— Умри, проклятый чародей,
От шпаги доблестной моей!

Но засмеялся Брундуляк
И говорит герою так:
— Ох, берегитесь,
Милый витязь,
Не то сейчас же превратитесь
В букашку, или в червяка,
Или в навозного жука!
Ведь никому несдобровать,
Когда начну я колдовать! —
И он надулся,
Словно шар,
И запыхтел,
Как самовар.
И десять раз,
И двадцать раз
Он повторял:
«Кара-бараз!»
Но, в червяка не превращён,
Стоит, как прежде, Бибигон.

И разъярился Брундуляк:
— Так погоди же ты, смельчак! —
И вновь, и сызнова, и снова
Волшебное твердит он слово, —
И пятьдесят, и шестьдесят,
И восемьдесят раз подряд.
И двести раз,
И триста раз
Он говорит:
«Кара-бараз!»

Но Бибигон стоит пред ним,
Как прежде, — цел и невредим.

Увидел Брундуляк, что ему не заколдовать смельчака, заморгал трусливыми глазёнками, задрожал, залопотал и захныкал:

— Не губи ты меня!
Не руби ты меня!
Отпусти ты меня!
И прости ты меня!

Но Бибигон засмеялся
В ответ:
— Пощады тебе,
Ненавистному, нет!

Сейчас предо мной
И скулишь, и юлишь ты,
А завтра меня
В червяка
Превратишь ты! —
И острую шпагу в него он вонзил,
И в самое сердце его поразил.

И рухнул индюк. И от жирного тела
В далёкий бурьян голова отлетела.

А тело скатилось в тёмный овраг,
И сгинул навеки злодей Брундуляк.

И все засмеялись, запели, обрадовались. И все сбежали к моему балкону: и мальчики и девочки, и старики и старухи, и все они громко кричат:

— Да здравствует бесстрашный герой Бибигон! Слава ему и его милой сестре Цинцинеле!

И вот, как король, величаво
Выходит он к ним на балкон,
Кивает им влево и вправо
И всем улыбается он.

Камзол из зелёного шёлка
Обшит у него серебром,
В руке у него треуголка
С чудесным павлиньим пером.

И, алым сверкая нарядом, —
Мила, весела и добра, —
Стоит улыбается рядом
Его молодая сестра.

КОНЕЦ

Цинцинела поселилась у нас, вместе с братом, в игрушечном домике, и, конечно, мы все постараемся, чтобы ей жилось хорошо и привольно. Я купил для них обоих, для Бибигона и его сестры, чудесные книжки с картинками, и когда идёт дождь или снег, оба читают их целыми днями, быстро бегая по каждой странице — от буквы к букве, от строки к строке.

А когда наступит Новый год, я хорошенько упрячу своих крохотных друзей в карман моей тёплой шубы и мы пойдём в Кремль на ёлку. И воображаю, как будут рады и счастливы дети, когда увидят своими глазами живого Бибигона и его весёлую нарядную сестру, его шпагу, его треугольную шляпу и услышат его задорную речь.

Но я заранее прошу всех московских детей: когда в Кремле, или в Колонном зале, или в цирке, или в кукольном театре Образцова, или в Доме пионеров, или в метро, или в детском театре вы увидите Бибигона и Цинцинелу, не хватайте их руками, не ласкайте, потому что вы можете нечаянно сделать им больно.

И не вздумайте тормошить Бибигона. Ведь он лилипут, мальчик с пальчик, и, стоит вам как-нибудь неосторожно сдавить его, он останется на всю жизнь калекой.

И, пожалуйста, не дразните его, не смейтесь над ним, потому что он очень обидчивый. Если вы скажете ему грубое слово, он рассердится, обнажит свою шпагу и набросится на вас как на врагов.

Но если он почувствует, что его и Цинцинелу окружают друзья, он будет рад поиграть и подурачиться с вами, а потом вскарабкается на спинку высокого кресла и до позднего вечера будет рассказывать вам о своих чудесных приключениях и подвигах: о боях с акулой Каракулой, о путешествии в страну Говорящих Цветов, о единоборстве с морским великаном Курындой и о многих других приключениях, о которых ещё

НИКТО

НИКОГДА

НИЧЕГО

НЕ СЛЫХАЛ.

ЗАКАЛЯКА
и другие стихи

РАДОСТЬ

Рады, рады, рады
Светлые берёзы,
И на них от радости
Вырастают розы.

Рады, рады, рады
Тёмные осины,
И на них от радости
Растут апельсины.

То не дождь пошёл из облака
И не град,
То посыпался из облака
Виноград.

И вороны над полями
Вдруг запели соловьями.

И ручьи из-под земли
Сладким мёдом потекли.

Куры стали павами,
Лысые — кудрявыми.

Даже мельница — и та
Заплясала у моста.

Так бегите же за мною
На зелёные луга,
Где над синею рекою
Встала радуга-дуга.

Мы на радугу
вска-ра-б-каемся,
Поиграем в облаках
И оттуда вниз по радуге
На салазках, на коньках!

ГОЛОВАСТИКИ

Помнишь, Мурочка, на даче
В нашей лужице горячей
Головастики плясали,
Головастики плескались,
Головастики ныряли,
Баловались, кувыркались.
А старая жаба,
Как баба,
Сидела на кочке,
Вязала чулочки
И басом сказала:
— Спать!
— Ах, бабушка, милая бабушка,
Позволь нам ещё поиграть.

БУТЕРБРОД

Как у наших ворот
За горою
Жил да был бутерброд
С колбасою.

Захотелось ему
Прогуляться,
На траве-мураве
Поваляться.

И сманил он с собой
На прогулку
Краснощёкую сдобную
Булку.

Но чайные чашки в печали,
Стуча и бренча, закричали:

«Бутерброд,
Сумасброд,
Не ходи из ворот,
А пойдёшь —
Пропадёшь,
Муре в рот попадёшь!

Муре в рот,
Муре в рот,
Муре в рот
Попадёшь!»

ЁЖИКИ СМЕЮТСЯ

У канавки
Две козявки
Продают ежам булавки.

А ежи-то хохотать!
Всё не могут перестать:
«Эх вы, глупые козявки!
Нам не надобны булавки:
Мы булавками сами утыканы».

ЗАКАЛЯКА

Дали Мурочке тетрадь,
Стала Мура рисовать.

«Это — ёлочка мохнатая.

Это — козочка рогатая.

Это — дядя с бородой.

Это — дом с трубой».

«Ну, а это что такое,
Непонятное, чудное,
С десятью ногами,
С десятью рогами?»

«Это Бяка-Закаляка
Кусачая,
Я сама из головы её выдумала».

«Что ж ты бросила тетрадь,
Перестала рисовать?»

«Я её боюсь!»

ОБЖОРА

Была у меня сестра,
Сидела она у костра
И большого поймала в костре осетра.

Но был осетёр
Хитёр
И снова нырнул в костёр.

И осталась она голодна,
Без обеда осталась она.
Три дня ничего не ела,
Ни крошки во рту не имела.
Только и съела, бедняга,
Что пятьдесят поросят,
Да полсотни гусят,
Да десяток цыпляток,
Да утят десяток,
Да кусок пирога
Чуть побольше того стога,
Да двадцать бочонков
Солёных опёнков,
Да четыре горшка
Молока,
Да тридцать вязанок
Баранок,

Да сорок четыре блина.
И с голоду так исхудала она,
Что не войти ей теперь
В эту дверь.
А если в какую войдёт,
Так уж ни взад, ни вперёд.

БЕБЕКА

Взял барашек
Карандашик,
Взял и написал:
«Я – Бебека,
Я – Мемека,
Я медведя
Забодал!»

Испугалися зверюги,
Разбежались в испуге.

А лягушка у болотца
Заливается, смеётся:
«Вот так молодцы!»

ПОРΟΣЁНОК

Полосатые котята
Ползают, пищат.
Любит, любит наша Тата
Маленьких котят.

Но всего милее Татеньке
Не котёнок полосатенький,
Не утёнок,
Не цыплёнок,
А курносый поросёнок.

СЛОНИХА ЧИТАЕТ

У слона была жена
Матрёна Ивановна.
И задумала она
Книжку почитать.

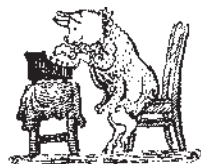
Но читала, бормотала,
Лопотала, лопотала:
«Таталáта, маталáта»,
– Ничего не разобрать!

СВИНКИ

Как на пишущей машинке
Две хорошенькие свинки:
Туки-туки-туки-тук!
Туки-туки-туки-тук!

И постукивают,
И похрюкивают:
«Хрюки-хрюки-хрюки-хрюк!
Хрюки-хрюки-хрюки-хрюк!»

ЧЕРЕПАХА

До болота идти далеко,
До болота идти нелегко.

«Вот камень лежит у дороги,
Присядем и вытянем ноги».

И на камень лягушки кладут узелок.
«Хорошо бы на камне прилечь на часок!»

Вдруг на ноги камень вскочил
И за ноги их ухватил.

И они закричали от страха:

«Это – ЧЕ!
Это – РЕ!
Это – ПАХА!
Это – ЧЕЧЕРЕ!

ПАПА!

ПАПАХА!»

ФЕДОТКА

Бедный Федотка – сиротка.
Плачет несчастный Федотка:
Нет у него никого,
Кто пожалел бы его.
Только мама, да дядя, да тётка,
Только папа да дедушка с бабушкой.

ЁЛКА

Были бы у ёлочки
Ножки,
Побежала бы она
По дорожке.

Заплясала бы она
Вместе с нами,
Застучала бы она
Каблучками.

Закружились бы на ёлочке
Игрушки —
Разноцветные фонарики,
Хлопушки.

Завертелись бы на ёлочке
Флаги
Из пунцовой, из серебряной
Бумаги.

Засмеялись бы на ёлочке
Матрёшки
И захлопали б от радости
В ладошки.

Потому что
У ворот
Постучался
Новый год!
Новый, новый,
Молодой,
С золотою бородой!

ДОКТОР

Лягушонок под тиною
Заболел скарлатиною.
Прилетел к нему грач,
Говорит:
 «Я врач!
Полезай ко мне в рот,
Всё сейчас же пройдёт!»
 Ам! И съел.

*Посвящается
Ю. А. Васнецову*

МУХА В БАНЕ

Муха в баню прилетела,
Попариться захотела.

Таракан дрова рубил,
Мухе баню затопил.

А мохнатая пчела
Ей мочалку принесла.

Муха мылась,
Муха мылась,

Муха парилася,
Да свалилась,
Покатилась
И ударилася.

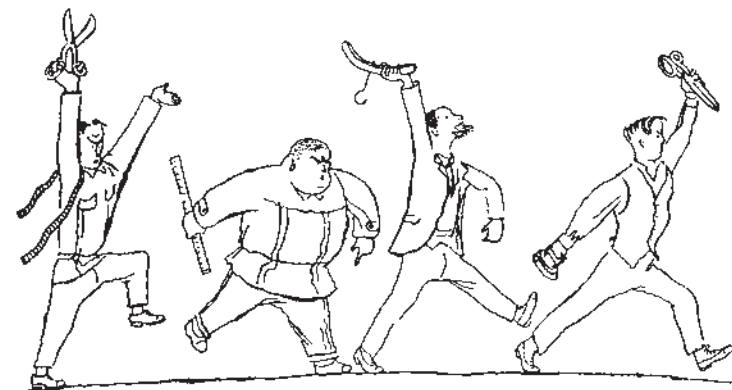
Ребро вывихнула,
Плечо вывернула.

«Эй, мураша-муравей,
Позови-ка лекарей!»
Кузнечики приходили,
Муху каплями поили.

Стала муха, как была,
Хороша и весела.

И помчалася опять
Вдоль по улице летать.

ХРАБРЕЦЫ

Наши-то портные
Храбрые какие:
«Не боимся мы зверей,
Ни волкóв, ни медведей!»
А как вышли за калитку
Да увидели улитку —
Испугалися,
Разбежались!

Вот они какие,
Храбрые портные!

СКРЮЧЕННАЯ ПЕСНЯ

Жил на свете человек,
Скрюченные ножки,
И гулял он целый век
По скрюченной дорожке.

А за скрюченной рекой
В скрюченном домишке
Жили летом и зимой
Скрюченные мышки.

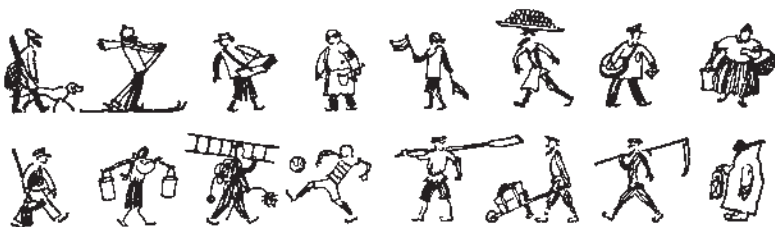
И стояли у ворот
Скрюченные ёлки,
Там гуляли без забот
Скрюченные волки.

И была у них одна
Скрюченная кошка,
И мяукала она,
Сидя у окошка.

А за скрюченным мостом
Скрюченная баба
По болоту босиком
Прыгала, как жаба.

И была в руке у ней
Скрюченная палка,
И летела вслед за ней
Скрюченная галка.

БАРАБЕК

(Как нужно дразнить обжору)

Робин Бобин Барабек
Скушал сорок человек,
И корову, и быка,
И кривого мясника,
И телегу, и дугу,
И метлу, и кочергу,
Скушал церковь, скушал дом,
И кúзницу с кузнецом,
А потом и говорит:
«У меня живот болит!»

КОТАУСИ И МАУСИ

Жила была мышка Маўси
И вдруг увидала Котаўси.
У Котауси злые глазаўси
И злые-презлые зубаўси.

Подбежала Котаўси к Маўси
И замахала хвостаўси:
«Ах, Мауси, Мауси, Мауси,

Подойди ко мне, милая Мауси!
Я спою тебе песенку, Мауси,
Чудесную песенку, Мауси!»

Но ответила умная Мауси:
«Ты меня не обманешь, Котауси!
Вижу злые твои глазауси
И злые-презлые зубауси!»

Так ответила умная Мауси —
И скорее бегом от Котауси.

КУРИЦА

Курица красавица у меня жила.
Ах, какая умная курица была!

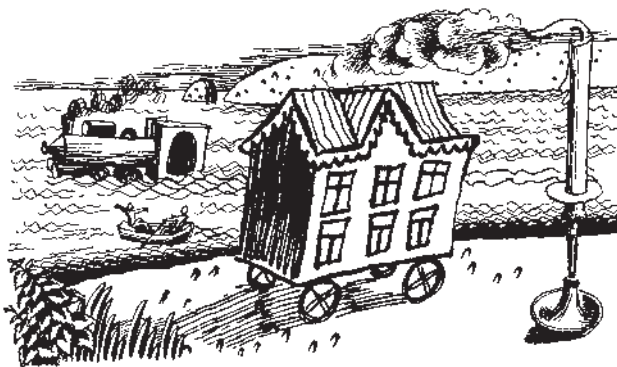
Шила мне кафтаны, шила сапоги,
Сладкие, румяные пекла мне пироги.

А когда управится, сядет у ворот —
Сказочку расскажет, песенку споёт.

ДЖЕННИ

Дженни туфлю потеряла,
Долго плакала, искала.
Мельник туфельку нашёл
И на мельнице смолол.

ЗАГАДКИ

1

Был белый дом,
Чудесный дом,
И что-то застучало в нём.
И он разбился, и оттуда
Живое выбежало чудо –
Такое тёплое, такое
Пушистое и золотое.

2

Паровоз
Без колёс!
Вот так чудо-паровоз!
Не с ума ли он сошёл –
Прямо по морю пошёл!

3

Красные двери
В пещере моей,
Белые звери

Сидят
У дверей.
И мясо и хлеб — всю добычу мою —
Я с радостью белым зверям отдаю!

4

Была телега у меня,
Да только не было коня,
И вдруг она заржала,
Заржала — побежала.
Глядите, побежала телега без коня!

5

Лежит, лежит копеечка у нашего колодца.
Хорошая копеечка, а в руки не даётся.
Подите приведите четырнадцать коней,
Подите позовите пятнадцать силачей!
Пусть они попробуют копеечку поднять,
Чтоб Машенька копеечкой могла бы поиграть!
И кони прискакали, и силачи пришли,
Но маленькой копеечки не подняли с земли,
Не подняли, не подняли и сдвинуть не могли.

6

Два коня у меня,
Два коня.
По воде они возят меня.
А вода
Тверда,
Словно каменная!

7

Всюду, всюду мы вдвоём
Неразлучные идём.
Мы гуляем по лугам,
По зелёным берегам,
Вниз по лестнице сбегает,

Вдоль по улице шагаем.
Но чуть вечер на порог,
Остаёмся мы без ног,
А безногим — вот беда! —
Ни туда и ни сюда!
Что ж? Полезем под кровать,
Будем там тихонько спать,
А когда вернутся ноги,
Вновь поскачем по дороге.

8

Ах, не трогайте меня:
Обожгу и без огня!

9

Мудрец в нём видел мудреца,
Глупец — глупца,
Баран — барана,
Овцу в нём видела овца,
И обезьяну — обезьяна,
Но вот подвели к нему Федю Барáтова,
И Федя неряху увидел лохматого.

10

Лежу я у вас под ногами,
Топчите меня сапогами,
А завтра во двор унесите меня
И бейте меня, колотите меня,
Чтоб дети могли повалиться на мне,
Барахтаться и кувыркаться на мне.

11

Растёт она вниз головою,
Не летом растёт, а зимою.
Но солнце её припечёт —
Заплачет она и умрёт.

12

Марьюшка, Марусенька, Машенька и Манечка
Захотели сладкого сахарного пряничка.

Бабушка по улице старенькая шла,
Девочкам по денежке бабушка дала:

Марьюшке — копеечку,

Марусеньке — копеечку,

Машеньке — копеечку,

Манечке — копеечку, —

Вот какая добрая бабушка была!

Марьюшка, Марусенька, Машенька и Манечка
Побежали в лавочку и купили пряничка.

И Кондрат задумался, глядя из угла:
Много ли копеечек бабушка дала?

13

Хожу брожу не по лесам,
А по усам, по волосам,
И зубы у меня длинней,
Чем у волков и медведей.

14

На малину налетели,
Поклевать её хотели.
Но увидели урода —
И скорей из огорода!
А урод сидит на палке
С бородою из мочалки.

15

Если бы сосны да ели
Бегать и прыгать умели,
Они от меня без оглядки умчались бы

И больше со мной никогда не встречались бы,
Потому что — скажу вам, не хвастая, —
Я стальная и злая, и очень зубастая.

16

Я одноухая старуха,
Я прыгаю по полотну
И нитку длинную из уха,
Как паутинку, я тяну.

17

Маленькие домики по улице бегут,
Мальчиков и девочек домики везут.

18

Много этого добра
Возле нашего двора,
А рукою не возьмёшь
И домой не принесёшь.

Маша по саду гуляла,
Собирала, собирала,
Поглядела в кузовок —
Там и нет ничего.

19

Шёл Кондрат
В Ленинград,
А навстречу — двенадцать ребят.
У каждого по три лукошка,
В каждом лукошке — кошка,
У каждой кошки — двенадцать котят.
У каждого котёнка
В зубах по четыре мышонка.
И задумался старый Кондрат:
«Сколько мышат и котят
Ребята несут в Ленинград?»

20

Возьмите меня, умывайтесь, купайтесь,
А что я такое — скорей догадайтесь.
И знайте: большая была бы беда,
Когда бы не я да вода, —
На грязной, немытой шее
У вас жили бы гадкие змеи
И ядовитыми жалами
Кололи бы вас, как кинжалами.
А в каждом невымытом ухе
Засели бы злые лягухи,
И если б вы, бедные, плакали,
Они бы смеялись и квакали.
Вот, милые дети, какая беда
Была бы, когда бы не я да вода.
Берите меня, умывайтесь, купайтесь,
А что я такое — скорей догадайтесь.

21

Я великан! Вон ту громадную
Многопудовую плиту
Я, словно плитку шоколадную,
Вмиг поднимаю в высоту.

И если я могучей лапою
Слона или верблюда сцапаю,
Я их обоих буду рад
Поднять, как маленьких котят.

22

Я лаю со всякой
Собакой,
Я вою
Со всякой совою,
И каждую песню твою
Я вместе с тобою
Пою.

Когда же вдали пароход
Быком на реке заревёт,
Я тоже реву:
«У-у!»

23

Две ноги на трёх ногах,
А четвёртая в зубах.
Вдруг четыре прибежали
И с одною убежали.
Подскочили две ноги,
Ухватили три ноги,
Закричали на весь дом —
Да тремя по четырём!
Но четыре завизжали
И с одною убежали.

24

Вот иголки и булавки
Выползают из-под лавки.
На меня они глядят,
Молока они хотят.

25

Вдруг из чёрной темноты
В небе выросли кусты.
А на них-то голубые,
Пунцовые, золотые
Распускаются цветы
Небывалой красоты.
И все улицы под ними
Тоже стали голубыми,
Пунцовыми, золотыми,
Разноцветными.

ОТГАДКИ

1. Яйцо и цыплёнок.

2. Пароход.

3. Губы и зубы.

4. Грузовик.

5. Солнечный луч
на земле.

6. Коньки.

7. Детские ботинки.

8. Крапива.

9. Зеркало.

10. Ковёр.

11. Сосулька.

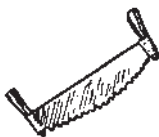
12. Бабушка дала только одну копеечку, так как Марьюшка, Марусенька, Машенька и Манечка — одна и та же девочка.

13. Гребешок.

14. Птицы и огородное пугало.

15. Пила.

16. Иголлка.

17. Автомашина.

18. Туман.

19. Глупый, глупый Кондрат!
Он один и шагал в Ленинград.
А ребята с лукошками,
С мышами и кошками
Шли навстречу ему —
В Кострому.

20. Кусок мыла.

22. Эхо.

23. Две ноги — мальчик,
три ноги — табуретка,
четыре ноги — собака,
одна нога — куриная.

21. Подъемный кран.

24. Ёж.

25. Салют.

ДОКТОР АЙБОЛИТ и другие истории

ДЖЕК — ПОКОРИТЕЛЬ ВЕЛИКАНОВ

1. Корморан

Весело было в деревне! Вдруг откуда-то пришёл страшный великан Корморан и поселился неподалёку, в пещере, у самой дороги. Был он голодный и злой. Каждое утро выходил на дорогу и хватал всякого, кто ему попадётся: и человека, и барана, и гуся, и поросёнка, и кошку.

Один человек вёз в телеге грибы на базар. Великан схватил и сожрал его вместе с конём — даже кнута не оставил. Такой уж он был обжора ненасытный!

А жители деревни были трусы. Они сами приносили ему своих кур и свиней:

- Скушайте, господин Корморан!
- На здоровье, господин Корморан!
- Не желаете ли ещё, господин Корморан?

И кланялись ему до земли.

Вскоре Корморан так растолстел и заважничал, что уже перестал выходить на дорогу; валялся весь день в пещере и подзывал к себе каждого, кого хотел проглотить:

— Эй ты, старичок, иди-ка сюда, да живее, я тебя сейчас съем!

— Иду, ваша милость, иду! — покорно отзывался несчастный. — Вот он я! Кушайте меня на здоровье!

И жил бы великан Корморан тысячу лет до сего дня и съел бы и меня, и тебя, и всех нас, если бы не маленький мальчик, которого звали Джек.

Джек был храбрый, никого не боялся; он решил наказать великана и отрубить ему голову.

Однажды он встал рано утром, когда все ещё спали, взял у отца лопату, пробрался тихонько к пещере, где жил великан, и стал копать яму у самого входа.

Великан услышал шум и проснулся.

— Кто тут? — крикнул он.

Джек ничего не ответил. Он спрятался за куст и стал ждать, чтобы великан снова заснул. Великан долго ворочался у себя на соломе, но наконец захрапел. Джек опять принялся за работу. Работал он весь день, и только к позднему вечеру удалось ему выкопать глубокую яму. Он прикрыл её сосновыми ветками, а ветки засыпал снежком. Издали было незаметно, что тут вырыта глубокая яма, — казалось, будто гладкая земля.

Кончив работу, Джек отошёл на несколько шагов и крикнул:

— Эй ты, Корморашка, вставай!

И кинул камень — прямо в лоб великану.

Великан рассердился и выскочил из пещеры. Он хотел поймать Джека, разорвать его на части и съесть, но провалился в яму, на самое дно!

Яма была очень глубокая. Великан пробовал выпрыгнуть из неё, но не мог: всякий раз падал на дно. Сначала он ругался и грозил кулаками, а потом заплакал и начал просить, чтобы Джек отпустил его на волю.

— Я буду добрый! — кричал он. — Я полюблю всех людей! Я не буду никого обижать!

— Я тебе не верю! — ответил ему Джек. — Ты жадный, злой людоед. Вот тебе награда за твои злодеяния!

И Джек отрубил ему голову.

Когда в деревне узнали об этом, все стали веселиться и радоваться.

— Спасибо тебе, что ты освободил нас от злого чудовища! — говорили Джеку молодые и старые и обнимали и целовали его.

А девушки подарили ему шёлковый пояс, на котором были вышиты слова:

*Самый сильный, самый смелый человек — Джек.
Победил он великана Корморана.*

2. Блендербор

Джек опоясался этим шёлковым поясом, наточил саблю и ушёл путешествовать.

Очень ему хотелось победить и других великанов, которые обижают и мучат людей.

Самый злой из этих людоедов был великан Блендербор: он хватал на улице людей и прятал их в подземелье своего неприступного замка, а потом съедал — одного за другим.

Нужно было убить Блендербора и поскорее освободить его пленников, куда Блендербор не успел проглотить их.

Но прошла весна, пришло лето, а Блендербор не попался Джеку. Джек искал его всюду — и в лесах, и в полях, — но нигде не мог его найти. Вот однажды, в жаркий день, утомившись от трудной дороги, Джек прилёг под деревом в тени и заснул. А мимо как раз проходил Блендербор.

Увидел Блендербор спящего Джека, наклонился над ним и прочитал у него на поясе такие слова:

*Самый сильный, самый смелый человек — Джек.
Победил он великана Корморана.*

— Этот мальчишка, — сказал Блендербор, — убил моего родного племянника. Надо ему отомстить!

Блендербор был не простой великан. У него были две головы — одна маленькая, другая большая, одна старая, другая молодая. Они вечно ругались и спорили. Увидев спяще-

го Джека, одна голова закричала, что его нужно сварить, а другая – что его нужно изжарить. От злости они начали стучаться лбами.

– Сварить! – кричала одна голова.

– Изжарить! – кричала другая.

Увидев, что Джек проснулся, они сразу прикусили языки, притворились добрыми и запели:

Мы тебя, малюточку, так любим!
Приласкаем мы тебя и приголубим!
Мы снесём тебя на мягкую постельку!
Мы тебя уложим в колыбельку!
Угостим тебя мы пирогами!

Тут они засмеялись и шёпотом сказали друг дружке:

А потом покушаем и сами!

Они думали, что Джек не слышал этих слов, но Джек отлично всё слышал. Он понял, что двухголовый злодей Блендербор хочет взять его к себе во дворец и съесть.

Он попробовал убежать, но Блендербор схватил его за ногу, сунул в карман, принёс к себе во дворец и положил на кровать.

– Спокойной ночи! — сказала одна голова.

– Приятного сна! — сказала другая.

Обе они любезно поклонились ему, но Джек слышал, как одна голова сказала за дверью другой голове:

– Когда этот мальчишка уснёт, его нужно будет хлопнуть дубиной, положить в кастрюлю и сварить.

– Нет, изжарить! — закричала другая голова.

– Нет, сварить!

– Нет, изжарить!

Джек вскочил на ноги и стал бегать по комнате. Надо спастись, убежать! Но двери заперты, а на окне железная решётка.

И вот он придумал хитрость: взял большое суковатое полено, которое валялось у печки, положил его вместо себя на кровать и накрыл одеялом.

Великан ударит по полену, а Джек останется цел!

Джек спрятался за печкой и стал ждать. Ждать ему пришлось недолго. Вот на лестнице послышались шаги великана, весь дом задрожал от этих тяжёлых шагов.

Распахнулась дверь, и великан вошёл в комнату, где спрятался Джек. В руках у великана была дубина, он подкрался к кровати и хлопнул что есть силы по полену.

А Джек сидел за печкой невредимый.

– Наконец-то я покончил с мальчишкой! — весело сказал великан и ушёл, а дверей не закрыл.

Джек засмеялся от радости и тихонько побежал вслед за ним. Великан пришёл к себе в спальню, упал на кровать и заснул. Джек долго прислушивался, не проснётся ли он. Но он не проснулся — и вскоре обе его головы захрапели. Тогда Джек тихо-тихо подошёл к кровати великана и вытащил у

него из-под подушки большой ключ, на котором было написано: «Ключ от подвала». Это был ключ от того подземелья, где томились в неволе несчастные пленники. Джек, не терея ни минуты, помчался туда, открыл тяжёлую железную дверь и выпустил всех пленников на волю. Они были рады и счастливы и со слезами благодарили своего избавителя. Когда же они разошлись по домам, Джек вернулся к себе в свою комнату и сейчас же заснул крепким сном.

Утром он проснулся и пошёл к великану. Увидев его, великан задрожал.

— Разве ты не умер? — спросила одна голова.

— Неужели ты остался в живых? — спросила другая.

— С чего бы мне умирать? — сказал Джек.

— Но ведь ночью тебя стукнули дубиной! — сказала одна голова.

— И убили! — сказала другая.

— Пустяки! — засмеялся Джек. — Такие удары для меня не страшны: мне показалось, что мышка задела меня своим маленьким хвостиком.

«Ну и силач! — подумал великан. — Недаром он победил Корморана. Для него моя дубина — мышкин хвост. Нужно убежать от него, чтобы он не убил и меня. Но куда бежать? Куда спрятаться?»

— На чердак! — сказала одна голова.

— В подвал! — сказала другая.

— Нет, на чердак!

— Нет, в подвал!

Покуда они спорили, великан не двигался с места. Он не знал, какую из своих голов ему слушать.

Джек быстро вскочил на стул и одним ударом отрубил ему две головы. Они обе покатались по лестнице, и каждая кричала своё:

— Нет, на чердак!

— Нет, в подвал!

Расправившись с великаном, Джек поспешил в деревню.

Вся деревня уже знала о его новой победе. Его встретили весёлыми криками:

— Да здравствует храбрый Джек!

И подарили Джеку молодого коня, и Джек тотчас же вскочил на него и умчался в далёкие страны сражаться с великанами и злыми чудовищами, которые мучат людей.

ХРАБРЫЙ ПЕРСЕЙ

1

В одном городе случилась большая беда. Прилетела откуда-то крылатая женщина Медуза Горгона. Она медленно проходила по улицам, и всякий, кто смотрел на неё, в тот же миг становился камнем.

Вместо волос у Медузы Горгоны были длинные чёрные змеи. Они всё время шевелились и шипели.

Она тихо и печально глядела каждому прохожему в глаза, и он тотчас же превращался в окаменелую статую. И если птица, пролетая над землёй, взглядывала на Медузу Горгону, птица падала камнем на землю.

Был летний чудесный день. На лужайках, в садах и на улицах бегало много детей. Они играли в весёлые игры,

прыгали, плясали, смеялись и пели. Но стоило Медузе Горгоне пройти мимо них, и они превращались в холодную грудку камней.

2

В том же городе в великолепном дворце жил царь Полидект. Он был трусливый и глупый: до того испугался Медузы Горгоны, что убежал из дворца и спрятался со своими вельможами в погребке, глубоко под землёй.

«Здесь я могу не бояться Медузы Горгоны, — говорил он со смехом. — Здесь ей меня не найти!»

В погребке было много вина и еды; царь сидел за столом и пировал со своими вельможами. Какое ему было дело, что в городе, там, наверху, люди погибают один за другим и не могут спастись от жестокой колдуньи!

3

К счастью, жил в этом городе храбрый Персей. Все очень любили его. Он никогда никого не боялся.

Когда страшная Медуза Горгона проходила по городу, его не было дома.

Вечером Персей воротился домой. Соседи рассказали ему о Медузе Горгоне.

— Злая, бессердечная колдунья! — вскричал он. — Пойду и убью её.

Соседи грустно покачали головой и сказали:

— Много было таких смельчаков, которые хотели сразиться с Медузой Горгоной. Но никто из них не вернулся сюда: она всех превратила в камни.

— Но не могу же я сидеть сложа руки! Ведь она погубит всех жителей нашего города, всех моих родных и друзей! Сегодня же отомщу ей за её злые дела.

И Персей побежал по улицам, расспрашивая у каждого встречного, где жилище Медузы Горгоны.

Но никто не ответил ему. Каждый плакал над каким-нибудь камнем.

4

Персей заглядывал по пути в каждый дом: нет ли там Медузы Горгоны.

Проходя мимо царского погреба, он подумал: не там ли она? Сбежал по ступеням вниз — и увидел в подземелье царя!

Царь Полидект сидел за столом на троне и весело пировал со своими вельможами.

— Эй, ты! — закричал он Персею. — Надеюсь, ты пришёл сюда не с пустыми руками! Не хочешь ли ты подарить мне каких-нибудь диковинных рыб? Или сочных ягод и сладких плодов?

— Нет, — сказал Персей. — Я не принёс ничего — ни рыб, ни плодов, ни ягод. Но скоро я принесу тебе драгоценный подарок, который обрадует и развеселит твоё сердце.

У царя от жадности заблестели глаза.

— Милый юноша, — сказал он приветливым голосом, — подойди ко мне ближе и скажи, какой драгоценный подарок собираешься ты мне поднести. Может быть, ты нашёл на дне моря жемчужину или золотую корону?

— Нет, — ответил Персей, — мой подарок дороже золота, дороже самых лучших жемчужин...

— Что же это такое? Скажи!

— Голова Медузы Горгоны! — громко ответил Персей. — Да, я подарю тебе голову Медузы Горгоны! Я убью эту злую колдунью. Я спасу от неё свою родину!

Царь ударил кулаком по столу:

— Ступай от меня, жалкий безумец! Или ты не знаешь, что тысячи моих доблестных воинов пытались уничтожить Медузу, но многих превратила она в камни, а прочие убежали от неё, как от лютого зверя?

— Твои воины такие же трусы, как ты! — гневно ответил Персей. — Но я никого и ничего не боюсь! Я не убегу от Медузы Горгоны. И ты получишь от меня её голову.

Сказав это, он повернулся и быстрыми шагами ушёл из подвала.

5

Забыв обо всём на свете, он думал теперь об одном: как бы найти Медузу Горгону и спасти от неё родную страну?

Но напрасно всю ночь до утра скитался он по улицам города. Только утром ему встретился знакомый рыбак, который сказал, что Медуза живёт недалеко, под высокой горой, у ручья.

К вечеру Персей добрался до высокой горы, на склоне которой среди серых камней под деревьями спала крепким сном Медуза Горгона.

Персей обнажил свой меч и помчался вниз по уступам горы.

Но вскоре он остановился и задумался:

«Ведь чтобы отрубить голову спящей колдунье, я дол-

жен взглянуть на неё, а если я взгляну на неё, она сейчас же превратит меня в камень».

Он поднял свой медный щит — круглый, блестящий и гладкий — и стал смотреть в него, как смотрят в зеркало. В этом щите отражались и деревья, и серые камни, которые были на склоне горы. В нём же отразилась и спящая женщина, у которой вокруг головы были не волосы, а чёрные змеи.

Так удалось Персею при помощи чудесного щита увидеть Медузу Горгону, ни разу не взглянув на неё.

Медуза спала на земле, рядом со своими безобразными сестрами, которые были похожи на больших разжиревших свиней. Её крылья сверкали, как радуга, у неё было такое прекрасное, печальное, задумчивое молодое лицо, что Персею стало жаль убивать её.

Но тут он увидел, что на голове у Медузы зашевелились чёрные ядовитые змеи, вспомнил, сколько ни в чём не повинных людей и детей погубила эта злая красавица, сколько добрых, счастливых, весёлых превратила она в мёртвые камни.

И ему ещё сильнее, чем прежде, захотелось расправиться с нею.

Глядя в зеркальный щит, в котором отражалась Медуза, Персей подбежал к ней и сразу одним ударом меча отсек её ужасную голову. Голова отлетела прочь и покатилась к ручью. Но Персей и теперь не взглянул на неё, потому что и теперь она могла превратить его в камень. Он взял мешок, сшитый из козьего меха, бросил туда голову Медузы и быстро побежал по горам.

Сёстры Медузы проснулись. Увидев, что Медуза убита, они с криками взлетели на воздух и, как хищные птицы, стали кружить над деревьями. Вот они заметили Персея и полетели за ним.

— Отдай нам голову нашей сестры! — кричали они. — Отдай нам голову нашей сестры!

Персей бежал по горам не оглядываясь, и не раз ему казалось, что страшные Горгоны настигают его. Сейчас они вонзят ему в тело свои острые медные когти!

Но долго они летать не могли, так как были жирные и очень тяжёлые. Понемногу они стали отставать, но всё ещё кричали ему вслед:

– Отдай нам голову нашей сестры!

6

Персей бежал без оглядки. Он бежал по пустыне, а кровь с головы Медузы капала на горячий песок, и каждая капля превращалась в змею.

Змеи извивались и ползли за Персеем, стараясь ужалить его. Но он нёсся, как ветер, не боясь ничего, и в сердце у него была радость. Убита, убита Медуза Горгона! Больше она не будет злодействовать.

По дороге ему встретилась добрая волшебница, по имени Афина Паллада, которая сказала ему:

— Слава герою! За то, что ты не испугался Медузы и спас от неё свой народ, прими от меня в дар эти сандалии. Эти сандалии волшебные. Видишь, к ним приделаны крылышки. Надень их скорее на ноги, и ты полетишь как птица.

Сказав это, волшебница исчезла.

Чуть только Персей надел сандалии, крылышки на них затрепетали, и он, как сокол, полетел над пустыней.

7

Вскоре он вылетел к синему морю и быстро помчался над ним. И вдруг увидел большую скалу.

Скала стояла на берегу, вся освещённая солнцем, и к ней железной цепью была прикована девушка, которая горько рыдала.

Персей подлетел к ней и крикнул:

— Скажи мне, прекрасная девушка, какие жестокие люди приковали тебя к этой скале? Я пойду и зарублю их своим острым мечом!

— Уходи, уходи! — закричала она. — Скоро вынырнет из моря дракон, страшное морское чудовище. Он проглотит и тебя и меня! Каждый день он подплывает сюда, взбирается на гору, рыщет по нашему городу и там пожирает людей. Он глотает без разбору и старых, и малых. Чтобы спастись от него, жители города приковали меня к этой скале: дракон увидит меня и сейчас же проглотит, и все люди в нашем городе останутся живы.

— Не боюсь я морского чудовища! — крикнул бесстрашный Персей. — Сегодня я уничтожил другое чудовище, которое гораздо страшнее!

Но девушке было жалко Персея.

— Оставь меня, — сказала она, — уходи! Я не хочу, чтобы тебя проглотило чудовище.

— Нет, я не покину тебя! Я останусь и убью этого злого дракона, глотающего беззащитных людей.

И он сильно ударил своим острым мечом по цепи, которой была прикована девушка.

— Ты свободна! — сказал он.

Она засмеялась, обрадовалась и нежно благодарила своего избавителя. Но вдруг оглянулась и крикнула:

— Чудовище близко! Оно подплывает сюда! Что делать? Что делать? У него такие острые зубы. Оно растерзает, проглотит и тебя и меня! Уходи, уходи! Я не хочу, чтобы ты погиб из-за меня.

— Я останусь здесь, — сказал Персей. — Я спасу и тебя, и твой город от злого дракона. Обещай мне, что, если я уничтожу его, ты будешь моею женою и пойдёшь вместе со мной в мою страну.

Дракон подплывал всё ближе. Он нёсся по волнам, словно корабль. Увидев девушку, он жадно разинул широкую зубастую пасть и ринулся на берег, чтобы проглотить свою жертву. Но Персей бесстрашно встал перед ним и, вытащив из козьего меха голову Медузы Горгоны, показал её свирепому чудовищу.

Чудовище взглянуло на волшебную голову и тотчас же окаменело навеки — превратилось в огромный чёрный прибрежный утёс.

Девушка была спасена. Персей бросился к ней, взял её на руки и взбежал с нею на вершину горы, в тот город, которому угрожало чудовище.

В городе все были рады и счастливы. Люди обнимали и целовали Персея и в восторге кричали ему:

— Да здравствует великий герой, который спас нашу страну от гибели!

У девушки было красивое имя: Андромеда. Вскоре она стала женою Персея, он подарил ей одну из своих чудесных сандалий, и оба они полетели в тот город, в котором царствовал трусливый Полидект.

8

Оказалось, что царь Полидект всё ещё прячется у себя в подземелье и пирует вместе со своими вельможами.

Едва только царь увидел Персея, он засмеялся и крикнул:

— Поди-ка ты сюда, хвастунишка! Ну, где твоя Медуза Горгона? Видно, легче обещать, чем исполнить!

— Нет, царь, я исполнил своё обещание: я принёс тебе чудесный подарок — голову Медузы Горгоны! Но лучше бы тебе на неё не смотреть.

— Нет, нет! — закричал царь. — Покажи! Я не верю тебе. Ты хвастун и обманщик!

— Её голова здесь, в этом сером мешке!

— Ты лжёшь. Я не верю тебе, — сказал царь. — Там у тебя самая обыкновенная тыква.

— Ну что ж! Если не веришь, гляди! — крикнул со смехом Персей, вынул из мешка голову Медузы Горгоны и, закрыв глаза, чтобы не смотреть на неё, показал её царю и вельможам.

Те хотели встать, убежать, но не могли и остались на месте.

— Вот вам награда за то, что вы, жалкие трусы, прятались от грозной опасности и оставили свой народ погибать, а сами пировали от утра до утра.

Но никто не ответил ему, потому что и царь, и вельможи сделались грудой камней.

Очень обрадовались жители этого города, когда узнали, что на свете уже нет Полидекта.

— Пусть царствует над нами Персей! — закричали они. — Он такой храбрый и добрый.

Но Персей не захотел быть царём. Он бросил в пучину моря голову Медузы Горгоны и ушёл в далёкую страну вместе со своей милой женой Андромедой.

Выйди из дому в ясную ночь и взгляни на небо, усыпанное яркими звёздами. Ты увидишь созвездие молодого Персея. В руке у Персея голова Медузы, но не бойся смотреть на неё: она уже не может превратить тебя в камень. Рядом с Персеем ты увидишь его прекрасную жену Андромеду. Руки её подняты кверху, словно они прикованы к скале. Тысячи лет люди смотрят на эти созвездия и вспоминают славного героя Персея, который спас их от Медузы Горгоны и от жестокого морского чудовища.

ДОКТОР АЙБОЛИТ
(По Гью Лофтингу)

Часть первая

ПУТЕШЕСТВИЕ В СТРАНУ ОБЕЗЬЯН

1. Доктор и его звери

Жил-был доктор. Он был добрый. Звали его Айболит. И была у него злая сестра, которую звали Варвара.

Больше всего на свете доктор любил зверей. В комнате у него жили зайцы. В шкафу у него жила белка. На диване жил колючий ёж. В сундуке жили белые мыши.

Но из всех своих зверей доктор Айболит любил больше всего утку Кику, собаку Авву, маленькую свинку Хрю-Хрю, попугая Карудо и сову Бумбу.

Очень сердилась на доктора его злая сестра Варвара за то, что у него в комнате столько зверей.

— Прогони их сию же минуту! — кричала она. — Они только комнаты пачкают. Не желаю жить с этими скверными тварями!

— Нет, Варвара, они не скверные! — говорил доктор. — Я очень рад, что они живут у меня.

Со всех сторон к доктору приходили лечиться больные пастухи, больные рыбаки, дровосеки, крестьяне, и каждому давал он лекарство, и каждый сразу становился здоров.

Если какой-нибудь деревенский мальчишка ушибёт себе руку или поцарапает нос, он сейчас же бежит к Айболиту — и, смотришь, через десять минут он как ни в чём не бывало, здоровый, весёлый, играет в пятнашки с попугаем Карудо, а сова Бумба угощает его леденцами и яблоками.

Однажды к доктору пришла очень печальная лошадь и тихо сказала ему:

— Лама, воной, фифи, куку!

Доктор сразу понял, что на зверином языке это значит: «У меня болят глаза. Дайте мне, пожалуйста, очки».

Доктор давно уже научился говорить по-звериному. Он сказал лошади:

— Капуки, кануки!

По-звериному это значит:

«Садитесь, пожалуйста».

Лошадь села. Доктор надел ей очки, и глаза у неё перестали болеть.

— Чака! — сказала лошадь, замахала хвостом и побежала на улицу.

«Чака» по-звериному значит «спасибо».

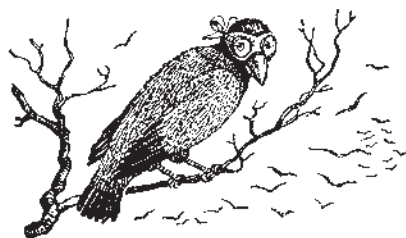
Скоро все звери, у которых были плохие глаза, получили от доктора Айболита очки. Лошади стали ходить в очках, коровы — в очках, кошки и собаки — в очках. Даже старые вороны не вылетали из гнезда без очков.

С каждым днём к доктору приходило всё больше зверей и птиц.

Приходили черепахи, лисицы и козы, прилетали журавли и орлы.

Всех лечил доктор Айболит, но денег не брал ни у кого, потому что какие же деньги у черепах и орлов!

Скоро в лесу на деревьях были расклеены такие объявления:

Открыта больница
Для птиц и зверей.
Идите лечиться
Туда поскорей!

Расклеивали эти объявления Ваня и Таня, соседские дети, которых доктор вылечил когда-то от скарлатины и кори. Они очень любили доктора и охотно помогали ему.

2. Обезьяна Чичи

Однажды вечером, когда все звери спали, к доктору кто-то постучался.

— Кто там? — спросил доктор.

— Это я, — ответил тихий голос.

Доктор открыл дверь, и в комнату вошла обезьяна, очень худая и грязная. Доктор посадил её на диван и спросил:

— Что у тебя болит?

— Шея, — сказала она и заплакала.

Тут только доктор увидел, что на шее у неё большая верёвка.

— Я убежала от злого шарманщика, — сказала обезьяна и снова заплакала. — Шарманщик бил меня, мучил и всюду тащил за собой на верёвке.

Доктор взял ножницы, перерезал верёвку и смазал шею обезьяны такой удивительной мазью, что шея тотчас же перестала болеть. Потом он выкупал обезьяну в корыте, дал ей поесть и сказал:

— Живи у меня, обезьяна. Я не хочу, чтобы тебя обижали.

Обезьяна была очень рада. Но когда она сидела за столом и грызла большие орехи, которыми угостил её доктор, в комнату вбежал злой шарманщик.

— Отдай мне обезьяну! — крикнул он. — Эта обезьяна моя!

— Не отдам! — сказал доктор. — Ни за что не отдам! Я не хочу, чтобы ты мучил её.

Взбешённый шарманщик хотел схватить доктора Айболита за горло.

Но доктор спокойно сказал ему:

– Убирайся сию же минуту! А если будешь драться, я кликну собаку Авву, и она искушает тебя.

Авва вбежала в комнату и грозно сказала:

– Рррр...

На зверином языке это значит:

«Беги, а не то укушу!»

Шарманщик испугался и убежал без оглядки. Обезьяна осталась у доктора. Звери скоро полюбили её и назвали Чичи. На зверином языке «чичи» значит «молодчина».

Чуть только Таня и Ваня увидели её, они в один голос воскликнули:

– Какая она милая! Какая чудесная!

И тотчас же стали играть с нею, как со своей лучшей подружкой. Они играли в прятки и в мяч, а потом все трое взяли за руки и побежали на берег моря, и там обезьяна научила их весёлому обезьяньему танцу, который на зверином языке называется «ткелла».

3. Доктор Айболит за работой

Каждый день к доктору Айболиту приходили звери лечиться. Лисицы, кролики, тюлени, ослы, верблюжата – все приходили к нему издалека. У кого болел живот, у кого зуб. Каждому доктор давал лекарство, и все они сейчас же выздоравливали.

Однажды пришёл к Айболиту бесхвостый козлёнок, и доктор пришил ему хвост.

А потом из далёкого леса пришла, вся в слезах, медведица. Она жалобно стонала и хныкала: из лапы у неё торчала большая заноза. Доктор вытащил занозу, промыл рану и смазал её своей чудодейственной мазью.

Боль у медведицы сию же минуту прошла.

– Чака! – закричала медведица и весело побежала домой – в берлогу, к своим медвежатам.

Потом к доктору приплёлся больной заяц, которого чуть не загрызли собаки.

А потом пришёл больной баран, который сильно простудился и кашлял.

А потом пришли два цыплёнка и привели индюка, который отравился грибами поганками.

Каждому, каждому давал доктор лекарство, и все в тот же миг выздоравливали, и каждый говорил ему «чака».

А потом, когда все больные ушли, доктор Айболит услышал, как будто что-то шуршит за дверями.

— Войдите! — крикнул доктор.

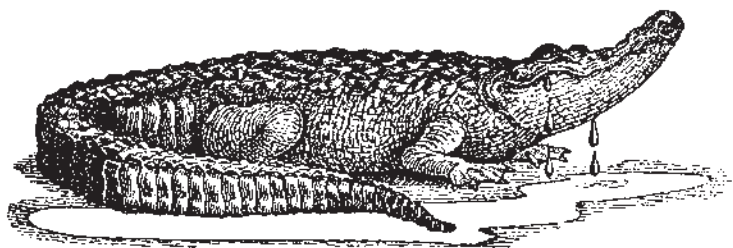
И пришёл к нему печальный мотылёк:
«Я на свечке себе крылышко обжёг.
Помоги мне, помоги мне, Айболит:
Моё раненое крылышко болит!»

Доктору Айболиту стало жаль мотылька. Он положил его на ладонь и долго разглядывал обгорелое крылышко. А потом улыбнулся и весело сказал мотыльку:

— Не печалься, мотылёк!
Ты ложися на бочок:
Я пришью тебе другое,
Шёлковое, голубое,
Новое,
Хорошее
Крылышко!

И пошёл доктор в соседнюю комнату и принёс оттуда целый ворох всевозможных лоскутков — бархатных, атласных, батистовых, шёлковых. Лоскутки были разноцветные: голубые, зелёные, чёрные. Доктор долго рылся среди них, наконец выбрал один — ярко-синий с пунцовыми пятнышками. И тотчас же выкроил из него ножницами отличное крылышко, которое и пришил мотыльку.

Засмеялся мотылёк
И помчался на лужок
И летает под берёзами
С бабочками и стрекозами.

А весёлый Айболит
Из окна ему кричит:
«Ладно, ладно, веселись,
Только свечки берегись!»

Так возился доктор со своими больными до самого позднего вечера.

Вечером он прилёг на диван и сладко заснул, и ему стали сниться белые медведи, олени, моржи. И вдруг кто-то снова постучал к нему в дверь.

4. Крокодил

В том же городе, где жил доктор, был цирк, а в цирке жил большой Крокодил. Там его показывали людям за деньги.

У Крокодила заболели зубы, и он пришёл к доктору Айболиту лечиться. Доктор дал ему чудесного лекарства, и зубы перестали болеть.

— Как у вас хорошо! — сказал Крокодил, озираясь по сторонам и облизываясь. — Сколько у вас зайчиков, птичек, мышей! И все они такие жирные, вкусные! Позвольте мне остаться у вас навсегда. Я не хочу возвращаться к хозяину цирка. Он плохо кормит меня, бьёт, обижает.

— Оставайся, — сказал доктор. — Пожалуйста! Только чур: если ты съешь хоть одного зайчишку, хоть одного воробья, я прогоню тебя вон.

— Ладно, — сказал Крокодил и вздохнул. — Обещаю вам, доктор, что не буду есть ни зайцев, ни птиц.

И стал Крокодил жить у доктора.

Был он тихий. Никого не трогал, лежал себе под кроватью и всё думал о своих братьях и сёстрах, которые жили далеко-далеко, в жаркой Африке.

Доктор полюбил Крокодила и часто разговаривал с ним. Но злая Варвара терпеть не могла Крокодила и требовала, чтобы доктор прогнал его.

— Видеть его не желаю! — кричала она. — Он такой противный, зубастый. И всё портит, к чему ни притронется.

Вчера съел мою зелёную юбку, которая валялась у меня на окошке.

— И хорошо сделал, — сказал доктор. — Платье надо прятать в шкаф, а не бросать на окошко.

— Из-за этого противного Крокодила, — продолжала Варвара, — многие люди боятся приходить к тебе в дом. Приходят одни бедняки, и ты не берёшь у них платы, и мы теперь так обеднели, что нам не на что купить себе хлеба.

— Не нужно мне денег, — отвечал Айболит. — Мне и без денег отлично. Звери накормят и меня, и тебя.

5. Друзья помогают доктору

Варвара сказала правду: доктор остался без хлеба. Три дня он сидел голодный. У него не было денег.

Звери, которые жили у доктора, увидели, что ему нечего есть, и стали его кормить. Сова Бумба и свинка Хрю-Хрю устроили во дворе огород: свинка рылом копала грядки, и Бумба сажала картошку. Корова каждый день утром и вечером стала угощать доктора своим молоком. Курица несла ему яйца.

И все стали заботиться о докторе. Собака Авва подметала полы. Таня и Ваня вместе с обезьяной Чичи носили ему воду из колодца. Доктор был очень доволен.

— Никогда у меня в моём домике не было такой чистоты. Спасибо вам, дети и звери, за вашу работу!

Дети весело улыбались ему, а звери в один голос отвечали:

— Карабуки, марабуки, бу!

На зверином языке это значит:

«Как же нам не служить тебе? Ведь ты лучший наш друг».

А собака Авва лизнула его в щёку и сказала:

— Абузо, мабузо, бах!

На зверином языке это значит:

«Мы никогда не покинем тебя и будем тебе верными товарищами».

6. Ласточка

Как-то вечером сова Бумба сказала:

— Кто это там скребётся за дверью? Похоже, как будто мышь.

Все прислушались, но ничего не услышали.

— За дверью никого нет! — сказал доктор. — Это тебе так показалось.

— Нет, не показалось, — возразила сова. — Я слышу, что кто-то скребётся. Это мышь или птица. Уж вы можете мне поверить. Мы, совы, слышим лучше, чем люди.

Бумба не ошиблась.

Обезьяна открыла дверь и увидела на пороге ласточку.

Ласточка — зимой! Какое чудо! Ведь ласточки не выносят мороза и, чуть наступает зима, улетают в жаркую Африку. Бедная, как ей холодно! Она сидит на снегу и дрожит.

— Ласточка! — крикнул доктор. — Войди в комнату и обогрейся у печки.

Вначале ласточка боялась войти. Она увидела, что в комнате лежит Крокодил, и думала, что он её съест. Но обезьяна Чичи сказала ей, что этот Крокодил очень добрый. Тогда ласточка влетела в комнату, села на спинку стула, огляделась по сторонам и спросила:

— Чируто, кисафа, мак?

На зверином языке это значит:

«Скажите, пожалуйста, не здесь ли живёт знаменитый доктор Айболит?»

— Айболит — это я, — сказал доктор.

— У меня к вам большая просьба, — сказала ласточка. — Вы должны сейчас же ехать в Африку. Я нарочно прилетела из Африки, чтобы позвать вас туда. Там, в Африке, живут обезьяны, и теперь эти обезьяны больны.

— Что у них болит? — спросил доктор.

— У них болит живот, — сказала ласточка. — Они лежат на земле и плачут. Есть только один человек, который может их спасти, — это вы. Берите с собой лекарства, и едем скорее в Африку! Если вы не поедете в Африку, все обезьяны умрут.

— Ах, — сказал доктор, — я с радостью поехал бы в Африку! Я люблю обезьян, и мне жаль, что они больны. Но у меня нет корабля. Ведь чтобы поехать в Африку, нужно иметь корабль.

— Бедные обезьяны! — сказал Крокодил. — Если доктор не поедет в Африку, все они должны умереть. Только он один может вылечить их.

И Крокодил заплакал такими большими слезами, что по полу потекли два ручья.

Вдруг доктор Айболит закричал:

— Всё же я в Африку поеду! Всё же я вылечу больных обезьян! Я вспомнил, что у моего знакомого старого моряка Робинзона, которого я спас когда-то от злой лихорадки, есть превосходный корабль.

Он взял шляпу и пошёл к моряку Робинзону.

— Здравствуй, моряк Робинзон! — сказал он. — Будь добр, дай мне твой корабль. Я хочу поехать в Африку. Там, неподалёку от пустыни Сахары, есть чудесная Страна Обезьян.

— Хорошо, — сказал моряк Робинзон. — Я дам тебе корабль с удовольствием. Ведь ты спас мне жизнь, и я рад оказать тебе любую услугу. Но смотри привези мой корабль назад, потому что другого корабля у меня нет.

— Непременно привезу, — сказал доктор. — Не беспокойся. Мне бы только в Африку съездить.

— Бери, бери! — повторил Робинзон. — Но смотри не разбей его о подводные камни!

— Не бойся, не разобью, — сказал доктор, поблагодарил моряка Робинзона и побежал домой.

— Звери, собирайтесь! — крикнул он. — Завтра мы едем в Африку!

Звери очень обрадовались, стали прыгать по комнате, хлопать в ладоши. Больше всех радовалась обезьяна Чичи:

— Еду, еду в Африку,
В милые края!
Африка, Африка,
Родина моя!

— Я не всех зверей возьму в Африку, — сказал доктор Айболит. — Ежики, летучие мыши и кролики должны остаться тут, в моём доме. Вместе с ними останется и лошадь. А возьму я с собой Крокодила, обезьяну Чичи и попугая Карудо, потому что они родом из Африки: там живут их родители, братья и сёстры. Кроме того, я возьму с собой Авву, Кикку, Бумбу и свинку Хрю-Хрю.

— А нас? — закричали Таня и Ваня. — Неужели мы останемся здесь без тебя?

— Да! — сказал доктор и крепко пожал им руки. — До свиданья, дорогие друзья! Вы останетесь здесь и будете ухаживать за моим огородом и садом. Мы очень скоро вернёмся. И я привезу вам из Африки чудесный подарок.

Таня и Ваня понурили головы. Но подумали немного и сказали:

— Ничего не поделаешь: мы ещё маленькие. Счастливого пути! До свиданья! А когда мы подрастём, мы непременно поедem с тобой путешествовать.

— Ещё бы! — сказал Айболит. — Вам только нужно чуть-чуть подрасти.

7. В Африку

Звери наскоро уложили вещи и тронулись в путь. Дома остались только зайцы, да кролики, да ежи, да летучие мыши.

Придя на берег моря, звери увидели чудесный корабль. Тут же на пригорке стоял моряк Робинзон. Ваня и Таня вместе со свинкой Хрю-Хрю и обезьяной Чичи помогли доктору внести чемоданы с лекарствами.

Все звери взошли на корабль и хотели уже тронуться в путь, как вдруг доктор закричал громким голосом:

— Подождите, подождите, пожалуйста!

— Что случилось? — спросил Крокодил.

— Подождите! Подождите! — кричал доктор. — Ведь я не знаю, где Африка! Нужно пойти и спросить.

Крокодил засмеялся:

— Не ходи! Успокойся! Ласточка покажет тебе, куда

плыть. Она часто бывала в Африке. Ласточки летают в Африку каждую зиму.

— Конечно! — сказала ласточка. — Я с радостью покажу тебе дорогу туда.

И она полетела впереди корабля, показывая доктору Айболиту дорогу.

Она летела в Африку, а доктор Айболит направлял корабль вслед за нею. Куда ласточка, туда и корабль. Ночью становилось темно, и ласточки не было видно. Тогда она зажигала фонарик, брала его в клюв и летела с фонариком, так что доктор и ночью мог видеть, куда ему вести своё судно.

Ехали они, ехали, вдруг видят — летит им навстречу журавль.

— Скажите, пожалуйста, не на вашем ли корабле знаменитый доктор Айболит?

— Да, — отвечал Крокодил. — Знаменитый доктор Айболит находится на нашем корабле.

— Попросите доктора, чтобы он плыл поскорее, — сказал журавль, — потому что обезьянам становится всё хуже и хуже. Они ждут не дождутся его.

— Не беспокойтесь! — сказал Крокодил. — Мы мчимся на всех парусах. Обезьянам не придётся долго ждать.

Услышав это, журавль обрадовался и полетел назад, чтобы сказать обезьянам, что доктор Айболит уже близко.

Корабль быстро бежал по волнам. Крокодил сидел на палубе и вдруг увидел, что навстречу кораблю плывут дельфины.

— Скажите, пожалуйста, — спросили дельфины, — не плывёт ли на этом корабле знаменитый доктор Айболит?

— Да, — отвечал Крокодил. — Знаменитый доктор Айболит плывёт на этом корабле.

— Будьте добры, попросите доктора плыть скорее, потому что обезьянам становится всё хуже и хуже.

— Не беспокойтесь! — отвечал Крокодил. — Мы мчимся на всех парусах. Обезьянам не придётся долго ждать.

Утром доктор сказал Крокодилу:

— Что это там впереди? Какая-то большая земля. Я думаю, это Африка.

— Да, это Африка! — закричал Крокодил. — Африка! Африка! Скоро мы будем в Африке! Я вижу страусов! Я вижу носорогов! Я вижу верблюдов! Я вижу слонов!

Африка, Африка!
Милые края!
Африка, Африка!
Родина моя!

8. Буря

Но тут поднялась буря. Дождь! Ветер! Молния! Гром! Волны сделались такие большие, что на них было страшно смотреть.

И вдруг — трах-тар-ра-рах! Раздался ужасный треск, и корабль наклонился набок.

— Что такое? Что такое? — спросил доктор.

— Ко-ра-бле-кру-ше-ние! — закричал попугай. — Наш корабль налетел на скалу и разбился! Мы тонем. Спасайся кто может!

— Но я не умею плавать! — закричала Чичи.

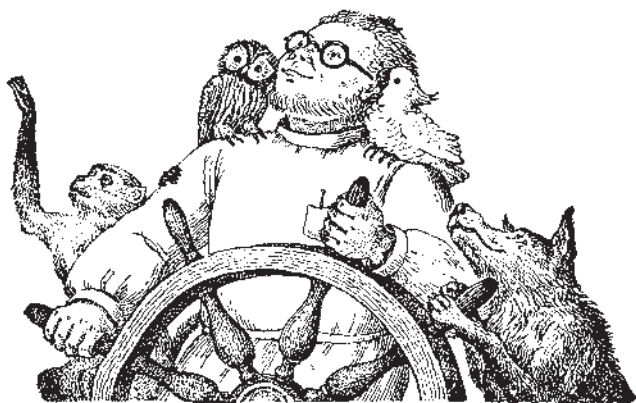
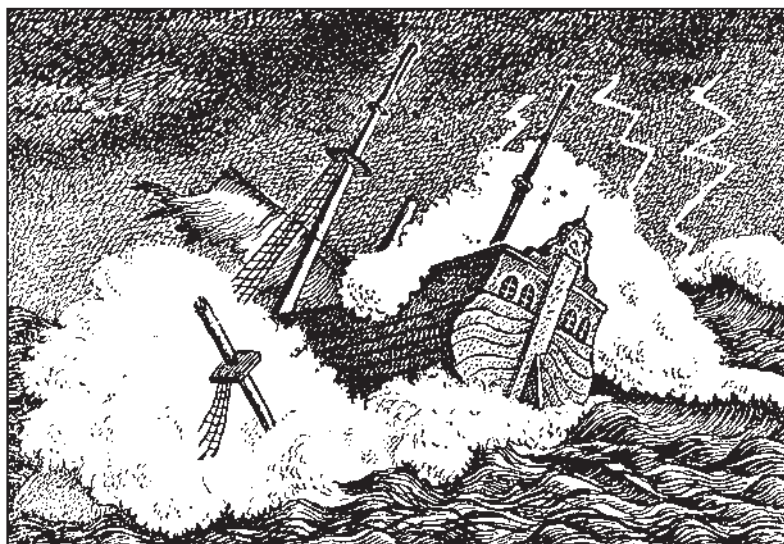
— Я тоже не умею! — закричала Хрю-Хрю. И они горько заплакали. К счастью, Крокодил посадил их на свою широкую спину и поплыл по волнам прямо к берегу.

Ура! Все спасены! Все благополучно добрались до Африки. Но их корабль погиб. Огромная волна налетела на него и разбила в мелкие щепки.

Как они воротятся домой? Ведь другого корабля у них нет. И что они скажут моряку Робинзону?

Становилось темно. Доктор и все его звери очень хотели спать. Они промокли до костей и устали. Но доктор и не думал об отдыхе:

— Скорее, скорее вперед! Нужно торопиться! Нужно спасти обезьян! Бедные обезьяны больны, и они ждут не дождутся, чтобы я вылечил их!

9. Доктор в беде

Тут к доктору подлетела Бумба и сказала испуганным голосом:

– Тише, тише! Кто-то идёт! Я слышу чьи-то шаги!

Все остановились и прислушались.

Из лесу вышел какой-то лохматый старик с длинной седой бородой и закричал:

– Что вы тут делаете? И кто вы такие? И зачем вы сюда пришли?

– Я доктор Айболит, – сказал доктор. – Я приехал в Африку, чтобы вылечить больных обезьян...

– Ха-ха-ха! – засмеялся лохматый старик. – «Вылечить больных обезьян»? А знаете ли вы, куда вы попали?

– Куда? – спросил доктор.

– К разбойнику Бармалею!

– К Бармалею! – воскликнул доктор. – Бармалей – самый злой человек на всём свете! Но мы лучше умрём, а не сдадимся разбойнику! Бежим скорее туда – к нашим больным обезьянам... Они плачут, они ждут, и мы должны вылечить их.

– Нет! – сказал лохматый старик и захохотал ещё громче. – Вы отсюда никуда не уйдёте! Бармалей убивает каждого, кто попадёт к нему в плен.

– Бежим! – кричал доктор. – Бежим! Мы можем спастись! Мы спасёмся!

Но тут появился перед ними сам Бармалей и, размахивая саблей, закричал:

– Эй вы, мои верные слуги! Возьмите этого глупого доктора со всеми его глупыми зверями и посадите в тюрьму, за решётку! Завтра я разделаюсь с ними!

Подбежали слуги Бармаля, схватили доктора, схватили Крокодила, схватили всех зверей и повели их в тюрьму. Доктор храбро отбивался от них. Звери кусались, царапались, вырывались из рук, но врагов было много, враги были сильные. Они бросили своих пленников в тюрьму, и лохматый старик запер их там на ключ.

А ключ отдал Бармалею. Бармалей унёс его и спрятал у себя под подушкой.

— Бедные мы, бедные! — сказала Чичи. — Из этой тюрьмы нам не уйти никогда. Стены здесь крепкие, двери железные. Больше мы не увидим ни солнца, ни цветов, ни деревьев. Бедные мы, бедные!

Свинка захрюкала, собака завывала. А Крокодил заплакал такими большими слезами, что на полу сделалась широкая лужа.

10. Подвиг попугая Карудо

Но доктор сказал зверям:

— Друзья мои, нам нельзя унывать! Мы должны вырваться из этой проклятой тюрьмы — ведь нас ждут больные обезьяны! Перестаньте плакать! Давайте подумаем, как нам спастись.

— Нет, милый доктор! — сказал Крокодил и заплакал ещё сильнее. — Спасти нас нельзя. Мы погибли! Двери нашей тюрьмы сделаны из крепкого железа. Разве мы можем разбить эти двери? Завтра утром, чуть свет, к нам придёт Бармалей и убьёт нас всех до одного!

Утка Кика захныкала. Чичи глубоко вздохнула. Но доктор вскочил на ноги и воскликнул с весёлой улыбкой:

— Всё же мы спасёмся из тюрьмы!

И он подозвал к себе попугая Карудо и что-то шепнул ему. Шепнул так тихо, что никто, кроме попугая, не слышал. Попугай кивнул головой, засмеялся и сказал:

— Хорошо!

А потом подбежал к решётке, протиснулся между железными прутьями, вылетел на улицу и полетел к Бармалею.

Бармалей крепко спал у себя на кровати, а под подушкой у него был спрятан огромный ключ — тот самый, которым он запер железные двери тюрьмы.

Тихо-тихо подкрался попугай к Бармалею и вытащил из-под подушки ключ. Если бы разбойник проснулся, он непременно убил бы бесстрашную птицу. Но, к счастью, раз-

бойник спал крепким сном. Храбрый Карудо схватил ключ и полетел что есть силы обратно в тюрьму.

У, какой тяжёлый этот ключ! Карудо чуть не выронил его по дороге. Но всё же долетел до тюрьмы — и прямо в окно, к доктору Айболиту. Вот обрадовался доктор, когда увидел, что попугай принёс ему ключ от тюрьмы!

— Ура! Мы спасены! — крикнул он. — Бежим скорее, пока Бармалей не проснулся!

Доктор схватил ключ, открыл дверь и выбежал на улицу. А за ним — все его звери. Свобода! Свобода! Ура!

— Спасибо тебе, храбрый Карудо! — сказал доктор. — Ты спас нас от смерти. Если бы не ты, мы пропали бы. А вместе с нами погибли бы и бедные больные обезьяны.

— Нет! — сказал Карудо. — Это ты научил меня, что нужно сделать, чтобы выбраться из этой тюрьмы!

— Скорее, скорее к больным обезьянам! — сказал доктор и торопливо побежал в чащу леса. А вместе с ним — все его звери.

11. По обезьяньему мосту

Когда Бармалей узнал, что доктор Айболит убежал из тюрьмы, он страшно рассердился, засверкал глазами, затопал ногами.

— Эй вы, слуги мои верные! — закричал он. — Бегите в погоню за доктором! Поймайте его и приведите сюда!

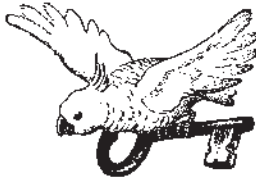
Слуги побежали в чащу леса и стали искать доктора Айболита. А в это время доктор Айболит со всеми своими зверями пробирался по Африке в Страну Обезьян. Он шёл очень быстро. Свинка Хрю-Хрю, у которой были короткие ноги, не могла поспевать за ним. Доктор взял её на руки и понёс. Свинка была тяжёлая, и доктор ужасно устал!

— Как бы мне хотелось отдохнуть! — сказал он. — О, если бы скорее дойти до Страны Обезьян!

Чичи взобралась на высокое дерево и громко закричала:

— Я вижу Страну Обезьян! Страна Обезьян близко! Скоро, скоро мы будем в Стране Обезьян!

Доктор засмеялся от радости и поспешил вперёд.

Больные обезьяны издали увидели доктора и весело хлопали в ладоши.

– Ура! К нам приехал доктор Айболит! Доктор Айболит тотчас же вылечит нас, и мы завтра же будем здоровы!

Но тут из чащи леса выбежали слуги Бармаля и помчались в погоню за доктором.

– Держи его! Держи! Держи! – кричали они.

Доктор бежал что есть силы. И вдруг перед ним – река. Дальше бежать невозможно. Река широкая, её нельзя переплыть. Сейчас слуги Бармаля поймают его! Ах, если бы через эту реку был мост, доктор побежал бы по мосту и сразу очутился бы в Стране Обезьян!

– Бедные мы, бедные! – сказала свинка Хрю-Хрю. – Как же мы перейдём на ту сторону? Через минуту эти злодеи поймают нас и опять посадят в тюрьму.

Тут одна из обезьян закричала:

– Мост! Мост! Делайте мост! Поскорее! Не теряйте ни минуты! Делайте мост! Мост!

Доктор посмотрел по сторонам. У обезьян нет ни железа, ни камня. Из чего же они сделают мост?

Но обезьяны построили мост не из железа, не из камня, а из живых обезьян. На берегу реки росло дерево. За это дерево ухватилась одна обезьяна, а другая схватила эту обезьяну за хвост. Так все обезьяны протянулись, как длинная цепь, между двумя высокими берегами реки.

– Вот тебе и мост, беги! – закричали они доктору.

Доктор схватил сову Бумбу и побежал по обезьянам, по их головам, по их спинам. За доктором – все его звери.

– Скорее! – кричали обезьяны. – Скорее! Скорее!

Трудно было идти по живому обезьяньему мосту. Звери боялись, что вот-вот поскользнутся и упадут в воду.

Но нет, мост был прочный, обезьяны крепко держались друг за друга – и доктор быстро добежал до другого берега со всеми зверями.

– Скорее, скорее вперёд! – кричал доктор. – Медлить нельзя ни минуты. Ведь нас догоняют враги. Видите, они тоже бегут по обезьяньему мосту... Сейчас они будут здесь! Скорее!.. Скорее!..

Но что такое? Что случилось? Смотрите: на самой середине моста одна обезьяна разжала пальцы, мост провалился, рассыпался, и слуги Бармалея с большой высоты полетели кувыркком прямо в реку.

— Ура! — закричали обезьяны. — Ура! Доктор Айболит спасён! Теперь ему некого бояться! Ура! Враги не поймали его! Теперь он вылечит наших больных! Они здесь, они близко, они стонут и плачут!

12. Глупые звери

Доктор Айболит поспешил к больным обезьянам.

Они лежали на земле и стонали. Они были очень больны.

Доктор начал лечить обезьян. Нужно было дать каждой обезьяне лекарство: одной — капли, другой — пилюли. Нужно было каждой обезьяне положить на голову холодный компресс, а на спину и грудь — горчичники. Больных обезьян было много, а доктор один. Одному с такой работой не справиться.

Кика, Крокодил, Карудо и Чичи изо всех сил помогали ему, но они скоро устали, и доктору понадобились другие помощники.

Он пошёл в пустыню — туда, где жил лев.

— Будьте так добры, — сказал он льву, — помогите мне, пожалуйста, лечить обезьян.

Лев был важный. Он грозно посмотрел на Айболита:

— Да знаешь ли ты, кто я такой? Я — лев, я — царь зверей! И ты смеешь просить меня, чтобы я лечил каких-то поганых маргышек!

Тогда доктор пошёл к носорогам.

— Носороги, носороги! — сказал он. — Помогите мне лечить обезьян! Их много, а я один. Мне одному с моей работой не справиться.

Носороги только засмеялись в ответ:

— Станем мы тебе помогать! Скажи спасибо, что мы не забодали тебя своими рогами!

Очень рассердился доктор на злых носорогов и побежал в соседний лес — туда, где жили полосатые тигры.

– Тигры, тигры! Помогите мне лечить обезьян!

– Ррр! – отвечали полосатые тигры. – Уходи, покуда цел!

Доктор ушёл от них очень печальный.

Но скоро злые звери были жестоко наказаны.

Когда лев воротился домой, львица сказала ему:

– Наш маленький сын заболел – целый день плачет и стонет. Как жаль, что в Африке нет знаменитого доктора Айболита! Он чудесно лечит. Недаром все любят его. Он вылечил бы нашего сына.

– Доктор Айболит здесь, – сказал лев. – Вон за теми пальмами, в Обезьяньей Стране! Я только что разговаривал с ним.

– Какое счастье! – воскликнула львица. – Беги и позови его к нашему сыну!

– Нет, – сказал лев, – я к нему не пойду. Он не станет лечить нашего сына, потому что я очень обидел его.

– Ты обидел доктора Айболита! Что же мы теперь будем делать? Да знаешь ли ты, что доктор Айболит – самый лучший, самый замечательный доктор? Он один из всех людей умеет говорить по-звериному. Он лечит тигров, крокодилов, зайцев, обезьян и лягушек. Да-да, он лечит даже лягушек, потому что он очень добрый. И такого человека ты обидел! И обидел как раз тогда, когда у тебя у самого болен сын! Что же ты теперь будешь делать?

Лев оторопел. Он не знал, что сказать.

– Ступай к этому доктору, – кричала львица, – и скажи ему, что ты просишь прощения! Помогай ему, чем только можешь. Делай всё, что он скажет, умоляй его, чтобы он вылечил нашего бедного сына!

Нечего делать, пошёл лев к доктору Айболиту.

– Здравствуйте, – сказал он. – Я пришёл извиниться за свою грубость. Я готов помогать вам... Я согласен давать обезьянам лекарства и прикладывать им всякие компрессы.

И лев стал помогать Айболиту. Три дня и три ночи ухаживал он за больными обезьянами, а потом подошёл к доктору Айболиту и робко сказал:

— У меня заболел сынок, которого я очень люблю... Пожалуйста, будьте добры, вылечите бедного львёнка!

— Хорошо! — сказал доктор. — Охотно! Я сегодня же вылечу вашего сына.

И он пошёл в пещеру и дал его сыну такого лекарства, что тот через час был здоров.

Лев обрадовался, и ему стало стыдно, что он обидел доброго доктора.

А потом заболели дети у носорогов и тигров. Айболит тотчас же вылечил их. Тогда носороги и тигры сказали:

— Нам очень совестно, что мы обидели вас!

— Ничего, ничего, — сказал доктор. — В следующий раз будьте умнее. А сейчас идите сюда и помогите мне лечить обезьян.

13. Подарок

Звери так хорошо помогали доктору, что больные обезьяны скоро выздоровели.

— Спасибо доктору, — сказали они. — Он вылечил нас от ужасной болезни, и мы за это должны подарить ему что-нибудь очень хорошее. Подарим ему такого зверя, какого люди никогда не видали. Какого нет ни в цирке, ни в зоологическом парке.

— Подарим ему верблюда! — закричала одна обезьяна.

— Нет, — сказала Чичи, — верблюда ему не надо. Верблюдов он видел. Все люди видели верблюдов. И в зоологических парках, и на улицах.

— Ну так страуса! — закричала другая обезьяна. — Мы подарим ему страуса, страуса!

— Нет, — сказала Чичи, — страусов он тоже видел.

— А видел ли он тянитолкаев? — спросила третья обезьяна.

— Нет, тянитолкаев он никогда не видал, — отвечала Чичи. — Ещё не было ни одного человека, который видел бы тянитолкаев.

— Хорошо, — сказали обезьяны. — Теперь мы знаем, что подарить доктору: мы подарим ему тянитолкаю.

14. Тянитолкай

Люди никогда не видели тянитолкаю, потому что тянитолкай боятся людей: заметят человека — и в кусты!

Других зверей вы можете поймать, когда они заснут и закроют глаза. Вы подойдёте к ним сзади и схватите их за хвост. Но к тянитолкаю вы не можете подойти сзади, потому что сзади у тянитолкаю такая же голова, как и спереди.

Да, у него две головы: одна спереди, другая сзади. Когда ему хочется спать, то сначала спит одна голова, а потом другая. Сразу же весь он не спит никогда. Одна голова спит, другая глядит по сторонам, чтобы не подкрался охотник. Вот почему ни одному охотнику не удавалось поймать тянитолкаю, вот почему ни в одном цирке, ни в одном зоологическом парке этого зверя нет.

Обезьяны решили поймать одного тянитолкаю для доктора Айболита. Они побежали в самую чащу леса и там нашли место, где приютился тянитолкай.

Он увидел их и бросился бежать, но они окружили его, схватили за рога и сказали:

— Милый Тянитолкай! Не желаешь ли ты поехать вместе с доктором Айболитом далеко-далеко и жить в его доме со всеми зверями? Там тебе будет хорошо: и сытно, и весело.

Тянитолкай покачал обеими головами и ответил обоими ртами:

— Нет!

— Доктор добрый, — сказали обезьяны. — Он будет кормить тебя медовыми пряниками, и, если ты заболешь, он вылечит тебя от всякой болезни.

— Всё равно! — сказал Тянитолкай. — Я желаю остаться здесь.

Три дня уговаривали его обезьяны, и наконец Тянитолкай сказал:

— Покажите мне этого хвалёного доктора. Я хочу посмотреть на него.

Обезьяны повели Тянитолкаю к тому домику, где жил Айболит. Подойдя к двери, они постучались.

— Войдите, — сказала Кика.

Чичи с гордостью ввела в комнату двухголового зверя.

— Что это такое? — спросил удивлённый доктор.

Никогда он не видал такого чуда.

— Это Тянитолкай, — ответила Чичи. — Он хочет познакомиться с тобою. Тянитолкай — самый редкостный зверь наших африканских лесов. Возьми его с собой на корабль, и пусть он живёт в твоём доме.

— А захочет ли он поехать ко мне?

— К тебе я охотно поеду, — неожиданно сказал Тянитолкай. — Я сразу увидел, что ты добрый: у тебя такие добрые глаза. Звери так любят тебя, и я знаю, что ты любишь зверей. Но обещай мне, что если мне у тебя будет скучно, ты отпустишь меня домой.

— Конечно, отпущу, — сказал доктор. — Но тебе будет так хорошо у меня, что вряд ли ты захочешь уехать.

— Верно, верно! Это правда! — закричала Чичи. — Он такой весёлый, такой смелый, наш доктор! В его доме нам живётся так привольно! А по соседству, в двух шагах от него, живут Таня и Ваня — они, вот увидишь, крепко полюбят тебя и станут самыми близкими твоими друзьями.

— Если так, я согласен, я еду! — весело сказал Тянитолкай и долго кивал Айболиту то одной, то другой головой.

15. Обезьяны прощаются с доктором

Тут к Айболиту пришли обезьяны и позвали его обедать. Чудесный обед они устроили ему на прощание: яблоки, мёд, бананы, финики, абрикосы, апельсины, ананасы, орехи, изюм!

— Да здравствует доктор Айболит! — кричали они. — Он самый добрый человек на земле!

Потом обезьяны побежали в лес и прикатили оттуда огромный, тяжёлый камень.

— Этот камень, — сказали они, — будет стоять на том месте, где доктор Айболит лечил больных. Это будет памятник доброму доктору.

Доктор снял шляпу, поклонился обезьянам и сказал:

— До свиданья, дорогие друзья! Спасибо вам за вашу любовь. Скоро я приеду к вам опять. А до той поры я оставлю вас Крокодила, попугая Карудо и обезьяну Чичи. Они родились в Африке — пусть в Африке и остаются. Здесь живут их братья и сестры. До свиданья!

— Нет, нет! — закричали в один голос и Крокодил, и Карудо, и обезьяна Чичи. — Мы любим своих братьев и сестёр, но мы не хотим расставаться с тобой!

— Мне и самому будет скучно без вас, — сказал доктор. — Но ведь не навеки вы останетесь тут! Через три-четыре месяца я приеду сюда и увезу вас обратно. И мы будем опять жить и работать все вместе.

— Если так, мы останемся, — ответили звери. — Но смотри приезжай поскорее!

Доктор дружески попрощался со всеми и бодрой походкой зашагал по дороге. Обезьяны пошли провожать его. Каждая обезьяна хотела во что бы то ни стало пожать доктору Айболиту руку. И так как обезьян было много, то они пожимали ему руку до самого вечера. У доктора даже рука заболела.

А вечером случилось несчастье. Едва только доктор перешёл через реку, он опять очутился в стране злого разбойника Бармалея.

— Тсс! — прошептала Бумба. — Говорите, пожалуйста, тише! А то как бы нас опять не взяли в плен.

16. Новые беды и радости

Не успела она выговорить эти слова, как из тёмного леса выбежали слуги Бармалея и набросились на доброго доктора. Они давно поджидали его.

— Ага! — закричали они. — Наконец мы поймали тебя! Теперь ты от нас не уйдёшь!

Что делать? Куда спрятаться от беспощадных врагов?

Но доктор не растерялся. В одно мгновение он вскочил на Тянитолкаю, и тот поскакал галопом, как самая быстрая лошадь. Слуги Бармалея — за ним. Но так как у Тянитолкаю было две головы, он кусал каждого, кто пробовал напасть на него сзади. А иного ударит рогами и закинет в колючий кустарник.

Конечно, одному Тянитолкаю никогда не одолеть бы всех злодеев. Но к доктору поспешили на помощь его верные друзья и товарищи. Откуда ни возьмись, прибежал Крокодил и стал хватать разбойников за голые пятки. Собака Авва налетела на них со страшным рычанием, и валила их с ног, и впивалась им в горло зубами. А вверху, по ветвям деревьев, неслась обезьяна Чичи и швыряла в разбойников большими орехами.

Разбойники падали, стонали от боли, и в конце концов им пришлось отступить.

Они с позором убежали в чащу леса.

— Ура! — закричал Айболит.

— Ура! — закричали звери.

А свинка Хрю-Хрю сказала:

— Ну, теперь мы можем отдохнуть. Приляжем-ка здесь, на траве. Мы устали. Нам хочется спать.

— Нет, друзья мои! — сказал доктор. — Мы должны торопиться. Если мы замешкаемся, нам не спастись.

И они что есть духу побежали вперёд. Вскоре Тянитолкаю вынес доктора на берег моря. Там, в бухте, у высокой скалы, стоял большой и красивый корабль. Это был корабль Бармалея.

Доктор обрадовался.

— Мы спасены! — крикнул он.

На корабле не было ни одного человека. Доктор со всеми своими зверями быстро и бесшумно взобрался на корабль, поднял паруса и хотел пуститься в открытое море. Но едва он отчалил от берега, как из лесу выбежал сам Бармалей.

— Стой! — крикнул он. — Стой! погоди! Куда ты увёл мой корабль? Воротись сию же минуту!

— Нет! — крикнул разбойнику доктор. — Не желаю воз-

вращаться к тебе. Ты такой жестокий и злой. Ты мучил моих зверей. Ты бросил меня в тюрьму. Ты хотел меня убить. Ты мой враг! Я ненавижу тебя! И я беру у тебя твой корабль, чтобы ты больше не разбойничал на море! Чтобы ты не грабил беззащитные морские суда, проходящие мимо твоих берегов.

Страшно рассердился Бармалей: он бегал по берегу, бранился, грозил кулаками и швырял вдогонку огромные камни.

Но доктор Айболит только смеялся над ним. Он поплыл на корабле Бармалея прямо в свою страну и через несколько дней уже причалил к родным берегам.

17. Тянитолкай и Варвара

Очень обрадовались Авва, Бумба, Кика и Хрю-Хрю, что воротились домой. На берегу они увидели Таню и Ваню, которые прыгали и плясали от радости. Рядом с ними стоял моряк Робинзон.

— Здравствуй, моряк Робинзон! — крикнул доктор Айболит с корабля.

— Здравствуй, здравствуй, доктор! — ответил моряк Робинзон. — Хорошо ли тебе было путешествовать? Удалось ли тебе вылечить больных обезьян? И скажи, пожалуйста, куда ты девал мой корабль?

— Ах, — ответил доктор, — твой корабль погиб! Он разбился о камни у самого берега Африки. Но я привез тебе новый корабль! Этот будет лучше твоего.

— Вот спасибо! — сказал Робинзон. — Я вижу, отличный корабль. Мой был тоже хороший, а этот — просто загляденье: такой большой и красивый!

Доктор попрощался с Робинзоном, сел верхом на Тянитолкай и поехал по улицам города прямо к себе домой. На каждой улице к нему выбегали гуси, кошки, индюки, собаки, поросята, коровы, лошади, и все они громко кричали:

— Малакуча! Малакуча!

По-звериному это значит: «Да здравствует доктор Айболит!»

Со всего города слетались птицы; они летели над головой доктора и пели ему весёлые песни.

Доктор был очень рад, что вернулся домой.

В кабинете у доктора по-прежнему жили ёжики, зайцы и белки. Сначала они испугались Тянитолкая, но потом привыкли к нему и полюбили его.

А Таня и Ваня, как увидели Тянитолкая, засмеялись, завизжали, захолопали в ладоши от радости. Ваня обнял одну его шею, а Таня — другую. Целый час они гладили и ласкали его. А потом взялись за руки и заплясали на радостях «ткеллу» — тот весёлый звериный танец, которому их научила Чичи.

— Видите, — сказал доктор Айболит, — я исполнил своё обещание: я привёз вам из Африки чудесный подарок, какого детям ещё никогда не дарили. Я очень рад, что он понравился вам.

На первых порах Тянитолкай дичился людей, прятался на чердаке или в погребе. А потом привык и вышел в сад, и ему даже понравилось, что люди сбегаются поглядеть на него и называют его «Чудом природы».

Не прошло и месяца, как он уже смело гулял по всем улицам города вместе с Таней и Ваней, которые были с ним неразлучны. К нему то и дело подбегали ребята и просили его, чтобы он покатал их. Он никому не отказывал: сейчас же опускался на колени, мальчики и девочки взбирались к нему на спину, и он возил их по всему городу, до самого моря, весело качая своими двумя головами.

А Таня и Ваня вплели в его длинную гриву красивые разноцветные ленты и повесили ему на каждую шею по серебряному колокольчику. Колокольчики были звонкие, и, когда Тянитолкай шёл по городу, издали было слышно: динь-динь, динь-дилень! И, слыша этот звон, все жители выбегали на улицу, чтобы ещё раз поглядеть на чудесного зверя.

Злая Варвара тоже захотела покататься на Тянитолкае. Она вскарабкалась к нему на спину и давай бить его зонтиком:

— Беги скорее, двухголовый осёл!

Тянитолкай рассердился, взбежал на высокую гору и сбросил Варвару в море.

— Помогите! Спасите! — закричала Варвара.

Но никто не пожелал её спасти. Варвара стала тонуть.

— Авва, Авва, милая Авва! Помоги мне добраться до берега! — кричала она.

Но Авва ответила: «Рры!..»

На зверином языке это значит:

«Не хочу я тебя спасать, потому что ты злая и гадкая!»

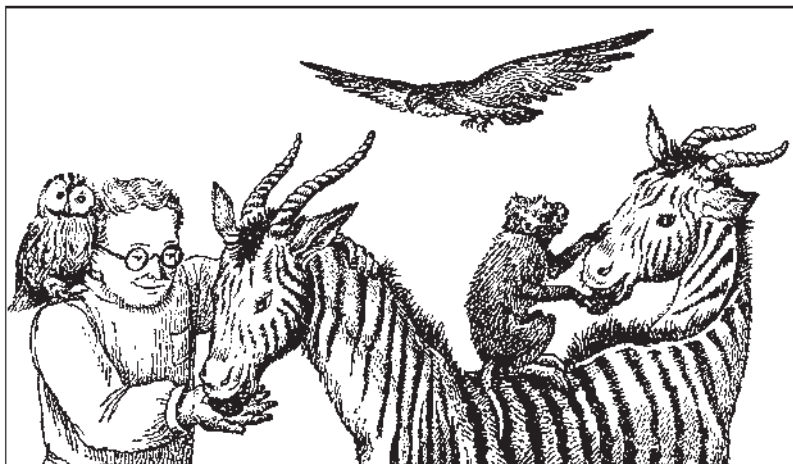
Мимо плыл на своём корабле старый моряк Робинзон. Он кинул Варваре верёвку и вытащил её из воды. Как раз в это время по берегу проходил со своими зверями доктор Айболит. Он закричал моряку Робинзону:

— Вези её куда-нибудь подальше! Не хочу я, чтобы она жила в моём доме и била моих зверей!

И моряк Робинзон увёз её далеко-далеко, на необитаемый остров, где она не могла никого обижать.

А доктор Айболит счастливо зажил в своём маленьком домике и с утра до ночи лечил птиц и зверей, которые прилетали и приходили к нему со всех концов света. Так прошло три года. И все были счастливы.

Часть вторая

ПЕНТА И МОРСКИЕ ПИРАТЫ

1. Пещера

Доктор Айболит любил гулять.

Каждый вечер после работы он брал зонтик и уходил со своими зверями куда-нибудь в лес или в поле.

Рядом с ним шагала Тянитолкай, впереди бежала утка Кика, сзади — собака Авва и свинка Хрю-Хрю, а на плече у доктора сидела старая сова Бумба.

Уходили они очень далеко, и, когда доктор Айболит уставал, он садился верхом на Тянитолкаю, и тот весело мчал его по горам и лугам.

Однажды во время прогулки они увидели на берегу моря пещеру. Они захотели войти, но пещера была заперта. На дверях висел большой замок.

— Как вы думаете, — сказала Авва, — что спрятано в этой пещере?

— Должно быть, там медовые пряники, — сказал Тянитолкай, который больше всего на свете любил сладкие медовые пряники.

— Нет, — сказала Кика. — Там леденцы и орехи.

— Нет, — сказала Хрю-Хрю. — Там яблоки, жёлуди, свёкла, морковь...

— Нужно найти ключ, — сказал доктор. — Пойдите найдите ключ.

Звери разбежались и стали искать ключ от пещеры. Они шарили под каждым камнем, под каждым кустом, но ключа не нашли нигде.

Тогда они снова столпились у запертой двери и стали заглядывать в щель. Но в пещере было темно, и они ничего не увидели. Вдруг сова Бумба сказала:

— Тише, тише! Мне кажется, что в пещере что-то живое. Там или человек, или зверь.

Все стали прислушиваться, но ничего не услышали.

Доктор Айболит сказал сове:

— Мне кажется, ты ошиблась. Я ничего не слышу.

— Ещё бы! — сказала сова. — Ты и не можешь слышать. У вас у всех уши хуже моих. Тсс, тсс! Слышите? Слышите?

— Нет, — сказали звери. — Мы не слышим ничего.

— А я слышу, — сказала сова.

— Что же ты слышишь? — спросил доктор Айболит.

— Я слышу: какой-то человек сунул руку себе в карман.

— Вот так чудеса! — сказал доктор. — Я и не знал, что у тебя такой замечательный слух. Прислушайся опять и скажи, что ты слышишь.

— Я слышу, как у этого человека катится по щеке слеза.

— Слеза! — закричал доктор. — Слеза! Неужели там, за дверью, кто-то плачет! Нужно помочь этому человеку. Должно быть, у него большое горе. Я не люблю, когда плачут. Дайте мне топор. Я разобью эту дверь.

2. Пента

Тянитолкай сбежал домой и принёс доктору острый топор. Доктор размахнулся и изо всей силы ударил по запертой двери. Раз! Раз! Дверь разлетелась в щепки, и доктор вошёл в пещеру.

Пещера тёмная, холодная, сырая. И какой в ней неприятный, скверный запах!

Доктор зажжёт спичку. Ах, как тут неуютно и грязно! Ни стола, ни скамейки, ни стула! На полу куча гнилой соломы, а на соломе сидит маленький мальчик и плачет.

Увидев доктора и всех его зверей, мальчик испугался и заплакал ещё сильнее. Но когда он заметил, какое доброе у доктора лицо, он перестал плакать и сказал:

— Значит, вы не пират?

— Нет, нет, я не пират! — сказал доктор и засмеялся. — Я доктор Айболит, а не пират. Разве я похож на пирата?

— Нет! — сказал мальчик. — Хотя вы и с топором, но я вас не боюсь. Здравствуйте! Меня зовут Пента. Не знаете ли, где мой отец?

— Не знаю, — ответил доктор. — Куда же твой отец мог деваться? Кто же он такой? Расскажи!

— Мой отец рыбак, — сказал Пента. — Вчера мы вышли в море ловить рыбу. Я и он, вдвоём в рыбацкой лодке. Вдруг на нашу лодку напали морские разбойники и взяли нас в плен. Они хотели, чтобы отец стал пиратом, чтобы он вместе с ними разбойничал, чтобы он грабил и топил корабли. Но отец не захотел стать пиратом. «Я честный рыбак, — сказал он, — и не желаю разбойничать!» Тогда пираты страшно рассердились, схватили его и увели неизвестно куда, а меня заперли в этой пещере. С тех пор я не видел отца. Где он? Что они сделали с ним? Должно быть, они бросили его в море, и он утонул!

Мальчик опять заплакал.

— Не плачь! — сказал доктор. — Что толку в слезах? Лучше подумаем, как бы нам спасти твоего отца от разбойников. Скажи мне: каков он собой?

— У него рыжие волосы и рыжая борода, очень длинная.

Доктор Айболит подозвал к себе утку Кикку и тихо сказал ей на ухо:

— Чари-бари, чава-чам!

— Чука-чук! — ответила Кика.

Услышав этот разговор, мальчик сказал:

— Как вы смешно говорите! Я не понимаю ни слова.

— Я разговариваю со своими зверями по-звериному. Я знаю звериный язык, — сказал доктор Айболит.

— Что же вы сказали вашей утке?

— Я сказал ей, чтобы она позвала дельфинов.

3. Дельфины

Утка побежала на берег и крикнула громким голосом:

— Дельфины, дельфины, плывите сюда! Вас зовёт доктор Айболит.

Дельфины тотчас подплыли к берегу.

— Здравствуй, доктор! — закричали они. — Чего тебе нужно?

— Случилась беда! — закричал доктор. — Вчера утром пираты напали на одного рыбака, избили его и, кажется, кинули в воду. Я боюсь, что он утонул. Пожалуйста, общитесь всё море. Не найдёте ли вы его в морской глубине?

— А каков он собой? — спросили дельфины.

— Рыжий, — ответил доктор. — У него рыжие волосы и большая, длинная рыжая борода. Пожалуйста, найдите его!

— Хорошо, — сказали дельфины. — Мы рады служить нашему любимому доктору. Мы общем всё море, мы спросим всех раков и рыб. Если рыжий рыбак утонул, мы найдём его и завтра же скажем тебе.

Дельфины уплыли в море и стали искать рыбака. Они обшарили всё море вдоль и поперёк, они опустили на самое дно, они заглянули под каждый камень, они расспросили всех раков и рыб, но нигде не нашли утонувшего.

Утром они выплыли на берег и сказали доктору Айболиту:

— Мы нигде не нашли твоего рыбака. Мы искали его всю ночь, но в морской глубине его нет.

Очень обрадовался мальчик, когда услышал, что сказали дельфины.

— Значит, отец мой жив! Жив! Жив! — кричал он и хлопал в ладоши.

— Конечно, жив! — сказал доктор. — Мы непременно отыщем его!

Он посадил мальчика верхом на Тянитолкая и долго катал его по песчаному берегу моря.

4. Орлы

Но Пента всё время оставался печален. Даже катанье на Тянитолкае не развеселило его. Наконец он спросил у доктора:

— Как же ты отыщешь моего отца?

— Я позову орлов, — сказал доктор. — У орлов такие зоркие глаза, они видят далеко-далеко. Когда они летают под тучами, они видят каждую букашку, что ползёт по земле. Я попрошу их осмотреть всю землю, все леса, все поля и горы, все города, все деревни — пусть повсюду ищут твоего отца.

— Ах, какой ты умный! — сказал Пента. — Это ты чудесно придумал. Зови же скорее орлов!

Доктор позвал орлов, и орлы прилетели к нему:

— Здравствуй, доктор! Чего тебе надобно?

— Летите во все концы, — сказал доктор, — и найдите рыжего рыбака с длинной рыжей бородой.

— Хорошо, — сказали орлы. — Для нашего любимого доктора мы сделаем всё, что возможно. Мы полетим высоко-высоко и осмотрим всю землю, все леса и поля, все горы, города и деревни и постараемся найти твоего рыбака.

И они полетели высоко-высоко над лесами, над полями, над горами. И каждый орёл зорко всматривался, нет ли где рыжего рыбака с большой рыжей бородой.

На другой день орлы прилетели к доктору и сказали:

— Мы осмотрели всю землю, но нигде не нашли рыбака. А уж если мы не видели его, значит, его нет на земле!

5. Собака Авва ищет рыбака

— Что же нам делать? — спросила Кика. — Рыбака нужно найти во что бы то ни стало: Пента плачет, не ест, не пьёт. Грустно ему жить без отца.

— Но как его найдёшь! — сказал Тянитолкай. — Орлы и те не нашли его. Значит, никто не найдёт.

— Неправда! — сказала Авва. — Орлы, конечно, умные птицы, и глаза у них очень зоркие, но искать человека умеет только собака. Если вам нужно найти человека, попросите собаку, и она непременно отыщет его.

— Зачем ты обижаешь орлов? — сказала Авве Хрю-Хрю. — Ты думаешь, им было легко в один день облететь всю землю, осмотреть все горы, леса и поля? Ты вот бездельничала, валялась на песочке, а они трудились, искали.

— Как ты смеешь называть меня бездельницей? — рассердилась Авва. — Да знаешь ли ты, что, если я захочу, я в три дня отыщу рыбака?

— Ну, захоти! — сказала Хрю-Хрю. — Почему же ты не хочешь? Захоти!.. Ничего ты не найдёшь, только хвастаешь!

И Хрю-Хрю засмеялась.

— Так, по-твоему, я хвастунишка? — сердито крикнула Авва. — Ну ладно, увидим!

И она побежала к доктору.

— Доктор! — сказала она. — Попроси-ка Пенту, пусть даст тебе какую-нибудь вещь, которую держал в руках его отец.

Доктор пошёл к мальчику и сказал:

— Нет ли у тебя какой-нибудь вещи, которую держал в руках твой отец?

— Вот, — сказал мальчик и вынул из кармана большой красный носовой платок.

Собака подбежала к платку и стала жадно нюхать его.

— Пахнет табаком и селёдкой, — сказала она. — Его отец курил трубку и ел хорошую голландскую селёдку. Больше мне ничего не надо... Доктор, скажи мальчику, что не пройдёт и трёх дней, как я найду ему отца. Я побегу наверх, на ту высокую гору.

— Но сейчас темно, — сказал доктор. — Не можешь же ты искать в темноте!

— Ничего, — сказала собака. — Я знаю его запах, и мне больше ничего не надо. Нюхать я могу и в темноте.

Собака взбежала на высокую гору.

— Сегодня ветер с севера, — сказала она. — Понюхаем,

чем он пахнет. Снег... мокрая шуба... ещё одна мокрая шуба... волки... тюлень... волчата... дым от костра... берёза...

— Неужели ты в самом деле слышишь столько запахов в одном ветерке? — спросил доктор.

— Ну конечно, — сказала Авва. — У каждой собаки удивительный нос. Любой щенок чует такие запахи, каких вам никогда не учуять.

И собака стала нюхать воздух опять. Долго она не говорила ни слова и наконец сказала:

— Белые медведи... олени... маленькие грибочки в лесу... лёд... снег... снег и... и... и...

— Пряники? — спросил Тянитолкай.

— Нет, не пряники, — ответила Авва.

— Орехи? — спросила Кика.

— Нет, не орехи, — ответила Авва.

— Яблоки? — спросила Хрю-Хрю.

— Нет, не яблоки, — ответила Авва. — Не орехи, не пряники и не яблоки, а еловые шишки. Значит, на севере рыбака нет. Подождём, когда подует ветер с юга.

— Я тебе не верю, — сказала Хрю-Хрю. — Всё ты выдумываешь. Никаких ты запахов не слышишь, а просто болтаешь вздор.

— Отстань, — крикнула Авва, — а не то я откушу тебе хвост!

— Тише, тише! — сказал доктор Айболит. — Перестаньте браниться!.. Я вижу теперь, моя милая Авва, что у тебя и в самом деле удивительный нос. Подождём, пока переменится ветер. А теперь пора домой. Торопитесь! Пента дрожит и плачет. Ему холодно. Надо его покормить. Ну, Тянитолкай, подставляй свою спину. Пента, садись верхом! Авва и Кика, за мной!

6. Авва продолжает искать рыбака

На следующий день рано утром Авва снова взбежала на высокую гору и начала нюхать ветер. Ветер был с юга. Авва нюхала долго и наконец заявила:

– Пахнет попугаями, пальмами, обезьянами, розами, виноградом и ящерицами. Но рыбаком не пахнет.

– Понюхай-ка ещё, – сказала Бумба.

– Пахнет жирафами, черепахами, страусами, горячими песками, пирамидами... Но рыбаком не пахнет.

– Ты никогда не найдёшь рыбака! – со смехом сказала Хрю-Хрю. – Нечего было и хвастать.

Авва не ответила. Но на следующий день рано утром она снова взбежала на высокую гору и до самого вечера нюхала воздух. Поздно вечером она примчалась к доктору, который спал вместе с Пентой.

– Вставай, вставай! – закричала она. – Вставай! Я нашла рыбака! Да проснись же! Довольно спать. Ты слышишь – я нашла рыбака. Я нашла, я нашла рыбака! Я чую его запах. Да, да! Ветер пахнет табаком и селёдкой!

Доктор проснулся и побежал за собакой.

– Из-за моря дует западный ветер, – кричала собака, – и я чую запах рыбака! Он за морем, на том берегу. Скорее, скорее туда!

Авва так громко лаяла, что все звери бросились бежать на высокую гору. Впереди всех – Пента.

– Скорее беги к моряку Робинзону, – закричала доктору Авва, – и проси, чтобы он дал тебе корабль! Скорее, а то будет поздно!

Доктор тотчас же пустился бежать к тому месту, где стоял корабль моряка Робинзона.

– Здравствуй, моряк Робинзон! – крикнул доктор. – Будь так добр, одолжи твой корабль! Мне опять нужно отправиться в море по одному очень важному делу.

– Пожалуйста, – сказал моряк Робинзон. – Но смотри не попадайся пиратам! Пираты ужасные злодеи, разбойники! Они возьмут тебя в плен, а мой корабль сожгут или потопят.

Но доктор не дослушал моряка Робинзона. Он вскочил на корабль, усадил Пенту и всех зверей и помчался в открытое море.

Авва взбежала на палубу и крикнула доктору:

– Заксара! Заксара! Ксу!

На собачьем языке это значит: «Смотри на мой нос! На мой нос! Куда поверну я мой нос, туда и веди свой корабль».

Доктор распустил паруса, и корабль побежал ещё быстрее.

— Скорее, скорее! — кричала собака.

Звери стояли на палубе и смотрели вперёд, не увидят ли они рыбака. Но Пента не верил, что отец его может найтись. Он сидел, опустив голову, и плакал.

Наступил вечер. Стало темно. Утка Кика сказала собаке:

— Нет, Авва, тебе не найти рыбака! Жаль бедного Пенту, но нечего делать — надо воротиться домой.

И потом обратилась к доктору:

— Доктор, доктор! Поверни свой корабль! Едем обратно. Мы и здесь не найдём рыбака.

Вдруг сова Бумба, которая сидела на мачте и смотрела вперёд, закричала:

— Я вижу перед собой большую скалу — вон там, далеко-далеко!

— Скорее туда! — закричала собака. — Рыбак там, на скале. Я чую его запах... Он там!

Вскоре все увидели, что из моря торчит скала.

Доктор направил корабль прямо к этой скале. Но рыбака нигде не было видно.

— Я так и знала, что Авва не найдёт рыбака! — со смехом сказала Хрю-Хрю. — Не понимаю, как доктор мог поверить такой хвастунишке.

Доктор взбежал на скалу и стал звать рыбака. Но никто не откликнулся.

— Гин-гин! — кричали Бумба и Кика.

«Гин-гин» по-звериному значит «ау».

Но только ветер шумел над водой да волны с грохотом разбивались о камни.

7. Нашла

Рыбака на скале не было. Авва прыгнула с корабля на скалу и стала бегать по ней взад и вперёд, обнюхивая каждую трещинку. И вдруг она громко залаяла.

– Кинеделе! Ноп! – закричала она. – Кинеделе! Ноп!

На собачьем языке это значит:

«Сюда, сюда! Доктор, за мной, за мной!»

Доктор побежал за собакой.

Рядом со скалой был небольшой островок. Авва помчалась туда. Доктор не отставал от неё ни на шаг. Авва бегала взад и вперёд и вдруг юркнула в какую-то яму. В яме была темнота. Доктор опустился в яму и засветил свой фонарь. И что же? В яме, на голой земле, лежал какой-то рыжий человек, страшно худой и бледный.

Это был отец Пенты. Доктор дёрнул его за рукав и сказал:

– Вставайте, пожалуйста. Мы вас так долго искали! Вы нам очень, очень нужны!

Человек подумал, что это пират, сжал кулаки и сказал:

– Ступай прочь от меня, разбойник! Я буду защищаться до последней капли крови.

Но тут он увидел, какое доброе у доктора лицо, и сказал:

– Я вижу, что вы не пират. Дайте мне чего-нибудь поесть. Я умираю от голода.

Доктор дал ему хлеба и сыру. Человек съел всё до последней крошки и встал на ноги.

– Как вы сюда попали? – спросил доктор.

– Меня бросили сюда злые пираты, кровожадные, жестокие люди! Они не дали мне ни еды, ни питья. Они взяли у меня моего сына и увезли неизвестно куда. Не знаете ли вы, где мой сын?

– А как зовут вашего сына? – спросил доктор.

– Его зовут Пента, – ответил рыбак.

– Идём за мной, – сказал доктор и помог рыбаку выбраться из ямы.

Собака Авва побежала впереди.

Пента увидел с корабля, что к нему идёт его отец, и бросился навстречу рыбаку:

– Нашёлся! Нашёлся! Ура!

Все засмеялись, обрадовались, захлопали в ладоши и запели:

— Честь тебе и слава,
Удалая Авва!

Одна только Хрю-Хрю стояла в стороне и печально вздыхала.

— Прости меня, Авва, — сказала она, — за то, что я смеялась над тобой и называла тебя хвастунишкой.

— Ладно, — ответила Авва. — Я прощаю тебя. Но, если ты ещё раз обидишь меня, я откушу тебе хвост.

Доктор отвёз рыжего рыбака и его сына домой, в ту деревню, где они жили.

Когда корабль приставал к берегу, доктор увидел, что на берегу стоит женщина. Это была мать Пенты, рыбачка. Двадцать дней и ночей сидела она на берегу и всё смотрела вдаль, в море: не едет ли домой её сын? Не едет ли домой её муж? Увидев Пенту, она бросилась к нему и стала его целовать. Она целовала Пенту, она целовала рыжего рыбака, она целовала доктора; она была так благодарна Авве, что захотела поцеловать и её.

Но Авва убежала в кусты и проворчала сердито:

— Какие глупости! Терпеть не могу целоваться! Уж если ей так хочется, пусть поцелует Хрю-Хрю.

Но Авва только притворялась сердитой. На самом деле она тоже была рада.

Вечером доктор сказал:

— Ну, до свиданья! Нам пора домой.

— Нет, нет, — закричала рыбачка, — вы должны остаться у нас погостить! Мы наловим рыбы, напечём пирогов и дадим Тянитолкаю сладких пряников.

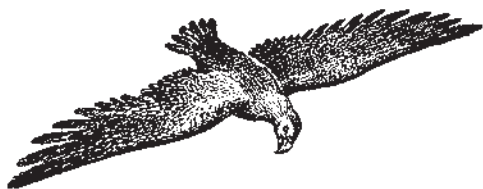
— Я с радостью остался бы ещё на денёк, — сказал Тянитолкай, улыбаясь обоими ртами.

— И я! — закричала Кика.

— И я! — подхватила Бумба.

— Вот и хорошо! — сказал доктор. — В таком случае, и я вместе с ними останусь у вас погостить.

И он отправился со всеми своими зверями в гости к рыбаку и рыбачке.

8. Авва получает подарок

Доктор въехал в деревню верхом на Тянитолкае. Когда он проезжал по главной улице, все кланялись ему и кричали:

— Да здравствует добрый доктор!

На площади его встретили деревенские школьники и подарили ему букет из чудесных цветов.

А потом вышел карлик, поклонился ему и сказал:

— Я желал бы видеть вашу Авву.

Карлика звали Бамбуко. Он был самый старый пастух в той деревне. Все любили и уважали его. Авва подбежала к нему и замахала хвостом. Бамбуко достал из кармана очень красивый собачий ошейник.

— Собака Авва! — сказал он торжественно. — Жители нашей деревни дарят тебе этот прекрасный ошейник за то, что ты нашла рыбака, которого похитили пираты.

Авва завиляла хвостом и сказала:

— Чака!

Вы, может быть, помните, что на зверином языке это значит: «Спасибо!»

Все стали рассматривать ошейник. Крупными буквами на ошейнике было написано: «Авве — самой умной и храброй собаке».

Три дня прогостил Айболит у отца и матери Пенты. Время прошло очень весело. Тянитолкай с утра до ночи жевал сладкие медовые пряники. Пента играл на скрипке, а Хрю-Хрю и Бумба танцевали. Но пора было уезжать.

— До свиданья! — сказал доктор рыбаку и рыбачке, сел верхом на Тянитолкаю и поехал к своему кораблю. Вся деревня провожала его.

— Лучше бы ты остался у нас! — сказал ему карлик Бамбуко. — Теперь по морю рыщут пираты. Они нападут на тебя и возьмут тебя в плен вместе со всеми твоими зверями.

— Не боюсь я пиратов! — отвечал ему доктор. — У меня очень быстрый корабль. Я распушу паруса, и пираты не догонят нас.

С этими словами доктор отчалил от берега. Все махали ему платками и кричали «ура».

9. Пираты

Корабль быстро бежал по волнам. На третий день путешественники увидели вдаль какой-то пустынный остров. На острове не было видно ни деревьев, ни зверей, ни людей — только песок да огромные камни. Но там, за камнями, притаились страшные пираты. Когда какой-нибудь корабль проплывал мимо их острова, они нападали на этот корабль, грабили и убивали людей, а корабль пускали ко дну. Пираты очень сердились на доктора за то, что он похитил у них рыжего рыбака и Пенту, и давно уже подстерегали его.

У пиратов был большой корабль, который они прятали за широкой скалой.

Доктор не видел ни пиратов, ни их корабля. Он гулял по палубе вместе со своими зверями. Погода была прекрасная, солнце ярко светило. Доктор чувствовал себя очень счастливым. Вдруг свинка Хрю-Хрю сказала:

— Посмотрите-ка, что это там за корабль?

Доктор посмотрел и увидел, что из-за острова на чёрных парусах к ним приближается какой-то чёрный корабль — чёрный, как чернила, как сажа.

— Не нравятся мне эти паруса! — сказала свинка. — Почему они не белые, а чёрные? Только на корабле у пиратов бывают чёрные паруса.

Хрю-Хрю угадала: под чёрными парусами мчались злодеи-пираты. Они хотели догнать доктора Айболита и жестоко отомстить ему за то, что он похитил у них рыбака и Пенту.

— Скорее! Скорее! — закричал доктор. — Распустите все паруса!

Но пираты подплывали всё ближе и ближе.

— Они догоняют нас! — кричала Кика. — Они близко. Я вижу их страшные лица! Какие у них злые глаза!.. Что нам делать? Что нам делать? Куда бежать? Сейчас они накинутся на нас, свяжут и бросят в море!

— Смотри, — сказала Авва, — кто это там стоит на корме? Неужели не узнаёшь? Это он, это злодей Бармалей! В одной

руке у него сабля, в другой — пистолет. Он хочет погубить нас, застрелить, уничтожить!

Но доктор улыбнулся и сказал:

— Не бойтесь, мои милые, это ему не удастся! Я придумал хороший план. Видите ласточку, что летит над волнами? Она поможет нам спастись от разбойников.

И он закричал громким голосом:

— На-за-сэ! На-за-сэ! Карачуй! Карабун!

На зверином языке это значит:

«Ласточка, ласточка! За нами гонятся пираты. Они хотят нас убить и выбросить в море!»

Ласточка спустилась к нему на корабль.

— Слушай, ласточка, ты должна нам помочь! — сказал доктор. — Карафу, мараву, дук!

На зверином языке это значит:

«Лети скорее и позови журавлей!»

Ласточка улетела и через минуту вернулась вместе с журавлями.

— Здравствуй, доктор Айболит! — закричали журавли. — Не горюй, мы сейчас тебя выручим!

Доктор привязал верёвку к носу корабля, журавли взяли за верёвку и потянули корабль вперёд. Журавлей было много, они мчались вперёд очень быстро и тянули за собою корабль. Корабль летел как стрела. Доктор даже за шляпу схватился, чтобы шляпа не слетела в воду.

Оглянулись звери — пиратское судно с чёрными парусами осталось далеко позади.

— Спасибо вам, журавли! — сказал доктор. — Вы избавили нас от пиратов. Если бы не вы, лежать бы нам всем на дне моря.

10. Почему убежали крысы

Нелегко было журавлям тащить за собою тяжёлый корабль. Через несколько часов они так утомились, что чуть не упали в море. Тогда они подтянули корабль к берегу, попрощались с доктором и улетели на родное болото.

Доктор долго махал им вслед платком.

Но тут к нему подошла сова Бумба и сказала:

— Погляди-ка туда. Видишь — там на палубе крысы! Они прыгают с корабля прямо в море и плывут к берегу одна за другою!

— Вот и хорошо! — сказал доктор. — Крысы вредные, и я не люблю их.

— Нет, это очень скверно! — со вздохом сказала Бумба. — Ведь крысы живут внизу, в трюме, и чуть только на дне корабля появляется течь, они видят эту течь раньше всех, прыгают в воду и плывут прямо к берегу. Значит, наш корабль потонет. Вот послушай-ка сам, что говорят крысы.

Как раз в это время из трюма выползли две крысы, молодая и старая. И старая крыса сказала молодой:

— Вчера вечером иду я к себе в норку и вижу, что в щель так и хлещет вода. Ну, думаю, нужно бежать. Завтра этот корабль потонет. Убегай и ты, пока не поздно.

И обе крысы бросились в воду.

— Да, да, — вскричал доктор, — я вспомнил! Крысы всегда убегают перед тем, как кораблю утонуть. Мы сейчас же должны бежать с корабля, иначе мы утонем вместе с ним! Звери, за мной! Скорее! Скорее!

Он собрал свои вещи и быстро сбежал на берег. Звери поспешили за ним. Долго они шли по песчаному берегу и очень устали.

— Сядем и отдохнём, — сказал доктор. — И подумаем, что нам делать.

— Неужели мы тут останемся на всю жизнь? — сказал Тянитолкай и заплакал.

Крупные слёзы так и катились изо всех четырёх его глаз. И все звери стали плакать вместе с ним, потому что всем им очень хотелось вернуться домой.

Но вдруг прилетела ласточка.

— Доктор, доктор! — закричала она. — Случилось большое несчастье: твой корабль захватили пираты!

Доктор вскочил на ноги.

— Что они делают на моём корабле? — спросил он.

— Они хотят ограбить его, — ответила ласточка. — Беги скорее и прогони их оттуда!

— Нет, — сказал доктор с весёлой улыбкой, — прогонять их не надо. Пусть себе плывут на моём корабле. Далеко не уплывут, вот увидишь! Лучше пойдём и, покуда они не заметили, возьмём себе в обмен их корабль. Идём и захватим корабль пиратов!

И доктор помчался по берегу. За ним — Тянитолкай и все звери.

Вот и пиратский корабль.

На нём никого. Все пираты на корабле Айболита.

— Тише, тише, не шумите! — сказал доктор. — Прoberёмся потихоньку на пиратский корабль, чтобы никто не увидел нас!

11. Беда за бедой

Звери тихо взошли на корабль, тихо подняли чёрные паруса и тихо поплыли по волнам. Пираты ничего не заметили.

И вдруг случилась большая беда.

Дело в том, что свинка Хрю-Хрю простудилась.

В ту самую минуту, когда доктор пытался неслышно проплыть мимо пиратов, Хрю-Хрю громко чихнула. И раз, и другой, и третий.

Пираты услышали: кто-то чихает. Они выбежали на палубу и увидели, что доктор захватил их корабль.

— Стой! Стой! — закричали они и пустились за ним вдогонку.

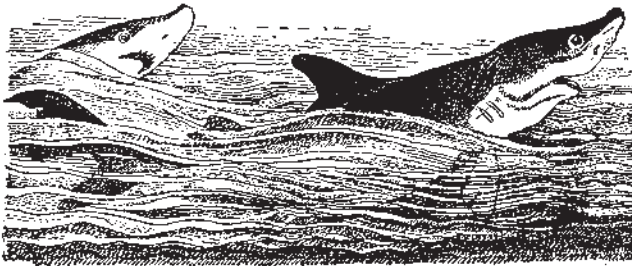
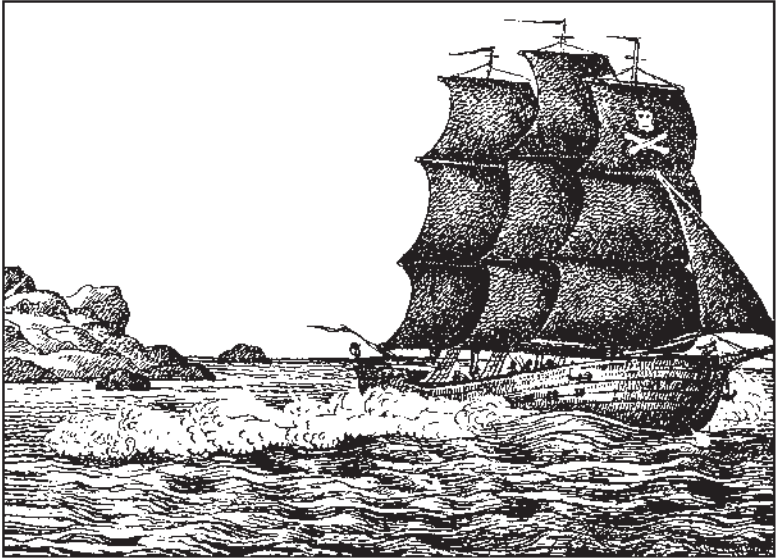
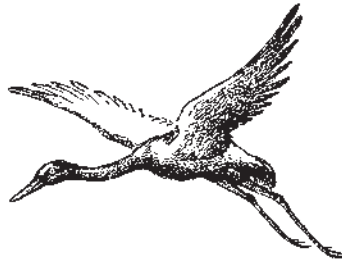
Доктор распустил паруса. Вот-вот пираты догонят его корабль. Но он мчится вперёд и вперёд, и понемногу пираты начинают отставать.

— Ура! Мы спасены! — закричал доктор.

Но тут самый страшный пират Бармалей поднял свой пистолет и выстрелил. Пуля попала в грудь Тянитолкаю. Тянитолкай зашатался и упал в воду.

— Доктор, доктор, помогите! Я тону!

— Бедный Тянитолкай! — крикнул доктор. — Продержись ещё немного в воде! Сейчас я тебе помогу.

Доктор остановил свой корабль и бросил Тянитолкаю верёвку.

Тянитолкай уцепился за верёвку зубами. Доктор втащил раненого зверя на палубу, перевязал ему рану и снова пустился в путь. Но было уже поздно: пираты мчались на всех парусах.

— Наконец-то мы поймаем тебя! — кричали они. — И тебя, и всех твоих зверей! Там, на мачте, у тебя сидит славная уточка! Скоро мы изжарим её. Ха-ха, это будет вкусное кушанье. И свинку мы тоже изжарим. Мы давно уже не ели ветчины! Сегодня вечером у нас будут свиные котлеты. Хо-хо-хо! А тебя, докторишка, бросим в море — к зубастым акулам.

Хрю-Хрю услышала эти слова и заплакала.

— Бедная я, бедная! — говорила она. — Я не хочу, чтобы меня изжарили и съели пираты!

Авва тоже заплакала — ей жаль было доктора:

— Я не хочу, чтобы его проглотили акулы!

12. Доктор спасён!

Только сова Бумба не испугалась пиратов. Она спокойно сказала Авве и Хрю-Хрю:

— Какие вы глупые! Чего вы боитесь? Разве вы не знаете, что тот корабль, на котором гонятся за нами пираты, скоро пойдёт ко дну? Помните, что сказала крыса? Она сказала, что сегодня корабль непременно утонет. В нём широкая щель, и он полон воды. А вместе с кораблём утонут и пираты. Чего же вам бояться? Пираты утонут, а мы останемся целы и невредимы.

Но Хрю-Хрю продолжала плакать.

— Покуда пираты утонут, они успеют изжарить и меня, и Кику! — говорила она.

Между тем пираты подплывали всё ближе. Впереди на носу корабля стоял главный пират Бармалей. Он размахивал саблей и громко кричал:

— Эй ты, обезьяний доктор! Недолго осталось тебе ле-

чить обезьян — скоро мы швырнём тебя в море! Там тебя проглотят акулы!

Доктор закричал ему в ответ:

— Берегись, Бармалей, как бы акулы не проглотили тебя! В корабле твоём течь, и вы скоро пойдёте ко дну.

— Ты лжёшь! — закричал Бармалей. — Если бы мой корабль тонул, с него убежали бы крысы!

— Крысы уже давно убежали, и скоро ты будешь на дне вместе со всеми твоими пиратами!

Тут только пираты заметили, что их корабль медленно погружается в воду. Они стали бегать по палубе, заплакали и закричали:

— Спасите!

Но никто не хотел их спасать.

Корабль всё глубже опускался на дно. Скоро пираты очутились в воде. Они барахтались в волнах и не переставая кричали:

— Помогите, помогите, мы тонем!

Бармалей подплыл к кораблю, на котором был доктор, и стал взбираться по верёвке на палубу. Но собака Авва оскалила зубы и грозно сказала: «Ррр!..» Бармалей испугался, вскрикнул и вниз головой полетел в море.

— Помогите! — кричал он. — Спасите! Вытащите меня из воды!

13. Старые друзья

Вдруг на поверхности моря показались акулы — огромные, страшные рыбы с острыми зубами, с широко открытой пастью. Они погнались за пиратами и скоро проглотили их всех до единого.

— Туда им и дорога! — сказал доктор. — Ведь они грабили, мучили, убивали ни в чём не повинных людей. Вот и заплатились за свои злодеяния.

Долго плыл доктор по бурному морю. И вдруг он услышал, что кто-то кричит:

— Боэн! Боэн! Баравэн! Бавэн!

На зверином языке это значит:

«Доктор, доктор, останови свой корабль!»

Доктор спустил паруса. Корабль остановился, и все увидели попугая Карудо. Он быстро летел над морем.

— Карудо! Это ты? — вскричал доктор. — Как я рад тебя видеть! Лети же, лети сюда!

Карудо подлетел к кораблю, сел на высокую мачту и крикнул:

— Посмотри-ка, кто плывёт за мною! Вон там, у самого горизонта, на западе!

Доктор поглядел в море и увидел, что далеко-далеко по морю плывёт Крокодил. На спине у Крокодила сидит обезьяна Чичи. Она машет пальмовым листом и смеётся.

Доктор сейчас же направил свой корабль навстречу Крокодилу и Чичи и спустил им с корабля верёвку.

Они вскарабкались по верёвке на палубу, кинулись к доктору и стали целовать его в губы, в щёки, в бороду, в глаза.

— Как вы очутились среди моря? — спросил у них доктор.

Он был счастлив, что снова увидел своих старых друзей.

— Ах, доктор! — сказал Крокодил. — Нам так скучно было без тебя в нашей Африке! Скучно без Кики, без Аввы, без Бумбы, без милой Хрю-Хрю! Нам так хотелось вернуться в твой дом, где в шкафу живут белки, на диване — ёжик, а в комодке — зайчиха с зайчатами. Мы решили покинуть Африку, переплыть все моря и поселиться у тебя на всю жизнь.

— Пожалуйста! — сказал доктор. — Я очень рад.

— Ура! — закричала Бумба.

— Ура! — закричали все звери.

А потом взялись за руки и принялись танцевать вокруг мачты:

— Шита рита, тита дрита!

Шивандаза, шиванда!

Мы родного Айболита

Не покинем никогда!

Одна только обезьяна Чичи сидела в стороне и печально вздыхала.

– Что с тобой? – спросил Тянитолкай.

– Ах, я вспомнила про злую Варвару! Опять она будет обижать нас и мучить!

– Не бойся! – вскричал Тянитолкай. – Варвары уже нет в нашем доме! Я бросил её в море, и она живёт теперь на необитаемом острове.

– На необитаемом острове?

– Да!

Все обрадовались – и Чичи, и Крокодил, и Карудо: Варвара живёт на необитаемом острове!

– Да здравствует Тянитолкай! – закричали они и опять пустились танцевать:

– Шивандары, шивандары,
Фундуклей и дундуклей!
Хорошо, что нет Варвары!
Без Варвары веселей!

Тянитолкай кивал им двумя головами, и оба его рта улыбались.

Корабль мчался на всех парусах, и к вечеру утка Кика, взобравшись на высокую мачту, увидела родные берега.

– Приехали! – закричала она. – Ещё час, и мы будем дома!.. Вон вдали наш город – Пиндемонте. Но что это? Глядите, глядите! Пожар! Весь город в огне! Уж не горит ли наш дом? Ах, какой ужас! Какое несчастье!

Над городом Пиндемонте стояло высокое зарево.

– Скорее к берегу! – скомандовал доктор. – Мы должны потушить это пламя! Возьмите вёдра и зальём его водой!

Но тут на мачту взлетел Карудо. Он поглядел в подозрительную трубу и вдруг засмеялся так громко, что все посмотрели на него с удивлением.

– Вам не нужно тушить это пламя, – сказал он и опять засмеялся, – потому что это совсем не пожар.

– Что же это такое? – спросил доктор Айболит.

– Ил-лю-ми-на-ция! – ответил Карудо.

– А что это значит? – спросила Хрю-Хрю. – Я никогда не слышала такого странного слова.

— Сейчас узнаешь, — сказал попугай. — Потерпи ещё десять минут.

Через десять минут, когда корабль приблизился к берегу, все сразу поняли, что такое иллюминация. На всех домах и башнях, на прибрежных скалах, на вершинах деревьев — всюду светились фонарики — красные, зелёные, жёлтые, а на берегу горели большие костры, яркое пламя которых вздымалось чуть не до самого неба. Женщины, мужчины и дети в праздничных, красивых одеждах плясали вокруг этих костров и пели весёлые песни.

Едва они увидели, что к берегу причалил корабль, на котором доктор Айболит воротился из своего путешествия, они захлопали в ладоши, засмеялись и все, как один человек, бросились приветствовать его.

— Да здравствует доктор Айболит! — кричали они. — Слава доктору Айболиту!

Доктор был удивлён. Он не ожидал такой встречи. Он думал, что его встретят только Таня и Ваня да, пожалуй, старый моряк Робинзон, а его встречает целый город с факелами, с музыкой, с весёлыми песнями! В чём дело? За что его чествуют? Почему так празднуют его возвращение?

Он хотел сесть на Тянитолкаю и уехать к себе домой, но толпа подхватила его и понесла на руках — прямо на широкую Приморскую площадь, лучшую площадь в городе.

Из всех окон глядели люди и бросали доктору цветы. Доктор улыбался, раскланивался — и вдруг увидел, что к нему сквозь толпу пробираются Таня и Ваня.

Когда они подошли к нему, он обнял их, расцеловал и спросил:

— Откуда вы узнали, что я победил Бармалея?

— Мы узнали об этом от Пенты, — ответили Таня и Ваня. — Пента приехал в наш город и рассказал нам, что ты освободил его из ужасного плена и спас его отца от разбойников.

Тут только доктор увидел, что на пригорке, далеко-далеко, стоит Пента и машет ему красным отцовским платком.

— Здравствуй, Пента! — закричал ему доктор.

Но в эту минуту к доктору подошёл, улыбаясь, старый

моряк Робинзон, крепко пожал ему руку и сказал таким громким голосом, что все на площади услышали его:

— Дорогой, любимый Айболит! Мы так благодарны тебе за то, что ты очистил всё море от лютых пиратов, похищавших наши корабли. Ведь до сих пор мы не смели пускаться в далёкое плавание, потому что нам угрожали пираты. А теперь море свободно и наши корабли в безопасности! Мы гордимся, что в нашем городе живёт такой храбрый герой. Мы построили для тебя чудесный корабль, и позволь нам поднести его тебе в подарок.

— Слава тебе, наш любимый, наш бесстрашный доктор Айболит! — в один голос закричала толпа. — Спасибо, спасибо тебе!

Доктор поклонился толпе и сказал:

— Благодарю за ласковую встречу! Я счастлив, что вы любите меня. Но мне никогда, никогда, никогда, никогда не удалось бы справиться с морскими пиратами, если бы мне не помогли мои верные друзья, мои звери. Вот они здесь со мною, и мне хочется от всего сердца приветствовать их и выразить им мою благодарность за их самоотверженную дружбу!

— Ура! — закричала толпа. — Слава бесстрашным зверям Айболита!

После этой торжественной встречи доктор сел на Тяни-толкая и в сопровождении зверей направился к дверям своего дома.

Вот обрадовались ему зайчики, белки, ежи и летучие мыши!

Но не успел он поздороваться с ними, как в небе послышался шум. Доктор выбежал на крыльцо и увидел, что это летят журавли. Они подлетели к его дому и, ни слова не говоря, поднесли ему большую корзину великолепных плодов; в корзине были финики, яблоки, груши, бананы, персики, виноград, апельсины!

— Это тебе, доктор, из Страны Обезьян!

Доктор поблагодарил их, и они тотчас же улетели обратно.

А через час у доктора в саду началось великое пиршест-

во. На длинных скамьях, за длинным столом, при свете разноцветных фонариков, уселись все друзья Айболита: и Таня, и Ваня, и Пента, и старый моряк Робинзон, и ласточка, и Хрю-Хрю, и Чичи, и Кика, и Карудо, и Бумба, и Тянитолкай, и Авва, и белки, и зайцы, и ежи, и летучие мыши.

Доктор угостил их мёдом, леденцами и пряниками, а также теми сладкими плодами, которые ему прислали из Страны Обезьян.

Пир удался на славу. Все шутили, смеялись и пели, а потом встали из-за стола и пошли танцевать тут же в саду, при свете разноцветных фонариков.

Вдруг Пента заметил, что доктор перестал улыбаться, нахмурился и с озабоченным видом бежит со всех ног к себе в дом.

— Что случилось? — спросил Пента.

Доктор ничего не ответил. Он взял Пенту за руку и быстро взбежал с ним по лестнице. У самых дверей в прихожей сидели и лежали больные: медведь, искусанный бешеным волком, чайка, раненная злыми мальчишками, и маленький мохнатый оленёнок, который всё время стонал, так как у него была скарлатина. Его привезла к доктору та самая лошадь, которой, если вы помните, доктор ещё в прошлом году дал замечательные большие очки.

— Посмотри на этих зверей, — сказал доктор, — и ты поймешь, почему я так скоро покинул наш праздник. Не могу я веселиться, если у меня за стеною мои любимые звери стонут и плачут от боли!

Доктор быстрыми шагами прошёл в кабинет и немедленно стал готовить лекарство.

— Позволь, я тебе помогу! — сказал Пента.

— Пожалуйста! — отозвался доктор. — Поставь-ка медведю градусник и принеси ко мне сюда в кабинет оленёнка. Он очень болен, он при смерти. Его надо спасти раньше всех!

Пента оказался хорошим помощником. Не прошло и часу, как доктор вылечил всех больных. Едва они стали здоровы, они засмеялись от счастья, сказали доктору «чака» и бросились целовать его.

Доктор повёл их в сад, познакомил с другими зверями, а потом закричал: «Расступитесь!» — и вместе с обезьяной Чичи заплясал весёлую звериную «ткеллу», да так лихо и ловко, что даже медведь, даже лошадь не выдержали и пустились плясать вместе с ним.

...Так закончились приключения доброго доктора. Он поселился неподалёку от моря и стал лечить не только зверей, но и раков, и рыб, и дельфинов, которые подплывали к берегу вместе со своими детьми.

Жилось доктору спокойно и весело. Все в городе Пиндемонте любили его. И вдруг с ним произошёл один удивительный случай, о котором вы прочтёте на дальнейших страницах, да и то не сейчас, а через несколько дней, потому что нужно же вам отдохнуть — и вам, и доктору Айболиту, и мне.

Часть третья

ОГОНЬ И ВОДА

1. Доктор Айболит ждёт к себе нового гостя

У морского берега много камней. Камни большие и острые. Если налетит на них корабль, он сразу же будет разбит. В чёрные осенние ночи жутко подъезжать на корабле к скалистому опасному берегу.

Чтобы корабли не разбивались о камни, люди ставят у берегов маяки. Маяк — это такая высокая башня, на верхушке которой зажигается лампа. Лампа горит так ярко, что капитан корабля видит её издалека и потому не может заблудиться в пути. Маяк освещает море и показывает кораблям их дорогу. Один такой маяк стоит в городе Пиндемонте, на высокой горе, в том самом городе, где живёт доктор Айболит.

Город Пиндемонте построен у самого моря. Из моря торчат три скалы, — и горе тому кораблю, который налетит на эти скалы: корабль разобьётся вдребезги, и все путешественники утонут.

Поэтому, когда вы будете подъезжать к Пиндемонте, не забудьте взглянуть на маяк. Его лампа видна издалека. Эту

лампу каждую ночь зажигает сторож маяка, старый негр по имени Джамбо. Джамбо живёт на маяке много лет. Он весёлый, седой и добрый. Доктор Айболит очень любит его.

Как-то раз доктор взял лодку и поехал на маяк к негру Джамбо.

— Здравствуй, Джамбо! — сказал доктор. — Я к тебе с просьбой. Будь так добр, зажги сегодня, пожалуйста, самую яркую лампу, чтобы на море стало светлее. Сегодня приедет ко мне на корабле моряк Робинзон, и я не хочу, чтобы его корабль разбился о скалы.

— Ладно, — сказал Джамбо, — постараюсь. А откуда приедет к тебе Робинзон?

— Он приедет ко мне из Африки. Привезёт маленького двухголового Дика.

— Дика? А кто он такой, этот Дик? Уж не сын ли твоего Тянитолкай?

— Да. Дик — его сын. Очень маленький. Тянитолкай давно уже скучает без Дика, и я попросил Робинзона съездить в Африку и привезти его сюда.

— Вот обрадуется твой Тянитолкай!

— Ещё бы! Одиннадцать месяцев не видел он Дика! Приготовил ему целую гору медовых пряников, изюму, апельсинов, орехов, конфет — и сегодня с самого утра бегаёт по берегу взад и вперёд и смотрит в море четырьмя глазами: ждёт не дожждётся, когда же на горизонте появится знакомый корабль. Робинзон приедет нынче ночью. Только бы его корабль не разбился о скалы!

— Не разобьётся, будь покоен! — сказал Джамбо. — Не одну лампу я зажгу на маяке и не две, а четыре! Будет светло, как днём. Робинзон увидит, куда вести свой корабль, и корабль останется цел.

— Спасибо, Джамбо! — сказал Айболит, сел в лодку и поехал домой.

2. Маяк

Дома доктор сразу принялся за работу. В этот день у него было особенно много хлопот. Зайцы, летучие мыши, овцы, сороки, верблюды — все пришли и прилетели к нему из

далека лечиться. У кого болел живот, у кого зубы. Доктор вылечил их всех, и они ушли очень весёлые.

Вечером доктор прилёг на диване и сладко задремал, и ему стали сниться белые медведи, моржи и тюлени.

Вдруг в окно к нему влетела чайка и крикнула:

— Доктор, доктор!

Доктор открыл глаза.

— Что такое? — спросил он. — Что случилось?

— Чикуручи заром!

На зверином языке это значит:

«Там... на маяке... нет огня!»

— Что ты говоришь? — воскликнул доктор.

— Да, на маяке нет огня! Маяк потух и не светит! Что же будет с теми кораблями, которые плывут к берегам? Они разобьются о камни!

— Где же сторож маяка? — спросил доктор. — Где Джамбо? Почему он не зажигает огня?

— Юанзе! Юанзе! — ответила чайка. — Не знаю! Не знаю! Я только знаю, что на маяке нет огня!

— Скорее на маяк! — вскричал доктор. — Скорее! Скорее! Нужно во что бы то ни стало зажечь на маяке самый яркий огонь! Иначе много кораблей разобьётся о скалы в эту бурную и тёмную ночь! И что будет с кораблём Робинзона? И с Диком?

Доктор побежал к своей лодке, взял вёсла и стал что есть силы грести к маяку. До маяка было далеко. Волны швыряли лодку. Лодка то и дело ударялась о камни. Каждую минуту она могла налететь на утёс и разбиться. В море было темно и страшно. Но доктор Айболит ничего не боялся. Он только и думал о том, как бы скорее попасть на маяк.

Вдруг мимо пролетела утка Кика и издалека закричала ему:

— Доктор, доктор! Я только что видела в море корабль Робинзона. Он несётся на всех парусах и сейчас налетит на скалы. Если на маяке не загорится огонь, корабль погибнет и все люди утонут!

— Ах, какое страшное несчастье! — воскликнул доктор. —

Бедный, бедный корабль! Но нет, мы не дадим ему погибнуть! Мы спасём его! Мы зажжём на маяке огонь!

Доктор налёг на вёсла, и лодка помчалась вперед как стрела. Утка поплыла вслед за ним.

Вдруг доктор закричал громким голосом:

– Угулус! Игалес! Каталаки!

На зверином языке это значит:

«Чайка! Чайка! Лети к кораблю и постарайся его задержать, чтобы он плыл не так скоро. Иначе он сейчас же разобьётся о камни!»

– Кандалома! – ответила чайка и полетела в открытое море и стала громко звать своих подруг.

Те услышали её тревожные крики и слетелись к ней со всех сторон. Стая понеслась навстречу кораблю. Корабль быстро бежал по волнам. Было совсем темно. Рулевой, который управлял кораблём, ничего не видел в темноте и не догадывался, что ведёт свой корабль прямо на скалы. Он спокойно стоял у руля, насвистывая весёлую песню. Тут же, неподалёку, на мостике, совсем как телёнок, прыгал маленький Дик и кричал:

– Сейчас я увижу отца! Отец угостит меня медовыми пряниками!

Три скалы уже близко. Если бы только знал рулевой, куда он ведёт свой корабль, он повернул бы руль, и корабль был бы спасён.

Но рулевой не видит во мраке трёх скал и ведёт свой корабль на верную гибель.

Скорее бы зажётся маяк!

И вдруг чайки – все, сколько их есть, – налетели на рулевого и стали бить его по лицу, по глазам своими длинными крыльями. Они клевали ему руки, они всей своей стаей гнали его прочь от руля. Он не знал, что чайки хотят спасти его корабль: он думал, что они налетели на него, как враги, и громко закричал:

– Помогите!

Матросы услышали его крик, прибежали к нему и стали отгонять от него птиц.

3. Джамбо

А доктор Айболит между тем мчался в своей лодке вперёд. Вот и маяк. Он стоит на высокой горе, но теперь его не видно, так как кругом темнота. Доктор быстро взбежал на гору и ощупью отыскал дверь маяка. Дверь была заперта. Доктор постучал, но ему не открыли. Доктор крикнул:

— Джамбо, открой поскорее!

Никакого ответа. Что делать? Что делать? Ведь корабль всё ближе и ближе к берегу — ещё несколько минут, и он разобьётся о скалы.

Медлить было нельзя. Доктор изо всей силы налёг плечом на запертую дверь. Дверь распахнулась, и доктор вбежал на маяк. Кика еле попевала за ним.

А на корабле матросы всё ещё воевали с чайками. Но чайки задержали корабль и дали доктору время добраться до маяка. Ах, как они были рады, что им удалось задержать корабль! Только бы доктор успел добраться до маяка и зажечь яркую маячную лампу! Но как только чайки улетели, корабль снова пустился в путь. Волна понесла его прямо на камни. Что же доктор не зажигает огня?

А доктор Айболит в это время карабкается по винтовой лестнице на самую вершину маяка. Темно, приходится идти ощупью. Но вдруг доктор натывается на что-то большое и чуть не летит кувырком. Что это такое? Мешок с огурцами? Неужели человек? Да, на ступенях лестницы лежит человек, широко раскинув руки. Должно быть, это Джамбо, сторож маяка.

— Это ты, Джамбо? — спросил доктор.

Человек ничего не ответил. Уж не умер ли он? Может быть, его убили разбойники? Или, может быть, он болен? Или пьян? Доктор хотел наклониться над ним и послушать, бьётся ли у него сердце, но вспомнил о корабле и помчался по лестнице дальше. Скорее, скорее наверх! Зажечь лампу, спасти корабль! И он бежал всё выше, и выше, и выше! Падал, спотыкался и бежал. Какая длинная лестница! У доктора даже голова закружилась. Но вот наконец он добрался до

лампы. Сейчас он её зажжёт. Сейчас она вспыхнет над морем, и корабль будет спасён.

Но вдруг доктор закричал не своим голосом:

— Что мне делать? Что мне делать? Я оставил дома мои спички!

— Ты оставил дома спички? — в ужасе переспросила утка Кика. — Как же ты зажжёшь огонь на маяке?

— Я оставил спички у себя на столе, — со стоном сказал доктор и горько заплакал.

— Значит, корабль погиб! — воскликнула утка. — Бедный, бедный корабль!

— Нет, нет! Мы спасём его! Ведь есть же спички тут, на маяке! Пойдём и поищем их!

— Тут темно, — сказала утка, — ничего не найдёшь!

— На лестнице лежит человек! — сказал доктор. — Поищи-ка у него в карманах!

Утка побежала к человеку и обшарила у него все карманы.

— Нет! — закричала она. — Все его карманы пустые!

— Что же делать? — пробормотал бедный доктор. — Неужели большой корабль со всеми людьми должен погибнуть сию минуту только оттого, что у меня нет одной маленькой спички!

4. Канарейка

И вдруг он услышал какие-то звуки, будто где-то чирикала птица.

— Это канарейка! — сказал доктор. — Ты слышишь? Это поёт канарейка. Пойдём и разыщем её! Канарейка знает, где спички.

И он кинулся вниз по лестнице отыскивать комнату Джамбо, где висела клетка с канарейкой. Комната была внизу, в подвале. Доктор вбежал туда и закричал канарейке:

— Кинзолок?

На зверином языке это значит:

«Где спички? Скажи мне, где спички?»

— Чик-чирик! — сказала канарейка в ответ. — Чик-чирик! Чик-чирик! Пожалуйста, накройте мою клетку платочком,

потому что тут такой сильный сквозняк, а я такая нежная, я боюсь простудиться. Ах, у меня будет насморк! И куда девался чёрный Джамбо? Он всегда по вечерам покрывал мою клетку платочком, а сегодня почему-то не покрыл. Вот какой он нехороший, этот Джамбо! Я могу простудиться. Пожалуйста, возьмите платочек и покройте мою клетку. Платочек вон там — на комодe. Шёлковый платочек. Голубой.

Но у доктора не было времени слушать её болтовню.

— Спички! Где спички? — громко закричал он.

— Спички тут, на столе у окошка. Но какой ужасный сквозняк! Я такая нежная, я могу простудиться. Пожалуйста, возьмите платочек и покройте мою клетку. Платочек лежит на...

Но доктор не слушал её. Он схватил спички и опять побежал вверх по лестнице. Утка еле поспевала за ним. На лестнице ему попала чайка; должно быть, она только что влетела в окно.

— Скорее! Скорее! — кричала она. — Ещё минута, и корабль погиб! Волны мчат его на большую скалу, и мы уже не можем его удержать.

5. Беглый пират Беналис

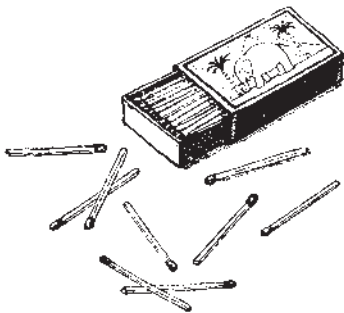
Доктор ничего не сказал. Он бежал и бежал вверх по лестнице. Издали до него донеслись какие-то печальные звуки. Это плакал Тянитолкай на морском берегу. Видно, не дожидаться ему своего маленького Дика. Выше, выше, выше, и доктор опять наверху.

Быстро вбежал он в самую верхнюю стеклянную комнату, выхватил из коробки спичку и дрожащими руками зажёл огромную лампу. Потом другую, третью, четвёртую. Полоса яркого света тотчас же осветила камни, на которые нёсся корабль.

На корабле раздался громкий крик:

— Камни! Камни! Назад! Назад! Сейчас мы разобьёмся о камни! Скорей поворачивай назад!

На корабле поднялась тревога: засвистели свистки, зазвонили колокола, забегали, засуетились матросы, и скоро

нос корабля повернулся в другую сторону, подальше от скал и камней, и направился в безопасную гавань.

Корабль был спасён. Но доктор и не думал уходить с маяка. Ведь там, на лестнице, лежит негр Джамбо, которому нужно помочь. Жив ли он? Что с ним случилось? Почему он не зажёт своей лампы?

Доктор наклонился над негром. На лбу у Джамбо он увидел рану.

— Джамбо! Джамбо! — кричал доктор, но негр лежал как мёртвый.

Доктор вынул из кармана бутылку с лекарством и вылил всё лекарство негру в рот. Оно в ту же минуту подействовало. Негр открыл глаза.

— Где я? Что со мной? — спросил он. — Скорее туда, наверх. Я должен зажечь мою лампу!

— Успокойся! — сказал доктор. — Огонь на маяке уже горит. Идём, я уложу тебя в постель.

— Огонь на маяке уже горит? Как я рад! — воскликнул Джамбо. — Спасибо тебе, добрый доктор! Ты зажёл мой маяк! Ты спас корабли от гибели. А теперь ты спасаешь меня!

— Что же с тобою случилось? — спросил Айболит. — Отчего ты не зажёл маяка? Отчего у тебя рана на лбу?

— Ах, со мной случилась беда! — ответил Джамбо со вздохом. — Иду я сегодня по лестнице, вдруг подбегает ко мне — кто бы ты думал? — Беналис! Да! Да! Тот самый пират, которому ты приказал поселиться на необитаемом острове.

— Беналис? — вскричал доктор. — Неужели он здесь?

— Да. Он бежал с необитаемого острова, сел на какой-то корабль, переплыл моря и океаны и вчера приехал сюда, в Пиндемонте.

— Сюда? В Пиндемонте?

— Да, да! Он сразу же прибежал на маяк и ударил меня по голове бамбуком — так, что я свалился на эти ступеньки без чувств.

— А он? Где же он?

— Я не знаю.

Но тут зашебетала канарейка.

— Беналис убежал, убежал, убежал! — повторяла она без

конца. — Я просила его накрыть мою клетку платочком, потому что я могу простудиться. У меня такое слабое здоровье. А он...

— Куда он убежал? — крикнул доктор.

— Он убежал в горы по Вентурийской дороге, — сказала канарейка. — Он хочет поджечь твой дом, убить твоих зверей и тебя. Но я чувствую, что у меня будет насморк. Я такая нежная. Я не выношу сквозняка. Всякий раз...

Но доктор не дослушал её. Он бросился вдогонку за пиратом. Нужно во что бы то ни стало поймать этого злого пирата и отправить его обратно на необитаемый остров, не то он сожжёт весь город и замучит, убьёт всех зверей.

Доктор бежал что есть силы по улицам, по площадям, по переулкам. Ветер сорвал с него шляпу. Он наткнулся в темноте на забор. Он упал в канаву. Он исцарапал себе всё лицо о колючие ветви деревьев. По его щеке струилась кровь. Но он не замечал ничего, он бежал все вперёд по каменистой Вентурийской дороге.

— Скорее! Скорее!

Вот уже близко: за поворотом знакомый колодец, а через дорогу, недалеко от колодца, — маленький дом Айболита, в котором и живут его звери. Скорее, скорее туда!

6. Доктор в плену

И вдруг кто-то подбежал к Айболиту и сильно ударил его по плечу. Это был разбойник Беналис.

— Здравствуй, доктор! — сказал он и засмеялся отвратительным смехом. — Что? Не ожидал меня встретить здесь, в этом городе? Наконец-то я разделаюсь с тобой!

И, злобно сверкая глазами, он схватил доктора Айболита за шиворот и кинул его в глубокий колодец. В колодце было холодно и очень темно. Доктор Айболит чуть не захлебнулся в воде.

— Тад-зи-тед! — кричал он. — Тад-зи-тед!

Но никто не услышал его. Что делать? Что делать? Сейчас Беналис сожжёт его дом! В доме сгорят все звери — и Крокодил, и Чичи, и Карудо, и Кика, и Бумба.

Доктор собрал последние силы и закричал:

— Тад-зи-тед! Тад-зи-тед!

Но и на этот раз никто не услышал его. А пират захохотал и помчался к тому дому, где жил Айболит. Звери — большие и маленькие — спали уже крепким сном, и было издали слышно, как беззаботно храпит Крокодил. В руке у пирата была коробка со спичками. Он тихонько подкрался к дому, чиркнул спичкой, и дом загорелся.

— Пожар! Пожар!

Беналис захихикал от радости и стал весело танцевать вокруг горящего дома.

— Наконец-то я отомстил этому гадкому доктору! Будет он помнить пирата Беналиса!

А доктор сидел в колодце, по горло в воде, плакал и звал на помощь. Неужели Беналис сожжёт всех его милых друзей, а он всю свою жизнь, всю жизнь просидит в этом колодце? Нет, ни за что! И он закричал ещё раз:

— Тад-зи-тед! Тад-зи-тед!

«Тад-зи-тед» по-звериному значит:

«Спасите».

Но голос у доктора был такой слабый, что никто не услышал его. Он крикнул ещё раз, ещё и ещё, но вместо крика у него изо рта выходил только тихий шёпот.

К счастью, в колодце жила много лет старая зелёная лягушка. Она вылезла из-под мокрого камня, вспрыгнула к доктору на плечо и сказала:

— Здравствуй, доктор! Как очутился ты в этом колодце?

— Меня бросил сюда пират и разбойник Беналис. И мне нужно сейчас же выбраться отсюда на волю. Будь так добра, побегии и позови журавлей.

— Оставайся тут! — сказала лягушка. — Тут так хорошо: и сыро, и прохладно, и мокро.

— Нет, нет! — сказал доктор. — Мне нужно сейчас же отсюда бежать. Я боюсь, что у меня в доме пожар и что все мои звери сгорят!

— Пожалуй, тебе и вправду нельзя оставаться в колодце, — сказала лягушка, выпрыгнула из колодца, поскокала к болоту и позвала журавлей.

7. Новое горе и новая радость

Журавли прилетели и принесли с собою длинную верёвку. Эту верёвку они опустили в колодец. Доктор крепко ухватился за неё обеими руками, журавли вспорхнули к облакам, и доктор очутился на воле.

— Спасибо, дорогие друзья! — крикнул он журавлям и сейчас же побежал к своему дому.

Дом горел, как большой костёр. А звери крепко спали, не подозревая, что в их доме пожар. Сейчас загорятся под ними кровати, и они погибнут в огне — ёжики, белки, обезьяны, сова, крокодил.

Доктор кинулся в самый огонь и крикнул зверям:

— Проснитесь!

Но они продолжали спать.

— Пожар! Пожар! — кричал доктор. — Проснитесь, бегите на улицу!

Но голос у доктора был очень слабый, потому что доктор простудился в колодце, и никто не слышал его. У доктора загорелись волосы, загорелся пиджак, огонь обжигал ему щёки, от густого дыма ему было трудно дышать, но он пробивался сквозь огонь всё дальше и дальше.

Вот обезьяна Чичи. Как крепко она спит и не чувствует, что вокруг неё — горячее пламя!

Доктор нагнулся над ней, схватил её за плечо и стал трясти что есть силы. Наконец она открыла глаза и в ужасе закричала:

— Горим!

Тут проснулись все звери и кинулись прочь из огня. Но доктор остался в доме. Он хотел пробраться к себе в кабинет и посмотреть, нет ли там зайцев или белых мышей.

Звери кричали ему:

— Доктор! Назад! Что ты делаешь? У тебя уже горит борода. Беги из огня, а не то ты соришь!

— Не пойду! — отвечал доктор. — Не пойду! Я вспомнил, что у меня в кабинете, в шкафу, остались три маленьких кролика... их нужно сейчас же спасти...

И он кинулся в самое пламя. Вот он у себя в кабинете.

Кролики здесь, в шкафу. Они плачут. Им страшно. А бежать некуда, потому что всюду огонь. Уже загорелись занавески, стулья, столы, табуретки. Сейчас загорится шкаф, и кролики сгорят вместе с ним.

— Кролики, не бойтесь, я здесь! — крикнул доктор.

Он распахнул шкаф, вынул оттуда испуганных кроликов и бросился вон из огня. Но голова у него закружилась, и он упал без чувств прямо в пламя.

— Доктор! Доктор! Где доктор? — кричали на улице звери. — Он погиб! Он сгорел!!! Он задохнулся от дыма! И мы больше никогда не увидим его! Нужно спасти его! Скорее, скорее, скорее!

Всех зверей опередила Авва. Она как вихрь понеслась в кабинет, схватила за руку лежащего доктора и стащила его по пылающей лестнице вниз.

— Осторожней, осторожней! — кричала ей обезьяна Чичи. — Ты можешь оторвать ему руку.

А сама даже не сдвинулась с места.

Авва очень рассердилась и сказала:

Замолчи, Чичи,
Не кричи, Чичи,
И меня, Чичи,
Не учи, Чичи!

Чичи сделалось стыдно, она подбежала к Авве и стала ей помогать. Они вдвоём снесли доктора в сад, к ручейку, и положили его на траве под деревом.

Доктор лежал неподвижно. Звери стояли над ним.

— Бедный доктор! — сказала Хрю-Хрю и заплакала. — Неужели он умрёт и мы останемся сиротами? Как мы будем жить без него?

Но вот доктор пошевелился и слабо вздохнул.

— Он жив! Он жив! — обрадовались звери.

— Кролики здесь? — спросил доктор.

— Мы здесь, — ответили кролики. — Ты о нас не беспокойся. Мы живы. Мы здоровы. Мы счастливы.

Доктор приподнялся на траве.

— Я пойду и позову пожарных, — сказал он еле слышным голосом. У него всё ещё кружилась голова.

— Что ты! Что ты! — закричали звери. — Пожалуйста, лежи и не двигайся. Мы и без пожарных потушим твой дом.

И правда: откуда ни возьмись, со всех сторон слетелись ласточки, вороны, чайки, журавли, трясогузки, и каждая птица держала в клюве небольшое ведёрко с водой и поливала, поливала горящий дом. Казалось, что над домом идёт дождь. Покуда одна стая улетала к морю за водой, другая с полными вёдрами возвращалась от моря и тушила пожар.

А из лесу прибежал медведь. Он обхватил передними лапами сорокаведёрную бочку воды, вылил всю воду в пламя и опять побегал к морю за водой.

А зайцы раздобыли в соседнем доме кишку и направили её прямо в огонь.

Но огонь всё ещё не хотел потухать. Тогда из северных морей, издалека, подплыли к самому Пиндемонте три огромных гренландских кита и пустили такие большие фонтаны, что сразу потушили весь пожар.

Доктор вскочил на ноги и стал кувыркаться от радости. Собака Авва — за ним. А за Аввой и обезьяна Чичи.

— Ура! Ура! Спасибо вам, птицы и звери, и вам, могучие гренландские киты!

8. Дик

— Напрасно ты так радуешься, — сказал попугай и глубоко вздохнул. — В этом доме жить уже нельзя. Сгорела крыша, сгорели полы, сгорели стены. Да и мебель сгорела дотла: нет ни стульев, ни столов, ни кроватей.

— Верно, верно! — сказал Айболит. — Но я не горюю. Я счастлив, что все вы остались в живых и никто из нас не пострадал от пожара. А если дом негоден для жилья — что ж! — я уйду на берег моря, отыщу там большую пещеру и буду жить в пещере вместе с вами.

— Зачем искать пещеру? — промолвил медведь. — Идём ко мне в берлогу: там темно и тепло.

— Нет, лучше ко мне, в колодец! — перебила лягушка. — Там и сыро, и прохладно, и мокро.

— Нашла куда звать: в колодец! — сердито сказал старый филин, только что прилетевший из лесу. — Нет, пожалуйста, иди ко мне, в моё дупло. Там немного тесновато, но уютно.

— Благодарю вас, милые друзья! — сказал доктор. — Но всё-таки я хотел бы поселиться в пещере!

— В пещере! В пещере! — закричал Крокодил и помчался вниз по Вентурийской дороге.

За ним Карудо, Бумба, Авва, Чичи и Хрю-Хрю.

— Идём искать пещеру, пещеру, пещеру!

Вскоре все они очутились на берегу моря, неподалёку от гавани, и кого же они увидели там? Конечно, Тянитолкай! Да, да... Тянитолкай был не один. Рядом с ним стоял маленький тянитолкайчик, хорошенький, весь обросший мягкой, пушистой шерстью, которую так и хотелось погладить. Он только что прибыл сюда на корабле Робинзона. Корабль при свете маяка благополучно добрался до гавани, и маленький ловкий Дик прыгнул с корабля прямо на берег и бросился в объятия к отцу. Большой Тянитолкай был очень рад. Ведь они с сыном так давно не видались!

Было смешно глядеть, как они целуются. Тянитолкай целовал сына то в одну голову, то в другую, то одними губами, то другими, а сын, не теряя времени, чуть только один из его ртов освобождался от поцелуев, начинал жевать медовые пряники, которые принёс ему отец.

С первого же взгляда Дик полюбился зверям. Не прошло и пяти минут, как все они убежали с ним в лес и затеяли там весёлые игры, влезали на деревья, собирали цветы, бросали друг в друга еловые шишки.

А доктор Айболит с Тянитолкаем и моряком Робинзоном ушли разыскивать хорошую пещеру.

Звери долго резвились в лесу. Вдруг Авва сказала Кике:

Вот погляди-ка,
Кика,
Какая земляника!

Подика
И сорвика
И Дика
Угостика!

Кика тотчас же сорвала землянику и подарила её своему новому другу.

А Чичи вскарабкалась на высокое дерево и стала сбрасывать оттуда большие орехи:

— Вот тебе, Дик! Лови!

Обе головы Дика улыбались от радости, и он ловил орехи обоими ртами.

«Какие все они хорошие, эти зверята! — думал он про себя. — Надо будет с ними сдружиться покрепче».

Особенно понравился ему попугай, который умел петь и насвистывать такие забавные песни.

— Как тебя зовут? — спросил Дик.

Попугай запел ему в ответ:

Я знаменитый Карудо,
Вчера проглотил я верблюда!

Дик так и прыснул со смеху.

9. Попугай и Беналис

Но в эту минуту к попугаю подлетела морская чайка и закричала встревоженным голосом:

— Где доктор? Где доктор? Нам нужен доктор! Найдите его сию же минуту!

— В чём дело? — спросил Карудо.

— Разбойник Беналис! — ответила чайка. — Этот ужасный злодей...

— Беналис?

— Он плывёт по морю... в лодке... Он хочет украсть у моряка Робинзона корабль. Что делать? Он похитит корабль и умчится в далёкое море и опять будет разбойничать, будет убивать и грабить ни в чём не повинных людей!

Карудо на минуту задумался.

— Это ему не удастся, — сказал он. — Мы справимся с ним сами... без доктора.

— Но что же ты можешь сделать? — со вздохом спросила чайка. — Разве хватит у тебя силы удержать его лодку?

— Хватит! Хватит! — весело сказал попугай и быстро полетел к маяку.

На маяке по-прежнему горела огромная лампа, ярко освещающая прибрежные скалы. Над морем летали чайки.

— Чайки! Чайки! — закричал попугай. — Летите сюда, к маяку, и заслоните собою огонь. Видите ту лодку, что плывёт мимо скал? В этой лодке разбойник Беналис. Закрыйте от него свет маяка!

Чайки тотчас же окружили маяк. Их было так много, что они заслонили всю лампу. В море наступила темнота. И тотчас же — трах-тара-рах! — раздался ужасный треск. Это лодка Беналиса разбилась о скалы.

— Спасите! — вопил пират. — Спасите! Помогите! Я тону!

— Так тебе и надо! — отозвался Карудо. — Ты разбойник, ты жестокий злодей! Ты сжёг наш дом, и мы не жалеем тебя. Ты хотел утопить нашего доктора Айболита в колодце — тони же сам, и никто не поможет тебе!

10. Новоселье

И Беналис утонул. Больше никогда он не будет разбойничать. Чайки тотчас же улетели, и маяк засиял опять.

— Где же доктор? — сказала Чичи. — Отчего он не идёт? Пора бы ему возвратиться.

— Вот и он! — сказал Дик. — Погляди-ка туда, на дорогу.

В самом деле, по дороге шёл доктор, но какой он был печальный и усталый.

Дик подбежал к доктору и лизнул его в щёку, но доктор даже не улыбнулся ему.

— У меня большое горе! — сказал доктор. — Я нигде не нашёл пещеры. Искал, искал и нигде не нашёл.

— Где же мы будем жить?

— Не знаю! Не знаю! С моря идут чёрные тучи. Скоро

начнется гроза. Пойдет дождь. А мы под открытым небом, и нам негде укрыться от бури.

— Проклятый Беналис! — вскричала Чичи. — Если бы он не сжёг нашего дома, мы сидели бы теперь в тепле, под крышей, и не боялись бы ни бури, ни дождя!

Все тяжело вздохнули. Никто не сказал ни слова. Через несколько минут грянул гром, и с неба полились целые реки воды. Доктор попытался укрыться со своими зверями под деревом, но холодные потоки дождя струились и сквозь листву, и сквозь ветви. Руки и ноги у доктора стали дрожать. Зубы у него застучали. Он зашатался и упал на холодную, мокрую землю.

— Что с тобой? — спросила Бумба.

— Я болен... мне холодно... я простудился в колодце... и теперь у меня лихорадка. Если я не согреюсь в тепле, под одеялом, у печки... я умру... и вы, мои милые звери, останетесь без доктора, своего лучшего друга.

— У-у-у! — завывала Бумба.

— У-у-у! — завывала Авва.

Чичи обняла Хрю-Хрю, и они обе заплакали, заплакали и Тянитолкай со своим сыном.

Вдруг Авва встрепенулась, вытянула шею и понюхала воздух.

— Сюда кто-то идет! — сказала она.

— Нет, — сказала Кика. — Ты ошиблась. Это дождь шумит в прибрежных камышах.

Но в эту минуту из чащи выбежали какие-то звери, поклонились доктору и хором запели:

Мы бобры,
Работники,
Мы столяры
И плотники.
Мы для тебя построили
За речкой, за прудом
Хороший, новый дом!

— Дом? — спросила с удивлением Кика. — Разве вы умеете строить дом?

— Ещё бы! — гордым голосом ответили бобры. — Из всех зверей мы самые лучшие строители в мире. Мы строим такие дома, каких и человеку не выстроить! Чуть мы увидели, что в доме у доктора Айболита случился пожар, мы сейчас же выбежали из наших домов, помчались в ближайший лес и свалили тридцать высоких деревьев. Из них мы и построили дом.

— Тридцать деревьев! — засмеялась Чичи. — Как же вы свалили их, если у вас нет топоров?

— Но зато у нас чудесные зубы!

— Да, да! — сказала Бумба. — Это верно. У бобров замечательно острые зубы. Бобры подрезают деревья зубами, потом счищают с них зубами кору, потом скусывают ветви и листья и строят из брёвен дома для себя и своих детей.

— А теперь мы построили дом для нашего доброго доктора! — сказали бобры. — Там тепло, просторно и уютно. Доктор, вставайте, и мы поведём вас туда!

Но доктор только застонал в ответ. У него начался сильный жар, и он уже не мог говорить.

Звери подняли доктора с мокрой земли, усадили его на Тянитолкая и, поддерживая с обеих сторон, повезли на новоселье в новый дом. Бобры шли впереди и показывали дорогу. Дождь лил как из ведра. Вот и пруд. Вот и речка Бобровая. А над речкой — глядите! глядите! — высокий, новый бревенчатый дом.

— Пожалуйте, доктор, — сказали бобры. — Этот дом куда лучше того, который был у вас прежде. Смотрите, какой он красивый!

— Спасибо, спасибо! — слабым голосом пробормотал Айболит. Он был очень благодарен бобрам за такой великолепный подарок.

Чичи тотчас же затопила печку. Доктора Айболита уложили в постель и дали ему такое лекарство, от которого он очень скоро поправился.

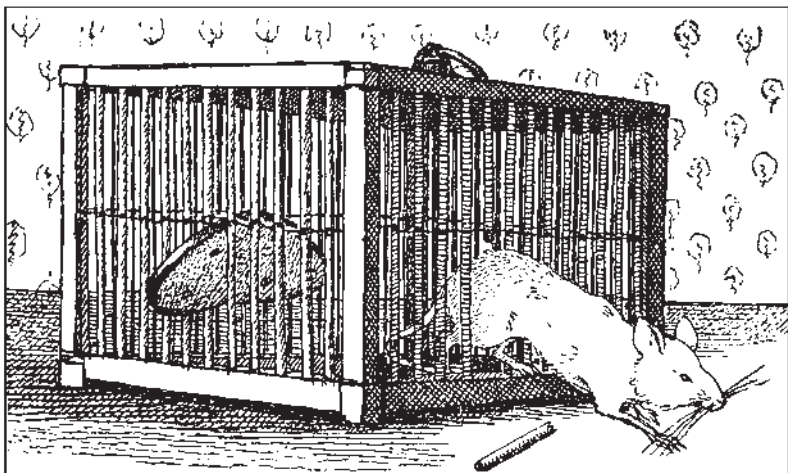
Дом и вправду оказался отличный. На другой день к доктору приехали в гости Робинзон и Джамбо. Они принесли ему винограда и мёду.

Доктор сидел в кресле, у печки, очень счастливый, но

всё ещё бледный и слабый. Звери уселись у его ног и глядели ему весело в глаза: они были рады, что он остался жив и что болезнь его миновала. Дик то и дело лизал ему руку то одним, то другим языком.

Доктор гладил его пушистую шерсть. На спинку кресла взобрался Карудо и стал рассказывать какую-то историю. История была печальная. Слушая её, Крокодил плакал такими большими слезами, что возле него образовался ручей. Но кончилась история очень весело, так что Джамбо, Робинзон и Чичи захлопали в ладоши и чуть было не пошли танцевать.

Но об этой истории когда-нибудь после. А сейчас давайте отдохнём. Закроем книгу и пойдём погуляем.

Часть четвёртая

ПРИКЛЮЧЕНИЯ БЕЛОЙ МЫШКИ

1. Кот

Жила-была белая мышка. Её звали Белянка. Все её братья и сёстры были серые, она одна белая. Белая, как мел, как бумага, как снег.

Вздумали как-то серые мыши пойти погулять. Белянка побежала за ними. Но серые мыши сказали:

— Не ходи, сестра, останься дома. На крыше сидит Чёрный Кот, он увидит тебя и съест.

— Почему же вам можно гулять, а мне нельзя? — спросила Белянка. — Если Чёрный Кот увидит меня, он увидит и вас.

— Нет, — сказали серые мыши, — нас он не увидит, мы серые, а ты белая, ты всякому видна.

И они побежали по пыльной дороге. И в самом деле, Кот не заметил их, потому что и они были серые, и пыль на дороге была серая.

А Белянку он сразу заметил, потому что она была белая. Он налетел на неё и вонзил в неё острые когти. Бедная Бе-

лянка! Сейчас он съест её! Тут она поняла, что братья и сестры сказали ей правду, и горько заплакала.

— Отпусти меня, пожалуйста, на волю! — взмолилась она.

Но Чёрный Кот только фыркнул в ответ и оскалил свои страшные зубы.

2. Клетка

Вдруг кто-то крикнул:

— Зачем ты мучаешь бедную мышку? Отпусти её сию же минуту!

Это крикнул сын рыбака, мальчик Пента. Он увидел, что Чёрный Кот держит Белянку в когтях, подбежал к нему и отнял её.

— Белая мышка! — сказал он. — Как я рад, что у меня будет такая красивая белая мышка!

Белянка тоже была рада, что спаслась от Кота. Пента дал ей поесть и посадил её в деревянную клетку.

Он был добрый мальчик, ей было у него хорошо.

Но кому охота жить в клетке! Клетка — та же тюрьма. Скоро Белянке наскучило сидеть за решёткой. Ночью, когда Пента спал, она перегрызла прутья своей деревянной тюрьмы и тихонько убежала на улицу.

3. Старая крыса

Какое счастье! Вся улица белая! На улице снег!

А если улица белая, значит, белая мышка может спокойно гулять перед самым носом у кошки и кошка не увидит её. Потому что белая мышка на белом снегу не видна. На белом снегу она и сама словно снег.

Весело было Белянке гулять по улицам белоснежного города и глядеть на кошек и собак. Никто не видел её, но она видела всех. Вдруг она услышала стон. Кто это стонет так жалобно? Она всмотрелась в темноту и увидела серую крысу. Серая крыса сидела на пороге большого сарая, и слёзы текли у неё по щекам.

– Что с тобой? – спросила Белянка. – Отчего ты плачешь? Кто тебя обидел? Ты больна?

– Ах, – ответила серая крыса, – я не больна, но я очень несчастна. Я хочу есть. Я умираю от голода. Третий день во рту у меня не было ни крошки. Я умираю от голода.

– Почему же ты сидишь в этом сарае? – вскричала Белянка. – Выходи на улицу, и я покажу тебе мусорный ящик, где ты можешь отлично поужинать.

– Нет, нет! – сказала крыса. – Мне нельзя показаться на улицу. Разве ты не видишь, что я серая? Когда не было снега, я каждую ночь могла уходить со двора. Но теперь на белом снегу сразу заметят меня и дети, и собаки, и кошки. О, как я хотела бы быть белой, как снег!

Белянке стало жалко несчастную серую крысу.

– Хочешь, я останусь тут и буду жить у тебя? – предложила она. – Каждый вечер буду приносить тебе еду.

Очень обрадовалась старая крыса. Она была беззубая, тощая. Белянка побежала на помойку соседнего дома и принесла оттуда корку хлеба, ломтик сыра и огарок свечи.

Серая крыса жадно набросилась на все эти лакомства.

– Ну, спасибо, – сказала она. – Если бы не ты, я умерла бы от голода.

4. Выдумка старой крысы

Так прожили они целую зиму. Но вот однажды Белянка вышла на улицу и чуть не заплакала. Снег в одну ночь растаял, наступила весна, всюду были лужи, улица была чёрная. Все сразу заметят Белянку и бросятся за нею в погоню.

– Ну, – сказала Белянке старая крыса, – теперь моя очередь добывать тебе пищу. Ты кормила меня зимой, я буду кормить тебя летом.

И она ушла, а через час принесла Белянке целую гору сухариков, крендельков и конфет.

Как-то раз, когда старая крыса ушла за продуктами, Белянка сидела на пороге. Мимо сарая прошли её братья и сестры.

– Куда вы идёте? – спросила Белянка.

— Мы идём в лес танцевать! — закричали они.

— Возьмите и меня! Я тоже хочу танцевать!

— Нет, нет! — закричали её братья и сёстры. — Уходи от нас подальше. Ты погубишь и нас, и себя. В лесу на дереве сидит большая сова, она сразу заметит твою белую шкурку, а вместе с тобою погибнем и мы.

И они убежали, а Белянка осталась одна. Скоро вернулась крыса. Она принесла много вкусного, но Белянка даже не притронулась к лакомствам. Она забилась в тёмный угол и плакала.

— О чём ты плачешь? — спросила её старая крыса.

— Как же мне не плакать? — ответила Белянка. — Мои серые братья и серые сёстры бегают на воле по лесам и полям, танцуют, резвятся, а я должна всё лето сидеть в этом гадком сарае.

Старая крыса задумалась.

— Хочешь, Белянка, я помогу тебе? — сказала она ласковым голосом.

— Нет, — грустно ответила Белянка, — никто мне не может помочь.

— А вот увидишь, я помогу тебе. Знаешь ли ты, что под нашим сараем в подвале — мастерская красильщика? А в мастерской много красок. Синих, зелёных, оранжевых, розовых. Красильщик красит этими красками игрушки, фонарики, флаги, бумажные цепи для ёлки. Скорее бежим туда. Красильщик ушёл, а его краски остались.

— Что же мы будем там делать? — спросила Белянка.

— Вот увидишь! — ответила старая крыса.

Белянка ничего не понимала. Она нехотя пошла за старой крысой в мастерскую красильщика. Там стояли ведра с разноцветными красками.

Крыса сказала Белянке:

— Вот в этом ведре синяя краска, в этом — зелёная, в этом — чёрная, а в этом — пунцовая. А в этом корыте, которое поближе к дверям, отличная серая краска. Полезай туда, окупись с головой, и ты будешь такая же серая, как твои братья и сестры.

Белянка обрадовалась, подбежала к корыту, но вдруг остановилась, потому что ей сделалось страшно.

— Я боюсь утонуть, — сказала она.

— Какая ты трусиха! Чего тут бояться! Закрой глаза и ныряй поскорее! — сказала ей серая крыса.

Белянка закрыла глаза и нырнула в серую краску.

— Ну, вот и хорошо! — вскричала крыса. — Поздравляю тебя! Ты уже не белая, а серая. Но теперь тебе нужно согреться. Скорее ложись в постель. То-то ты будешь счастлива, когда проснёшься завтра поутру.

5. Опасная краска

Наступило утро. Белянка проснулась и сейчас же побежала посмотреть на себя в осколок разбитого зеркала, валявшийся в мусорной куче. О ужас! Она стала не серой, а жёлтой, жёлтой, как ромашка, как желток, как цыплёнок! Очень рассердилась она на серую крысу.

— Ах ты, негодная! — закричала она. — Смотри, что ты наделала! Ты выкрасила меня в жёлтую краску, и теперь мне страшно показаться на улице.

— В самом деле! — воскликнула крыса. — Я в темноте перепутала краски. Теперь я вижу, что в корыте была не серая краска, а жёлтая.

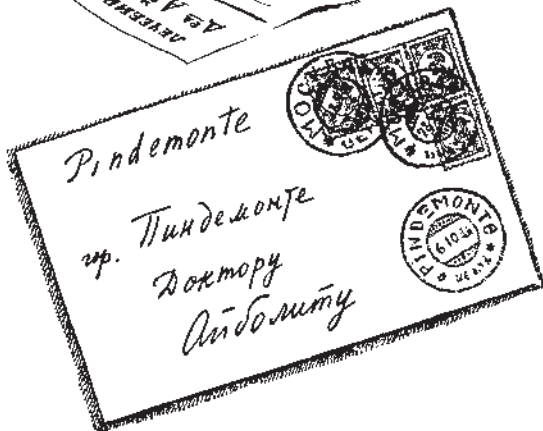
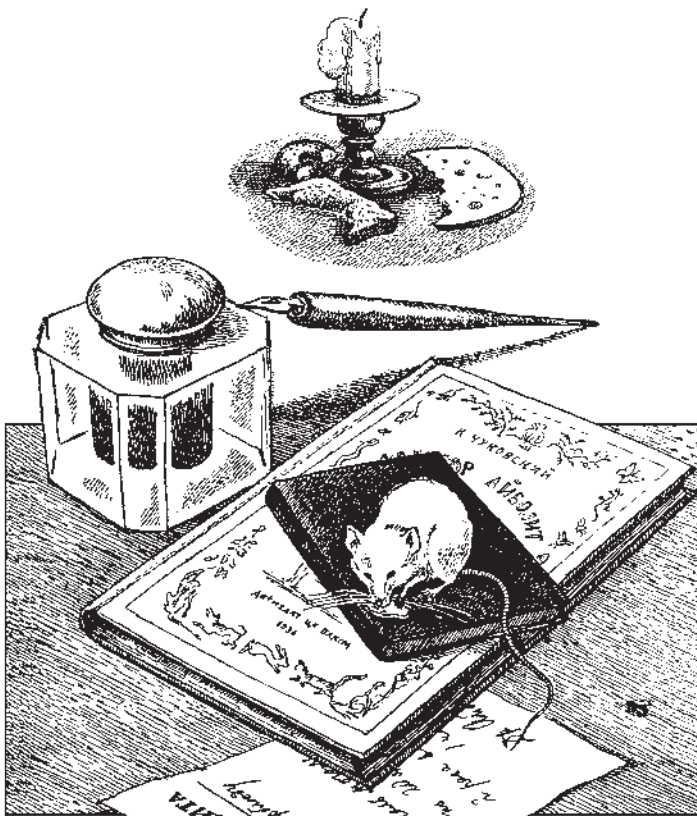
— Ты глупая слепая старуха! Ты погубила меня! — продолжала хныкать несчастная мышка. — Я уйду от тебя и больше не желаю тебя знать!

И она убежала. Но куда ей пойти? Где спрятаться? И на серой дороге, и на зелёной траве, и на белом снегу — всюду заметна её ярко-жёлтая шкурка.

Чуть только выбежала она из сарая, за ней погнался Чёрный Кот. Она убежала от него в переулок, но там её сразу увидели школьники.

— Жёлтая мышка! — закричали они. — Жёлтая, жёлтая, жёлтая мышка!

И они погнались за нею и стали кидать в неё камнями. На углу к ним присоединились собаки.

Жёлтых мышей никто никогда не видал, и потому всякому хотелось поймать эту необыкновенную мышь.

– Держи! Держи! – кричали у неё за спиной.

Усталая, измученная, она еле спаслась от погони. Но вот её родной дом. Здесь живёт её мать. Здесь ей будет хорошо, в родной норе.

– Здравствуй, мама! – сказала она.

Мать посмотрела на неё и закричала сердито:

– Кто ты такая? Чего тебе нужно? Уходи, уходи отсюда!

– Мама! Мама! Не гони меня. Я твоя дочь. Я Белянка.

– Какая же ты Белянка, если ты – жёлтая! Моя Белянка была белее снега, а ты жёлтая, как ромашка, как желток, как цыплёнок. Такой дочери у меня никогда не бывало! Ты не моя дочь. Ступай отсюда!

– Мамочка, поверь, это я. Выслушай меня, и я расскажу тебе всё.

Но тут прибежали её братья и сёстры и стали выталкивать её из норы. Они не догадывались, что она их родная сестра, и царапали, и били, и кусали её.

– Ступай, откуда пришла! Мы тебя не знаем, ты чужая! Ты совсем не Белянка, ты – жёлтая!

Что было делать? Со слезами ушла от них бедная мышка, крадучись вдоль заборов, на каждом шагу обжигаясь крапивой. Вскоре она очутилась на морском берегу:

– Скорее отмыть эту ужасную краску!

6. Жёлтая мышка и доктор

Ни минуты не медля, она бросилась в воду, и ныряла, и плавала, и скребла свою шкурку когтями, и тёрла песком, но напрасно: проклятая краска не хотела сходить. Шкурка оставалась такая же жёлтая.

Дрожа от холода, выползла несчастная на берег, села и заплакала. Что ей делать? Куда идти?

Скоро взойдёт солнце. Все увидят её и опять побегут за нею, и опять будут кидать в неё камнями и палками, и опять будут кричать у неё за спиной:

– Ловите, держите её!

— Нет, я этого больше не вынесу. Не лучше ли вернуться в неволю, в ту самую клетку, из которой я когда-то убежала? Что же делать, если на воле мне жить невозможно, если даже родная мать обижает и гонит меня?

И, печально понуриив голову, поплелась она к тому дому, где жил мальчик Пента.

По дороге она встретила странную мышь. Мышь была больная и чахлая, еле-еле передвигала ногами. На хвосте у неё был красиво завязанный бант.

Белянка спросила её:

— Скажите, пожалуйста, что это у вас за бант на хвосте?

— Это не бант, — ответила незнакомая мышь. — Это такая повязка. Я иду от доктора Айболита, и он перевязал мою рану. Я, видите ли, попала вчера в мышеловку, и мышеловка больно прищемила мне хвост. Я вырвалась из мышеловки — и сразу же к доктору. Он смазал мне хвост какой-то замечательной мазью, и я выздоровела. Спасибо ему. Ах, какой это хороший, добрый доктор! И знаете, он умеет говорить по-мышьиному: отлично понимает мышьиный язык.

— Где он живёт? — спросила у нее жёлтая мышка.

— Здесь за углом, на горке. Неужели вы не знаете, где живёт Айболит? Все звери знают его: к нему то и дело приходят больные собаки, больные лошади, больные зайцы, — и всех он умеет лечить.

Жёлтая мышка не дослушала и пустилась бежать. Она прибежала к доктору. Позвонила у дверей. Ей сейчас же отворила Авва.

У доктора было много больных: какая-то хромя коза, две черепахи, тюлень, петух с перевязанным горлом и ворона с перешибленным крылом.

Когда мышка рассказала доктору, что она хотела бы сделаться опять белой, доктор засмеялся и сказал:

— Не стану тебя лечить! Оставайся жёлтой навсегда! Мне нравится твоя жёлтая шерсть. Она такая золотистая, красивая.

— Но ведь эта шерсть меня погубит! — со слезами вскричала мышка. — Стоит мне выйти на улицу, и меня разорвут собаки или растерзает Чёрный Кот.

— Пустяки! — сказал доктор. — Живи у меня, и тебя никто здесь не тронет. Незачем тебе гулять по улицам. Вот тебе и домик в буфете: здесь живут два зайца и старая беззубая белка. У меня будет тебе хорошо, и мы будем звать тебя Фиджа. Это значит: золотая мышка.

— Ладно, — сказала она, — я согласна.

И она осталась жить у доктора, а все звери полюбили её: и собака Авва, и утка Кика, и попугай Карудо, и обезьяна Чичи. И вскоре она научилась распевать вместе с ними их весёлую песню:

Шита рита, тита дрита!
Шивандада, шиванда!
Мы родного Айболита
Не покинем никогда!

СКАЗКА О ЦАРЕВНЕ ЯСНОСВЕТЕ

(По Н. А. Некрасову)

Жил-был царь. Звали его Елисей. Был он очень важный и глупый. И был у царя сын — богатырь и красавец — храбрый царевич Роман. И задумал Роман жениться. Но где сыскать хорошую жену? Было, конечно, поблизости немало прекрасных невест — дочери соседних царей. Каждая охотно пошла бы за молодого царевича. Но царь и слышать не хотел о них, — такой он был важный и глупый.

— Помни, — говорил он царевичу, — что ты — мой сын и тебе надобно взять себе в жёны самую знатную, самую богатую, самую красивую девушку, какой ещё никогда не бывало на свете!

И пришёл к царю хитрый волшебник с длинной седой бородой, трижды поклонился ему и сказал:

— Нигде на всей земле нет красавицы, которая была бы достойна стать женою твоего храброго сына. Но за горами, далеко-далеко, у старого царя Ходинамеля живёт прекрасная царевна Ясносвета. Каждый вечер, едва только станет

темно, от её лица и одежды исходит сияние, как от небесной луны. И я открою тебе великую тайну, которой не знает никто, — эта девушка и вправду Луна!

— Да ведь Луна — в небесах! — вскричал царь.

— Нет! — ответил с глубоким поклоном волшебник, ухмыляясь в свою длинную бороду. — Каждое утро она сходит с небес на землю, к дочерям царя Ходинамеля, и резвится вместе с ними в саду, и все называют её Ясносветой. И только вечером, во мраке, она отлетает от земли в небеса.

Обрадовался царь Елисей:

— Спасибо тебе, мудрый волшебник! Там, в небесах, среди звёзд ты нашёл моему сыну жену. Небесная луна! Сестра всемогущего солнца! Вот будут завидовать мне все другие цари и царицы!

И ни минуты не медля снарядил он сына в дальний путь, и тот помчался в тридевятое царство к славному царю Ходинамелю и увидел у него во дворце прекрасную царевну Ясносвету.

Царь Ходинамель не был отцом Ясносветы. Ещё маленькой девочкой попала она к нему во дворец и стала жить у него вместе с его дочерьми. Никто не знал, где её отец и где мать.

Она и в самом деле была красавица. И глаза у неё засияли как звёзды, когда храбрый царевич сказал ей, что хочет жениться на ней. Она с первого взгляда полюбила царевича и тотчас же согласилась поехать вместе с ним в его родную страну.

Очень обрадовался царь Елисей, когда храбрый царевич Роман привёз к нему во дворец Ясносвету.

Подумайте только, какие богатства принесёт она царю и царевичу! Ведь она богаче всех невест: у неё и моря, и леса, и облака, и звёзды из чистого золота!

И на радостях глупый царь устроил весёлую свадьбу. И пригласил на свадьбу всех царей и цариц из дальних и ближних стран. «Приходите все и завидуйте: сын мой женится на небесной луне!»

На свадьбу приехало много гостей, и все они очень жалели, что уже никогда, никогда не увидят луны в небесах!

Ночи станут чёрные, хоть не выходи из ворот. Заблудишься, собьёшься с дороги. Теперь луна будет светить только царю Елисею и его сыну Роману, а все прочие люди — все, сколько есть! — останутся без луны, в темноте.

Особенно пригорюнился добрый царь Пантелей, повелитель некоего заморского царства. Глядя на царевну Ясносвету, он вспомнил свою погибшую дочь, которая лет двенадцать назад исчезла из родительского дома. Он искал её повсюду и нигде не нашёл. Теперь он смотрит на Ясносвету и не ест, и не пьёт, и вздыхает. Ясносвета так похожа на его погибшую дочь.

А царь Елисей доволен. Он сидит на своём троне и хохочет.

— Что это вы приуныли? — говорит он своим гостям. — Завидуете мне и моему сыну Роману? Да, дорогие друзья, туго вам придётся без луны. Намучаетесь вы в темноте. Зато у меня, в моём царстве, луна будет светить круглый год — от зари до зари — и не где-нибудь, а тут, за столом! Теперь она — наша, моя, и я не отпущу её в небо. Нечего ей гулять между облаками и звёздами!

И царь Елисей захохотал ещё громче.

Но что это случилось со всеми гостями? Почему они смотрят в окно, и шушукуются, и толкают друг друга локтями?

Царь глянул туда же, куда глядели другие, и сразу перестал хохотать. Он увидел, что в небе как ни в чём не бывало сияет круглая большая луна, и её серебряный свет разливается по окрестным полям и лесам.

И все глядят на неё, и смеются, и радуются.

— Какой же он глупец, этот царь Елисей! — громко говорят они друг другу. — Одурачил его хитрый колдун! Наговорил ему всякого вздору, а он и поверил, будто бы светила небесные могут сходить к нам на землю.

Царь вскочил со своего престола, подбежал к колдуну и набросился на него с кулаками:

— Ах ты бессовестный лгун! Из-за тебя я остался теперь в дураках! Хотел женить своего сына на Луне, а женил его

на жалкой сиротке, на нищенке, у которой нет ни гроша за душой.

— Нет, она не сиротка! Неправда! — неожиданно закричал царь Пантелей. — Я узнал её, мою Ясносвету! Она — моя единственная дочь. Её похитили у меня злые разбойники и отвезли её к царю Ходинамелю. И теперь она вернулась ко мне!

И царь Пантелей бросился обнимать Ясносвету. И все снова уселись за стол и пировали три дня и три ночи. И храбрый царевич Роман, сидя за столом с Ясносветой, тысячу раз повторял ей, что для него она милее луны, краше солнца.

А луна сияла в небесах, и казалось, что там, в высоте, среди облаков и звёзд, она смеётся над глупым царём, который мог поверить небылицам, рассказанным о ней хитрым волшебником.

ПЕРЕВОДЫ
И ПЕРЕСКАЗЫ

Р. КИПЛИНГ

Сказки

(Стихи в переводе С. Маршака)

ОТКУДА У КИТА ТАКАЯ ГЛОТКА

Это было давно, мой милый мальчик. Жил-был Кит. Он плавал по морю и ел рыбу. Он ел и лещей, и ершей, и белугу, и севрюгу, и селёдку, и селёдкину тётку, и плотичку, и её сестричку, и шустрого, быстрого выюна-вертуна угря. Какая рыба попадётся, ту и съест. Откроет рот, ам — и готово!

Так что в конце концов во всём море уцелела одна только Рыбка, да и та Малютка-Колюшка. Это была хитрая Рыбка. Она плавала рядом с Китом, у самого его правого уха, чуть-чуть позади, чтобы он не мог её глотнуть. Только тем и спасалась. Но вот он встал на свой хвост и сказал:

— Есть хочу!

И маленькая хитренькая Рыбка сказала ему маленьким хитреньким голосом:

— Не пробовало ли ты Человека, благородное и великодушное Млекопитающее?

— Нет, — ответил Кит. — А каков он на вкус?

— Очень вкусный, — сказала Рыбка. — Вкусный, но немного колючий.

— Ну, так принеси мне их сюда с полдесятка, — сказал Кит и так ударил хвостом по воде, что всё море покрылось пеной.

— Хватит тебе и одного для начала! — сказала Малютка-Колюшка. — Плыви к сороковому градусу северной широты и к пятидесятому градусу западной долготы (эти слова волшебные), и ты увидишь среди моря плот. На плоту сидит Моряк. Его корабль пошёл ко дну. Только и одежды на нём, что синие холщовые штаны да подтяжки (не забудь про эти подтяжки, мой мальчик!) да охотничий нож. Но я должна сказать тебе по совести, что этот человек очень находчивый-умный-и-храбрый.

Кит помчался что есть силы. Плыл, плыл, и доплыл куда сказано: до сорокового градуса северной широты и пятидесятого градуса западной долготы. Видит, и правда: посреди моря — плот, на плоту — Моряк, и больше никого. На Моряке синие холщовые штаны, да подтяжки (смотри же, мой милый, не забудь про подтяжки!), да сбоку у пояса охотничий нож, и больше ничего. Сидит Моряк на плоту, а ноги свесил в воду. (Его Мама позволила ему болтать голыми ногами в воде, иначе он не стал бы болтать, потому что был очень находчивый-умный-и-храбрый.)

Рот у Кита открывался всё шире, и шире, и шире, и открылся чуть не до самого хвоста. Кит проглотил и Моряка, и его плот, и его синие холщовые штаны, и подтяжки (пожалуйста, не забудь про подтяжки, мой милый!), и даже охотничий нож.

Всё провалилось в тот тёплый и тёмный чулан, который называется желудком Кита. Кит облизнулся — вот так! — и три раза повернулся на хвосте.

Но как только Моряк, очень находчивый-умный-и-храбрый, очутился в тёмном и тёплом чулане, который называется желудком Кита, он давай кувыркаться, брыкаться, кусаться, лягаться, колотить, молотить, хлопать, топтать, стучать, бренчать и в таком неподходящем месте заплясал трепака, что Кит почувствовал себя совсем нехорошо. (Надеешься, ты не забыл про подтяжки?)

И сказал он Малютке-Колюшке:

— Не по нутру мне человек, не по вкусу. У меня от него икота. Что делать?

— Ну, так скажи ему, чтобы выпрыгнул вон, — посоветовала Малютка-Колюшка.

Кит крикнул в свой собственный рот:

— Эй, ты, выходи! И смотри веди себя как следует. У меня из-за тебя икота.

— Ну нет, — сказал Моряк, — мне и тут хорошо! Вот если ты отвезёшь меня к моим родным берегам, к белым утёсам Англии, тогда я, пожалуй, подумаю, выходить мне или оставаться.

И он ещё сильнее затопал ногами.

— Нечего делать, вези его домой, — сказала хитрая Рыбка Киту. — Ведь я говорила тебе, что он очень находчивый-умный-и-храбрый.

Кит послушался и пустился в путь. Он плыл, и плыл, и плыл, работая всю дорогу хвостом и двумя плавниками, хотя ему сильно мешала икота.

Наконец вдали показались белые утёсы Англии. Кит подплыл к самому берегу и стал раскрывать свою пасть — всё шире, и шире, и шире, и шире — и сказал Человеку:

— Пора выходить. Пересадка. Ближайшие станции: Винчестер, Апуэлот, Нашуа, Кини по дороге в городишко Фитчбург.

Чуть он сказал: «Фич!» — изо рта у него выпрыгнул Моряк. Этот Моряк и вправду был очень находчивый-умный-и-храбрый. Сидя в животе у Кита, он не терял времени даром: ножом расколол свой плот на тонкие лучинки, сложил их крест-накрест и крепко связал подтяжками (т е п е р ь ты понимаешь, почему тебе не следовало забывать про подтяжки!), и у него получилась решётка, которой он и загородил Киту горло. При этом он сказал волшебные слова. Ты этих слов не слышал, и я с удовольствием скажу их тебе. Он сказал:

Поставил я решётку,
Киту заткнул я глотку.

С этими словами он прыгнул на берег, на мелкие камешки, и зашагал к своей Маме, которая позволяла ему ходить по воде босиком. Потом он женился, и стал жить-поживать,

и был очень счастлив. Кит тоже женился, и тоже был очень счастлив. Но с этого дня и во веки веков у него в горле стояла решётка, которую он не мог ни проглотить, ни выплюнуть. Из-за этой решётки к нему в горло попадала только мелкая рыбёшка. Вот почему в наше время Киты уже не глотают людей. Они не глотают даже маленьких мальчиков и маленьких девочек.

А хитрая Рыбка уплыла и спряталась в тине, под самым порогом Экватора. Она думала, что Кит рассердился, и боялась показаться ему на глаза.

Моряк захватил с собою свой охотничий нож. Синие холщовые штаны всё ещё были на нём, когда он шагал по камешкам у самого моря. Но подтяжек на нём уже не было. Они остались в горле у Кита. Ими были связаны лучинки, из которых Моряк сделал решётку.

Вот и всё. Э т о й сказке конец.

Если в стёклах каюты
Зелёная тьма,
И брызги взлетают
До труб,
И встают поминутно
То нос, то корма,
А слуга, разливающий
Суп,
Неожиданно валится
В куб,

Если мальчик с утра
Не одет, не умыт
И мешком на полу
Его нянька лежит,
А у мамы от боли
Трещит голова,
И никто не смеётся,
Не пьёт и не ест, —

Вот тогда нам понятно,
Что значат слова:
Сорок Норд,
Пятьдесят Вест!

ОТЧЕГО У ВЕРБЛЮДА ГОРБ

Вот ещё одна сказка, и в ней я хочу рассказать, откуда взялся на спине у Верблюда такой большой горб.

В самые первые годы, давно-давно, вся земля была новенькая, только что сделанная. Животные с первых же дней стали служить Человеку. Но в Ужасно-Унылой Пустыне жил Ужасно-Унылый Верблюд, который и не думал работать. Он ел сухие колючки, жёсткие ветки, тамариск, терновник и кору, но работать ни за что не хотел — такой бесовестный бездельник и лентяй! И что бы ни говорили ему, он на всё отвечал:

— Гррб!

Только «Гррб» — и больше ничего.

Вот однажды, в понедельник утром, пришёл к нему Конь. На спине у Коня было седло, в зубах — уздечка.

— Верблюд, о Верблюд! — сказал он. — Ступай к Человеку и начни бегать рысью, как мы.

— Гррб! — ответил Верблюд, а Конь пошёл к Человеку и рассказал ему всё.

Вскоре после этого к Верблюду пришёл Пёс. В зубах у него была палка. Он пришёл и сказал:

— Верблюд, о Верблюд! Иди к Человеку, научись ходить вместе с ним на охоту, как мы.

— Гррб! — ответил Верблюд, а Пёс пошёл к Человеку и рассказал ему всё.

Вскоре после этого пришёл к Верблюду Бык. На шее у Быка было ярмо. Он сказал:

— Верблюд, о Верблюд! Иди к Человеку и паши землю, как мы.

— Гррб! — ответил Верблюд, а Бык пошёл к Человеку и рассказал ему всё.

Вечером Человек позвал Коня, Пса и Быка и сказал:

— Конь, Пёс и Бык, мне очень вас жалко (ведь мир был совсем ещё новенький!), но зверь, который кричит «Гррб» в той Пустыне, не способен ни к какой работе, а то бы он давно

пришёл ко мне. Пусть себе живёт в своей Пустыне, я не трону его, но вам придётся работать вдвойне – и за себя, и за него.

Тогда Конь, Пёс и Бык очень рассердились (ведь мир был ещё очень новый!). Они отправились к самому краю Пустыни и стали громко обсуждать, что им делать, и лаяли, и ржали, и мычали. К ним подошёл Верблюд – бессовестный бездельник и лентяй! – и, лениво пережёвывая сухую траву, стал насмехаться над ними. Потом он сказал «Гррб» и удалился.

Мимо по дороге мчался в туче пыли Джинн, Владыка Всех Пустынь. (Джинны всегда путешествуют так, потому что они чародеи.) Он остановился поболтать с Конём, Псом и Быком.

– Владыка Всех Пустынь! – сказал Конь. – Кто имеет право бездельничать, если мир такой новый и в нём ещё так много работы?

— Никто, — ответил Джинн.

— А вот, — сказал Конь, — в твоей Ужасно-Унылой Пустыне живёт Ужасно-Унылый Зверь, с длинной шеей, с длинными ногами, который с самого утра, с понедельника, не подумал взяться за работу. Не желает бегать рысью — ни за что!

— Фью! — свистнул Джинн. — Да это мой Верблюд, клянусь золотом Аравийской земли! Что же он говорит?

— Он говорит одно слово: «Гррб», — сказал Пёс. — «Гррб» — и больше ничего. И не желает помогать Человеку охотиться.

— А что ещё он говорит? — спросил Джинн.

— Больше ничего, только «Гррб», и не желает пахать, — ответил Бык.

— Отлично! — воскликнул Джинн. — Пожалуйста, подождите минутку, я сейчас покажу ему «Гррб».

Он завернулся в свой плащ из пыли и помчался в Пустыню. Там он нашёл Верблюда. Тот стоял и любовался своим отражением в луже — бессовестный лентяй и бездельник.

— Мой лукавый длинноногий друг, — сказал Джинн, — я слышал, что ты не желаешь работать в нашем новом-новёхоньком мире. Что это значит?

— Гррб! — ответил Верблюд.

Джинн сел на песок и, опершись подбородком на руку, принялся колдовать, а Верблюд стоял и как ни в чём не бывало любовался своим отражением в луже.

— Конь, Бык и Пёс работали с самого утра, с понедельника, и работали больше, чем надо, оттого, что ты такой бессовестный лентяй и бездельник, — сказал Джинн.

И он опять оперся рукой о подбородок и продолжал колдовать.

— Гррб! — повторил Верблюд.

— И как тебе не надоест это слово? Который раз ты повторяешь его? Бессовестный лентяй и бездельник, я хочу, чтобы ты стал работать!

— Гррб! — повторил Верблюд.

И вдруг спина, которой он так гордился, начала у него пухнуть, и пухла, и пухла, и у него вздулся огромный горб.

— Полюбуйся! — сказал Джинн. — Это тот самый «Гррб», о котором ты постоянно твердишь. Он вырос у тебя оттого, что ты бессовестный лентяй и бездельник. Работа началась с понедельника, сегодня четверг, а ты до сих пор ещё не принялся за работу. Но теперь ты начнёшь работать!

— Как же я буду работать, если у меня огромный Гррб? — спросил Верблюд.

— А это тебе в наказание! — ответил Джинн. — За то, что ты прогулял трое суток. Но теперь ты можешь работать три дня без всякой пищи потому, что ты будешь есть свой собственный Гррб. Жил же ты три дня одним только «Гррб». После этого, я надеюсь, ты не станешь говорить, что я о тебе не забочусь. А теперь уходи из Пустыни, ступай к Коню, Псу и Быку и смотри веди себя хорошо.

И пошёл Верблюд со своим горбом к Коню, Псу и Быку. И до сих пор он таскает на спине свой горб (мы не говорим уже «Гррб», мы говорим «горб», чтобы не обидеть Верблюда), и до сих пор он не может наверстать те три дня, которые он прогулял вначале, когда земля была новая, и до сих пор он не может научиться, как нужно себя вести.

Горб
Верблюжий,
Такой неуклюжий,
Видал я в зверинце не раз.
Но горб
Ещё хуже,
Ещё неуклюжей
Растёт у меня и у вас.

У всех,
Кто слоняется праздный,
Немытый, нечёсанный, грязный,
Появится

Горб,
Невиданный горб,
Мохнатый, кривой, безобразный.

Мы спим до полудня
И в праздник, и в будни,
Проснёмся и смотрим уныло,
Мяукаем, лаем,
Вставать не желаем
И злимся на губку и мыло.

Скажите, куда
Бежать от стыда,
Где спрячете горб свой позорный,
Невиданный
Горб,
Неслыханный
Горб,
Косматый, мохнатый и чёрный?

Совет мой такой:
Забыть про покой
И бодро заняться работой,
Не киснуть, не спать,
А землю копать,
Копать до десятого пота.

И ветер, и зной,
И дождь проливной,
И голод, и труд благотворный
Разглядят ваш горб,
Невиданный горб,
Косматый, мохнатый и чёрный!

ОТКУДА У НОСОРОГА ШКУРА

В некотором царстве, в некотором государстве, на Красном море, у самого берега, стоял Необитаемый остров. На острове жил парс, а у парса была шапка, и она блестела на солнце, как солнце. Только и было добра у парса,

что шапка, да нож, да печка, — а вам эту печку трогать руками нельзя.

И вот один раз взял парс изюму, и муки, и воды, и слив, и сахару, и всякой всячины, смешал всё в кучу и сделал себе пирог, великолепнейший волшебный пирог в два локтя шириною и в три локтя толщиной. Это было высшее Достижение Кулинарного Искусства (говоря волшебными словами). И поставил парс пирог на печку: ему, значит, можно было подходить к этой печке. И так он пёк этот пирог, что тот зарумянился и дух от него пошёл нежный и трогательный.

Но только парс открывает рот и хочет съесть свой пирог, смотрит — из Необитаемых Дебрей идёт Носорог; а у Носорога на носу рог, и глазки у него пороссячьи, и сам он совсем невоспитанный.

В те времена Носороги носили шкуру в обтяжку, без единой складочки, и очень смахивали на деревянных, игрушечных, только были, понятно, крупнее. Всё же они и теперь невоспитанные, и прежде были невоспитанные, и всегда будут невоспитанные.

Носорог сказал:

— Угу!

И покинул парс пирог, и бросился к пальме, и, в чём был, полез на верхушку; а был он в одной только шапке, и шапка блестела на солнце, как солнце.

И ткнул Носорог его печку носом, и печка перевернулась вверх дном, и покатился пирог по песку, и поддел Носорог пирог на рог и стал его есть, а съевши, ушёл в безлюдную, необитаемую пустыню, по соседству с островами Мазандеран, Сокотра и мысами Великого Равноденствия.

Тогда парс слез с дерева, поставил печку на ножки и проговорил такое заклятие, какого вы никогда не слышали, и потому сейчас я скажу его вам:

Если шкура тебе дорога,
Не бери пирога на рога.

И, ах, — это было неспроста!

Потому что прошло пять недель, и в Красном море на-

ступила жара, и каждый стал сбрасывать с себя всю одежду. Парс сбросил с себя шапку, а Носорог шкуру, перекинул её через плечо и пошёл купаться. Тогда ещё шкура у Носорога застёгивалась на животе на три пуговицы и была похожа на резиновый плащ.

Встретив парса, Носорог ни слова не сказал о его пироге, потому что, повторяю, он был очень невоспитанный — прежде, теперь и всегда. Переваливаясь, он прямо полез в воду и стал пускать через нос пузыри, а шкуру оставил на берегу.

Идёт парс мимо и видит — шкура. Улыбнулся парс хитрой улыбкой — и раз, и другой. Потом трижды протанцевал вокруг шкуры, потирая от радости руки.

Потом он бросился к своему жилью и набрал полную шапку крошек, оставшихся от пирога. Парс только и ел, что пироги, а крошек никогда не выметал. И он взял эту шкуру, и он смял эту шкуру, и потёр эту шкуру, и простёр эту шкуру, и набил её снизу доверху засохшими, жёсткими, чёрствыми, колючими крошками и горелыми изюминками. Потом взобрался на свою высокую пальму и стал поджидать, чтобы Носорог вышел из воды и напялил на себя свою шкуру.

Носорог так и сделал. Он застегнулся на три пуговицы, и тотчас же его зацарапало, как царапают крошки в кровати. Ему захотелось почесаться, но от этого стало ещё хуже. Грохнулся он тогда на землю и пошёл кататься по земле, и катался, и катался, и катался, и чем больше катался, тем больше донимали его крошки — и всё хуже, и хуже, и хуже. Кинулся Носорог к пальме и стал тереться о пальму, и тёрся, и тёрся, и тёрся. И так долго он тёрся, и так сильно он тёрся, что натёр себе на шкуре большие складки — одну над плечами и другую складку на животе, где прежде были пуговицы (но он отёр эти пуговицы прочь), и ещё натёр складки у себя на ногах. И это очень испортило его характер, но не избавило от крошек. Крошки остались у него за шкурой и царапали как ни в чём не бывало. И он пошёл домой весь исцарапанный и ужасно сердитый. И с тех пор до сего дня у каждого Носорога очень толстые складки на шку-

ре и очень скверный характер, и всё потому, что за шкурой у него крошки от пирога.

А парс спустился с пальмы, нахлобучил шапку, блестящую на солнце, как солнце, и ушёл с того места прочь по направлению к Оротаво, Амигдале, Верхним Лугам Анантари-во и Болотам Сонапута.

СЛОНЁНОК

Это только теперь, милый мой мальчик, у Слона есть хобот. А прежде, давным-давно, никакого хобота не было у Слона. Был только нос, вроде как лепёшка, чёрненький и величиною с башмак. Этот нос болтался во все стороны — и всё же никуда не годился: разве можно таким носом поднять что-нибудь с земли?

Но вот в то самое время, давным-давно, жил один такой Слон, или, лучше сказать, Слонёнок, который был страшно любопытен, и кого, бывало, ни увидит, ко всем пристаёт с расспросами. Жил он в Африке, и ко всей Африке приставал он с расспросами.

Он пристаивал к Страусихе, своей долговязой тётке, и спрашивал её, отчего у неё на хвосте перья растут так, а не этак, и долговязая тётка Страусиха давала ему за то тумака своей твёрдой-претвёрдой ногой.

Он пристаивал к своему длинноногому дяде Жирафу и спрашивал его, отчего у него на шкуре пятна, и длинноногий дядя Жираф давал ему за то тумака своим твёрдым-претвёрдым копытом.

Но и это не отбивало у него любопытства.

И он спрашивал свою толстую тётку Бегемотиху, отчего у неё такие красные глазки, и толстая тётка Бегемотиха давала ему за то тумака своим толстым-претолстым копытом.

Но и это не отбивало у него любопытства.

Он спрашивал своего волосатого дядю Павиана, почему все дыни такие сладкие, и волосатый дядя Павиан давал ему за то тумака своей мохнатой, волосатой лапой.

Но и это не отбивало у него любопытства.

Что бы он ни увидел, что бы ни услышал, что бы ни понюхал, до чего бы ни дотронулся, — он тотчас же спрашивал обо всём и тотчас же получал тумачи от всех своих дядей и тёток.

Но и это не отбивало у него любопытства.

И случилось так, что в одно прекрасное утро, незадолго до весеннего равноденствия, этот самый Слонёнок — надоеда и приставала — спросил об одной такой вещи, о которой он ещё никогда не спрашивал. Он спросил:

— Что кушает за обедом Крокодил?

Все испуганно и громко закричали:

— Тс-с-с-с!

И тотчас же, без дальних слов, стали сыпать на него тумачи.

Били его долго, без передышки, но, когда перестали бить, он сейчас же подбежал к птичке Колоколо, сидевшей в колючем терновнике, и сказал:

— Мой отец колотил меня, и моя мать колотила меня, и все мои тётки колотили меня, и все мои дяди колотили меня за ненасытное моё любопытство, и всё же мне страшно хотелось бы знать, что кушает за обедом Крокодил?

И сказала птичка Колоколо печальным и громким голосом:

— Ступай к берегу сонной, зловонной, мутно-зелёной реки Лимпопо; берега её покрыты деревьями, которые нагоняют на всех лихорадку. Там ты узнаешь всё.

На следующее утро, когда от равноденствия уже ничего не осталось, этот любопытный Слонёнок набрал бананов — целых сто фунтов! — и сахарного тростнику — тоже сто фунтов! — и семнадцать зеленых дынь, из тех, что хрустят на зубах, взвалил всё это на плечи и, пожелав своим милым родичам счастливо оставаться, отправился в путь.

— Прощайте! — сказал он им. — Я иду к сонной, зловонной, мутно-зелёной реке Лимпопо; берега её покрыты деревьями, которые нагоняют на всех лихорадку, и там я во что бы то ни стало узнаю, что кушает за обедом Крокодил.

И родичи ещё раз хорошенько вздули его на прощание, хотя он чрезвычайно учтиво просил их не беспокоиться.

И он ушёл от них, слегка потрёпанный, но не очень удивлённый. Ел по дороге дыни, а корки бросал на землю, так как подбирать эти корки ему было нечем. Из города Грэма он пошёл в Кимберли, из Кимберли в Хамову землю, из Хамовой земли на восток и на север и всю дорогу угощался дынями, покуда наконец не пришёл к сонной, зловонной, мутно-зелёной реке Лимпопо, окружённой как раз такими деревьями, о каких говорила ему птичка Колоколо.

А надо тебе знать, мой милый мальчик, что до той самой недели, до того самого дня, до того самого часа, до той самой минуты наш любопытный Слононок никогда не видал Крокодила и даже не знал, что это такое. Представь же себе его любопытство!

Первое, что бросилось ему в глаза, — был Двухцветный Питон, Скалистый Змей, обвинившийся вокруг какой-то скалы.

— Извините, пожалуйста! — сказал Слононок чрезвычайно учтиво. — Не встречался ли вам где-нибудь поблизости Крокодил? Здесь так легко заблудиться.

— Не встречался ли м н е Крокодил? — презрительно переспросил Двухцветный Питон, Скалистый Змей. — Нашёл, о чём спрашивать!

— Извините, пожалуйста! — продолжал Слононок. — Не можете ли вы сообщить мне, что кушает Крокодил за обедом?

Тут Двухцветный Питон, Скалистый Змей, не мог уже больше удержаться, быстро развернулся и огромным хвостом дал Слононку тумака. А хвост у него был, как молотильный цеп, и весь покрыт чешуёю.

— Вот чудеса! — сказал Слононок. — Мало того, что мой отец колотил меня, и моя мать колотила меня, и мой дядя колотил меня, и моя тётка колотила меня, и другой мой дядя, Павиан, колотил меня, и другая моя тётка, Бегемотиха, колотила меня, и все как есть колотили меня за ненасытное моё любопытство, — здесь, как я вижу, начинается та же история.

И он очень учтиво попрощался с Двухцветным Питоном, Скалистым Змеем, помог ему опять обмотаться вокруг ска-

лы и пошёл себе дальше; его порядком потрепали, но он не очень дивился этому, а снова взялся за дыни и снова бросал корки на землю — потому что, повторяю, чем бы он стал поднимать их? — и скоро набрёл на какое-то бревно, валявшееся у самого берега сонной, зловонной, мутно-зелёной реки Лимпопо, окружённой деревьями, нагоняющими на всех лихорадку.

Но на самом деле, мой милый мальчик, это было не бревно, это был Крокодил. И подмигнул Крокодил одним глазом — вот так!

— Извините, пожалуйста! — обратился к нему Слонёнок чрезвычайно учтиво. — Не случилось ли вам встретить где-нибудь поблизости в этих местах Крокодила?

Крокодил подмигнул другим глазом и высунул наполовину свой хвост из воды. Слонёнок (опять-таки очень учтиво) отступил назад, потому что ему не хотелось получить нового тумака.

— Подойди-ка сюда, моя крошка! — сказал Крокодил. — Тебе, собственно, зачем это надобно?

— Извините, пожалуйста! — сказал Слонёнок чрезвычайно учтиво. — Мой отец колотил меня, и моя мать колотила меня, моя долговязая тётка Страусиха колотила меня, и мой длинноногий дядя Жираф колотил меня, моя другая тётка, толстая Бегемотиха, колотила меня, и другой мой дядя, мохнатый Павлиан, колотил меня, и Питон Двухцветный, Скалистый Змей, вот только что поколотил меня больно-пребольно, и теперь — не во гнев будь вам сказано — я не хотел бы, чтобы меня колотили опять.

— Подойди сюда, моя крошка, — сказал Крокодил, — потому что я и есть Крокодил.

И он стал проливать крокодиловы слёзы, чтобы показать, что он и вправду Крокодил.

Слонёнок ужасно обрадовался. У него захватило дух, он упал на колени и крикнул:

— Вас-то мне и нужно! Я столько дней разыскиваю вас! Скажите мне, пожалуйста, скорее, что кушаете вы за обедом?

— Подойди поближе, я шепну тебе на ушко.

Слонёнок нагнул голову близко-близко к зубастой, клыкастой крокодиловой пасти, и Крокодил схватил его за маленький носик, который до этой самой недели, до этого самого дня, до этого самого часа, до этой самой минуты был ничуть не больше башмака.

— Мне кажется, — сказал Крокодил, и сказал сквозь зубы, вот так, — мне кажется, что сегодня на первое блюдо у меня будет Слонёнок.

Слонёнку, мой милый мальчик, это страшно не понравилось, и он проговорил через нос:

— Пусдиде беда, бде очедь больдо! (Пустите меня, мне очень больно!)

Тут Двухцветный Питон, Скалистый Змей, приблизился к нему и сказал:

— Если ты, о мой юный друг, тотчас же не отпрянешь назад, сколько хватит у тебя твоей силы, то моё мнение таково, что не успеешь ты сказать «раз, два, три!», как вследствие твоего разговора с этим кожаным мешком (так он величал Крокодила) ты попадёшь туда, в ту прозрачную водяную струю...

Двухцветные Питоны, Скалистые Змеи, всегда говорят вот так.

Слонёнок сел на задние ножки и стал тянуть. Он тянул, и тянул, и тянул, и нос у него начал вытягиваться. А Крокодил отступил подальше в воду, вспенил её, как сбитые сливки, тяжёлыми ударами хвоста, и тоже тянул, и тянул, и тянул.

И нос у Слонёнка вытягивался, и Слонёнок растопырил все четыре ноги, такие крошечные слоновьи ножки, и тянул, и тянул, и тянул, и нос у него всё вытягивался. А Крокодил бил хвостом, как веслом, и тоже тянул, и тянул, и чем больше он тянул, тем длиннее и длиннее вытягивался нос у Слонёнка, и больно было этому носу у-ж-ж-жас-но! И вдруг Слонёнок почувствовал, что ножки его заскользили по земле, и он вскрикнул через нос, который сделался у него чуть не в пять футов длиною:

— Довольдо! Осдавьде! Я больше де богу!

Услышав это, Двухцветный Питон, Скалистый Змей,

бросился вниз со скалы, обмотался двойным узлом вокруг задних ног Слонёнка и сказал:

— О неопытный и легкомысленный путник! Мы должны понатужиться сколько возможно, ибо впечатление моё таково, что этот военный корабль с живым винтом и бронированной палубой (так величал он Крокодила) хочет загубить твоё будущее...

Двуцветные Питоны, Скалистые Змеи, всегда выражаются так.

И вот тянет Змей, тянет Слонёнок, но тянет и Крокодил. Тянет, тянет, но так как Слонёнок и Двуцветный Питон, Скалистый Змей, тянут сильнее, то Крокодил в конце концов должен выпустить нос Слонёнка, и Крокодил отлетает назад с таким плеском, что слышно по всей Лимпопо.

А Слонёнок как стоял, так и сел и очень больно ударился, но всё же успел сказать Двуцветному Питону, Скалистой Змею, спасибо, а потом принялся ухаживать за своим вытянутым носом: обернул его холодноватыми листьями бананов и опустил в прохладную воду сонной, мутно-зелёной реки Лимпопо, чтобы он хоть немного остыл.

— К чему ты это делаешь? — сказал Двуцветный Питон, Скалистый Змей.

— Извините, пожалуйста! — сказал Слонёнок. — Нос у меня потерял прежний вид, и я жду, чтобы он опять стал коротеньким.

— Долго же тебе придётся ждать, — сказал Двуцветный Питон, Скалистый Змей. — То есть удивительно, до чего иные не понимают своей собственной выгоды!

Слонёнок просидел над водою три дня и всё поджидал, не станет ли нос у него короче. Однако нос не становился короче, и — мало того — из-за этого носа глаза у Слонёнка стали немного косыми.

Потому что, мой милый мальчик, ты, надеюсь, уже догадался, что Крокодил вытянул Слоёнку нос в самый заправдашний хобот — точь-в-точь такой, какие имеются у всех нынешних Слонов.

К концу третьего дня прилетела какая-то муха и ужалила

Слонёнка в плечо, и он, сам не замечая, что делает, приподнял хобот и прихлопнул муху.

— Вот тебе и первая выгода! — сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей. — Ну, рассуди сам: мог бы ты сделать что-нибудь такое своим прежним крошечным носом? Кстати, не хочешь ли ты закусить?

И Слонёнок, сам не зная, как у него это вышло, потянулся хоботом к земле, сорвал добрый пучок травы, хлопнул им о передние ноги, чтобы стряхнуть с него пыль, и тотчас же сунул себе в рот.

— Вот тебе и вторая выгода! — сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей. — Попробовал бы ты проделать это своим прежним крошечным носом! Кстати, заметил ли ты, что солнце стало слишком сильно припекать?

— Пожалуй, что и так! — сказал Слонёнок.

И, сам не зная, как у него это вышло, зачерпнул своим хоботом из сонной, зловонной, мутно-зелёной реки Лимпопо немного илу и шлёпнул его себе на голову; мокрый ил расквасился в лепёшку, и за уши Слонёнку потекли целые потоки воды.

— Вот тебе и третья выгода! — сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей. — Попробовал бы ты проделать это своим прежним крошечным носом! И, кстати, что ты теперь думаешь насчёт тумачков?

— Извините, пожалуйста, — сказал Слонёнок, — но я, право, не люблю тумачков.

— А вздуть кого-нибудь другого? — сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей.

— Это я с радостью! — сказал Слонёнок.

— Ты ещё не знаешь своего носа! — сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей. — Это просто клад, а не нос. Вздует кого угодно.

— Благодарю вас, — сказал Слонёнок, — я приму это к сведению. А теперь мне пора домой. Я пойду к милым родичам и проверю мой нос.

И пошёл Слонёнок по Африке, забавляясь и помахивая хоботом.

Захочется ему фруктов — он срывает их прямо с дерева,

а не стоит и не ждёт, как прежде, чтобы они свалились на землю. Захочется ему травки — он рвёт её прямо с земли, а не бухается на колени, как бывало. Мухи докучают ему — он сорвёт с дерева ветку и машет ею, как веером. Припекает солнце — он опустит свой хобот в реку, и вот на голове у него холодная, мокрая нашлапка. Скучно ему одному шататься без дела по Африке — он играет хоботом песни, и хобот у него куда звончее сотни медных труб.

Он нарочно свернул с дороги, чтобы разыскать толстуху Бегемотиху, хорошенько отколотить её и проверить, правду ли сказал ему Двухцветный Питон, Скалистый Змей, про его новый нос. Поколотив Бегемотиху, он пошёл по прежней дороге и подбирал с земли те дынные корки, которые разбрасывал по пути к Лимпопо, — потому что он был Чистоплотным Толстокожим.

Стало уже темно, когда в один прекрасный вечер он пришёл домой к своим милым родственникам. Он свернул хобот в кольцо и сказал:

— Здравствуйте! Как поживаете?

Они страшно обрадовались ему и сейчас же в один голос сказали:

— Поди-ка, поди-ка сюда, мы дадим тебе тумачков за ненасытное твоё любопытство!

— Эх вы! — сказал Слонёнок. — Много смыслите вы в тумачках! Вот я в этом деле кое-что понимаю. Хотите, покажу?

И он развернул свой хобот, и тотчас же два его милых братца полетели от него вверх тормашками.

— Клянёмся бананами! — закричали они. — Где это ты так наострился и что у тебя с носом?

— Этот нос у меня новый, и дал мне его Крокодил на сонной, зловонной, мутно-зелёной реке Лимпопо, — сказал Слонёнок. — Я завёл с ним разговор о том, что он кушает за обедом, и он подарил мне на память новый нос.

— Безобразный нос! — сказал волосатый, мохнатый дядя Павиан.

— Пожалуй, — сказал Слонёнок. — Но полезный!

И он схватил волосатого дядю Павиана за волосатую ногу и, раскачав, закинул в осиное гнездо.

И так разошёлся этот сердитый Слонёнок, что отколо-тил всех до одного своих милых родных. Бил он их, бил, так что им жарко стало, и они посмотрели на него с изумлени-ем. Он выдернул из хвоста у долговязой тётки Страусихи чуть не все её перья; он ухватил длинноногого дядю Жи-рафа за заднюю ногу и поволок его по колючим терновым ку-стам; он разбудил громким криком свою толстую тётку Беге-мотиху, когда она спала после обеда, и стал пускать ей пря-мо в ухо пузыри, но никому не позволял обижать птичку Ко-локоло.

Дело дошло до того, что все его родичи — кто раньше, кто позже — отправились к сонной, зловонной, мутно-зелёной реке Лимпопо, окружённой деревьями, нагоняю-щими на всех лихорадку, чтобы и им подарил Крокодил по такому же носу.

Вернувшись, никто уже больше не давал тумачков нико-му, и с той поры, мой мальчик, у всех Слонов, которых ты когда-нибудь увидишь, да и у тех, которых ты никогда не увидишь, у всех совершенно такой самый хобот, как у этого любопытного Слонёнка.

Есть у меня шестёрка слуг,
Проворных, удалых,
И всё, что вижу я вокруг, —
Всё знаю я от них.

Они по знаку моему
Являются в нужде.
Зовут их: Как и Почему,
Кто, Что, Когда и Где.

Я по морям и по лесам
Гоняю верных слуг.
Потом работаю я сам,
А им даю досуг.

Я по утрам, когда встаю,
Всегда берусь за труд,

А им свободу я даю —
Пускай едят и пьют.

Но у меня есть милый друг,
Особа юных лет.
Ей служат сотни тысяч слуг —
И всем покоя нет.

Она гоняет, как собак,
В ненастье, дождь и тьму
Пять тысяч Где, семь тысяч Как,
Сто тысяч Почему!

ОТКУДА ВЗЯЛИСЬ БРОНЕНОСЦЫ

Милый мальчик, я опять расскажу тебе сказку о Далёких и Старинных Временах. Жил тогда Злючка-Колючка Ёж. Жил он на мутной реке Амазонке, ел улиток и разные разности. И была у него подруга, Черепаха Неспешная, которая тоже жила на мутной реке Амазонке, ела разные разности и зелёный салат. Всё шло хорошо, не правда ли, милый мальчик?

Но в ту же самую пору, в Далёкое и Старинное Время, жил на мутной реке Амазонке Расписной Ягуар. Он ел всё, что ему удастся поймать. Не удастся поймать оленя — он съест обезьяну; не удастся поймать обезьяну — съест лягушку или таракашку. А уж если нет ни лягушек, ни таракашек — он идёт к своей мамаше Ягуарихе, чтобы та объяснила ему, как нужно ловить черепах и ежей.

Изящно помахивая грациозным хвостом, мамаша часто наставляла его:

— Если, сынок, ты найдёшь Ежа, скорее швырни его в воду. Ёж сам собою развернётся в воде. А если найдёшь Черепаху, выцарапай её лапой из панциря.

И всё шло хорошо, мой милый мальчик.

Была прекрасная ночь на мутной реке Амазонке. Расписной Ягуар увидел, что под стволом свалившегося дерева си-

дят рядышком Злючка-Колючка Ёж и Черепаха Неспешная. Спаситься бегством они не могли, и вот Злючка-Колючка Ёж свернулся шаром, потому что иначе он не был бы Ёж, а Черепаха Неспешная втянула ноги и голову под свой панцирь, потому что она была Черепаха.

В с ё шло как следует, милый мой мальчик, не правда ли?

— Слушайте меня внимательно! — сказал Расписной Ягуар. — То, что я хочу вам сказать, имеет для вас большое значение. Моя маменька учила меня, что, если я увижу Ежа, я должен швырнуть его в воду, и тогда он сам собою развернётся, а если я увижу Черепаху, я должен выцарапать её лапой из панциря. Но кто же из вас Черепаха, а кто из вас Ёж — клянусь моими пятнами, не знаю!

— Хорошо ли ты помнишь, что говорила тебе твоя маменька? — спросил Злючка-Колючка Ёж. — Уж не напутал ли ты? Может быть, маменька говорила тебе, что, когда ты развернёшь Черепаху, ты должен выцарапать её из воды, а когда ты поймаешь Ежа, ты должен бросить его прямо на панцирь?

— Хорошо ли ты помнишь, что говорила тебе твоя маменька? — спросила Черепаха Неспешная. — Уж не напутал ли ты? Может быть, она говорила тебе, что, когда ты смочишь водою Ежа, ты должен расцарапать его лапой, а когда встретишь Черепаху, ты должен снять с неё панцирь, чтобы она развернулась?

— Едва ли это так! — сказал Расписной Ягуар, но всё же опешил немного. — Будьте добры, повторите ещё раз, что вы сказали сейчас. И, если можно, яснее.

— Когда ты поцарапаешь воду когтями, налей её и разверни Ежом, — сказал Злючка-Колючка Ёж. — Запомни это хорошенько, потому что это очень важно.

— Но, — сказала Черепаха Неспешная, — когда ты выцарапаешь воду из Ежа, ты должен полить этой водой Черепаху. Неужели ты и этого не знаешь?

— У меня от вашей путаницы даже пятна на спине заболели! — сказал Расписной Ягуар. — Я не спрашиваю ваших советов, я только спрашиваю, кто из вас Ёж и кто Черепаха.

— Не скажу, — ответил Ёж. — Но, если хочешь, изволь — попробуй-ка выцарапать меня из моего панциря.

— Ага! — сказал Расписной Ягуар. — Теперь я вижу, что ты Черепаха. Ты думала, что я не догадаюсь. А я догадался.

И хлопнул Ягуар лапой со всего размаха по Ежу как раз в ту минуту, когда Ёж свернулся клубком. И, конечно, в лапу Ягуару вонзились острые колючки Ежа. Это было бы, пожалуй, ещё ничего, но, к несчастью, Ягуар ударом лапы отбросил Ежа далеко-далеко в лес и не мог найти его в кустах, так как было очень темно. Тогда он сунул лапу себе в рот, но от этого иглы стали колоть ещё больше. От боли он долго не мог говорить, а когда заговорил, сказал:

— Теперь я вижу, то была совсем не Черепаха. Но как мне узнать, Черепаха ли это?

И он почесал затылок той лапой, которая не пострадала от колючек Ежа.

— Я и е с т ь Черепаха, — призналась Неспешная. — Твоя матушка учила тебя правильно. Она сказала, что ты должен выцарапать меня лапой из панциря. Это верно. Ну, принимайся за дело!

— Только что ты говорила, что она говорила одно, а теперь ты говоришь, что она говорила другое! — сказал Ягуар, высасывая колючки из лапы.

— Ты говоришь, что я говорю, что она говорила другое, — сказала Черепаха. — Что ж из этого? Ведь если, как ты говоришь, я говорила, что она говорила то, что я говорила, это и выходит, что я говорила то, что говорила она. А если ты думаешь, что она говорила, будто ты должен развернуть меня лапой, а не бросать вместе с моим панцирем в воду, я здесь ни при чём, не правда ли?

— Но ведь только что ты сама говорила, что я должен выцарапать тебя лапой из твоей скорлупы, — сказал Расписной Ягуар.

— Подумай хорошенько, и ты поймёшь, что я этого никогда не говорила. Я только говорила, что твоя мама говорила, что ты должен содрать с меня когтями мой панцирь, — сказала Неспешная.

— А что будет, если я сдеру с тебя панцирь? — осторожно спросил Ягуар и потянул носом воздух.

— Не знаю, потому что до сих пор никто ещё не сдирал с меня панциря, но говорю тебе правду: если ты хочешь посмотреть, как я уплыву от тебя, — брось меня, пожалуйста, в воду.

— Я тебе не верю! — сказал Расписной Ягуар. — Мама моя говорила одно, а ты говорила, что она говорила другое, и теперь всё у меня так перепуталось, что я не знаю, где у меня хвост, где голова. А теперь ты сказала простые слова, которые я понимаю, и это путает меня больше всего. Мама учила меня, чтобы я бросил одного из вас в воду, и так как ты говоришь, что тебе хочется в воду, ясно, что тебе не хочется в воду. Так прыгай же в мутную воду реки Амазонки. Живо!

— Хорошо, я прыгну, но знай: мама твоя будет очень недовольна. Пожалуйста, не говори ей, что я не говорила тебе, что она говорила...

— Если ты скажешь ещё хоть одно слово о том, что говорила моя мама!.. — вскричал Ягуар, но не успел договорить, потому что Черепаха как ни в чём не бывало нырнула в мутную воду реки Амазонки.

Долго она плыла под водою и выплыла на берег, где её ждал Злючка-Колучка Ёж.

— Мы чуть не погибли! — сказал Ёж. — Не нравится мне этот Расписной Ягуар. Что ты сказала ему о себе?

— Я сказала ему правду. Я честно сказала ему, что я Черепаха, но он не поверил, заставил меня прыгнуть в воду и очень удивился, увидев, что я и в самом деле Черепаха. Теперь он пошёл жаловаться маме. Ты слышишь?

Было слышно, как среди кустов и деревьев, над мутной рекой Амазонкой, ревёт Ягуар и зовёт к себе мать Ягуариху. И она пришла.

— Ах, сыночек, сыночек! — заговорила она, изящно помахивая грациозным хвостом. — Ты, кажется, делал такое, чего тебе не следовало делать.

— Я встретил над рекою одну зверюшку и хотел выцара-

пять её из-под панциря; она сама сказала, что ей хочется этого, и вот теперь у меня вся лапа в занозах!

— Ах, сыночек, сыночек! — сказала мать, изящно помахивая грациозным хвостом. — По этим занозам, которые впились в твою лапу, я вижу, что то был Ёж. Тебе следовало кинуть его в воду.

— В воду я кинул другого зверька. Он сказал, что его зовут Черепаха, но я не поверил ему. Оказывается, то и вправду была Черепаха. Она нырнула в воду, в мутную реку Амазонку, и больше я не видел её. И вот я остался голодный и думаю, что нам нужно переселиться отсюда в другие места. Здесь, на мутной реке Амазонке, все звери такие умные. Мне, бедному, не справиться с ними.

— Ах, сыночек, сыночек! — сказала его мать, изящно помахивая грациозным хвостом. — Слушай внимательно и запомни, что я скажу. Ёж свёртывается в клубок, и его колючки торчат во все стороны. По этой примете ты всегда узнаешь Ежа.

— Не нравится мне эта старуха, ох как не нравится! — сказал Злючка-Колючка Ёж. — Что ещё она скажет ему?

— А Черепаха не может сворачиваться, — продолжала Ягуариха, изящно помахивая грациозным хвостом. — Черепаха втягивает голову и ноги под панцирь. По этой примете ты всегда узнаешь Черепаху.

— Не нравится мне эта старуха, ох как не нравится! — сказала Черепаха Неспешная. — Даже Расписной Ягуар и тот не забудет такого простого урока. Ах, Злючка-Колючка, как жаль, что ты не умеешь плавать!

— Полно тужить обо мне, — отозвался Злючка-Колючка. — Тебе тоже кое-чего не хватает. Подумай: как было бы чудесно, если бы ты умела сворачиваться в клубок! Ах, в какую беду мы попали! Прислушайся, что говорит Ягуар!

Расписной Ягуар сидел над мутной рекой Амазонкой, высасывал из лапы колючки и бормотал про себя:

Кто свернётся клубком,
Тот зовётся Ежом.
Кто в воде поплывёт,
Черепахой сльвёт.

— Этого он никогда не забудет, даже после дождика в четверг, — сказал Ёж. — Поддержи меня за подбородок, Неспешная, — я хочу научиться плавать. Это может пригодиться потом.

— С удовольствием! — сказала Черепаха.

И она поддержала Колючку за подбородок, покуда Колючка барахтался в мутной реке Амазонке.

— Из тебя выйдет отличный пловец! — сказала она Ежу. — А теперь, будь так добр, распусти у меня на спине те шнурки, которыми стянут мой панцирь, — я попробую свернуться в клубок.

Злючка-Колючка Ёж распустил на спине у Черепахи шнурки, и Черепаха стала так ёжиться и корчиться, что ей наконец удалось чуть-чуть согнуться, — не совсем, а чуть-чуть.

— Очень хорошо! — сказал Ёж. — Но довольно, больше не надо. У тебя даже лицо посинело. А теперь, пожалуйста, поддержи меня в воде ещё разок! Я попробую плавать боком. Ты говорила, что это очень легко.

И Ёж опять пустился вплавать. Это был его второй урок. Черепаха плыла рядом с ним.

— Очень хорошо! — сказала она. — Ещё немного, и ты будешь плавать не хуже Кита. А теперь, будь так добр, распусти-ка шнурки на моём панцире ещё на две дырочки, я попробую наклониться вперёд. Ты говоришь, это очень легко. То-то будет удивлён Расписной Ягуар!

— Очень хорошо! — воскликнул Ёж, весь мокрый после купанья в мутной реке Амазонке. — Ты сворачиваешься так хорошо — ну совсем как мои братья и сёстры. Две дырочки, ты говоришь? Ладно, только не нужно так громко пыхтеть, а то услышит Расписной Ягуар. Смелее! Когда ты кончишь, я попробую нырнуть и подольше продержаться под водою. Ты говоришь, это очень легко. То-то будет удивлён Расписной Ягуар! Но как сдвинулись щитки у тебя на панцире! Прежде они были рядом, а теперь один на другом.

— Это оттого, что я сворачиваюсь, — сказала Черепаха. — Да и с тобою произошла перемена. Прежде ты был похож

на каштановый орех, а теперь сделался как еловая шишка. Все колючки склеились и стали чешуйками.

— Неужели? — воскликнул Ёж. — Это оттого, что я вымок в воде. То-то будет удивлён Расписной Ягуар!

Так до самого утра они помогали друг другу, а когда солнце поднялось высоко над землёй, они сели отдохнуть и обсушиться. И, глядя друг на друга, заметили, что стали совсем на себя не похожи.

Потом они позавтракали, и Черепаха сказала:

— Милый Ёж, я уже не такая, какая была вчера. Но я думаю, что теперь мне удастся позабавить Ягуара как следует.

— Я как раз хотел сказать то же самое, слово в слово! — воскликнул Ёж. — По-моему, чешуя лучше всяких колючек, к тому же я теперь умею плавать. То-то будет удивлён Расписной Ягуар! Пойдём и найдём его.

Вскоре они нашли Ягуара. Он всё ещё возился со своей раненой лапой. Когда они предстали пред ним, он так удивился, что стал пятиться назад и три раза перекувырнулся через свой собственный хвост.

— Доброе утро! — сказал Злючка-Колючка Ёж. — Как бесценное здоровье вашей маменьки?

— Благодарю вас, она в добром здоровье, — ответил Ягуар. — Но не взыщите, пожалуйста, я плохо помню ваши имена.

— Ах, какой вы нелюбезный! — сказал Ёж. — Ведь только вчера вы пытались выцарапать меня из панциря...

— Но вчера у тебя не было панциря — вчера ты был весь в иголках. Кому же это и знать, как не мне? Посмотри-ка на мою лапу!

— Только вчера, — сказала Черепаха, — вы велели мне броситься в воду, чтобы я утонула в мутной реке Амазонке, а сегодня и знать меня не хотите. Вот какой вы грубый и забывчивый!

— Неужели вы забыли, что сказала вам ваша мамаша? — спросил Злючка-Колючка Ёж. — Ведь она ясно сказала вам:

Кто свернётся клубком,
Черепахой сльвёт.

Кто в воде поплывёт,
Тот зовётся Ежом.

Тут они оба свернулись клубками и как пошли кататься вокруг Ягуара — катались, катались, катались... У того даже глаза закружились, словно колёса в повозке.

Он убежал и позвал свою мать.

— Мама, — сказал он, — там в лесу какие-то невиданные новые звери! Про одного ты сказала, что он не умеет плавать, а он плавает. Про другого ты сказала, что он не умеет сворачиваться, а он сворачивается. И, кажется, они поделились одеждой. Прежде один был гладенький, а другой колючий, а теперь оба они в чешуе. Кроме того, они так кружатся, кружатся, кружатся, что у меня голова закружилась.

— Ах, сыночек, сыночек! — сказала мать Ягуариха, изящно помахивая грациозным хвостом. — Ёж — это Ёж, и чем же ему быть, как не Ежом? Черепаха — это Черепаха, и останется всегда Черепахой!

— Но это совсем не Ёж! И совсем не Черепаха! Это немножко Ёж и немножко Черепаха, а как оно зовётся — я не знаю.

— Пустяки! — сказала мать Ягуариха. — У всякого должно быть своё имя. Я буду звать этого зверя Броненосец, покуда для него не найдётся настоящего имени. И на твоём месте я оставила бы его в покое.

Ягуар поступил, как ему было сказано; особенно свято выполнил он наставление маменьки — оставить этого зверя в покое. Но удивительнее всего то, милый мальчик, что на мутной реке Амазонке с того самого дня до сих пор Злючку-Колючку Ежа и Черепаху Неспешную все так и называют Броненосцем. Конечно, в других местах есть по-прежнему и Ежи, и Черепахи (есть они и у меня в саду), но лучшие, умнейшие из них — старинные Ежи и Черепахи, покрытые щитками, как еловые шишки, те самые, что в Далёкие Дни жили на мутных берегах Амазонки, — те всегда зовутся Броненосцами, потому что они такие разумные.

Чего же тебе ещё, милый мальчик? В с ё устроилось от-
лично, не правда ли?

На далёкой Амазонке
Не бывал я никогда.
Только «Дон» и «Магдалина» —
Быстроходные суда, —
Только «Дон» и «Магдалина»
Ходят по морю туда.

Из Ливерпульской гавани
Всегда по четвергам
Суда уходят в плаванье
К далёким берегам.
Плывут они в Бразилию,
Бразилию,
Бразилию.
И я хочу в Бразилию,
К далёким берегам!

Никогда вы не найдёте
В наших северных лесах
Длиннохвостых ягуаров,
Броненосных черепах.
Но в солнечной Бразилии,
Бразилии моей,
Такое изобилие
Невиданных зверей!
Увижу ли Бразилию,
Бразилию,
Бразилию?
Увижу ли Бразилию
До старости моей?

КАК БЫЛО НАПИСАНО ПЕРВОЕ ПИСЬМО

Давным-давно, ещё в Каменном веке, жил да был один
человек. Был он человек Первобытный, жил в Пещере и
носил очень мало одежд. Ни читать, ни писать он не умел —

да и не хотелось ему ни читать, ни писать, — и, покуда он был сыт, он был счастлив. Звали его Тегумай Бопсулай, а это значит: Человек-ноги-которого-никогда-не-спешат, но мы, милый мальчик, будем называть его просто Тегумай, чтобы было короче. У него была жена, и звали её Тешумай Тевиндро, а это значит: Дама-которая-задаёт-слишком-много-вопросов, но мы, милый мальчик, будем звать её просто Тешумай, чтобы было короче. И была у него маленькая дочка, которую звали Таффамай Металлумай, а это значит: Девочка-которую-нужно-хорошенько-отшлёпать-за-то-что-она-такая-шалунья, но я буду называть её просто Таффи. Тегумай Бопсулай очень любил её, и мама очень любила её, и они шлёпали её гораздо реже, чем нужно, и все трое были довольны и счастливы.

Как только Таффи научилась ходить, она стала бегать повсюду за своим отцом Тегумаем, и, бывало, они оба до той поры не вернутся в пещеру, покуда им не захочется есть. И тогда Тешумай Тевиндро говорила:

— Где это вы пропадали и так ужасно испачкались? Право же, мой Тегумай, ты ничуть не лучше моей Таффи!

А теперь, милый мальчик, слушай меня, и слушай внимательно!

Как-то раз Тегумай Бопсулай пошёл по болоту, в котором водились бобры, и вышел к реке Вагай, чтобы своим острым копьём набить к обеду карпов. Таффи пошла вместе с ним. Копьё у него было деревянное, с наконечником из акульих зубов. И только что он принялся за охоту, копьё сломалось пополам: слишком уж сильно он ткнул его в дно реки. Что было делать? Идти домой — далеко (завтрак они, конечно, захватили с собой в мешочке), а запасного копья у Тегумая не было. Запасное копьё он забыл захватить.

— Рыба так и кишит, — сказал он, — а на починку копья у меня уйдёт целый день.

— У тебя же есть другое копьё! — сказала Таффи. — Такое большое и чёрное. Хочешь, я сбегая в пещеру и попрошу его у мамы?

— Куда тебе бежать такую даль! — сказал Тегумай. — Это

не под силу твоим пухленьким ножкам. Да и дорога опасная: ещё утонешь в Бобровом болоте. Попробуем как-нибудь справиться с нашей бедой на месте.

Он сел на землю, взял кожаный ремонтный мешочек, где у него были сложены олени жилы, длинные полоски кожи, кусочек смолы, кусочек мягкого пчелиного воску, и принялся чинить своё копьё. Таффи тоже уселась невдалеке от него, опустила ноги в воду, подпёрла ручкой подбородок и думала-думала изо всех своих сил. Потом она сказала отцу:

— По-моему, это зверски досадно, что мы с тобой не умеем писать. Написали бы записку домой, чтобы нам прислали другое копьё!

— Таффи, — сказал Тегумай, — сколько раз напоминал я тебе, чтобы ты не говорила грубых слов! «Зверски» — это нехорошее слово. Но было бы и вправду недурно, раз уж ты заговорила об этом, если бы мы могли написать твоей маме записку.

А в это время по берегу реки шёл незнакомый человек. Он не понял ни слова из того, что сказал Тегумай, потому что был из дальнего племени Тевара. Он стоял на берегу и улыбался, глядя на Таффи, потому что у него у самого была дома маленькая дочь. Тегумай вытащил из мешочка моток оленьих жил и принялся чинить своё копьё.

— Поди сюда, — сказала Таффи, обращаясь к Незнакомцу. — Знаешь ли ты, где живёт моя мама?

Незнакомец ответил: «Гм», потому что он был, как ты знаешь, теварец.

— Глупый! — сказала Таффи и топнула ножкой, потому что увидела, что по реке плывёт целая стая больших карпов, как раз тогда, когда её папа не может запустить в них копьём.

— Не приставай к старшим, — сказал Тегумай, не оглядываясь; он был так занят починкой копья, что даже не взглянул на Незнакомца.

— Я не пристаю, — ответила Таффи. — Я только хочу, чтобы он сделал то, что мне хочется. А он не понимает.

— Тогда не надоедай мне, — сказал Тегумай и, забрав в

рот концы оленьих жил, принялся вытягивать их что было силы.

А Незнакомец (он был самый настоящий т е в а р е ц) уселся на траву, и Таффи стала показывать ему, что делает отец.

Незнакомец подумал: «Это очень удивительный ребёнок. Она топает на меня ногой и строит мне рожи. Она, должно быть, дочь этого знаменитого вождя, который так важен, что даже не обращает на меня никакого внимания». Поэтому он улыбнулся ещё любезнее.

— Так вот, — сказала Таффи. — Я хочу, чтобы ты пошёл к моей маме (потому, что у тебя ноги длиннее моих и ты не свалишься в Бобровое болото) и попросил бы, чтобы тебе дали другое копье. Чёрное. Оно висит у нас над очагом.

Незнакомец (а он был т е в а р е ц) подумал: «Это очень, очень удивительная девочка. Она машет руками и кричит на меня, но я не понимаю ни слова. И я очень боюсь, что, если я не выполню её приказаний, этот важный вождь, Человек-который-поворачивается-спиной-к-своим-гостям, разозлится». Он встал, содрал с берёзы большой плоский кусок коры и подал его Таффи. Этим он хотел показать, что душа у него белая, как берёста, и что он никому не делает зла. Но Таффи поняла его по-своему.

— О, — сказала она, — понимаю! Ты хочешь узнать, где живёт моя мама. Конечно, я не умею писать, но я могу нарисовать картинку всегда, когда под рукой есть что-нибудь острое, чтобы можно было нацарапать её. Дай-ка мне на минутку акулий зуб из твоего ожерелья.

Незнакомец (а он был т е в а р е ц) ничего не ответил. Поэтому Таффи протянула руку и дёрнула к себе ожерелье, висевшее у Незнакомца на шее. Ожерелье было из бусин, зёрен и акулиных зубов.

Незнакомец (а он был т е в а р е ц) подумал: «Это очень, очень, очень удивительный ребёнок. У меня на ожерелье заколдованные акули зубы, и мне всегда говорили, что тот, кто дотронется до них без моего разрешения, немедленно распухнет или лопнет. Но этот ребёнок не рас-

пух и не лопнул. А тот важный вождь, который не обратил на меня никакого внимания, видно, не боится, что девочке угрожает беда. Лучше я буду вести себя с ними ещё любезнее».

Поэтому он дал Таффи свой акулий зуб, и она тотчас же легла на живот и стала болтать ногами в воздухе, совсем как иные дети в настоящее время, когда они ложатся в комнате на пол, чтобы нарисовать ту или другую картинку. Она сказала:

– Сейчас я нарисую тебе несколько красивых картинок! Можешь глядеть у меня из-за плеча. Только не толкай меня под руку. Сначала я нарисую, как папа ловит рыбу. Он вышел у меня не очень похож, но мама узнает, потому что я нарисовала, что копьё у него сломалось.

А теперь я нарисую другое копьё, то, которое ему нужно, чёрное. У меня вышло, будто оно ударило папу в спину, но это потому, что твой акулий зуб соскользнул, да и кусок берёсты маловат.

Вот копьё, которое ты должен принести. А вот это я. Я стою и посылаю тебя за копьём. Волосы у меня не торчат во все стороны, как я нарисовала, но так рисовать легче.

Теперь я нарисую тебя. Я думаю, что на самом деле ты очень красивый, но не могу же я сделать тебя на картинке красавцем, поэтому, пожалуйста, не сердись на меня. Ты не сердись?

Незнакомец (а он был т е в а р е ц) улыбнулся. Он подумал: «Должно быть, где-то сейчас происходит большое сражение, и этот необыкновенный ребёнок, который взял у меня заколдованный акулий зуб и не распух и не лопнул, велит мне позвать всё племя великого вождя к нему на помощь. Он великий вождь, иначе он не сидел бы ко мне спиной».

– Гляди, – сказала Таффи, очень старательно чертя на коре свой рисунок. – Теперь я нарисовала тебя. Я помещу то копьё, которое нужно папе, у тебя в руке, чтобы ты не забыл принести его. Теперь я покажу тебе, где живёт моя мама. Иди, пока не дойдёшь до двух деревьев (вот эти де-

ревья), потом поднимись на гору (вот эта гора), и тогда ты выйдешь на Бобровое болото, оно полным-полно бобрами. Я не умею рисовать бобров целиком, но я нарисовала их головки. Ведь только их головки ты и увидишь, когда пойдёшь по болоту. Но смотри не оступись. Как кончится болото, тут сразу и будет наша пещера. На самом деле она не такая большая, как горка, но я не умею рисовать очень маленькие вещи. Вот моя мама. Она вышла из пещеры. Она красивая. Она красивее всех мам, какие только есть на земле, но она не обидится, что я нарисовала её такой некрасивой. Теперь, на случай, если ты забудешь, я нарисовала с н а р у ж и то копьё, которое нужно папе. На самом деле оно в н у т р и, но ты покажи картинку маме, и мама даст тебе это копьё. Я нарисовала, как она подняла руки, потому что я знаю, что она будет рада видеть тебя... Красивая картинка, не правда ли? Ты хорошо понял, или мне объяснить ещё раз?

Незнакомец (а он был т е в а р е ц) поглядел на картинку и очень часто закивал головой. Он сказал себе: «Если я не приведу племя этого великого вождя ему на помощь, его убьют враги, которые подкрадываются с копьями со всех сторон. Теперь я понимаю, почему великий вождь притворился, что не обращает на меня внимания. Он боится, что враги притаились в кустах и что они увидят, как он даёт мне поручения. Поэтому он отвернулся и предоставил мудрому и удивительному ребёнку нарисовать эту страшную картинку, чтоб я понял, в какую беду он попал. Я пойду и приведу ему на выручку всё его племя».

Он даже не спросил у Таффи дорогу, но кинулся, как ветер, в кусты, держа в руке берёсту, а Таффи уселась на берегу, очень довольная.

— Что это ты делала, Таффи? — спросил Тегумай.

Он починил копьё и теперь осторожно помахивал им вправо и влево.

— Это мой секрет, милый папочка, — ответила Таффи. — Если ты не станешь расспрашивать меня, ты скоро узнаешь, в чём дело, и это тебя очень удивит. Ты не можешь се-

бе представить, какой это будет сюрприз для тебя! Обещай мне, что ты будешь рад.

— Ладно, — сказал Тегумай и принялся ловить рыбу.

Незнакомец (знаешь ли ты, что он был т е в а р е ц?) всё бежал и бежал с картинкой в руках и пробежал несколько миль и вдруг совершенно случайно наткнулся на Тешумай Тевиндро. Она стояла у входа в пещеру и судачила с доисторическими дамами, которые пришли к ней в гости на доисторический завтрак.

Таффи была очень похожа на Тешумай, особенно глазами и верхней частью лица, поэтому Незнакомец — самый настоящий теварец — вежливо улыбнулся и вручил Тешумай берёсту. Он так быстро бежал по болоту, что запыхался, а ноги у него были исцарапаны колючим терновником, но он всё ещё хотел быть любезным.

Как только Тешумай взглянула на картинку, она дико завизжала и кинулась на Незнакомца. Другие доисторические дамы разом повалили его наземь, и все шестеро уселись на него рядком, а Тешумай принялась драть его за волосы.

— Всё очень понятно и просто, — сказала она. — Этот незнакомый мужчина проткнул моего Тегумая копьями и так напугал Таффи, что волосы у неё встали дыбом. Но этого ему было мало, и он принёс мне страшную картинку, чтобы похвастать своими злодеяниями. Смотрите, — и она показала картинку всем доисторическим дамам, терпеливо сидевшим на Незнакомце, — вот мой Тегумай, у него сломана рука. Вот копьё, которое воткнуто ему в спину, а вот человек, который собирается бросить в Тегумая копьё, а вот другой человек, бросающий в него копьё из пещеры. А вот здесь целая шайка злодеев (Таффи нарисовала бобров, но они были больше похожи на людей) подкрадывается сзади к Тегумаю... Всё это ужасно, ужасно!

— Ужасно! — согласились доисторические дамы и вымазали Незнакомцу всю голову грязью (что очень удивило его) и забили в боевой барабан.

И на стук барабана пришли все вожди тегумайского племени, со всеми своими гетманами, доломанами, негусами.

За ними шагали пророки, ведуны, жрецы, шаманы, бонзы — и все они в один голос решили: отрубить Незнакомцу голову, но пусть он раньше поведёт их к реке и покажет, куда он спрятал несчастную Таффи.

Между тем Незнакомец (хоть он и был теварец) очень сильно рассердился на дам. Они набили ему волосы комьями грязи, они проволокли его по острым камням, шестеро из них долго сидели на нём; они колотили его и молотили его так, что он еле дышал, и хотя их язык был неизвестен ему, нетрудно было догадаться, что эти первобытные дамы ругают его совсем не по-дамски. И всё же он не сказал ни единого слова, а когда собралось тегумайское племя, он повёл этих людей к реке Вагай, и там они увидели Таффи. Она сидела и плела из маргариток венки, а её отец Тегумай целился копьём, которое ему уже удалось починить, в проплывавшего мелкого карпа.

— Быстро же ты воротился! — воскликнула Таффи. — Но почему ты привёл с собой столько народу? Папочка, вот мой сюрприз. Не правда ли, ты удивлён?

— Очень, — сказал Тегумай. — Но вся моя сегодняшняя охота пропала. Почему, почему, объясни мне, пожалуйста, сбежалось сюда всё наше славное, доблестное, непобедимое, мирное племя?

И действительно, всё племя было здесь. Впереди выступала Тешумай Тевиндро со всеми первобытными дамами. Они крепко вцепились в Незнакомца, волосы которого были густо измазаны грязью (хоть он и был теварец). За ними шёл главный вождь, потом заместитель вождя, потом подручные этих вождей (вооружённые до верхних зубов), потом гетманы, сотники, негусы, воеводы в доломанах и полицейские со своими отрядами (тоже вооружённые до зубов). А за ними в строгом порядке шагало всё племя: впереди — богачи, те, у кого было по четыре пещеры: для зимы, для лета, для весны и для осени, и вдобавок садки для лососей да собственные олени стада. За ними угрюмо плелись бедняки, те, кому в морозные ночи разрешалось лежать у костра, но не ближе, чем на семь шагов. А за ними рабы, которым обещаны благодатные кости лишь после

того, как помрут их хозяева. Все они прыгали и кричали так громко, что разогнали всю рыбу в реке на двадцать километров — не меньше.

Тегумай, конечно, поблагодарил их за это самой отборной доисторической бранью.

Тут Тешумай Гевиндро подбежала к Таффи и давай целовать её, обнимать и ласкать. Но главный вождь тегумайского племени схватил Тегумая за перья, торчавшие у него в волосах, и стал трясти его с бешеной яростью.

— Говори! Говори! Говори! — закричало всё тегумайское племя.

— Что за чушь! — ответил Тегумай. — Оставьте мои перья в покое. Почему это так: стоит только человеку сломать на охоте копьё, как вот уж на него набрасывается всё его племя. И чего вы суетесь в чужие дела?

— Боюсь, что ты не принёс папиного чёрного копья! — сказала Таффи. — И что это вы делаете с милым моим Незнакомцем?

То два человека, то три, а то и целый десяток подбежали к Незнакомцу и били его, так что у того в конце концов глаза вылезли на лоб. Он не мог выговорить ни слова и молча указал на Таффи.

— Дорогой мой, а где же злодеи, что проткнули тебя острыми копьями? — спросила Тешумай.

— Никаких тут не было злодеев! — отвечал Тегумай. — Единственный, кого я видел сегодня, вон тот несчастный, которого вы почему-то хотите убить. Не сошло ли ты с ума, о тегумайское племя?

— Он принёс нам страшную картинку, — ответил главный вождь. — На картинке ты весь утыкан копьями.

Тут заговорила Таффи:

— М... м... м... Сказать по правде... это я дала ему картинку...

Ей было очень неловко.

— Ты?! — закричало всё тегумайское племя. — Девочка-которую-нужно-хорошенько-отшлёпать-за-то-что-она-такая-шалунья?! Ты?!

— Таффи, милая! Боюсь, нам с тобой сейчас придётся

довольно круто... — проговорил Тегумай и обнял её, отчего она сразу перестала бояться врагов.

— Говори! Говори! Говори! — сказал главный вождь тегумайского племени и запрыгал на одной ноге.

— Я хотела, чтобы Незнакомец принёс сюда папино копьё, вот я и нарисовала копьё, — пояснила Таффи. — Оно одно, но я нарисовала его три раза, чтобы Незнакомец не позабыл о нём. А если вышло так, будто оно протыкает папину спину, это всё оттого, что кора очень маленькая и на ней не хватает места. А те фигурки, которые мама называет злодеями, это просто мои бобры. Я нарисовала их потому, что нужно же было показать Незнакомцу, что он должен пойти по болоту! И я нарисовала маму у входа в пещеру. Она стоит и улыбается Незнакомцу, потому что он такой милый и добрый. А вы... По-моему, глупее вас нет на всём свете! Ведь он милый и добрый, зачем же вы измазали ему голову грязью? Вымойте его сию минуту!

После этого все очень долго молчали. Никто не произнёс ни слова. Наконец главный вождь засмеялся. Потом засмеялся Незнакомец (а он был, как ты знаешь, т е в а р е ц); потом засмеялся Тегумай, и так сильно смеялся, что не мог устоять на ногах; потом засмеялось всё тегумайское племя, — оно смеялось долго и громко.

Потом главный вождь тегумайского племени прокричал, проговорил и пропел:

— О Девочка-которую-нужно-хорошенько-отшлёпать-зато-что-ты-такая-шалунья, ты сделала великое открытие!

— Никакого открытия не хотела я сделать, — ответила Таффи. — Я просто хотела, чтобы сюда принесли папино чёрное копьё.

— Всё равно! Это — великое открытие, и придёт день, когда люди назовут его у м е н и е м п и с а т ь. Покуда вместо писем мы будем посылать друг другу картинки, а в картинках — вы сами видели — не всегда можно разобраться как следует. Иногда выходит самая дикая путаница. Но придёт время, о дитя тегумайского племени, когда мы придумаем буквы и научимся при помощи букв читать и писать,

— и тогда у нас уже не будет ошибок. И пускай доисторические дамы смоят грязь с головы Незнакомца.

— Вот будет хорошо! — сказала Таффи. — Потому что теперь вы принесли сюда на берег все копыя, какие только есть у тегумайского племени, но позабыли принести единственное — чёрное копьё моего папы!

Тогда главный вождь тегумайского племени прокричал, проговорил и пропел:

— В следующий раз, когда придёт тебе в голову написать письмо в виде картинки, пошли с этим письмом человека, который умеет говорить по-нашему, и тот человек разъяснит всё, что ты хочешь сказать в письме. А не то ты видишь сама, какие могут выйти неприятности для всего тегумайского племени, да и Незнакомцу придётся иногда нелегко.

После этого тегумайское племя приняло в свою среду Незнакомца (хотя он был настоящий т е в а р е ц). Племя усыновило его, потому что он оказался большим джентльменом и не скандалил, когда доисторические дамы облепляли всю его голову грязью. Но с того дня и до нынешнего (и, по-моему, это всё из-за Таффи) не много на свете найдётся таких маленьких девочек, которые любят учиться читать и писать. Больше нравится им рисовать картинки и тихонько играть где-нибудь неподалёку от папы — совсем как Таффи.

КОШКА, ГУЛЯВШАЯ САМА ПО СЕБЕ

Слушай, мой милый мальчик, слушай, внимай, разумей, потому что это случилось, потому что это произошло, потому что это было ещё в ту далёкую пору, когда Ручные Животные были Животными Дикими.

Собака была дикая, и Лошадь была дикая, и Корова была дикая, и Овца была дикая, и Свинья была дикая — и все они были дикие-предикие и дико блуждали по Мокрым и Диким Лесам.

Но самая дикая была Дикая Кошка — она бродила где вздумается и гуляла сама по себе.

Человек, конечно, был тоже дикий, страшно дикий, ужасно дикий. И никогда бы ему не сделаться ручным, если бы не Женщина. Это она объявила ему — при первой же встрече, — что ей не нравится его дикая жизнь. Она живо сыскала ему для жилья уютную, сухую Пещеру, потому что спать в Пещере было куда лучше, чем валяться под открытым небом на куче сырой листвы. Она посыпала пол чистым песочком и развела в глубине Пещеры отличный костёр.

Потом она повесила у входа в Пещеру шкуру Дикой Лошади хвостом вниз и сказала Мужчине:

— Вытирай, милый, ноги, перед тем как войти: ведь теперь у нас хозяйство.

В этот вечер, мой милый мальчик, они ужинали дикой овцой, зажаренной на раскалённых камнях, приправленной диким чесноком и диким перцем. Потом они съели дикую утку, начинённую диким рисом, дикой ванилью и дикой гвоздикой; потом хрящики диких быков; потом дикие вишни и дикие гранаты. Потом Мужчина, очень счастливый, пошёл и заснул у огня, а Женщина села колдовать: она распустила волосы, взяла плечевую баранью кость, очень плоскую и очень гладкую, и стала пристально всматриваться в чудесные зигзаги на этой кости. Потом она подбросила поленьев в огонь и затянула песню. Это было Первое в мире Колдовство, Первая Волшебная Песня.

И собрались в Мокром и Диком Лесу все Дикие Звери; сбились в одно стадо и, глядя на свет огня, не знали, что это такое.

Но вот топнул дикой ногой Дикий Конь и сказал:

— О Друзья мои! О мои Недруги! Чует сердце моё: не к добру засветили Мужчина и Женщина в большой Пещере большой огонь. Нет, это не к добру!

Дикий Пёс задрал дикий нос, понюхал, как пахнет баранье жаркое, и дико сказал:

— Пойду погляжу, а потом расскажу. Мне кажется, что там не так уж плохо. Кошка, пойдём со мною!

— Не-е-ет, — промяукала Кошка. — Я, Кошка, хожу где вздумается и гуляю сама по себе.

— Ну, тогда я тебе не товарищ, — сказал Дикий Пёс и побежал к Пещере во весь дух. Но не пробежал он и десяти шагов, а Кошка уже подумала: «Я, Кошка, хожу где вздумается и гуляю сама по себе. Почему бы мне не пойти туда и не посмотреть, как и что? Ведь я пойду по своей собственной воле». И она тихохонько побежала за Псом, ступая мягко-премягко, и забралась в такое местечко, откуда ей было слышно решительно всё.

Когда Дикий Пёс подошёл к Пещере, он диким носом приподнял лошадиную шкуру и стал упиваться прекрасным запахом бараньего жаркого, а Женщина, колдовавшая костью, услышала шорох и сказала, смеясь:

— Вот, уже пришёл первый. Ты, из Дикого Леса Дикая Тварь, чего тебе надобно здесь?

И отвечал Дикий Пёс:

— Скажи мне, о Враг мой, Жена Врага моего, что это пахнет так нежно среди этих Диких Лесов?

И нагнулась Женщина, и подняла с полу кость, и бросила Дикому Псу, и сказала:

— Ты, из Дикого Леса Дикая Тварь, отведай, погрызи эту кость.

Взял Дикий Пёс эту кость в свои дикие зубы, и она оказалась вкуснее всего, что он грыз до той поры, и он обратился к Женщине с такими словами:

— Послушай, о Враг мой, Жена моего Врага, брось мне скорее другую такую же кость.

И отвечала ему Женщина:

— Ты, из Дикого Леса Дикая Тварь, поди помоги моему Мужчине каждый день ходить на охоту, а каждую ночь стелить эту Пещеру, и я дам тебе столько костей, сколько тебе будет нужно.

— Ах, — сказала Кошка, слушая их разговор, — это очень разумная Женщина, хотя, конечно, не разумнее меня.

Дикий Пёс забрался в Пещеру, положил голову Женщине на колени и сказал:

— О мой Друг, Жена моего Друга, хорошо. Я готов каж-

дый день помогать твоему Мужчине охотиться, я буду стеречь по ночам вашу Пещеру.

— Ах, — сказала Кошка, слушая их разговор, — что за глупец этот Пёс!

И она пошла прочь, пробираясь по Мокрому Дикому Лесу и дико помахивая своим диким хвостом. Но обо всём, что видела, никому не сказала ни слова.

Проснувшись, Мужчина спросил:

— Что здесь делает Дикий Пёс?

И ответила Женщина:

— Его имя уже не Дикий Пёс, а Первый Друг, и он будет нам другом на веки веков. Как пойдёшь на охоту, возьми и его с собой.

На следующий вечер Женщина нарезала на заливных лугах большую охапку травы и разложила её сушиться у огня, и, когда пошёл от травы такой запах, как от свежескошенного сена, она села у входа в Пещеру, сделала из лошадиной кожи уздечку и, уставившись на плечевую баранью кость — на широкую, большую лопатку, — снова принялась колдовать и запела волшебную песню.

То было Второе Колдовство и Вторая Волшебная Песня.

И снова в Диком Лесу собрались все Дикие Звери и, глядя издали на огонь, толковали, что такое могло приключиться с Диким Псом. И вот Дикий Конь топнул ногой и сказал:

— Пойду погляжу, а потом расскажу, почему Дикий Пёс не вернулся. Кошка, пойдём со мной.

— Не-е-ет! — промяукала Кошка. — Я, Кошка, брожу где вздумается и гуляю сама по себе. Иди один.

Но на самом деле она тихонько прокралась за Диким Конём, ступая мягко-премягко, и забралась в такое местечко, откуда было слышно решительно всё.

Услыхала Женщина конский топ, услышала, как пробирается к ней Дикий Конь, наступая на свою длинную гриву, засмеялась и сказала:

— А вот и второй идёт! Ты, из Дикого Леса Дикая Тварь, чего тебе надобно здесь?

Дикий Конь отвечал:

– Ты, мой Враг, Жена моего Врага, скажи мне скорее, где Дикий Пёс?

Женщина засмеялась, подняла с полу баранью лопатку, поглядела на неё и сказала:

– Ты, из Дикого Леса Дикая Тварь, не за Псом ты пришёл сюда, а за сеном, за этой вкусной травой.

Дикий Конь, перебирая ногами и наступая на свою длинную гриву, сказал:

– Это правда. Дай-ка мне сена!

Женщина отвечала:

– Ты, из Дикого Леса Дикая Тварь, склони свою дикую голову и носи, что я надену на тебя, – носи, не снимая во веки веков, и трижды в день ты будешь есть эту дивную траву.

– Ах, – сказала Кошка, слушая их разговор, – эта Женщина очень умна, но, конечно, не умнее меня.

И нагнул Дикий Конь свою дикую голову, и Женщина накинула на неё только что сплетённую уздечку, и дохнул он своим диким дыханием прямо на ноги Женщине, и сказал:

– О моя Госпожа, о Жена моего Господина, за чудесную эту траву я буду тебе вечным рабом!

– Ах, – сказала Кошка, слушая их разговор, – что за глупец этот Конь!

И снова она бросилась в чашу Мокрого Дикого Леса, дико помахивая своим диким хвостом. Но обо всём, что слышала, никому не сказала ни слова.

Когда Пёс и Мужчина вернулись с охоты, Мужчина сказал:

– А что здесь делает Дикий Конь?

И Женщина отвечала:

– Не Дикий Конь уже имя его, но Первый Слуга, так как с места на место он будет возить нас во веки веков. Когда ты соберёшься на охоту, садись на него верхом.

На следующий день, высоко задирая свою дикую голову, чтобы не зацепиться дикими рогами за дикие деревья, подошла к Пещере Дикая Корова. Кошка прокралась вслед за ней и спряталась точно так же, как и раньше; и

всё случилось точно так же, как раньше; и Кошка сказала то же, что раньше; и когда Дикая Корова в обмен на прекрасную траву обещала Женщине давать ежедневно своё молоко, Кошка бросилась в Мокрый Дикий Лес и дико замахала своим диким хвостом, опять-таки точно так же, как раньше.

И обо всём, что слыхала, никому не сказала ни слова.

А когда Пёс, Человек и Конь вернулись с охоты и Человек спросил точно так же, как раньше, что делает здесь Дикая Корова, Женщина отвечала точно так же, как раньше:

— Теперь не Дикая Корова ей имя, но Подательница Хорошей Еды. Она будет давать нам белое парное молоко во веки веков, и я готова ходить за ней, пока ты да наш Первый Друг, да наш Первый Слуга будете в лесу на охоте.

Напрасно Кошка прождала весь день, чтобы ещё кто-нибудь из Диких Зверей пришёл к Пещере: больше никто не приходил из Мокрого Дикого Леса. Так что Кошке поневоле пришлось блуждать одиноко, самой по себе. И вот увидела она Женщину, которая сидела и доила Корову. И увидела она в Пещере свет, и почуяла запах белого парного молока. И сказала она Женщине:

— Ты, мой Враг, Жена моего Врага! Скажи: не видала ли ты Коровы?

Женщина засмеялась и сказала:

— Ты, из Дикого Леса Дикая Тварь, ступай себе в Лес по добру-поздорову! Мне больше не надо ни слуг, ни друзей. Я уже заплела мою косу и спрятала волшебную кость.

И ответила Дикая Кошка:

— Я не друг и не слуга. Я, Кошка, хожу где вздумается и гуляю сама по себе, и вот мне вздумалось прийти к тебе в Пещеру.

И спросила её Женщина:

— Почему в первый же вечер ты не пришла с Первым Другом?

Кошка рассердилась и сказала:

— Должно быть, Дикий Пёс уже наговорил тебе про меня небылиц!

Женщина засмеялась и сказала:

— Ты, Кошка, гуляешь сама по себе и ходишь где вздумается. Ты сама говоришь, что ты не слуга и не друг. Иди же отсюда сама по себе куда вздумается!

Кошка притворилась обиженной и сказала:

— Неужели мне иной раз нельзя прийти к тебе в Пещеру и погреться у горячего огня? И неужели ты никогда не дашь мне полакомиться белым парным молоком? Ты такая умница, ты такая красавица, — нет, хоть я и Кошка, а ты не будешь жестока ко мне.

Женщина сказала:

— Я знаю, что я умница, но что я красавица — не знала. Давай заключим договор. Если я хоть раз похвалю тебя, ты можешь войти в Пещеру.

— А если ты дважды похвалишь меня? — спросила Кошка.

— Ну, этому не бывать, — сказала Женщина. — Но если это случится, входи и садись у огня.

— А что, если ты трижды похвалишь меня? — спросила Кошка.

— Ну, этому не бывать, — сказала Женщина. — Но если это случится, приходи и получай молоко три раза в день до окончания века!

Кошка выгнула спину и сказала:

— Ты, Занавеска у входа в Пещеру, и ты, Огонь в глубине Пещеры, и вы, Молочные Крынки, стоящие у Огня, запомните, что сказал мой Враг, Жена моего Врага!

И, повернувшись, ушла в Мокрый Дикий Лес, дико помахивая диким хвостом.

Когда в тот вечер Пёс, Мужчина и Конь возвратились с охоты в Пещеру, Женщина ни слова не сказала им о своём договоре с Кошкой, так как боялась, что это им не понравится.

Кошка ушла далеко-далеко и так долго скрывалась в Мокром Диком Лесу, что Женщина забыла и думать о ней. Только Летучая Мышь, висевшая вверх ногами у входа в Пещеру, знала, где скрывается Кошка, и каждый ве-

чер подлетала к тому месту и сообщала Кошке все новости.

Как-то вечером прилетает она к Кошке и говорит:

— А в Пещере — Младенчик! Он совсем, совсем свеженький. Такой розовый, толстый и крошечный. И он очень нравится Женщине.

— Отлично, — сказала Кошка. — А что же нравится Младенчику?

— Мягкое и гладкое, — ответила Летучая Мышь. — Как идти спать, он берёт в ручонки что-нибудь тёплое и засыпает. Потом, ему нравится, чтобы с ним играли. Вот и всё, что ему нравится.

— Отлично, — сказала Кошка. — Если так, то мой час настал.

На следующий вечер Кошка пробралась в Пещеру по Мокрому Дикому Лесу и просидела недалеко до самого утра. Утром Пёс, Человек и Конь ушли на охоту, а Женщина занялась стряпнёй. Ребёнок плакал и отрывал её от работы. Она вынесла его из Пещеры и дала ему камешков поиграть, но он не унимался.

Тогда Кошка протянула нежную лапу, и погладила Ребёнка по щеке, и замурыкала, и пошла тереться о его коленку, и хвостом пощекотала ему подбородок. Ребёнок засмеялся, и Женщина, слыша его смех, улыбнулась.

Тогда воскликнула Летучая Мышь — маленькая Летучая Мышь, висевшая вверх ногами у входа в Пещеру:

— О Хозяйка моя, Жена моего Хозяина, Мать Хозяйского Сына! Из Дикого Леса пришла Дикая Тварь, и как славно она играет с твоим Ребёнком!

— Спасибо Дикой Твари, — сказала Женщина, разгибая спину. — У меня так много работы, а она оказала мне большую услугу.

И вот, милый мальчик, не успела она вымолвить это, как в ту же минуту и в ту же секунду — б у х, б у х! — падает лошадиная шкура, висевшая хвостом книзу у входа в Пещеру (это она вспомнила, что у Женщины с Кошкой был договор), и не успела Женщина поднять её, а Кошка уже сидит в Пещере, уселась поудобнее и сидит.

— Ты, мой Враг, ты, Жена Врага моего, ты, Мать моего Врага, — сказала Кошка, — посмотри: я здесь. Ты похвалила меня — и вот я здесь и буду сидеть в Пещере во веки веков. Но всё же запомни: я, Кошка, хожу где вздумается и гуляю сама по себе.

Женщина очень рассердилась, но прикусила язык и села за прялку прясть.

Но Ребёнок заплакал, потому что Кошка ушла от него; и Женщина не могла его унять: он бился, брыкался и весь посинел от крика.

— Ты, мой Враг, ты, Жена Врага моего, ты, Мать моего Врага, — сказала Кошка, — послушай, что я тебе скажу: возьми оторви кусочек нитки от той, которую ты прядёшь, привяжи к ней своё веретёнце, и я так наколдую тебе, что Ребёнок сию же минуту засмеётся и будет смеяться так же громко, как плачет теперь.

— Ладно, — сказала Женщина. — Я уже совсем потеряла голову. Но помни: благодарить тебя я не стану.

Она привязала к нитке глиняное веретёнце и потянула его по полу, и Кошка побежала за ним, и хватала его, и кувыркалась, и швыряла его к себе на спину, и ловила его задними лапами, и нарочно отпускала его, а потом кидалась вдогонку, — и вот Ребёнок засмеялся ещё громче, чем плакал; он ползал за Кошкой по всей Пещере и резвился, пока не устал. Тогда он задремал вместе с Кошкой, не выпуская её из рук.

— А теперь, — сказала Кошка, — я спою ему песню, убаюкаю его на часок.

И как пошла она мурлыкать то громче, то тише, то тише, то громче, — Ребёнок и заснул крепким сном.

Женщина поглядела на них и с улыбкой сказала:

— Это была неплохая работа! Всё же ты умница, Кошка.

Не успела она договорить — п ф ф ф! — дым от Огня тучами за клубился в Пещере: это он вспомнил, что у Женщины с Кошкой был договор. И когда дым рассеялся, глядь, Кошка сидит у огня, уселась поудобнее и сидит.

— Ты, мой Враг, ты, Жена Врага моего, ты, Мать моего Врага, — сказала Кошка, — посмотри: я здесь. Ты снова по-

хвалила меня, и вот я здесь, у тёплого очага, и отсюда я не уйду во веки веков. Но всё же запомни: я, Кошка, хожу где вздумается и гуляю сама по себе.

Женщина очень рассердилась, распустила волосы, подбросила дров в огонь, достала баранью кость и пошла опять колдовать, чтобы как-нибудь ненароком в третий раз не похвалить эту Кошку.

Но, милый мальчик, она колдовала без звука, без песни, — и вот в Пещере стало так тихо, что какая-то малюсенькая Мышка выскочила из угла и тихонько забегала по полу.

— Ты, мой Враг, ты, Жена Врага моего, ты, Мать моего Врага, — сказала Кошка, — это ты вызвала Мышку своим колдовством?

— Ай-ай-ай! Нет! — закричала Женщина, выронила кость, вскочила на скамеечку, стоявшую у огня, и поскорее подобрала свои волосы, чтобы Мышка не взбежала по ним.

— Ну, если ты не заколдовала её, — сказала Кошка, — мне будет не вредно её съесть.

— Конечно, конечно! — сказала Женщина, заплетая косу. — Съешь её поскорее, и я век буду благодарна тебе.

В один прыжок поймала Кошка Мышку, и Женщина воскликнула от души:

— Спасибо тебе тысячу раз! Сам Первый Друг ловит Мышей не так быстро, как ты. Ты, должно быть, большая умница.

Не успела она договорить, как — т р а х! — в ту же самую минуту и в ту же самую секунду треснула Крынка с молоком, стоявшая у очага, — треснула пополам, потому что вспомнила, какой договор был у Женщины с Кошкой. И не успела Женщина сойти со скамеечки, глядь, а Кошка уже лакает из одного черепка этой Крынки белое парное молоко.

— Ты, мой Враг, ты, Жена Врага моего, ты, Мать моего Врага, — сказала Кошка, — посмотри: я здесь. В третий раз похвалила ты меня: давай же мне трижды в день побольше белого парного молока — во веки веков. Но всё же запомни: я, Кошка, хожу где вздумается и гуляю сама по себе.

И засмеялась Женщина и, поставив миску белого парного молока, сказала:

— О Кошка! Ты разумна, как человек, но помни: договор наш был заключён, когда не было дома ни Пса, ни Мужчины; не знаю, что скажут они, как вернуться домой.

— Какое мне до этого дело! — сказала Кошка. — Мне бы только местечко в Пещере и три раза в день побольше белого парного молока, и я буду очень довольна. Никакие Псы, никакие Мужчины меня не касаются.

В тот же вечер, когда Пёс и Мужчина вернулись с охоты в Пещеру, Женщина рассказала им о своём договоре с Кошкой, а Кошка сидела у огня и улыбалась.

И сказал Мужчина:

— Всё это хорошо, но не худо бы ей и со мной заключить договор. Через меня она заключит его со всеми настоящими Мужчинами, которые будут после меня.

Он стащил с себя сапоги, взял кремнёвый топорик (итого три предмета), принёс со двора полено и маленький каменный нож (итого пять), поставил всё это в ряд и сказал:

— Давай и мы заключим договор. Ты живёшь в Пещере во веки веков, но если ты забудешь ловить Мышей — посмотри-ка на эти предметы: их пять, и я имею право любой из них швырнуть в тебя, и так же вслед за мною будут поступать все настоящие Мужчины во веки веков.

Женщина услышала его слова и подумала:

«Да, Кошка умна, а Мужчина умнее».

Кошка сосчитала все вещи — они были довольно увесистые — и сказала:

— Ладно! Я буду ловить Мышей во веки веков, но всё же я, Кошка, хожу где вздумается и гуляю сама по себе.

— Гуляй, гуляй, — отозвался Мужчина, — да только не там, где я. Попадёшься мне на глаза, я сейчас же швырну в тебя либо сапогом, либо поленом, и так станут поступать все Мужчины, которые будут после меня.

Тогда выступил Пёс и сказал:

— Погоди. Теперь м о й черёд заключать договор. А через меня договор будет заключён и со всеми другими насто-

ящими Псами, которые будут жить после меня. — Он оскалил зубы и показал их Кошке. — Всегда, всегда, всегда жилище моё будет в Пещере и, если при мне ты как-нибудь обидишь Ребёнка, — я буду гоняться за тобою, пока не поймаю тебя, а когда я поймаю тебя, я искусаю тебя. И так станут поступать все настоящие Собаки, которые будут жить после меня во веки веков.

Услышала это Женщина и молвила про себя:

«Да, эта Кошка умна, но не умнее Собаки».

Кошка сосчитала собачьи зубы, и они показались ей очень острыми. Она сказала:

— Хорошо, пока я в Пещере, я всегда, всегда, всегда буду ласкова с Ребёнком, если только Ребёнок не станет слишком сильно таскать меня за хвост. Но не забудьте: я, Кошка, хожу где вздумается и гуляю сама по себе.

— Гуляй, гуляй, — отозвался Пёс, — да только не там, где я. Если бы ты не гуляла где вздумается, я никогда, никогда, никогда не скалил бы при встречах с тобою свою зубастую пасть. А теперь, чуть я увижу тебя, я сейчас же залаю, налечу на тебя и загоню тебя вверх на дерево. И так станут поступать все настоящие Собаки, которые будут жить после меня.

И тотчас же, не теряя ни минуты, кинул Мужчина в Кошку двумя сапогами да кремнёвым топориком (это составляет три предмета), и Кошка бросилась вон из Пещеры, а Пёс погнался за ней и загнал её вверх на дерево, — и с того самого дня, мой мальчик, и поныне трое Мужчин из пяти — если они настоящие Мужчины — швыряют разными предметами в Кошку, где бы она ни попалась им на глаза, и все Псы — если они настоящие Псы, — все до одного, загоняют её вверх на дерево. Но и Кошка верна своему договору. Пока она в доме, она ловит мышей и ласкова с Детьми, если только Дети не слишком сильно таскают её за хвост. Но чуть улучит минуту, чуть настанет ночь и взойдёт луна, сейчас же она говорит: «Я, Кошка, хожу где вздумается и гуляю сама по себе», и бежит в чащу Мокрого Дикого Леса, или влезает на Мокрые Дикие Деревья, или взбирается на Мокрые Дикие Крыши и дико машет своим диким хвостом.

Кошка чудесно поёт у огня,
Лазит на дерево ловко,
Ловит и рвёт, догоняя меня,
Пробку с продетой верёвкой.

Всё же с тобою мы делим досуг,
Бинки, послушный и верный,
Бинки, мой старый, испытанный друг,
Правнук собаки пещерной.

Если, набрав из-под крана воды,
Лапы намочите кошке
(Чтобы потом обнаружить следы
Диких зверей на дорожке), —

Кошка, царапаясь, рвётся из рук,
Фыркает, воеет, мяучит.
Бинки — мой верный, испытанный друг,
Дружба ему не наскучит.

Вечером кошка, как ласковый зверь,
Трётся о ваши колени.
Только вы ляжете — кошка за дверь
Мчится, считая ступени.

Кошка уходит на целую ночь.
Бинки мне верен и спящий:
Он под кроватью храпит во всю мочь, —
Значит, он друг настоящий!

МОТЫЛЁК, КОТОРЫЙ ТОПНУЛ НОГОЙ

Вот тебе, милый мой мальчик, новая чудесная сказка — совсем особенная, не похожая на все остальные, — сказка о мудрейшем царе Сулеймане-ибн-Дауде — о Соломоне, сыне Давида.

На свете существует триста пятьдесят сказок о Сулейма-

не-ибн-Дауде; но эта сказка не из их числа. Эта сказка — о мотыльке, который топнул ногой.

Так слушай же, слушай внимательно!

Сулейман-ибн-Дауд был мудрец. Он понимал, что говорят звери, что говорят птицы, что говорят рыбы, что говорят насекомые. Он понимал, что говорят камни глубоко под землёй, когда они давят друг друга и стонут. И он понимал, что говорят деревья, когда они шелестят на рассвете листвой. Он понимал всех — и осу, и лису, и осину в лесу. И прекрасная царица Балкида, его Первая и Главная царица, была почти такая же мудрая.

Сулейман-ибн-Дауд был могуч. На среднем пальце правой руки у него было золотое кольцо. Стоило ему повернуть это кольцо, как из-под земли вылетали Африты и Джинны и делали всё, что он вздумает им приказать. А стоило ему повернуть кольцо дважды, с неба спускались Феи и тоже делали всё, что он вздумает им приказать. Когда же он поворачивал своё кольцо три раза, перед ним появлялся с мечом сам великий ангел Азраил, в одежде простого водоноса, и сообщал ему обо всём, что происходит на земле, на небесах и под землёй.

И всё же Сулейман-ибн-Дауд был человек очень скромный. Он почти никогда не хвастался, а если ему случалось похвастаться, он потом жалел об этом и раскаивался.

Однажды он объявил, что желает накормить в один день всех зверей, какие только существуют на свете, но, когда он приготовил еду, из глубины моря выплыла какая-то большая Зверюга и сожрала всё в три глотка. Сулейман-ибн-Дауд был очень удивлён и сказал:

— О Зверюга, кто ты такая?

И Зверюга ответила:

— О повелитель! Желаю тебе здравствовать во веки веков! Я самый маленький из тридцати тысяч братьев, и мы живём на дне моря. Мы прослышали, что ты хочешь накормить всех зверей, какие только существуют на свете, и мои братья послали меня узнать у тебя, скоро ли будет обед.

Сулейман-ибн-Дауд был страшно удивлён и сказал:

– О Зверюга, ты сожрала весь обед, приготовленный мною для всех зверей, какие только существуют на свете.

И сказала ему Зверюга:

– О владыка, желаю тебе здравствовать во веки веков! Но неужели ты и в самом деле называешь это обедом? Там, откуда я пришла, каждому из нас требуется вдвое больше еды, чтобы перекусить между обедом и ужином.

Тогда Сулейман-ибн-Дауд пал ниц и воскликнул:

– О Зверюга, я приготовил этот обед, чтобы показать всем, какой я великий и богатый царь, а вовсе не потому, что я действительно люблю зверей! Теперь я посрамлён, и да послужит мне это хорошим уроком.

Сулейман-ибн-Дауд был и вправду мудрец, милый мой мальчик. После этого случая он никогда уже не забывал, что хвастаться глупо. И вот теперь-то начинается настоящая сказка.

У Сулеймана-ибн-Дауда было много жён. У него было девятьсот девяносто девять жён, если не считать Прекраснейшей Балкиды. Все они жили в большом золотом дворце посреди прелестного сада с фонтанами.

На самом деле Сулейману-ибн-Дауду вовсе не нужны были девятьсот девяносто девять жён, но в то время у всякого было по нескольку жён, так что царю, конечно, приходилось брать себе ещё больше, чтобы показать, что он царь.

Одни из них были красавицы, другие просто уроды. Уроды вечно враждовали с красавицами, и те от этого тоже становились уродами, и все они ссорились с Сулейманом-ибн-Даудом, что причиняло ему большие страдания. Одна лишь Прекрасная Балкида никогда не ссорилась с Сулейманом-ибн-Даудом, слишком уж она любила его. Она либо сидела у себя в золотом дворце, либо гуляла по дворцовому саду, и ей очень было жалко Сулеймана-ибн-Дауда.

Конечно, если бы он пожелал повернуть у себя на пальце кольцо и позвать Джиннов и Афритов, они превратили бы всех его девятьсот девяносто девять жён в белых ослиц, или в борзых собак, или в зёрна граната. Но Сулейман-ибн-Дауд боялся снова оказаться хвастунишкой.

Поэтому, когда его сварливые жёны ссорились слишком

уж громко, он только уходил в укромный уголок своего дворцового сада и проклинал тот час, когда он родился на свет.

Однажды случилось так, что они ссорились уже три недели подряд — все девятьсот девяносто девять жён. Сулейман-ибн-Дауд удалился от них, как обычно, в мирный уголок. И среди апельсиновых деревьев он встретил Балкиду Прекраснейшую. И она сказала:

— О мой господин, свет моих очей, поверни у себя на пальце кольцо и покажи этим египетским, месопотамским, китайским, персидским царицам, какой ты великий и грозный владыка.

Но Сулейман-ибн-Дауд покачал головой и ответил:

— О моя госпожа, радость моей жизни, вспомни Зверюгу, которая выплыла из морской глубины и посрамила меня перед всеми зверями, какие только есть на земле, из-за того, что я вздумал похвастаться. Теперь, если я стану хвастать перед этими персидскими, абиссинскими, китайскими, египетскими царицами лишь из-за того, что они надоедают мне своей болтовнёй, я могу ещё сильнее осрамиться.

И Балкида Прекраснейшая сказала в ответ:

— О мой господин, сокровище моей души, что же ты будешь делать?

И Сулейман-ибн-Дауд ответил:

— О моя госпожа, услада моего сердца, придётся вверить свою судьбу в руки тех девятисот девяносто девяти цариц, которые выводят меня из терпения своими беспрестанными ссорами.

И он пошёл мимо лилий и японских локатов, мимо роз, канн и пахучего имбиря, которые произрастали в саду, и пришёл к огромному камфорному дереву, которое прозвали Камфорное Дерево Сулеймана-ибн-Дауда. Но Балкида спряталась меж высоких ирисов, пятнистых бамбуков и красных лилий, чтобы быть поближе к возлюбленному своему Сулейману-ибн-Дауду.

В это время под деревом пролетали два мотылька. Они ссорились.

Сулейман-ибн-Дауд услышал, что один из них сказал другому:

— Как ты смеешь говорить со мною так дерзко и грубо? Разве ты не знаешь, что стоит мне топнуть ногой — и разразится гроза, и весь дворец Сулеймана-ибн-Дауда, и весь этот сад провалятся в тартарары!

Тогда Сулейман-ибн-Дауд забыл про всех своих девятьсот девяносто девять сварливых жён и засмеялся. Он смеялся над хвастовством Мотылька, и смеялся так долго, что затряслось даже камфорное дерево. И он протянул палец и сказал:

— Поди-ка ты сюда, человекек!

Мотылёк страшно испугался, но ничего не поделаешь, пришлось ему подлететь к Сулейману-ибн-Дауду и сесть, трепеща крылышками, на его протянутый палец. Сулейман-ибн-Дауд наклонил голову и тихонько прошептал:

— Ах, человекек, тебе же отлично известно, что, сколько бы ты ни топал ногой, от этого не шелохнётся даже травинка! Почему же ты так беззастенчиво лжёшь своей жене? Ведь это верно, что она твоя жена?

Мотылёк поглядел на Сулеймана-ибн-Дауда и увидел мудрейшие очи царя, мерцавшие, как звёзды в морозную ночь. И он сложил крылышки, и наклонил голову, и собрал всё своё мужество, и сказал:

— В самом деле это моя жена, а ты сам хорошо понимаешь, что они такое, наши жёны.

Сулейман-ибн-Дауд ухмыльнулся в бороду и ответил:

— Да, брат мой, м н е это отлично известно.

— Надо же держать их в послушании, — сказал Мотылёк. — А моя жена ругает меня уже целое утро, и я припугнул её, чтобы она перестала бушевать и браниться.

И Сулейман-ибн-Дауд сказал:

— Что ж, может быть, это и в самом деле утихомирит её. Иди к своей жене, о мой брат, а я послушаю, что ты скажешь ей.

Полетел Мотылёк обратно к своей жене, которая сидела под листком и трепетала от страха. И она воскликнула:

— Он слышал твои слова! Сулейман-ибн-Дауд слышал, что ты сказал!

— Слышал, — отвечал Мотылёк. — Я и хотел, чтоб он слышал.

— И что же он сказал? О, что же он сказал?

— Ну, — отвечал Мотылёк, важно помахивая крылышками, — между нами, дорогая (конечно, я не обвиняю его, потому что дворец очень дорогого стоит, да и апельсины как раз поспевают). В общем, он просил меня не топтать, и я обещал, что не топну.

— Боже мой! — воскликнула жена Мотылька и притихла, а Сулейман-ибн-Дауд смеялся до слёз над бесстыдством этого пройдохи.

Балкида Прекраснейшая стояла за деревом среди алых лилий и улыбалась украдкой, так как она слышала весь разговор. И она подумала: «Если я в самом деле мудрая, я могу избавить моего господина от докучающих ему сварливых цариц». Она протянула палец и тихонько прошептала жене Мотылька:

— Крохотная женщина, поди-ка сюда!

Бабочка ужасно испугалась, но ничего не поделаешь, она подлетела к Балкиде и уселась на её белой руке.

Балкида наклонила свою прекрасную голову и прошептала:

— Крохотная женщина, неужто ты и вправду поверила тому, что сказал тебе муж?

Бабочка взглянула на Балкиду и увидела очи Прекрасной царицы, блестящие, как блестит озеро в лунную ночь. Бабочка сложила крылышки и, собрав всё своё мужество, сказала:

— О царица, красуйся во веки веков! Ты же знаешь, что такое мужа!

И царица Балкида, мудрая Балкида Савская, подняла руку к губам, чтобы скрыть улыбку, и сказала:

— Да, сестра моя, знаю.

— Они выходят из себя по пустякам, — сказала Бабочка, быстро-быстро раскрывая и складывая крылышки, — и мы должны ублажать их, о царица, чтобы они не ворчали. Они

никогда не думают даже половины того, что говорят. Если мужу моему так хочется верить, будто я поверила, что стоит ему топнуть ногой и дворец Сулеймана-ибн-Дауда исчезнет, пускай себе верит, не стану ему возражать. Всё равно завтра он об этом забудет.

— Да, сестра моя, ты совершенно права, — сказала Балкида, — но, когда он в следующий раз начнёт перед тобою похвальнось, поймай его на слове. Скажи ему, чтобы он и в самом деле топнул ногой, и посмотри, что из этого выйдет. Он будет сильно посрамлён. Вот увидишь.

Бабочка улетела к своему Мотыльку, а через пять минут они уже ссорились — ещё сильнее, чем прежде.

— Вспомни, — сказал Мотылёк, — вспомни, что я могу сделать, если топну ногой!

— Я тебе нисколечко не верю, — ответила Бабочка, — и я была бы рада поглядеть, как это у тебя получится! Топни! Топни! Пожалуйста, топни!

— Я обещал Сулейману-ибн-Дауду не топать, и я не хочу нарушать своё слово.

— Сколько ни топай, всё равно ничего не получится. Даже маленькая травинка, и та не шелохнётся. Что же ты не топаешь? Топни! Топни! Говорю тебе: топни!

Сидя под камфорным деревом, Сулейман-ибн-Дауд слышал каждое слово и смеялся так, как ещё никогда не смеялся.

Он забыл про цариц, он забыл про Зверюгу, выплывшую из морской глубины, он забыл про своё хвостовство. И Балкида, стоя за деревом, тоже смеялась, потому что её возлюбленному было так весело.

Но вот Мотылёк, раздражённый, взволнованный, снова спустился под камфорное дерево и сказал Сулейману-ибн-Дауду:

— Она хочет, чтобы я топнул. Она хочет поглядеть, что из этого выйдет. О Сулейман-ибн-Дауд, ты же знаешь, что у меня ничего не получится! И теперь она уже никогда не поверит ни одному моему слову и будет смеяться надо мной до конца моих дней.

– Нет, о брат мой, – сказал Сулейман-ибн-Дауд, – этого не будет, уверяю тебя.

– И он повернул на пальце кольцо (только для того, чтобы помочь Мотыльку, а не для того, чтобы похвастать своим всемогуществом), и в мгновение ока четыре огромных Джинна возникли перед ним из-под земли.

– Рабы, – сказал Сулейман-ибн-Дауд, – когда этот господин, что сидит у меня на пальце (там сидел хвастливый Мотылёк), топнет левой передней ногой, сделайте так, чтобы разразилась гроза, грянул гром и этот дворец и все эти сады сгнули с глаз, исчезли. Когда же он топнет опять, осторожно поставьте их на прежнее место.

– Теперь, о брат мой, – сказал он Мотыльку, – отправляйся к жене и топай в своё удовольствие.

Мотылёк подлетел к жене, которая всё это время кричала:

– Что же ты не топаешь? Топни! Ну, топни же! Топни!

За оградой, окружавшей дворец, Балкида увидела четырёх Джиннов и сказала:

– Наконец-то Сулейман-ибн-Дауд для спасения Мотылька сделает то, что давным-давно должен был сделать для собственного спасения: уgomонит этих сварливых цариц.

Мотылёк топнул. Джинны подхватили дворец и сады и унесли их по воздуху за тысячу миль. Послышался страшный гром, и небо стало чернее чернил. А Бабочка летала во тьме и кричала:

– О, я больше не буду браниться! И зачем я подстрекала его! Мой любимый, мой милый муж, возврати назад и дворец, и сады, и я больше никогда не стану перечить тебе!

Мотылёк и сам испугался не меньше своей жены, а Сулейман-ибн-Дауд хохотал так, что в первую минуту даже не мог прошептать Мотыльку:

– Топни опять, о брат мой, верни мне мой дворец, о великий волшебник!

– Да, верни ему дворец! – воскликнула жена Мотылька, которая летала во тьме, как ночная бабочка. – Верни ему дворец и не занимайся больше таким ужасным чародейством!

— Ладно, дорогая, так и быть! — сказал Мотылёк, всячески стараясь придать себе храбрости. — Вот видишь, что получилось оттого, что ты придиралась ко мне. Понятно, я лично несколько не беспокоюсь о том, вернётся ли дворец или нет, такие дела для меня не впервой, но из уважения к тебе и к Сулейману-ибн-Дауду я не возражаю против того, чтобы всё воротилось на место.

И он топнул ещё раз, и в ту же секунду Джинны без единого толчка водрузили и сады и дворец на прежнее место.

И всё было по-прежнему. Тёмно-зелёная листва апельсиновых деревьев ярко сверкала на солнце, фонтаны играли меж алых египетских лилий, птицы пели как ни в чём не бывало, а Бабочка лежала на боку под камфорным деревом. Крылышки у неё трепетали, и, задыхаясь, она повторяла:

— Прости меня! Я больше не буду!

Сулейман-ибн-Дауд так смеялся, что с трудом мог вымолвить слово. На него напала икота. Изнемогая от смеха, он протянул Мотыльку палец и сказал:

— О великий волшебник, что из того, что ты возвратил мне дворец, если веселье, которое ты мне доставил, сведёт меня сегодня же в могилу?

Тут раздался страшный шум, потому что из дворца выбежали все девятьсот девяносто девять цариц и стали пронзительно кричать, и визжать, и звать своих малых детей. Они бежали по мраморной лестнице, спускавшейся вниз от фонтанов, — сто женщин на каждой ступени.

Премудрая Балкида выступила величаво вперёд, встретила их и сказала:

— Чего это вы так испугались, царицы?

Они же стояли на мраморной лестнице — сто женщин на каждой ступени — и кричали:

— Ч е г о мы испугались? Это всякому ясно! Ведь мы жили себе поживали в своём золотом дворце, и вдруг наш дворец исчезает неизвестно куда, и мы попадаем в кромешную тьму, и над нами грохочет гром, и Джинны и Африты шныряют во тьме! Вот чего мы испугались, о царица цариц, и

мы чрезвычайно испуганы нашим испугом, ибо это самый страшный испуг из всех испугов, какие приводилось нам испытывать за всю нашу жизнь.

Тогда Балкида, Прекраснейшая царица, любимейшая из всех жён Сулеймана-ибн-Дауда, почти столь же премудрая, как сам Сулейман-ибн-Дауд, сказала:

— Ничего особенного не произошло, о царицы. Просто Мотылёк пожаловался на свою жену, которая ссорилась с ним, а Сулейману-ибн-Дауду захотелось научить её кротости и вежливой речи, ибо это считается добродетелью среди мотыльковых жён.

И тогда встала египетская царица, дочь фараона, и сказала:

— Наш дворец нельзя вырвать с корнем, как порей, для какой-нибудь ничтожной букашки. Нет! Сулейман-ибн-Дауд, должно быть, уже скончался, и земля сотряслась от гора, и загремели небесные громы, и на землю спустилась тьма.

Тогда Балкида, не поднимая глаз, поманила к себе пальцем эту дерзкую царицу и сказала ей — да и всем остальным:

— Вы можете пойти и поглядеть.

Они спустились по мраморной лестнице широкими рядами — в каждом ряду была сотня цариц — и под камфорным деревом увидели премудрого царя Сулеймана-ибн-Дауда, всё ещё изнемогавшего от смеха. Он сидел и покачивался взад-вперёд, и на одной руке у него была Бабочка, а на другой Мотылёк. И царицы услышали, как он говорит:

— О жена моего брата, который летает по воздуху, запомни же отныне и на веки веков, что ты должна угождать своему мужу во всём, иначе он рассердится и топнет ногою опять, ибо он великий чародей и колдун и может, когда ему вздумается, похитить дворец у самого Сулеймана-ибн-Дауда... Ступайте же с миром, вы оба.

Он поцеловал у них крылышки, и они улетели прочь.

Тогда все царицы, которые до сих пор всё ещё стояли и улыбались, все, кроме Прекрасной и Великолепной Балкиды, пали ниц, потому что они сказали себе: «Если творятся такие дела из-за того, что Мотылёк недоволен своею же-

ною, что же будет с нами, докучающими своему повелителю криками и буйными ссорами?»

И они накинута на голову прозрачные ткани и, зажав себе ладонями рот, тихо, как мыши, удалились к себе во дворец.

Тогда Балкида, Прекраснейшая и Великолепная, вышла из зарослей алых лилий под сень камфорного дерева и, положив руку на плечо Сулейману-ибн-Дауду, сказала:

— О господин мой, сокровище моей души, радуйся, потому что мы дали всем этим царицам Египта, Эфиопии, Персии, Индии, Китая хороший урок, который они запомнят навеки.

И Сулейман-ибн-Дауд, всё ещё глядя на мотыльков, игравших в лучах солнца, спросил:

— О моя госпожа, драгоценный камень моей радости, когда же это случилось? Ведь как только я вошёл в сад, я принялся шутить над Мотыльком.

И он рассказал Балкиде всё, что он делал в то время.

И Балкида, ласковая, милая Балкида, сказала:

— О мой господин, владыка моей жизни! Я спряталась за камфорным деревом и видела всё своими глазами. Это я надумила Бабочку, чтобы та заставила Мотылька топнуть, ибо я надеялась, что мой господин, шутки ради, совершит какой-нибудь волшебный поступок, который испугает цариц.

И она рассказала ему всё, что подумали, увидели и сказали царицы.

Тогда Сулейман-ибн-Дауд встал под камфорным деревом, протянул руки и в веселии сердца сказал:

— О моя госпожа, сладость моих дней, знай, что, если бы я со злости или по внушению гордости применил к царицам моё волшебство, я мог бы осрамиться опять, как осрамился тогда, когда устроил пиршество для зверей всего мира. Но благодаря твоей мудрости я стал колдовать ради шутки, чтобы немного помочь Мотыльку, и — видишь — это спасло меня от моих докучливых жён. Так объясни мне, о моя госпожа, сердце моего сердца, как же ты достигла такой мудрости?

И царица Балкида, прекрасная, величаявая, стройная, взглянула Сулейману-ибн-Дауду в глаза, склонила, подобно Мотыльку, свою голову набок и ответила:

— Во-первых, о мой господин, потому что я люблю тебя; а во-вторых, о мой господин, потому что я знаю, что такое сварливые жёны.

И они пошли во дворец и жили счастливо до скончания дней.

Не правда ли, Балкида поступила умно?

РИККИ-ТИККИ-ТАВИ

Это рассказ о великой войне, которую вёл в одиночку Рикки-Тикки-Тави в ванной большого дома в посёлке Сигаули.

Дарзи, птица-портной, помогала ему, и Чучундра, мускусная крыса¹ — та, что никогда не выбежит на середину комнаты, а всё крадётся у самой стены, — давала ему советы. Но по-настоящему воевал он один.

Рикки-Тикки-Тави был мангуст². И хвост и мех были у него, как у маленькой кошки, а голова и все повадки — как у ласочки. Глаза у него были розовые, и кончик его беспокойного носа тоже был розовый. Рикки мог почесаться где вздумается, всё равно какой лапкой: передней ли, задней ли. И так умел он распушить свой хвост, что хвост делался похожим на круглую длинную щётку. И его боевой клич, когда он мчался в высоких травах, был: «Рикки-тикки-тикки-тикки-чк!»

Он жил с отцом и матерью в узкой ложбине. Но однажды летом произошло наводнение, и вода понесла его вдоль придорожного рва. Он брыкался и барахтался как мог. Наконец ему удалось ухватиться за плывущий пучок травы, и

¹ Мускусная крыса (ондатра) водится главным образом в Северной Америке.

² Мангу́сты — мелкие хищные животные, которые водятся в тропических странах.

там он держался, пока не лишился сознания. Очнулся он на горячем припёке в саду, посередине дорожки, истерзанный и грязный, а какой-то мальчик в это время сказал:

— Мёртвый мангуст! Давай устроим похороны!

— Нет, — сказала мальчику мать, — возьми-ка его и обсышим. Может быть, он ещё живой.

Они внесли его в дом, и какой-то большой человек взял его двумя пальцами и сказал, что он вовсе не мёртвый, а только захлебнулся в воде. Тогда его завернули в вату и стали обогрывать у огня. Он открыл глаза и чихнул.

— А теперь, — сказал Большой Человек, — не пугайте его, и мы поглядим, что он станет делать.

Нет на свете ничего труднее, как испугать мангуста, потому что он от носа до хвоста весь горит любопытством. «Беги Разумной и Разноухай» — начертано на семейном гербе у мангустов, а Рикки-Тикки был чистокровный мангуст. Он всмотрелся в вату, сообразил, что она не годна для еды, обежал кругом стола, сел на задние лапки, привёл свою шерстку в порядок, а потом вскочил мальчику на плечо.

— Не бойся, Тедди, — сказал Большой Человек. — Это он хочет с тобой подружиться.

— Ай, он щекочет мне шею! — вскрикнул Тедди.

Рикки-Тикки заглянул ему за воротник, понюхал ухо и, спустившись на пол, начал тереть себе нос.

— Вот чудеса! — сказала Теддина мать. — И это называется дикий зверёк! Верно, он оттого такой ручной, что мы были добры к нему.

— Мангусты все такие, — сказал её муж. — Если Тедди не станет поднимать его с полу за хвост и не вздумает сажать его в клетку, он поселится у нас и будет бегать по всему дому... Дадим ему чего-нибудь поесть.

Ему дали маленький кусочек сырого мяса. Мясо ему страшно понравилось. После завтрака он сейчас же побежал на веранду, присел на солнышке и распушил свою шерстку, чтобы высушить её до самых корней. И тотчас же ему стало лучше.

«В этом доме есть немало такого, что я должен разведать как можно скорее. Моим родителям за всю свою жизнь

не случилось разведать столько. Останусь тут и разведую всё как есть».

Весь этот день он только и делал, что рыскал по всему дому. Он чуть не утонул в ванне, он сунулся носом в чернила и тотчас же после этого обжёг себе нос о сигару, которую курил Большой Человек, потому что взобрался к Большому Человеку на колени — посмотреть, как пишут пером на бумаге. Вечером он прибежал в Теддину спальню, чтобы проследить, как зажигаются керосиновые лампы. А когда Тедди улёгся в постель, Рикки-Тикки прикорнул возле него, но оказался беспокойным соседом, потому что при всяком шорохе вскакивал и настораживался и бежал разузнавать, в чём дело. Отец с матерью зашли перед сном проведать своего спящего сына и увидели, что Рикки-Тикки не спит, а сидит у него на подушке.

— Не нравится мне это, — сказала Теддина мать. — Что, если он укусит ребёнка?

— Не бойся, — сказал отец. — Эта зверюшка защитит его лучше всякой собаки. Если, например, вползёт змея...

Но Теддина мать и думать не хотела о таких ужасах.

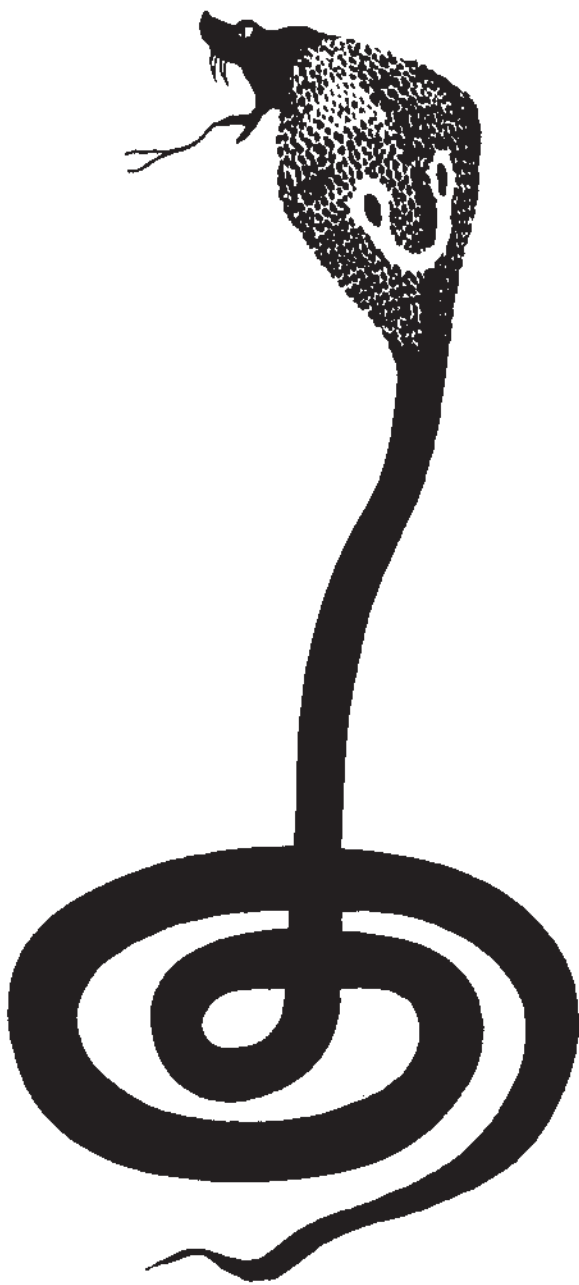
К утреннему завтраку Рикки въехал на веранду верхом на Теддином плече. Ему дали банан и кусочек яйца. Он перебивал на коленях у всех, потому что хороший мангуст никогда не теряет надежды сделаться домашним мангустом. Каждый из них с детства мечтает о том, что он будет жить в человеческом доме и бегать из комнаты в комнату.

После завтрака Рикки-Тикки выбежал в сад — поглядеть, нет ли там чего замечательного. Сад был большой, лишь наполовину расчищенный. Розы росли в нём огромные — каждый куст, как беседка, — и бамбуковые рощи, и апельсиновые деревья, и лимонные, и густые заросли высокой травы.

Рикки-Тикки даже облизнулся.

— Неплохое место для охоты! — сказал он.

И чуть только подумал об охоте, хвост у него раздулся, как круглая щётка. Он быстро обежал всю окрестность, нюхнул здесь, нюхнул там, и вдруг до него донеслись из терновника чьи-то печальные голоса. Там, в терновнике, жили

Дарзи, птица-портной и его жена. У них было красивое гнездо: они сшили его из двух больших листьев тонкими волокнистыми прутиками и набили мягким пухом и хлопком. Гнездо качалось во все стороны, а они сидели на краю и громко плакали.

— Что случилось? — спросил Рикки-Тикки.

— Большое несчастье! — ответил Дарзи. — Один из наших птенчиков вывалился вчера из гнезда, и Наг проглотил его.

— Гм, — сказал Рикки-Тикки, — это очень печально... Но я тут недавно... Я нездешний... Кто такой Наг?

Дарзи и его жена юркнули в гнездо и ничего не ответили, потому что из густой травы, из-под куста, послышалось негромкое шипенье — страшный, холодный звук, который заставил Рикки-Тикки отскочить назад на целых два фута. Потом из травы всё выше и выше, вершок за вершком, стала подниматься голова Нага, огромной чёрной кобры¹, — и был этот Наг пяти футов длины от головы до хвоста.

Когда треть его туловища поднялась над землёй, он остановился и начал качаться, как одуванчик под ветром, и глянул на Рикки-Тикки своими злыми змеиными глазками, которые остаются всегда одинаковые, о чём бы ни думал Наг.

— Ты спрашиваешь, кто такой Наг? Смотри на меня и дрожи! Потому что Наг — это я...

И он раздул свой капюшон, и Рикки-Тикки увидел на капюшоне очковую метку, точь-в-точь как стальная петля от стального крючка.

Рикки стало страшно — на минуту. Дольше одной минуты мангусты вообще никого не боятся, и хотя Рикки-Тикки никогда не видал живой кобры, так как мать кормила его мёртвыми, он хорошо понимал, что мангусты для того и существуют на свете, чтобы сражаться со змеями, побеждать

¹ К о б р а — ядовитая очковая змея. Сзади, чуть ниже головы, у неё узор, похожий на очки. Когда она сердита, то раздувает шею так, что получается подобие капюшона.

их и есть. Это было известно и Нагу, и потому в глубине его холодного сердца был страх.

— Ну так что! — сказал Рикки-Тикки, и хвост у него стал раздуваться опять. — Ты думаешь, если у тебя узор на спине, так ты имеешь право глотать птенчиков, которые выпадут из гнезда?

Наг думал в это время о другом и зорко вглядывался, не шевелится ли трава за спиной у Рикки. Он знал, что, если в саду появились мангусты, значит, и ему, и всему змеиному роду скоро придёт конец. Но теперь ему было нужно усыпить внимание врага. Поэтому он чуть-чуть нагнул голову и, склонив её набок, сказал:

— Давай поговорим. Ведь птичьи яйца ты ешь, не правда ли? Почему бы мне не лакомиться птичками?

— Сзади! Сзади! Оглянись! — пел в это время Дарзи.

Но Рикки-Тикки хорошо понимал, что пялить глаза уже некогда. Он подпрыгнул как можно выше и внизу под собой увидел шипящую голову Нагайны, злой жены Нага. Она подкралась сзади, покуда Наг разговаривал с ним, и хотела прикончить его. Она оттого и шипела, что Рикки ускользнул от неё. Подпрыгнувший Рикки бухнулся к ней прямо на спину, и, будь он постарше, он знал бы, что теперь самое время прокусить её спину зубами: один укус — и готово! Но он боялся, как бы она не хлестнула его своим страшным хвостом. Впрочем, он куснул её, но не так сильно, как следовало, и тотчас же отскочил от извивов хвоста, оставив змею разъярённой и раненой.

— Гадкий, гадкий Дарзи! — сказал Наг и вытянулся вверх сколько мог, чтобы достать до гнезда, висевшего на терновом кусте.

Но Дарзи нарочно построил своё гнездо так высоко, чтобы змеи не достали до него, и гнездо только качнулось на ветке.

Рикки-Тикки чувствовал, что глаза у него становятся всё краснее и жарче, а когда глаза у мангуста краснеют, это значит — он очень сердит. Он сел на хвост и на задние лапы, как маленький кенгурёнок, и, поглядев во все стороны, затараторил от ярости. Но воевать было не с кем: Наг и На-

гайна юркнули в траву и исчезли. Когда змее случится промахнуться, она не говорит ни единого слова и не показывает, что она собирается делать. Рикки-Тикки даже не пытался преследовать врагов, так как не был уверен, может ли справиться с обоими сразу. Он побежал рысцой по направлению к дому, сел на песчаной тропинке и глубоко задумался. Да и было о чём.

Когда тебе случится читать старые книги о разных животных, ты прочтёшь, будто ужаленный змеёй мангуст тотчас же убегает прочь и съедает какую-то травку, которая будто бы лечит его от укуса. Это неверно. Победа мангуста над коброй — в быстроте его глаз и лап. У кобры — укус, у мангуста — прыжок.

И так как никакому глазу не уследить за движением змеиной головы, когда она хочет ужалить, этот прыжок мангуста чудеснее всякой волшебной травы.

Рикки-Тикки хорошо понимал, что он ещё молодой и неопытный. Оттого ему было так радостно думать, что он изловчился увильнуть от нападения сзади. Он почувствовал большое уважение к себе, и, когда по садовой дорожке подбежал к нему Тедди, он был не прочь позволить мальчугану, чтобы тот погладил его. Но как раз в ту минуту, когда Тедди нагнулся над ним, что-то мелькнуло, извиваясь, в пыли, и тоненький голосок произнёс: «Берегись! Я — Смерть!» Это была Карайт, пыльно-серая змейка, которая любит валяться в песке. Жало у неё такое же ядовитое, как у кобры, но оттого, что она маленькая, никто не замечает её, и таким образом она приносит людям ещё больше вреда.

Глаза у Рикки-Тикки опять стали красные, и он, приплясывая, подбежал к Карайт той особенной, неровной походкой враскачку, которую унаследовал от своих прародителей. Походка забавная, но очень удобная, потому что даёт вам возможность сделать прыжок под каким угодно углом. А когда имеешь дело со змеями, это важнее всего. Поединок с Карайт был ещё опаснее для Рикки, чем сражение с Нагом, потому что Карайт такая маленькая, такая юркая и ловкая змейка, что, если только Рикки не вопьётся в неё

сзади зубами чуть пониже головы, Карайт непременно ужалит его либо в глаз, либо в губу.

Впрочем, Рикки этого не знал. Глаза у него совсем покраснели, он уже ни о чём не раздумывал — он шёл и раскачивался взад и вперёд, выискивая, куда ему лучше вонзиться зубами. Карайт налетела на него. Рикки отскочил вбок и хотел было её укусить, но проклятая пыльно-серая головка очутилась у самого его затылка, и, чтобы сбросить её со спины, ему пришлось перекувырнуться в воздухе. Она не отставала и мчалась за ним по пятам.

Тедди повернулся к дому и крикнул:

— Идите посмотрите: наш мангуст убивает змею!

И Рикки-Тикки услышал, как взвизгнула Теддина мать. Отец мальчика выбежал с палкой, но как раз в это время Карайт сделала неудачный рывок — дальше, чем нужно, — и Рикки-Тикки вскочил на неё и впился зубами чуть пониже её головы, а потом откатился прочь. Карайт сразу перестала шевелиться, и Рикки-Тикки уже приготовился съесть её, начиная с хвоста (таков обеденный обычай у мангустов), когда он вспомнил, что мангусты от сытной еды тяжелеют и что, если он хочет сохранить свою ловкость и силу, он должен оставаться худым. Он отошёл прочь и стал кувыркаться в пыли под кустом клещевины, а Теддин отец набросился с палкой на мёртвую.

«К чему это? — думал Рикки. — Ведь я уже прикончил её».

И тут к Рикки-Тикки подбежала Теддина мать, подняла его прямо с пыли и стала крепко прижимать к себе, крича, что он спас её сына от смерти, а Тедди сделал большие глаза, и в его глазах был испуг. Суматоха понравилась Рикки, но из-за чего она произошла, он, конечно, не мог понять. За что они так ласкают его? Ведь для него драться со змеями то же самое, что для Тедди кувыркаться в пыли — одно удовольствие.

Когда сели обедать, Рикки-Тикки, гуляя по скатерти среди стаканов и рюмок, мог бы трижды набить себе брюхо самыми вкусными лакомствами, но он помнил о Наге и Нагайне, и хотя ему было очень приятно, что Теддина мать тискает и гладит его и что Тедди сажает его к себе на плечо,

но глаза у него то и дело покраснели и он испускал свой воинственный клич: «Рикки-тикки-тикки-тикки-чк!»

Тедди взял его к себе в постель. Мальчику непременно хотелось, чтобы Рикки спал у него под самым подбородком, на груди. Рикки был благовоспитанный мангуст и не мог ни укусить, ни оцарапать его, но, чуть только Тедди заснул, он спустился с постели и пошёл путешествовать по дому.

В потёмках он наткнулся на мускусную крысу Чучундру, которая кралась поближе к стене.

У Чучундры разбитое сердце. Она хнычет и ноет всю ночь и всё хочет набраться храбрости, чтобы выбежать на середину комнаты. Но храбрости у неё никогда не хватает.

— Не губи меня, Рикки-Тикки! — закричала она и чуть не заплакала.

— Кто убивает змею, станет ли возиться с какой-то мускусной крысой! — презрительно ответил Рикки-Тикки.

— Убивающий змею от змеи и погибнет! — ещё печальнее сказала Чучундра. — И кто знает, не убьёт ли меня Наг по ошибке? Он подумает, что я — это ты...

— Ну, этого он никогда не подумает! — сказал Рикки-Тикки. — К тому же он в саду, а ты там никогда не бываешь.

— Моя двоюродная сестра — крыса Чуа говорила мне... — начала Чучундра и смолкла.

— Что же она говорила?

— Тсс... Наг вездесущий — он всюду. Ты бы сам поговорил с моей сестрой в саду.

— Но я её не видел. Говори же! Да поскорее, Чучундра, а не то я тебя укушу.

Чучундра уселась на корточки и начала плакать.

Плакала она долго, слёзы текли у неё по усам.

— Я такая несчастная! — рыдала она. — У меня никогда не хватало духу выбежать на середину комнаты. Тссс! Но разве ты не слышишь, Рикки-Тикки? Уж лучше мне не говорить ничего.

Рикки-Тикки прислушался. В доме была тишина, но ему показалось, что до него еле-еле доносится тихое, еле слышное «ш-ш-ш», как будто по стеклу прошла оса. Это шуршала змеинная чешуя на кирпичном полу.

«Или Наг, или Нагайна! — решил он. — Кто-то из них ползёт по водосточному жёлобу в ванную...»

— Верно, Чучундра. Жаль, что я не потолковал с твоей Чуа.

Он прокрался в Теддину умывальную комнату, но там не оказалось никого. Оттуда он пробрался в умывальную комнату Теддиной матери. Там в оштукатуренной гладкой стене, у самого пола, был вынут кирпич для водосточного жёлоба, и, когда Рикки пробирался по каменному краю того углубления, в которое вставлена ванна, он услышал, как за стеной в лунном сиянии шепчутся Наг и Нагайна.

— Если в доме не станет людей, — говорила Нагайна мужу, — он тоже уйдёт оттуда, и сад опять будет наш. Иди же, не волнуйся и помни, что первым ты должен ужалить Большого Человека, который убил Карайт. А потом возвращайся ко мне, и мы вдвоём прикончим Рикки-Тикки.

— Но будет ли нам хоть малейшая польза, если мы убьём их?

— Ещё бы! Огромная. Когда дом стоял пустой, разве тут водились мангусты? Покуда в доме никто не живёт, мы с тобой цари всего сада: ты царь, я царица. И не забудь, что когда на дынной гряде вылупятся из яиц наши дети (а это может случиться и завтра), им будет нужен покой и уют.

— Об этом я и не подумал, — сказал Наг. — Хорошо, я иду. Но, кажется, нет никакого смысла вызывать на бой Рикки-Тикки. Я убью Большого Человека и его жену, а также, если мне удастся, его сына и уползу потихоньку. Тогда дом опустеет, и Рикки-Тикки сам уйдёт отсюда.

Рикки-Тикки весь дрожал от негодования и ярости.

В отверстие просунулась голова Нага, а за нею пять футов его холодного туловища. Рикки-Тикки хоть и был взбешён, но всё же пришёл в ужас, когда увидел, какая огромная эта кобра. Наг свернулся в кольцо, поднял голову и стал вглядываться в темноту ванной комнаты. Рикки-Тикки мог видеть, как мерцают его глаза.

«Если я убью его сейчас, — соображал Рикки-Тикки, — об этом немедленно узнает Нагайна. Драться же в открытом

месте мне очень невыгодно: Наг может меня одолеть. Что мне делать?»

Наг раскачивался вправо и влево, а потом Рикки-Тикки услышал, как он пьёт воду из большого кувшина, который служил для наполнения ванны.

— Чудесно! — сказал Наг, утолив жажду. — У Большого Человека была палка, когда он выбежал, чтобы убить Карайт. Быть может, эта палка при нём и сейчас. Но когда нынче утром он придёт сюда умываться, он будет, конечно, без палки... Нагайна, ты слышишь меня?.. Я подожду его здесь в холодке до рассвета...

Нагу никто не ответил, и Рикки-Тикки понял, что Нагайна ушла. Наг обвился вокруг большого кувшина у самого пола и заснул. А Рикки-Тикки стоял тихо, как смерть. Через час он начал подвигаться к кувшину — мускул за мускулом. Рикки всматривался в широкую спину Нага и думал, куда бы вонзиться зубами.

«Если я в первый же миг не перекушу ему шею, у него всё ещё хватит силы бороться со мной, а если он будет бороться — о Рикки!»

Он поглядел, какая толстая шея у Нага, — нет, ему с такой шеей не справиться. А укусить где-нибудь поближе к хвосту — только раззадорить врага.

«Остаётся голова! — решил он. — Голова над самым капюшоном. И уж если вцепиться в неё, так не выпускать ни за что».

Он сделал прыжок. Голова змеи лежала чуть-чуть на отлёте; прокусив её зубами, Рикки-Тикки мог упереться спиной в выступ глиняного кувшина и не дать голове подняться с земли. Таким образом он выигрывал только секунду, но этой секундой он отлично воспользовался. А потом его подхватило, и брякнуло оземь, и стало мотать во все стороны, как крысу мотает собака, и вверх и вниз, и большими кругами, но глаза у него были красные, и он не отстал от змеи, когда она молотила им по полу, расшвыривая в разные стороны жестяные ковшики, мыльницы, щётки, и била его о края металлической ванны.

Он сжимал челюсти всё крепче и крепче, потому что

хоть и думал, что пришла его смерть, но решил встретить её, не разжимая зубов. Этого требовала честь его рода.

Голова у него кружилась, его тошнило, и он чувствовал себя так, будто весь был разбит на куски. Вдруг у него за спиной словно ударил гром, и горячий вихрь налетел на него и сбил его с ног, а красный огонь опалил ему шёрстку. Это Большой Человек, разбуженный шумом, прибежал с охотничьим ружьём, выстрелил сразу из обоих стволов и попал Нагу в то место, где кончается его капюшон. Рикки-Тикки лежал, не разжимая зубов, и глаза у него были закрыты, так как он считал себя мёртвым.

Но змеиная голова уже больше не двигалась. Большой Человек поднял Рикки с земли и сказал:

— Смотри, опять наш мангуст. В эту ночь, Элис, он спас от смерти нас — и тебя, и меня.

Тут вошла Теддина мать с очень белым лицом и увидела, что осталось от Нага. А Рикки-Тикки кое-как дотащился до Теддиной спальни и всю ночь только и делал, что встряхивался, как бы желая проверить, правда ли, что его тело разбито на сорок кусков, или это ему только так показалось в бою.

Когда пришло утро, он весь как бы заковенел, но был очень доволен своими подвигами.

«Теперь я должен прикончить Нагайну, а это труднее, чем справиться с дюжиной Нагов... А тут ещё эти яйца, о которых она говорила. Я даже не знаю, когда из них вылупятся змеёныши... Чёрт возьми! Пойду и потолкую с Дарзи».

Не дожидаясь завтрака, Рикки-Тикки со всех ног бросился к терновому кусту. Дарзи сидел в гнезде и что есть мочи распевал весёлую победную песню. Весь сад уже знал о гибели Нага, потому что уборщик швырнул его тело на свалку.

— Ах ты глупый пучок перьев! — сказал Рикки-Тикки сердито. — Разве теперь время для песен?

— Умер, умер, умер Наг! — заливался Дарзи. — Смелый Рикки-Тикки впился в него зубами! А Большой Человек принёс палку, которая делает б а м, и перебил Нага надвое, надвое, надвое! Никогда уже Нагу не пожирать моих деток!

— Всё это так, — сказал Рикки-Тикки. — Но где же Нагайна? — И он внимательно огляделся вокруг.

А Дарзи продолжал заливаться:

Нагайна пришла к водосточной трубе,
И кликнула Нага Нагайна к себе,
Но сторож взял Нага на палку
И выбросил Нага на свалку.
Славься же, славься, великий
Красноглазый герой Рикки-Тикки!..

И Дарзи снова повторил свою победную песню.

— Достать бы мне до твоего гнезда, я бы вышвырнул отсюда всех птенцов! — закричал Рикки-Тикки. — Или ты не знаешь, что всё в своё время? Тебе хорошо распевать наверху, а мне здесь внизу не до песен: нужно снова идти воевать! Перестань же петь хоть на минуту.

— Хорошо, я готов замолчать для тебя — для героя, для прекрасного Рикки! Что угодно Победителю Свирепого Нага?

— В третий раз тебя спрашиваю: где Нагайна?

— Над мусорной кучей она у конюшни, рыдает о Наге она... Велик белозубый Рикки!..

— Оставь мои белые зубы в покое! Не знаешь ли ты, где она спрятала яйца?

— У самого края, на дынной гряде, под забором, где солнце весь день до заката... Много недель миновало с тех пор, как зарыла она эти яйца...

— И ты даже не подумал сказать мне об этом! Так под забором у самого края?

— Рикки-Тикки не пойдёт же глотать эти яйца!

— Нет, не глотать, но... Дарзи, если у тебя осталась хоть капля ума, лети сейчас же к конюшне и сделай вид, что у тебя перебито крыло, и пусть Нагайна гонится за тобой до этого куста, понимаешь? Мне надо пробраться к дынной гряде, а если я пойду туда сейчас, она заметит.

Ум у Дарзи был птичий, в его крошечной головке никогда не вмещалось больше одной мысли сразу. И, так как он знал, что дети Нагайны выводятся, как и его птенцы, из

яиц, ему подумалось, что истреблять их не совсем благородно. Но его жена была умнее. Она знала, что каждое яйцо кобры — это та же кобра, и потому она тотчас же вылетела вон из гнезда, а Дарзи оставила дома: пусть греет малюток и горланит свои песни о гибели Нага. Дарзи был во многом похож на всякого другого мужчину.

Прилетев на мусорную кучу, она стала его звать в двух шагах от Нагайны и при этом горько кричала:

— Ой, у меня перебито крыло! Мальчишка, живущий в доме, бросил в меня камнем и перебил мне крыло!

И она ещё отчаяннее захлопала крыльями.

Нагайна подняла голову и зашипела:

— Это ты дала знать Рикки-Тикки, что я хочу ужалить его? Плохое же ты выбрала место хромать!

И она скользнула по пыльной земле к жене Дарзи.

— Мальчишка перебил его камнем! — продолжала кричать жена Дарзи.

— Ладно, может быть, тебе будет приятно узнать, что, когда ты умрёшь, я разделаюсь с этим мальчишкой по-своему. Сегодня с самого рассвета мой муж лежит на этой мусорной куче, но ещё до заката мальчишка, живущий в доме, тоже будет лежать очень тихо... Но куда же ты? Не думаешь ли ты убежать? Всё равно от меня не уйдёшь! Глупая, погляди на меня!

Но жена Дарзи хорошо знала, что этого-то ей и не следует делать, потому что стоит только какой-нибудь птице глянуть змее в глаза, как на птицу с перепугу нападает столбняк и она не может шевельнуться. Жена Дарзи рванулась прочь, жалобно попискивая и беспомощно хлопая крыльями. Над землёй она не вспорхнула ни разу, а Нагайна мчалась за ней всё быстрее.

Рикки-Тикки услышал, что они бегут от конюшни по садовой дорожке, и кинулся к дынной гряде, к тому краю, что у самого забора. Там в разопрелой земле, покрывающей дыни, он отыскал двадцать пять змеиных яиц, очень искусно припрятанных, — каждое такой величины, как яйцо бантамки¹, только вместо скорлупы они покрыты белёсой кожей.

¹ Бантамка — курица мелкой породы.

— Ещё день, и было бы поздно! — сказал Рикки-Тикки, так как он увидел, что внутри кожуры лежали, свернувшись, крошечные кобры.

Он знал, что с той самой минуты, как они вылупятся из яйца, каждая может убить человека и мангуста. Он принял-ся быстро-быстро надкусывать верхушки яиц, прихватывая при этом головки змеёнышей, и в то же время не забывал раскапывать гряду то там, то здесь, чтобы не пропустить ка-кого-нибудь яйца незамеченным.

Осталось всего три яйца, и Рикки-Тикки начал уже хихи-кать от радости, когда жена Дагзи закричала ему:

— Рикки-Тикки, я заманила Нагайну к дому, и Нагайна поползла на веранду! О, скорее, скорее! Она замышляет убийство!

Рикки-Тикки надкусил ещё два яйца, а третье взял в зубы и помчался к веранде.

Тедди, его мать и отец сидели на веранде за завтраком. Но Рикки-Тикки заметил, что они ничего не едят. Они си-дели неподвижно, как каменные, и лица у них были белые. А на циновке у самого Теддиного стула извивалась кольца-ми Нагайна. Она подползла так близко, что могла во всякое время ужалить голую ногу Тедди. Раскачиваясь в разные стороны, она пела победную песню.

— Сын Большого Человека, убившего Нага, — шипела она, — подожди немного, сиди и не двигайся. Я ещё не гото-ва. И вы все сидите потише. Если вы шевельнётесь, я ужалю его. Если вы не шевельнётесь, я тоже ужалю. О глупые лю-ди, убившие Нага!

Тедди не отрываясь впился глазами в отца, а отец толь-ко и мог прошептать:

— Сиди и не двигайся, Тедди. Сиди и не двигайся!

Тут подбежал Рикки-Тикки и крикнул:

— Повернись ко мне, Нагайна, повернись и давай сра-жаться!

— Всё в своё время! — отвечала она, не глядя на Рикки-Тикки. — С тобой я расквитаюсь потом. А покуда погляди на своих милых друзей. Как они притихли и какие у них белые

лица! Они испугались, они не смеют шелохнуться. И если ты сделаешь хоть один шаг, я ужалю.

— Погляди на своих змеёньшей, — сказал Рикки-Тикки, — там у забора, на дынной гряде. Ступай и погляди, что случилось с ними.

Змея глянула вбок и увидела на веранде яйцо.

— О! Дай его мне! — закричала она.

Рикки-Тикки положил яйцо между передними лапами, и глаза у него стали красны, как кровь.

— А какой выкуп за змеиное яйцо? За маленькую кобру? За кобру-царевну? За самую, самую последнюю в роде? Остальных уже пожирают на дынной гряде муравьи.

Нагайна повернулась к Рикки-Тикки. Яйцо заставило её позабыть обо всём, и Рикки-Тикки видел, как Теддин отец протянул большую руку, схватил Тедди за плечо и протаскил его по столу, уставленному чайными чашками, в такое место, где змея не достанет его.

— Обманул! Обманул! Обманул! Рикк-чк-чк! — дразнил её Рикки-Тикки. — Мальчик остался цел, а я, я, я нынче ночью схватил твоего Нага за шиворот... там, в ванной комнате... да!

Тут он начал прыгать вверх и вниз всеми четырьмя лапами сразу, сложив их в один пучок и прижимаясь головой к полу.

— Наг размахивал мной во все стороны, но не мог стряхнуть меня прочь! Он уже был неживой, когда Большой Человек расшиб его палкой надвое. Убил его я, Рикки-Тикки-чк-чк! Выходи же, Нагайна! Выходи и сразись со мною. Тебе недолго оставаться вдовой.

Нагайна увидела, что Тедди ей уже не убить, а яйцо лежит у Рикки-Тикки между лапами.

— Отдай мне яйцо, Рикки-Тикки! Отдай мне моё последнее яйцо, и я уйду и не вернусь никогда, — сказала она, опуская свой капюшон.

— Да, ты уйдёшь и никогда не вернёшься, Нагайна, потому что тебе скоро лежать рядом с твоим Нагом на мусорной куче. Скорее же сражайся со мной! Большой Человек уже пошёл за ружьём. Сражайся же со мною, Нагайна!

Рикки-Тикки егозил вокруг Нагайны на таком расстоянии, чтобы она не могла его тронуть, и его маленькие глазки были, как раскалённые угли.

Нагайна свернулась в клубок и что есть силы налетела на него. А он отскочил вверх — и назад. Снова, и снова, и снова повторялись её нападения, и всякий раз её голова хлопалась с размаху о циновку, и она снова свёртывалась, как часовая пружина. Рикки-Тикки плясал по кругу, желая обойти её сзади, но Нагайна всякий раз поворачивалась, чтобы встретить его лицом к лицу, и оттого её хвост шуршал на циновке, как сухие листья, гонимые ветром.

Он и забыл про яйцо. Оно всё ещё лежало на веранде, и Нагайна подкрадывалась к нему ближе и ближе. И наконец, когда Рикки остановился, чтобы перевести дух, она подхватила яйцо и, скользя со ступеней веранды, понеслась как стрела по дорожке. Рикки-Тикки — за нею. Когда кобра убегает от смерти, она делает такие извивы, как хлыст, которым стегают лошадиную шею.

Рикки-Тикки знал, что он должен настигнуть её, иначе все тревоги начнутся опять. Она неслась к терновнику, чтобы юркнуть в густую траву, и Рикки-Тикки, пробегая, услышал, что Дарзи всё ещё распевает свою глупую победную песню. Но жена Дарзи была умнее его. Она вылетела из гнезда и захлопала крыльями над головой Нагайны. Если бы Дарзи прилетел ей на помощь, они, может быть, заставили бы кобру свернуть. Теперь же Нагайна только чуть-чуть опустила свой капюшон и продолжала ползти напрямик. Но эта лёгкая заминка приблизила к ней Рикки-Тикки. Когда она шмыгнула в нору, где жили она и Наг, белые зубы Рикки вцепились ей в хвост, и Рикки протиснулся туда вслед за нею, а, право, не всякий мангуст, даже самый умный и старый, решится последовать за коброй в нору. В норе было темно, и Рикки-Тикки не мог угадать, где она расширится настолько, что Нагайна повернётся и ужалит его. Поэтому он яростно впился в её хвост и, действуя лапками как тормозами, изо всех сил упирался в покатую, мокрую, тёплую землю.

Вскоре трава перестала качаться у входа в нору, и Дарзи сказал:

— Пропал Рикки-Тикки! Мы должны спеть ему похоронную песню. Бесстрашный Рикки-Тикки погиб. Нагайна убьёт его в своём подземелье, в этом нет никакого сомнения.

И он запел очень печальную песню, которую сочинил в тот же миг, но, едва он дошёл до самого грустного места, трава над норой зашевелилась опять и оттуда, весь покрытый грязью, выкарабкался, облизывая усы, Рикки-Тикки. Дарзи вскрикнул негромко и прекратил свою песню.

Рикки-Тикки стряхнул с себя пыль и чихнул.

— Всё кончено, — сказал он. — Вдова никогда уже не выйдет оттуда.

И красные муравьи, что живут между стеблями трав, медленно стали спускаться в нору друг за другом, чтобы разведать, правду ли он говорит.

Рикки-Тикки свернулся клубком и тут же, в траве, не сходя с места, заснул — и спал, и спал, и спал до самого вечера, потому что нелегка была его работа в тот день.

А когда он пробудился от сна, он сказал:

— Теперь я пойду домой. Ты, Дарзи, сообщи кузнецу, а он сообщит всему саду, что Нагайна уже умерла.

Кузнец — это птица. Звуки, которые она производит, всем как удары молоточка по медному тазу. Это потому, что она служит глашатаем в каждом индийском саду и сообщает новости всякому, кто желает слушать её.

Идя по садовой дорожке, Рикки-Тикки услышал её первую трель, как удары в крошечный обеденный гонг. Это значило: «Молчите и слушайте!» А потом громко и твёрдо:

— Динг-донг-ток! Наг умер! Донг! Нагайна умерла! Динг-донг-ток!

И тотчас же все птицы в саду запели и все лягушки заквакали, потому что Наг и Нагайна пожирали и птиц, и лягушек.

Когда Рикки приблизился к дому, Тедди, и Теддина мать (она всё ещё была очень бледна), и Теддин отец бросились ему навстречу и чуть не заплакали. На этот раз он наелся

как следует, а когда настало время спать, он уселся на Теддино плечо и отправился в постель вместе с мальчиком. Там увидела его Теддина мать, придя проведать сына поздно вечером.

— Это наш спаситель! — сказала она мужу. — Подумай только: он спас и Тедди, и тебя, и меня.

Рикки-Тикки тотчас же проснулся и даже подпрыгнул, потому что сон у мангустов очень чуткий.

— А, это вы! — сказал он. — Чего же вам ещё беспокоиться: ни одной кобры не осталось в живых, а если бы они и остались — ведь я тут.

Рикки-Тикки имел право гордиться собою. Но всё же он не слишком заважничал и, как истый мангуст, охранял этот сад и зубом, и когтем, и прыжком, и наскоком, так что ни одна кобра не смела сунуться сюда через ограду.

ХВАЛЕБНАЯ ПЕСНЬ,

*которую птичка-портняжка Дарзи пела
во славу Рикки-Тикки-Тави*

Жизнью живу я двойной:
В небе я песни пою,
Здесь, на земле, я портной —
Домик из листьев я шью.
Здесь, на земле, в небесах над землёю
Вью я, и шью, и пою!

Радуйся, нежная мать:
В битве убийца убит.
Пой над птенцами опять,
Недруг в могилу зарыт.
Злой кровопийца, таившийся в розах,
Пойман, убит и зарыт!

Кто он, избавивший нас?
Имя его мне открой.
Рикки — сверкающий глаз,

Тикки – бесстрашный герой,
Рик-Тикки-Тикки, герой наш великий,
Наш огнеглазый герой!

Хвост пред героем развей,
Трель вознеси к небесам,
Пой ему, пой, соловей!
Нет, я спою ему сам.
Славу пою я великому Рикки,
Когтям его смелым, клыкам его белым
И огненно-красным глазам!

(Здесь песня обрывается, потому что Рикки-Тикки-Тави помешал певцу продолжать её.)

САМЫЙ ПРАВДИВЫЙ ЧЕЛОВЕК НА ЗЕМЛЕ

Маленький старичок с длинным носом сидит у камина и рассказывает о своих приключениях.

Его слушатели смеются ему прямо в глаза:

— Ай да Мюнхаузен! Вот так барон!

Но он даже не смотрит на них.

Он спокойно продолжает рассказывать, как он летал на Луну, как он жил среди трёхногих людей, как его проглотила огромная рыба, как у него оторвалась голова.

Однажды какой-то проезжий слушал-слушал его и вдруг как закричал:

— Всё это выдумки! Ничего этого не было, о чём ты рассказываешь.

Старичок насупился и важно ответил:

— Те графы, бароны, князья и султаны, которых я имел честь называть лучшими своими друзьями, всегда говорили, что я самый правдивый человек на земле.

Кругом захохотали ещё громче.

— Мюнхаузен — правдивый человек! Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!
Ха-ха-ха!

А Мюнхаузен, как ни в чём не бывало, продолжал рассказывать о том, какое на голове у оленя выросло чудесное дерево.

— Дерево?.. На голове у оленя?!

— Да. Вишнёвое. И на дереве вишни. Такие сочные, сладкие...

Все эти рассказы напечатаны здесь, в этой книге. Прочтите их и судите сами, был ли на земле человек правдивее барона Мюнхаузена.

Часть первая

КОНЬ НА КРЫШЕ

Я выехал в Россию верхом на коне.

Дело было зимою. Шёл снег.

Конь устал и начал спотыкаться. Мне сильно хотелось спать. Я чуть не падал с седла от усталости. Но напрасно искал я ночлега: в пути не попалось мне ни одной деревушки.

Что было делать?

Пришлось ночевать в открытом поле.

Кругом ни куста, ни дерева. Только маленький столбик торчал из-под снега.

К этому столбику я кое-как привязал своего озябшего коня, а сам улёгся тут же на снегу и заснул.

Спал я долго, а когда проснулся, увидел, что лежу не в поле, а в деревне, или, вернее, в небольшом городке, со всех сторон меня окружают дома.

Что такое? Куда я попал? Как могли эти дома вырасти здесь в одну ночь?

И куда девался мой конь?

Долго я не понимал, что случилось. Вдруг слышу знакомое ржание. Это ржёт мой конь.

Но где же он?

Ржание доносится откуда-то сверху.

Я поднимаю голову — и что же?

Мой конь висит на крыше колокольни! Он привязан к самому кресту!

В одну минуту я понял, в чём дело.

Вчера вечером весь этот городок, со всеми людьми и домами, был занесён глубоким снегом, а наружу торчала только верхушка креста.

Я не знал, что это крест, мне показалось, что это — маленький столбик, и я привязал к нему моего усталого коня! А ночью, пока я спал, началась сильная оттепель, снег растаял, и я незаметно опустился на землю.

Но бедный мой конь так и остался там, наверху, на крыше. Привязанный к кресту колокольни, он не мог спуститься на землю.

Что делать?

Не долго думая, хватаю пистолет, метко прицеливаюсь и попадаю прямо в уздечку, потому что я всегда был отличным стрелком.

Уздечка — пополам.

Конь быстро спускается ко мне.

Я вскакиваю на него и, как ветер, скачу вперёд.

ВОЛК, ЗАПРЯЖЕННЫЙ В САНИ

Но зимою скакать на коне неудобно, — гораздо лучше путешествовать в санях. Я купил себе очень хорошие сани и быстро понёсся по мягкому снегу.

К вечеру въехал я в лес. Я начал уже дремать, как вдруг услышал тревожное ржание лошади. Оглянулся и при свете луны увидел страшного волка, который, разинув зубастую пасть, бежал за моими санями.

Надежды на спасение не было.

Я лёг на дно саней и от страха закрыл глаза.

Лошадь моя неслась, как безумная. Щёлканье волчьих зубов раздавалось у меня над самым ухом.

Но, к счастью, волк не обратил на меня никакого внимания.

Он перескочил через сани — прямо у меня над головой — и набросился на мою бедную лошадь.

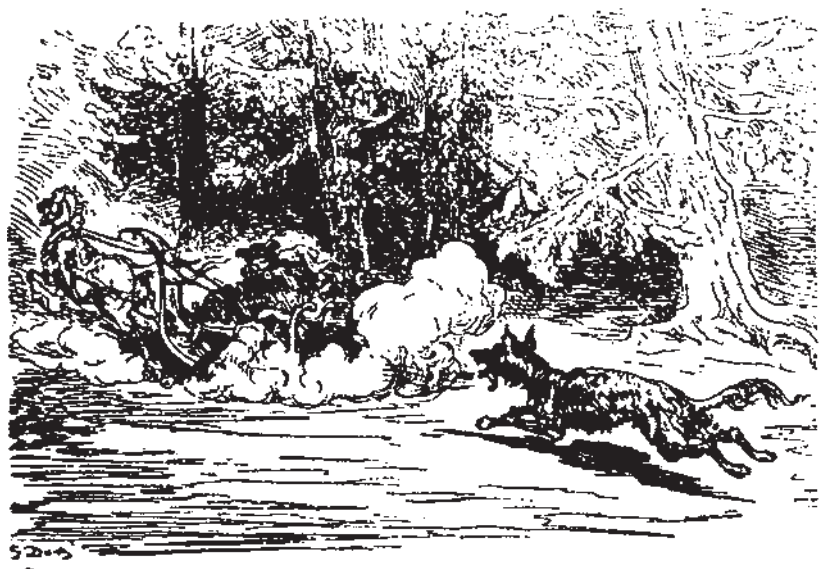
В одну минуту задняя часть моей лошади исчезла в его прожорливой пасти.

Передняя часть от ужаса и боли продолжала скакать вперёд.

Волк въедался в мою лошадь всё глубже и глубже.

Когда я пришёл в себя, я схватил кнут и, не теряя ни минуты, стал хлестать ненасытного зверя.

Он завыл и рванулся вперёд.

Передняя часть лошади, ещё не съеденная волком, выпала из упряжки в снег, и волк оказался на её месте — в оглоблях и в конской сбруе!

Вырваться из этой сбруи он не мог: он был запряжён, как лошадь.

Я продолжал стегать его что было силы.

Он мчался вперёд и вперёд, таща за собой мои сани.

Мы неслись так быстро, что уже через два-три часа въехали галопом в Петербург.

Изумлённые петербургские жители толпами выбежали смотреть на героя, который вместо лошади запряг в свои сани свирепого волка.

ИСКРЫ ИЗ ГЛАЗ

В Петербурге мне жилось хорошо.

Я часто ходил на охоту и теперь с удовольствием вспоминаю то весёлое время, когда со мною чуть не каждый день случалось столько чудесных историй.

Одна история была очень забавна.

Дело в том, что из окна моей спальни был виден обширный пруд, где водилось очень много всякой дичи.

Однажды утром, подойдя к окну, я заметил на пруду диких уток.

Мигом схватил я ружьё и сломя голову выбежал из дому.

Но впопыхах, сбегая с лестницы, я ударился головою о дверь, да так сильно, что из глаз у меня посыпались искры.

Это не остановило меня.

Я побежал дальше. Вот, наконец, и пруд. Прицеливаюсь в самую жирную утку, хочу выстрелить — и, к ужасу моему, замечаю, что в ружье нет кремня. А без кремня невозможно стрелять.

Побежать домой за кремнём?

Но ведь утки могут улететь.

Я печально опустил ружьё, проклиная свою судьбу, и вдруг мне пришла в голову блестящая мысль.

Изо всей силы я ударил себя кулаком по правому глазу. Из глаза, конечно, так и посыпались искры, и порох в то же мгновение вспыхнул.

Да! Порох вспыхнул, ружьё выстрелило, и я убил одним выстрелом десять отличнейших уток.

Советую вам всякий раз, когда вы вздумаете развести огонь, добывать из правого глаза такие же искры.

УДИВИТЕЛЬНАЯ ОХОТА

Впрочем, со мною бывали и более забавные случаи.

Как-то раз я пробыл на охоте весь день и к вечеру набрёл в глухом лесу на обширное озеро, которое так и кишело дикими утками. В жизнь свою не видел я такого множества уток!

К сожалению, у меня не осталось ни одной пули.

А я как раз этим вечером ждал к себе большую компанию друзей, и мне хотелось угостить их дичью. Я вообще человек гостеприимный и щедрый. Мои обеды и ужины славились на весь Петербург. Как я вернусь домой без уток?

Долго я стоял в нерешительности и вдруг вспомнил, что в моей охотничьей сумке остался кусочек сала.

Ура! Это сало будет отличной приманкой! Достаяю его из сумки, быстро привязываю его к длинной и тонкой бечёвке и бросаю в воду.

Утки, увидев съестное, тотчас же подплывают к салу. Одна из них жадно глотает его.

Но сало скользкое и, быстро пройдя сквозь утку, выскакивает у неё позади!

Таким образом утка оказывается у меня на верёвочке.

Тогда к салу подплывает вторая утка, и с ней происходит то же самое.

Утка за уткой проглатывают сало и надеваются на мою бечёвку, как бусы на нитку. Не проходит и десяти минут, как все утки нанизаны на неё.

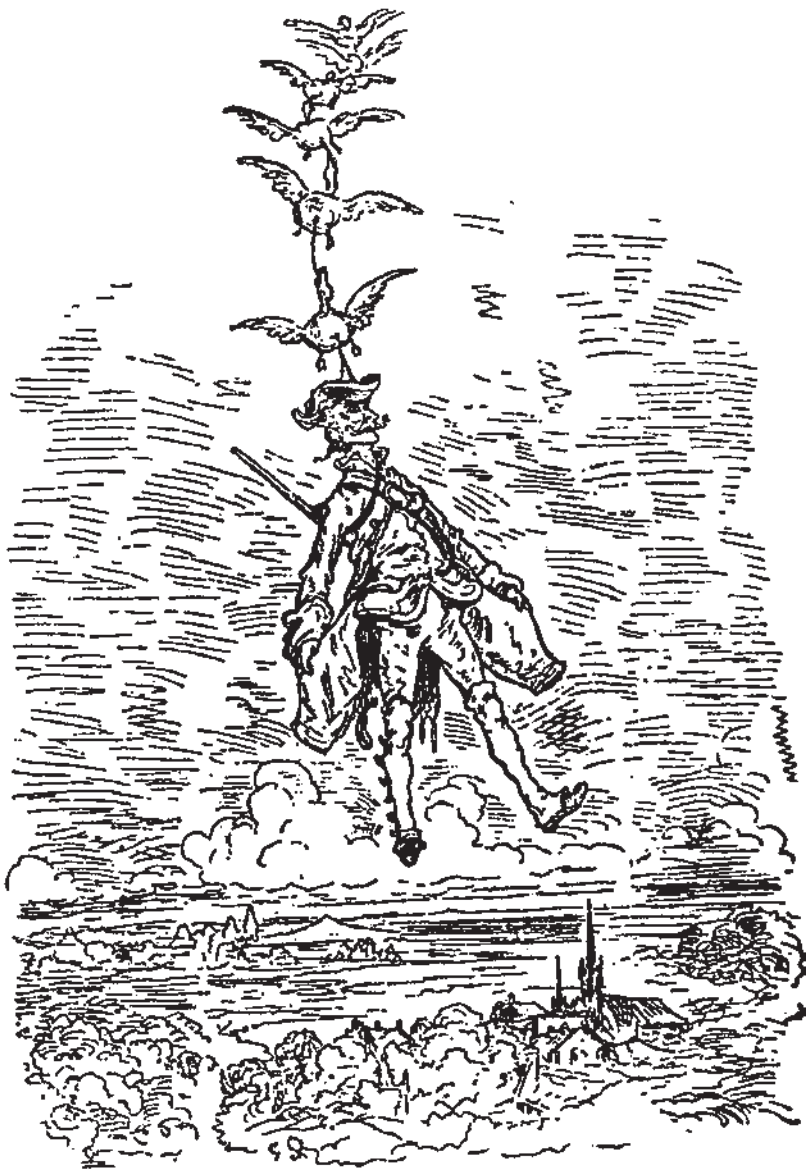
Можете себе представить, как весело было мне смотреть на такую богатую добычу! Мне оставалось только выгнать пойманных уток и отнести к моему повару на кухню.

То-то будет пир для моих друзей!

Но тащить это множество уток оказалось не так-то легко.

Я сделал несколько шагов и ужасно устал. Вдруг — можете себе представить моё изумление! — утки взлетели на воздух и подняли меня к облакам.

Другой на моём месте растерялся бы, но я человек храбрый и находчивый.

Я устроил руль из моего сюртука и, управляя утками, быстро подлетел к дому.

Но как спуститься вниз?

Очень просто! Моя находчивость помогла мне и здесь. Я свернул нескольким уткам головы, и мы начали медленно опускаться на землю.

Я попал как раз в трубу моей собственной кухни! Если бы вы только видели, как был изумлён мой повар, когда я появился перед ним в очаге!

К счастью, повар ещё не успел развести огонь.

КУРОПАТКИ НА ШОМПОЛЕ

О, находчивость — великая вещь! Как-то мне случилось одним выстрелом подстрелить семь куропаток. После этого даже враги мои не могли не признать, что я — первый стрелок на всём свете, что такого стрелка, как Мюнхаузен, ещё никогда не бывало!

Дело было так.

Я возвращался с охоты, истратив все свои пули. Вдруг меня из-под ног выпорхнуло семь куропаток. Конечно, я не мог допустить, чтобы от меня ускользнула такая отличная дичь.

Я зарядил моё ружьё — чем бы вы думали? — шомполом! Да, обыкновеннейшим шомполом, то есть железной круглой палочкой, которой прочищают ружьё!

Затем я подбежал к куропаткам, вспугнул их и выстрелил.

Куропатки взлетели одна за другой, и мой шомпол прокнул сразу семерых. Все семь куропаток свалились к моим ногам!

Я поднял их и с изумлением увидел, что они — жареные! Да, они были жареные!

Впрочем, иначе и быть не могло: ведь мой шомпол сильно нагрелся от выстрела, и куропатки, попав на него, не могли не изжариться.

Я сел на траву и тут же пообедал с большим аппетитом.

ЛИСИЦА НА ИГОЛКЕ

Да, находчивость — самое главное в жизни, и не было на свете человека находчивее барона Мюнхаузена.

Однажды в русском дремучем лесу мне попалась чернобурая лисица.

Шкура этой лисицы была так хороша, что мне стало жаль портить её пулей или дробью.

Не медля ни минуты, я вынул пулю из ружейного ствола и, зарядив ружьё длинной сапожной иглой, выстрелил в эту лисицу. Так как она стояла под деревом, игла крепко пригвоздила её хвост к самому стволу.

Я не спеша подошёл к лисице и начал хлестать её плёткой.

Она так ошалела от боли, что — поверите ли? — выскочила из своей шкуры и убежала от меня нагишом. А шкура досталась мне целая, не испорченная ни пулей, ни дробью.

СЛЕПАЯ СВИНЬЯ

Да, много бывало со мною всяких удивительных случаев!

Пробираюсь я как-то раз через чащу дремучего леса и

вижу: бежит дикий поросёнок, совсем ещё маленький, а за поросёнком — большая свинья.

Я выстрелил, но — увы — промахнулся.

Пуля моя пролетела как раз между поросёнком и свиньёй.

Поросёнок завизжал и юркнул в лес, а свинья осталась на месте как вкопанная.

Я удивился: почему и она не бежит от меня? Но, подойдя ближе, я понял, в чём дело. Свинья была слепая и не разбирала дороги. Она могла гулять по лесам, лишь держась за хвостик своего поросёнка.

Моя пуля оторвала этот хвостик. Поросёнок убежал, а свинья, оставшись без него, не знала, куда ей идти. Беспомощно стояла она, держа в зубах обрывок его хвостика. Тут мне пришла в голову блестящая мысль. Я схватил этот хвостик и повёл свинью к себе на кухню. Бедная слепая покорно плелась вслед за мною, думая, что её по-прежнему ведёт поросёнок!

Да, я должен повторить ещё раз, что находчивость — великая вещь!

КАК Я ПОЙМАЛ КАБАНА

В другой раз мне попался в лесу дикий кабан.

Справиться с ним было гораздо труднее. У меня даже ружья с собой не было.

Я бросился бежать, но он помчался за мною, как бешеный, и непременно проколол бы меня своими клыками, если бы я не спрятался за первым попавшимся дубом.

Кабан с разбегу налетел на дуб, и его клыки так глубоко вонзились в ствол дерева, что он не мог вытащить их оттуда.

— Ага, попался, голубчик! — сказал я, выходя из-за дуба. — погоди! Теперь ты от меня не уйдёшь!

И, взяв камень, я стал ещё глубже вколачивать в дерево острые клыки, чтобы кабан не мог освободиться, а затем

связал его крепкой верёвкой и, взвалив на телегу, с торжеством повёз к себе домой.

То-то удивлялись другие охотники! Они и представить себе не могли, что такого свирепого зверя можно поймать живьём, не истратив ни единого заряда.

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ОЛЕНЬ

Впрочем, со мной случались чудеса и почище.

Иду я как-то по лесу и угощаюсь сладкими, сочными вишнями, которые купил по дороге.

И вдруг прямо передо мной — олень! Стройный, красивый, с огромными ветвистыми рогами!

А у меня, как назло, ни одной пули!

Олень стоит и преспокойно глядит на меня, словно знает, что у меня ружьё не заряжено.

К счастью, у меня осталось ещё несколько вишен, и я зарядил ружьё вместо пули вишнёвой косточкой. Да, да, не смейтесь, обыкновенной вишнёвой косточкой.

Раздался выстрел, но олень только головой помотал. Косточка попала ему в лоб и не причинила никакого вреда. В одно мгновение он скрылся в лесной чаще.

Я очень жалел, что упустил такого прекрасного зверя.

Год спустя я снова охотился в том же лесу. Конечно, к тому времени я совсем позабыл об истории с вишнёвой косточкой.

Каково же было моё изумление, когда из чащи леса прямо на меня выпрыгнул великолепный олень, у которого между рогами росло высокое, развесистое вишнёвое дерево! Ах, поверьте, это было очень красиво: стройный олень и на голове у него — стройное дерево! Я сразу догадался, что это дерево выросло из той маленькой косточки, которая в прошлом году послужила мне пулей. На этот раз у меня не было недостатка в зарядах. Я прицелился, выстрелил, и олень замертво грохнулся на землю. Таким образом, с одного выстрела я сразу получил и жаркое и вишнёвый ком-

пот, потому что дерево было покрыто крупными, спелыми вишнями.

Должен сознаться, что более вкусных вишен я не пробовал за всю свою жизнь.

ВОЛК НАИЗНАНКУ

Не знаю почему, но со мною часто случалось, что самых свирепых и опасных зверей я встречал в такую минуту, когда был не вооружён и беспомощен.

Иду как-то лесом, а навстречу мне — волчище. Разинул пасть — и прямо на меня.

Что делать? Бежать? Но волк уже набросился на меня, опрокинул и сейчас перегрызёт мне горло. Другой на моём месте растерялся бы, но вы знаете барона Мюнхаузена! Я решителен, находчив и смел. Ни минуты не медля, я засунул кулак волку в пасть и, чтобы он не откусил мне руку, всовывал её всё глубже и глубже. Волк свирепо глядел на меня. Глаза его сверкали от ярости. Но я знал, что, если я выдерну руку, он разорвёт меня на мелкие части, и потому бесстрашно всовывал её дальше и дальше. И вдруг мне пришла в голову великолепная мысль: я захватил его внутренности, крепко рванул — и вывернул его, как рукавицу, наизнанку!

Разумеется, что после такой операции он замертво упал к моим ногам.

Я сшил из его шкуры отличную тёплую куртку и, если вы не верите мне, охотно покажу её вам.

БЕШЕНАЯ ШУБА

Впрочем, в моей жизни бывали события и пострашнее, чем встреча с волками.

Как-то раз за мной погналась бешеная собака.

Я кинулся от неё со всех ног.

Но на плечах у меня была тяжёлая шуба, которая мешала мне бежать.

Я сбросил её на бегу, вбежал в дом и захлопнул за собой дверь. Шуба так и осталась на улице.

Бешеная собака накинулась на неё и стала кусать её с яростью. Мой слуга выбежал из дому, поднял шубу и повесил её в том шкафу, где висела моя одежда.

На другой день рано утром он вбегает в мою спальню и кричит испуганным голосом:

– Вставайте! Вставайте! Ваша шуба взбесилась!

Я вскакиваю с постели, открываю шкаф, — и что же я вижу?! Все мои платья разорваны в клочья!

Слуга оказался прав: моя бедная шуба взбесилась, так как вчера её кусала бешеная собака.

Шуба яростно набросилась на мой новый мундир, и от него только лоскутки полетели.

Я схватил пистолет и выстрелил.

Бешеная шуба мгновенно затихла. Тогда я приказал моим людям связать её и повесить в отдельном шкафу.

С тех пор она уже никого не кусала, и я надевал её без всякой боязни.

ВОСЬМИНОГИЙ ЗАЯЦ

Да, немало чудесных историй случилось со мною в России.

Однажды я преследовал необыкновенного зайца.

Заяц был на диво быстроногий. Скачет всё вперёд и вперёд — и хоть бы присел отдохнуть.

Два дня я гнался за ним, не слезая с седла, и никак не мог догнать его.

Моя верная собака Дианка не отставала от него ни на шаг, но я никак не мог приблизиться к нему на расстояние выстрела.

На третий день мне всё-таки удалось подстрелить этого проклятого зайца.

Чуть только он упал на траву, я соскочил с лошади и бросился рассматривать его.

Представьте себе моё удивление, когда я увидел, что у

этого зайца, кроме его обычных ног, были ещё запасные. У него было четыре ноги на животе и четыре на спине!

Да, на спине у него были отличные, крепкие ноги! Когда нижние ноги у него уставали, он перевёртывался на спину, брюхом вверх, и продолжал бежать на запасных ногах.

Не мудрено, что я, как угорелый трое суток гонялся за ним!

ЧУДЕСНАЯ КУРТКА

К сожалению, догоняя восьминогого зайца, моя верная собака так устала от трёхдневной погони, что упала на землю и через час умерла.

Я чуть не заплакал от горя и, чтобы сохранить память о своей умершей любимице, приказал сшить себе из её шкуры охотничью куртку.

С тех пор мне уж не нужно ни ружья, ни собаки.

Всякий раз, когда я бываю в лесу, моя куртка так и тянет меня туда, где прячется волк или заяц.

Когда я приближаюсь к дичи на расстояние выстрела, от куртки отрывается пуговица и, как пуля, летит прямо в зверя! Зверь падает на месте, убитый удивительной пуговицей.

Эта куртка и сейчас на мне.

Вы, кажется, не верите мне, вы улыбаетесь? Но посмотрите сюда, и вы убедитесь, что я рассказываю вам чистой правду: разве вы не видите своими глазами, что теперь на моей куртке осталось всего две пуговицы? Когда я снова пойду на охоту, я пришью к ней не меньше трёх дюжин.

Вот будут завидовать мне другие охотники!

КОНЬ НА СТОЛЕ

Я, кажется, ещё ничего не рассказывал вам о своих лошадах?

Между тем у меня и с ними случалось немало чудесных историй.

Дело было в Литве. Я гостил у одного приятеля, который страстно любил лошадей.

И вот, когда он показывал гостям лучшего своего коня, которым он особенно гордился, конь сорвался с узды, опрокинул четырёх конюхов и помчался по двору, как безумный.

Все в страхе разбежались.

Не нашлось ни одного смельчака, который дерзнул бы приблизиться к расшвирипевшему животному.

Только я один не растерялся, потому что, обладая удивительной храбростью, я с детства умею обуздывать самых диких коней.

Одним прыжком я вскочил коню на хребет и мгновенно укротил его. Сразу почувствовав мою сильную руку, он покорился мне, словно малый ребёнок. С торжеством объехал я весь двор, и вдруг мне захотелось показать своё искусство дамам, которые сидели за чайным столом.

Как же это сделать?

Очень просто! Я направил коня к окну и, как вихрь, влетел в столовую.

Дамы сперва очень испугались. Но я заставил коня вспрыгнуть на чайный стол и так искусно прогарцевал среди рюмок и чашек, что не разбил ни одной рюмки, ни одного самого маленького блюдца.

Это очень понравилось дамам; они стали смеяться и хлопать в ладоши, а мой друг, очарованный моей удивительной ловкостью, просил меня принять эту великолепную лошадь в подарок.

Я был очень рад его подарку, так как собирался на войну и давно подыскивал себе скакуна.

Через час я уже мчался на новом коне по направлению к Турции, где в то время шли жестокие бои.

ПОЛКОНЯ

В боях я, конечно, отличался отчаянной храбростью и впереди всех налетал на врага.

Однажды после жаркого сражения с турками мы захватили неприятельскую крепость. Я первый ворвался в неё и, прогнав из крепости всех турок, подскакал к колодцу — напоить разгорячённого коня. Конь пил и никак не мог утолить свою жажду. Прошло несколько часов, а он всё не от-

рывался от колодца. Что за чудо! Я был изумлён. Но вдруг позади меня послышался странный плеск.

Я посмотрел назад и от удивления чуть не свалился с седла.

Оказалось, что вся задняя часть моего коня была отрезана начисто, и вода, которую он пил, свободно выливалась позади, не задерживаясь у него в животе! От этого за моей спиной образовалось обширное озеро. Я был ошеломлён. Что за странность?

Но вот прискакал ко мне один из моих солдат, и загадка мигом объяснилась.

Когда я скакал за врагами и ворвался в ворота неприятельской крепости, турки как раз в ту минуту захлопнули эти ворота и отрезали заднюю половину моего коня. Словно разрубили его пополам! Эта задняя половина некоторое время оставалась неподалёку от ворот, брыкаясь и разгоняя турок ударами копыт, а затем ускакала на соседний луг.

— Она там пасётся и сейчас! — сообщил мне солдат.

— Пасётся? Не может быть!

— Посмотрите сами.

Я помчался на передней половине коня по направлению к луку. Там я действительно нашёл заднюю половину коня. Она мирно паслась на зелёной поляне.

Я немедленно послал за военным врачом, и он, не долго думая, сшил обе половины моей лошади тонкими лавровыми прутьями, так как ниток у него под рукой не случилось.

Обе половины отлично срослись, а лавровые ветки пустили корни в теле моей лошади, и через месяц у меня над седлом образовалась беседка из лавровых ветвей.

Сидя в этой уютной беседке, я совершил немало удивительных подвигов.

ВЕРХОМ НА ЯДРЕ

Впрочем, во время войны мне довелось ездить верхом не только на конях, но и на пушечных ядрах.

Произошло это так.

Мы осаждали какой-то турецкий город, и понадобилось нашему командиру узнать, много ли в том городе пушек.

Но во всей нашей армии не нашлось храбреца, который согласился бы незаметно пробраться в неприятельский лагерь.

Храбрее всех, конечно, оказался я.

Я стал рядом с огромнейшей пушкой, которая палила по турецкому городу, и когда из пушки вылетело ядро, я вскочил на него верхом и лихо понёсся вперёд. Все в один голос воскликнули:

— Bravo, bravo, барон Мюнхаузен!

Сперва я летел с удовольствием, но когда вдали показался неприятельский город, меня охватили тревожные мысли.

«Гм! — сказал я себе. — Влететь-то ты, пожалуй, влетишь, но удастся ли тебе оттуда выбраться? Враги не станут церемониться с тобою, они схватят тебя, как шпиона, и повесят на ближайшей виселице. Нет, милый Мюнхаузен, надо тебе возвращаться, покуда не поздно!»

В эту минуту мимо меня пролетало встречное ядро, пущенное турками в наш лагерь.

Не долго думая, я пересел на него и, как ни в чём не бывало, помчался обратно.

Конечно, во время полёта я тщательно пересчитал все турецкие пушки и привёз своему командиру самые точные сведения об артиллерии врага.

ЗА ВОЛОСЫ

Вообще за время этой войны со мною было немало приключений.

Однажды, спасаясь от турок, попробовал я перепрыгнуть болото верхом на коне. Но конь не допрыгнул до берега, и мы с разбегу шлёпнулись в жидкую грязь.

Шлёпнулись — и стали тонуть. Спасенья не было.

Болото с ужасной быстротой засасывало нас глубже и глубже. Вот уже всё туловище моего коня скрылось в зловонной грязи, вот уже и моя голова стала погружаться в болото, и оттуда торчит лишь косичка моего парика.

Что было делать? Мы непременно погибли бы, если бы не удивительная сила моих рук. Я страшный силач. Схватив

себя за эту косичку, я изо всех сил дёрнул вверх и без большого труда вытащил из болота и себя, и своего коня, которого крепко сжал обеими ногами, как щипцами.

Да, я приподнял на воздух и себя, и своего коня, и если вы думаете, что это легко, попробуйте проделать это сами.

ПЧЕЛИНЫЙ ПАСТУХ И МЕДВЕДИ

Но ни сила, ни храбрость не спасли меня от страшной беды.

Однажды во время боя турки окружили меня, и, хотя я бился, как тигр, я всё же попал к ним в плен.

Они связали меня и продали в рабство.

Для меня начались чёрные дни. Правда, работу мне давали не трудную, но довольно скучную и надоедливую: меня назначили пчелиным пастухом. Каждое утро я должен был выгонять султановых пчёл на лужайку, пасти их весь день, а вечером загонять обратно в ульи.

Вначале всё шло хорошо, но вот как-то раз, пересчитав своих пчёл, я заметил, что одной не хватает.

Я отправился искать её и скоро увидел, что на неё напали два огромных медведя, которые, очевидно, хотели разорвать её надвое и полакомиться её сладким мёдом.

У меня не было с собой никакого оружия — только маленький серебряный топорик.

Я размахнулся и запустил этим топориком в жадных зверей, чтобы испугать их и освободить бедную пчёлку. Медведи бросились бежать, и пчёлка была спасена. Но, к несчастью, я не рассчитал размаха своей могучей руки и швырнул топорик с такой силой, что он залетел на Луну. Да, на Луну. Вы качаете головой и смеётесь, а мне в ту пору было не до смеха.

Я задумался.

Что же мне делать? Где достать такую длинную лестницу, чтобы добраться до самой Луны?

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЛУНУ

К счастью, я вспомнил, что в Турции есть такой огородный овощ, который растёт очень быстро и порою дорастает до самого неба.

Это — турецкие бобы. Ни минуты не медля, я посадил в землю один из таких бобов, и он тотчас же начал расти.

Он рос всё выше и выше и вскоре дотянулся до Луны!

— Ура! — воскликнул я и полез по стеблю вверх.

Через час я очутился на Луне.

Нелегко мне было найти на Луне серебряный свой топорик. Луна серебряная, и топорик серебряный — серебра на серебре не видно. Но в конце концов я всё же отыскал мой топорик на куче гнилой соломы.

Я с радостью засунул его за пояс и хотел спуститься вниз на Землю.

Но не тут-то было: солнце высушило мой бобовый стеблёк, и он рассыпался на мелкие части!

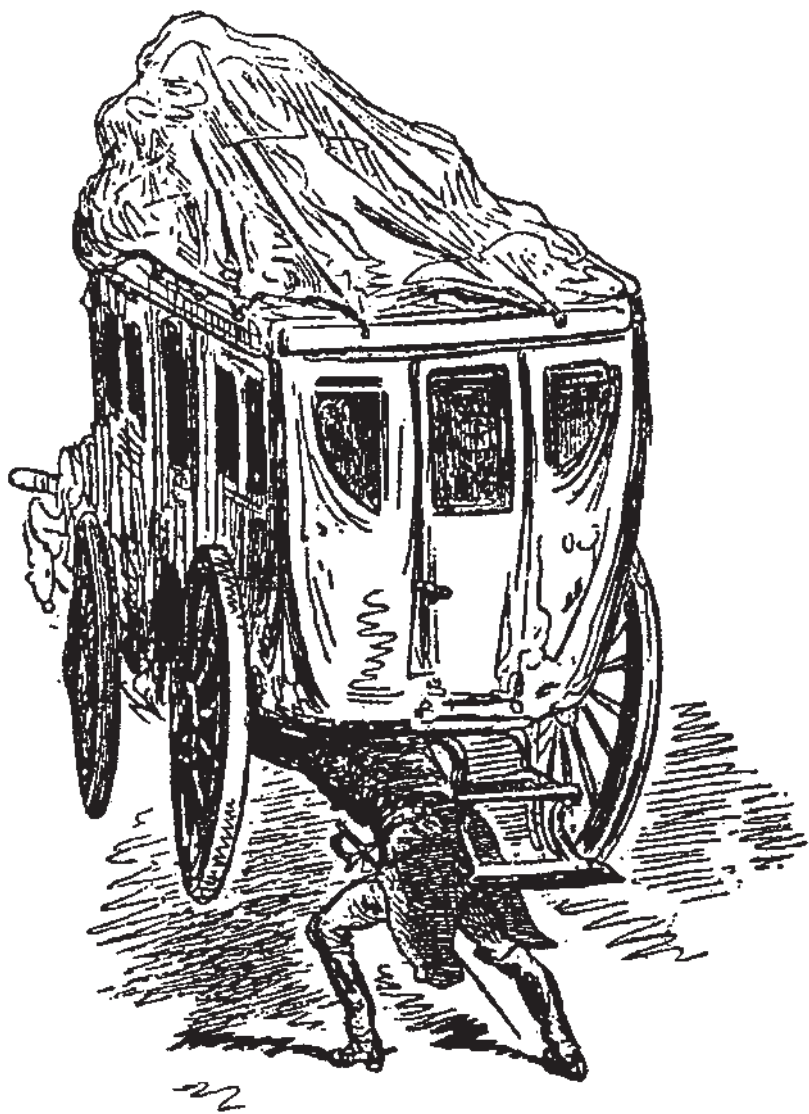
Увидя это, я чуть не заплакал от горя.

Что делать? Что делать? Неужели мне никогда не вернуться на Землю? Неужели я так и останусь всю жизнь на этой постылой Луне? О нет! Ни за что! Я подбежал к соломе и начал вить из неё верёвку. Верёвка вышла недлинная, но что за беда! Я начал спускаться по ней. Одной рукой я скользил по верёвке, а другой держал топорик.

Но скоро верёвка кончилась, и я повис в воздухе, между небом и землёй. Это было ужасно, но я не растерялся. Не долго думая, я схватил топорик и, крепко взявшись за нижний конец верёвки, отрубил её верхний конец и привязал его к нижнему. Это дало мне возможность спуститься ниже к Земле.

Но всё же до Земли было далеко. Много раз приходилось мне отрубать верхнюю половину верёвки и привязывать её к нижней. Наконец я спустился так низко, что мог рассмотреть городские дома и дворцы. До Земли оставалось всего три или четыре мили.

И вдруг — о ужас! — верёвка оборвалась. Я грохнулся на землю с такой силой, что пробил яму глубиной, по крайней мере, в полмили.

Придя в себя, я долго не знал, как мне выкарабкаться из этой глубокой ямы. Целый день я не ел, не пил, а всё думал и думал. И наконец додумался: выкопал ногтями ступеньки и по этой лестнице выбрался на поверхность Земли.

О, Мюнхаузен нигде не пропадёт!

НАКАЗАННАЯ ЖАДНОСТЬ

Опыт, приобретённый таким тяжёлым трудом, делает человека умнее.

После путешествия на Луну я изобрёл более удобный способ избавлять своих пчёл от медведей.

Вечером я вымазал мёдом оглоблю телеги и спрятался неподалёку.

Как только стемнело, к телеге подкрался огромный медведь и стал жадно слизывать мёд, которым была покрыта оглобля. Обжора так увлёкся этим лакомством, что и не заметил, как оглобля вошла ему в глотку, а после в желудок и в конце концов вылезла у него позади.

Этого я только и ждал.

Я подбежал к телеге и вбил в оглоблю позади медведя толстый и длинный гвоздь! Медведь оказался надетым на оглоблю. Теперь уж ему не соскользнуть ни туда, ни сюда. В таком положении я оставил его до утра.

Утром услышал об этой проделке сам турецкий султан и пришёл взглянуть на медведя, пойманного при помощи такой удивительной хитрости. Он долго смотрел на него и хотел до упаду.

ЛОШАДИ ПОД МЫШКАМИ, КАРЕТА НА ПЛЕЧАХ

Вскоре турки отпустили меня на свободу и вместе с другими пленными отправили обратно в Петербург.

Но я решил уехать из России, сел в карету и покатил на родину. Зима в том году была очень холодная. Даже солнце

простудилось, отморозило щёки, и у него сделался насморк. А когда солнце простужено, от него вместо тепла идёт холод. Можете себе представить, как сильно я продрог в моей карете!

Дорога была узкая. По обеим сторонам шли заборы. Я приказал моему ямщику протрубить в рожок, чтобы встречные экипажи подождали нашего проезда, потому что на такой узкой дороге мы не могли бы разъехаться.

Кучер исполнил моё приказание. Он взял рожок и стал дуть. Дул, дул, дул, но из рожка не вылетало ни звука! А между тем навстречу нам ехал большой экипаж.

Делать нечего, я вылезая из кареты и выпрягаю моих лошадей. Затем взваливаю карету на плечи — а карета тяжело нагружённая! — и одним прыжком переносу карету опять на дорогу, но уже позади экипажа.

Это было нелегко даже мне, а вы знаете, какой я силач.

Немного отдохнув, я возвращаюсь к моим лошадям, беру их под мышки и такими же двумя прыжками переносу их к карете. Во время этих прыжков одна из моих лошадей начала отчаянно брыкаться.

Это было не очень удобно. Но я засунул её задние ноги в карман моего сюртука, и ей поневоле пришлось успокоиться.

Потом я впряг лошадей в карету и спокойно доехал до ближайшей гостиницы.

Приятно было согреться после такого лютого мороза и отдохнуть после такой тяжёлой работы!

ОТТАЯВШИЕ ЗВУКИ

Мой кучер повесил рожок неподалёку от печки, а сам подошёл ко мне, и мы начали мирно беседовать.

И вдруг рожок заиграл:

«Тру-туту! Тра-тата! Ра-рара!»

Мы очень удивились, но в ту же минуту я понял, почему на морозе из этого рожка нельзя было извлечь ни единого звука, а в тепле он заиграл сам собой.

На морозе звуки замёрзли в рожке, а теперь, отогревшись у печки, оттаяли и стали сами вылетать из рожка.

Мы с кучером в течение всего вечера наслаждались этой очаровательной музыкой.

Часть вторая

БУРЯ

Но не думайте, пожалуйста, что я путешествовал только по лесам и полям. Нет, мне случалось не раз переплывать моря и океаны, и там бывали со мною приключения, каких не бывало ни с кем.

Шли мы как-то в Индию на большом корабле. Погода была отличная. Но, когда мы стояли на якоре у какого-то острова, поднялся ураган. Буря налетела с такой силой, что вырвала на острове несколько тысяч (да, несколько тысяч!) деревьев и понесла их прямо к облакам.

Огромные деревья, весившие сотни пудов, летели так высоко над землёй, что снизу казались какими-то пёрышками.

А чуть только буря кончилась, каждое дерево упало на своё прежнее место и сразу пустило корни, так что на острове не осталось никаких следов урагана. Удивительные деревья, не правда ли?

Впрочем, одно дерево так и не вернулось на место.

Дело в том, что, когда оно взлетело на воздух, на его ветвях находился один бедный крестьянин с женой. Зачем они взобрались туда? Очень просто: чтобы нарвать огурцов, так как в той местности огурцы растут на деревьях. Жители острова любят огурцы больше всего на свете и ничего другого не едят. Это их единственная пища.

Бедным крестьянам, подхваченным бурей, невольно пришлось совершить воздушное путешествие под облаками.

Когда буря стихла, дерево начало опускаться на землю. Крестьянин и крестьянка были, как нарочно, очень толстые, они накренили его своей тяжестью, и дерево упало не

туда, где росло прежде, а в сторону, причём налетело на тамошнего короля и, к счастью, раздавило его, как букашку.

— К счастью? — спросите вы. — Почему же к счастью?

Потому, что этот король был жестокий и зверски мучил всех жителей острова.

Жители были очень рады, что их мучитель погиб, и предложили корону мне:

— Пожалуйста, добрый Мюнхаузен, будь нашим королём. Сделай нам одолжение, царствуй над нами. Ты такой мудрый и смелый.

Но я наотрез отказался, так как я не люблю огурцов.

МЕЖДУ КРОКОДИЛОМ И ЛЬВОМ

Когда буря кончилась, мы подняли якорь и недели через две благополучно прибыли на остров Цейлон.

Старший сын цейлонского губернатора предложил мне пойти вместе с ним на охоту.

Я с большим удовольствием согласился. Мы отправились в ближайший лесок. Жара стояла страшная, и я должен сознаться, что с непривычки очень скоро устал.

А сын губернатора, сильный молодой человек, чувствовал себя на этой жаре превосходно. Он жил на Цейлоне с детства.

Цейлонское солнце было ему нипочём, и он бодро шагал по раскалённым пескам.

Я отстал от него и вскоре заблудился в чаще незнакомого леса. Иду и слышу шорох. Оглядываюсь: передо мною громаднейший лев, который разинул пасть и хочет меня растерзать. Что тут делать? Ружьё моё было заряжено мелкой дробью, которой не убьёшь и куропатки. Я выстрелил, но дробь только раздражила свирепого зверя, и он накинулся на меня с удвоенной яростью.

В ужасе я бросился бежать, зная, что это напрасно, что чудовище одним прыжком настигнет меня и растерзает. Но куда я бегу? Впереди передо мною разинул пасть огромный крокодил, готовый проглотить меня в ту же минуту.

Что делать? Что делать?

Сзади — лев, впереди — крокодил, слева — озеро, справа — болото, кишашее ядовитыми змеями.

В смертельном страхе я упал на траву и, закрыв глаза, приготовился к неминуемой гибели. И вдруг у меня над го-

ловой словно что-то прокатилось и грохнуло. Я приоткрыл глаза и увидел изумительное зрелище, которое доставило мне великую радость: оказывается, лев, бросившись на меня в то мгновение, когда я падал на землю, перелетел через меня и угодил прямо в пасть крокодила!

Голова одного чудовища находилась в глотке другого, и оба напрягали все силы, чтобы освободиться друг от друга.

Я вскочил, вытащил охотничий нож и одним ударом отсёк голову льву. К моим ногам свалилось бездыханное тело.

Потом, не теряя времени, я схватил ружьё и ружейным прикладом стал вколачивать голову льва ещё глубже в пасть крокодила, так что тот в конце концов задохся.

Вернувшийся сын губернатора поздравил меня с победой над двумя лесными великанами.

ВСТРЕЧА С КИТОМ

Вы можете понять, что после этого на Цейлоне мне не очень понравилось.

Я сел на военный корабль и отправился в Америку, где нет ни крокодилов, ни львов.

Мы плыли десять дней без приключений, но вдруг не-вдалеке от Америки с нами случилась беда: мы налетели на подводную скалу.

Удар был такой сильный, что сидевшего на мачте матроса отбросило в море на три мили.

К счастью, падая в воду, он успел ухватиться за клюв пролетавшей мимо красной цапли, и цапля помогла ему продержаться на поверхности моря, пока мы не подобрали его.

Мы налетели на скалу так неожиданно, что я не мог устоять на ногах: меня подбросило вверх, и я ударился головой о потолок своей каюты.

От этого моя голова провалилась ко мне в желудок, и лишь в течение нескольких месяцев мне удалось понемногу вытащить её оттуда за волосы.

Скала, на которую мы налетели, оказалась вовсе не скалой.

Это был кит колоссальных размеров, который мирно дремал на воде.

Налетев на него, мы разбудили его, и он так разозлился, что схватил наш корабль зубами за якорь и целый день, с утра до ночи, таскал нас по всему океану.

К счастью, в конце концов якорная цепь оборвалась, и мы освободились от кита.

На обратном пути из Америки мы снова встретились с этим китом. Он был мёртвый и лежал на воде, занимая своей тушей полмили. Нечего было и думать, чтобы втащить эту громадину на корабль. Поэтому мы отрезали от кита только голову. И какова же была наша радость, когда, втащив её на палубу, мы нашли в пасти чудовища и наш якорь, и сорок метров корабельной цепи, которая вся помещалась в одной дыре его гнилого зуба!

Но недолго длилась наша радость. Мы обнаружили, что в нашем корабле большая пробоина. Вода так и хлынула в трюм.

Корабль стал тонуть.

Все растерялись, закричали, заплакали, но я быстро придумал, что делать. Даже не снимая штанов, я сел прямо в дыру и заткнул её своею заднею частью.

Течь прекратилась.

Корабль был спасён.

В ЖЕЛУДКЕ У РЫБЫ

Через неделю мы приехали в Италию.

Был солнечный, ясный день, и я пошёл на берег Средиземного моря купаться. Вода была тёплая. Я отличный пловец и заплыл далеко от берега.

Вдруг вижу — прямо на меня плывёт огромная рыба с широко разинутой пастью! Что было делать? Удрать от неё невозможно, и поэтому я съёжился в комок и ринулся в её

разинутую пасть, чтобы поскорее проскользнуть мимо острых зубов и сразу очутиться в желудке.

Не всякому пришла бы в голову такая остроумная хитрость, но я вообще человек остроумный и, как вы знаете, очень находчивый.

В желудке у рыбы оказалось темно, но зато тепло и уютно.

Я стал расхаживать в этой темноте, прогуливаться взад и вперёд и скоро заметил, что это очень не нравится рыбе. Тогда я начал нарочно топтать ногами, прыгать и танцевать, как безумный, чтобы хорошенько помучить её.

Рыба завопила от боли и высунула из воды свою огромную морду.

Скоро её заметили с итальянского корабля, проходившего мимо.

Этого-то я и хотел! Моряки убили её гарпуном, а потом втащили к себе на палубу и стали советовать, как лучше всего им разрубить необыкновенную рыбку.

Я сидел внутри и, признаться, дрожал от страха; я боялся, как бы эти люди не разрубили и меня вместе с рыбой.

Это было бы ужасно!

Но, к счастью, их топоры не задели меня. Едва только блеснул первый свет, я стал кричать громким голосом на чистейшем итальянском языке (о, я знаю итальянский язык превосходно!), что я рад видеть этих добрых людей, которые освободили меня из моей душной темницы.

Услышав человеческий голос из рыбьего брюха, матросы застыли от ужаса.

Их изумление возросло ещё больше, когда из рыбьей пасти выскочил я и приветствовал их любезным поклоном.

МОИ ЧУДЕСНЫЕ СЛУГИ

Спасший меня корабль направлялся в столицу Турции.

Итальянцы, среди которых я теперь очутился, сразу увидели, что я человек замечательный, и предложили мне

остаться на корабле вместе с ними. Я согласился, и через неделю мы причалили к турецкому берегу.

Турецкий султан, узнав о моём прибытии, конечно, пригласил меня обедать. Он встретил меня на пороге своего дворца и сказал:

— Я счастлив, мой милый Мюнхаузен, что могу приветствовать вас в своей древней столице. Надеюсь, вы в добром здравьи? Я знаю все ваши великие подвиги, и мне хотелось бы поручить вам одно трудное дело, с которым не справится никто, кроме вас, потому что вы самый умный и находчивый человек на земле. Могли бы вы немедленно поехать в Египет?

— С радостью! — отозвался я. — Я так люблю путешествовать, что готов хоть сейчас на край света!

Султану мой ответ очень понравился, и он возложил на меня поручение, которое на веки веков должно остаться тайною для всех, и потому я не могу рассказать, в чём оно заключалось. Да, да, султан доверил мне великую тайну, так как он знал, что я самый надёжный человек во всём свете. Я поклонился и немедленно тронулся в путь.

Едва я отъехал от турецкой столицы, как мне попался навстречу маленький человек, бежавший с необыкновенной быстротой. К каждой его ноге была привязана тяжёлая гири, и всё же он летел как стрела.

— Куда ты? — спросил я его. — И зачем ты привязал к ногам эти гири? Ведь они мешают бежать!

— Три минуты назад я был в Вене, — отвечал на бегу человечек, — а теперь иду в Константинополь поискать себе какой-нибудь работы. Гири же повесил к ногам, чтобы не бежать слишком быстро, потому что торопиться мне некуда.

Очень понравился мне этот удивительный скороход, и я взял его к себе на службу. Он охотно последовал за мной.

На другой день у самой дороги заметили мы человека, который лежал ничком, приложив ухо к земле.

— Что ты тут делаешь? — спросил я его.

— Слушаю, как в поле растёт трава! — ответил он.

— И слышишь?

— Отлично слышу! Для меня это сущий пустяк!

— В таком случае поступай ко мне на службу, любезнейший. Твои чуткие уши могут пригодиться мне в дороге.

Он согласился, и мы отправились дальше.

Вскоре я увидел охотника, у которого в руках было ружьё.

— Послушай, — обратился я к нему. — В кого это ты стреляешь? Нигде не видно ни зверя, ни птицы.

— На крыше колокольни в Берлине сидел воробей, и я попал ему прямо в глаз.

Вы знаете, как я люблю охоту. Я обнял меткого стрелка и пригласил его к себе на службу. Он с радостью последовал за мной.

Проехав много стран и городов, мы приблизились к обширному лесу. Смотрим — у дороги стоит человек огромнейшего роста и держит в руках верёвку, которую он накинул петлёю вокруг всего леса.

— Что это ты тащишь? — спросил я его.

— Да вот понадобилось дров нарубить, а топор у меня дома остался, — ответил он. — Я и хочу изловчиться, чтобы обойтись без топора.

Он дёрнул за верёвку, и огромные дубы, как тонкие былинки, взлетели в воздух и упали на землю.

Я, конечно, не пожалел денег и тотчас же пригласил этого силача к себе на службу.

Когда мы приехали в Египет, поднялась такая страшная буря, что все наши кареты и лошади кувырком понеслись по дороге.

Вдали мы увидели семь мельниц, крылья которых вертелись как бешеные. А на пригорке лежал человек и зажимал свою левую ноздрию пальцем. Увидев нас, он учтиво меня приветствовал, и буря в один миг прекратилась.

— Что ты тут делаешь? — спросил я.

— Верчу мельницы своего хозяина, — ответил он. — А чтобы они не сломались, я дую не слишком сильно: только из одной ноздри.

«Этот человек мне пригодится», — подумал я и предложил ему ехать со мною.

КИТАЙСКОЕ ВИНО

В Египте я скоро выполнил все поручения султана. Моя находчивость помогла мне и здесь. Через неделю я вместе со своими необыкновенными слугами вернулся в столицу Турции.

Султан был рад моему возвращению и очень хвалил меня за мои удачные действия в Египте.

— Вы умнее всех моих министров, милый Мюнхаузен! — сказал он, крепко пожимая мне руку. — Приходите ко мне сегодня обедать!

Обед был очень вкусный, но — увы! — на столе не оказалось вина, потому что туркам по закону запрещено пить вино. Я был весьма огорчён, и султан, чтобы утешить меня, повёл меня после обеда в свой кабинет, открыл потайной шкаф и вынул оттуда бутылочку.

— Такого превосходного вина вы не пробовали во всю свою жизнь, мой милый Мюнхаузен! — сказал он, наливая мне полный стакан.

Вино действительно было хорошее. Но я после первого же глотка заявил, что в Китае у китайского богдыхана Фу Чана вино ещё почище этого.

— Мой милый Мюнхаузен! — воскликнул султан. — Я привык верить каждому вашему слову, потому что вы самый правдивый человек на земле, но клянусь, что сейчас вы говорите неправду: лучше этого вина не бывает!

— А я вам докажу, что бывает!

— Мюнхаузен, вы болтаете вздор!

— Нет, я говорю сущую правду и берусь ровно через час доставить вам из богдыханского погреба бутылку такого вина, в сравнении с которым ваше вино — жалкая кислятина.

— Мюнхаузен, вы забываетесь! Я всегда считал вас одним из правдивейших людей на земле, а теперь я вижу, что вы бессовестный лгун.

— Если так, я требую, чтобы вы убедились немедленно, правду ли я говорю!

— Согласен! — ответил султан. — Если к четырём часам вы не доставите мне из Китая бутылку лучшего в мире вина, я прикажу отрубить вам голову.

— Отлично! — воскликнул я. — Я согласен на ваши условия. Но если к четырём часам это вино будет у вас на столе, вы отдадите мне столько золота из вашей кладовой, сколько за один раз может унести один человек.

Султан согласился. Я написал китайскому богдыхану письмо и попросил его подарить мне бутылку того самого вина, которым он угощал меня три года назад.

«Если вы откажете мне в моей просьбе, — писал я, — ваш друг Мюнхаузен погибнет от руки палача».

Когда я кончил писать, было уже пять минут четвёртого.

Я кликнул моего скорохода и послал его в китайскую столицу. Он отвязал гири, висевшие у него на ногах, взял письмо и в одно мгновение скрылся из глаз.

Я вернулся в кабинет султана. В ожидании скорохода мы осушили до дна начатую нами бутылку.

Пробило четверть четвёртого, потом половину четвёртого, потом три четверти четвёртого, а мой скороход не показывался.

Мне стало как-то не по себе, особенно когда я заметил, что султан держит в руках колокольчик, чтобы позвонить и позвать палача.

— Разрешите мне выйти в сад подышать свежим воздухом! — сказал я султану.

— Пожалуйста! — ответил султан с самой любезной улыбкой.

Но, выходя в сад, я увидел, что за мною по пятам следуют какие-то люди, не отступая от меня ни на шаг.

Это были палачи султана, готовые каждую минуту наброситься на меня и отрубить мою бедную голову.

В отчаянии я взглянул на часы. Без пяти четыре! Неужели мне осталось жить всего только пять минут! О, это слишком ужасно! Я позвал своего слугу — того самого, который слышал, как растёт в поле трава, — и спросил его, не слышит ли он топота ног моего скорохода. Он приложил ухо к земле и сообщил мне, к моему великому горю, что бездельник скороход заснул!

— Заснул?!

— Да, заснул. Я слышу, как он храпит далеко-далеко.

У меня ноги подкосились от ужаса. Ещё минута — и я погибну бесславною смертью.

Я кликнул другого слугу, того самого, который целился в воробья, и он тотчас же взобрался на самую высокую башню и, приподнявшись на цыпочки, стал вглядываться вдаль.

— Ну что, видишь ли ты негодяя? — спросил я, задыхаясь от злобы.

— Вижу, вижу! Он развалился на лужайке под дубом недалеко от Пекина и храпит. А рядом с ним бутылка... Но погоди, я тебя разбужу!

Он выстрелил в вершину того дуба, под которым спал скороход.

Жёлуди, листья и ветви посыпались на спящего и разбудили его.

Скороход вскочил, протёр глаза и бросился бежать как угорелый.

До четырёх часов оставалось всего полминуты, когда он влетел во дворец с бутылкой китайского вина.

Можете себе представить, как велика была моя радость! Отведав вина, султан пришёл в восторг и воскликнул:

— Милый Мюнхаузен! Разрешите мне спрятать эту бутылочку подальше от вас. Я хочу распить её один. Я и не думал, что на свете бывает такое сладкое и вкусное вино.

Он запер бутылку в шкаф, а ключи от шкафа положил себе в карман и приказал немедленно позвать казначея.

— Я разрешаю моему другу Мюнхаузену взять из моих кладовых столько золота, сколько может унести за один раз один человек, — сказал султан.

Казначей низко поклонился султану и повёл меня в подземелья дворца, доверху набитые сокровищами.

Я позвал своего силача. Он взвалил себе на плечи всё золото, какое было в кладовых у султана, и мы побежали к морю. Там я нанял огромный корабль и доверху нагррузил его золотом.

Подняв паруса, мы поспешили выйти в открытое море, пока султан не опомнился и не отнял у меня своих сокровищ.

ПОГОНЯ

Но случилось то, чего я так боялся.

Едва мы отъехали от берега, казначей побежал к своему повелителю и сказал ему, что я дочиста ограбил его кладовые. Султан пришёл в ярость и послал за мной вдогонку весь свой военный флот.

Увидав множество боевых кораблей, я, признаться не на шутку струсил.

«Ну, Мюнхаузен, — сказал я себе, — пришёл твой последний час. Теперь уж тебе не будет спасения. Вся твоя хитрость не поможет тебе».

Я почувствовал, что моя голова, только что укрепившаяся у меня на плечах, снова как бы отделяется от туловища.

Вдруг ко мне подошёл мой слуга, тот, у которого были могучие ноздри.

— Не бойтесь, они нас не догонят! — сказал он со смехом, побежал на корму и, направив одну ноздрию против турецкого флота, а другую против наших парусов, поднял такой ужасный ветер, что весь турецкий флот в одну минуту отлетел от нас обратно в гавань.

А наш корабль, подгоняемый моим могучим слугою, быстро помчался вперёд и через день добрался до Италии.

МЕТКИЙ ВЫСТРЕЛ

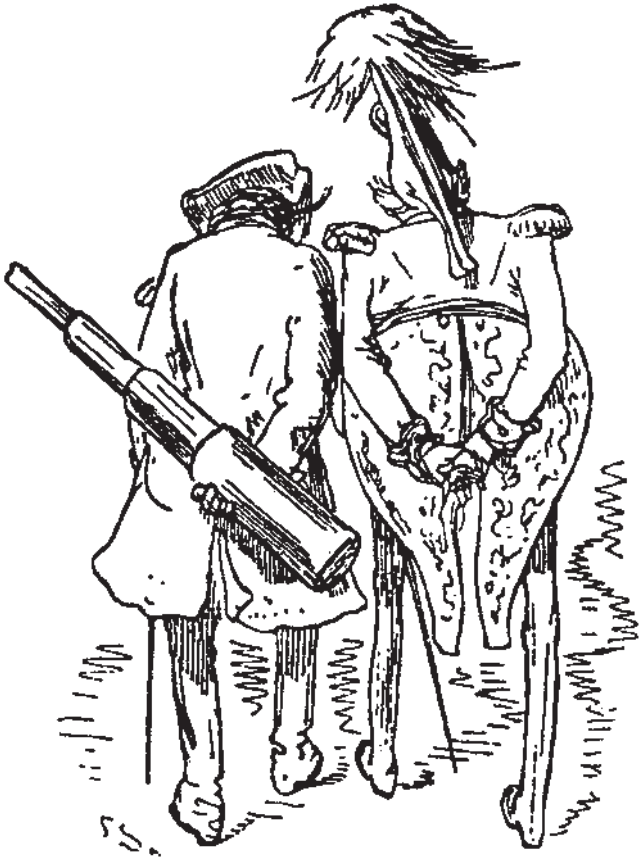
В Италии я зажил богачом, но спокойная, мирная жизнь была не по мне.

Я жаждал новых приключений и подвигов.

Поэтому я очень обрадовался, когда услышал, что недалеко от Италии разразилась новая война, англичане воевали с испанцами.

Ни минуты не медля, вскочил я на коня и помчался на поле сражения.

Испанцы осаждали тогда английскую крепость Гибралтар, я тотчас же пробрался к осаждённому.

Генерал, командовавший крепостью, был мой хороший приятель. Он принял меня с распростёртыми объятиями и стал показывать мне воздвигнутые им укрепления, так как он знал, что я могу дать ему дельный и полезный совет.

Стоя на стене Гибралтара, я увидел сквозь подзорную трубу, что испанцы направляют дуло своей пушки как раз в то место, где стояли мы оба.

Ни минуты не медля, я приказал, чтобы на это самое место была поставлена огромная пушка.

— Зачем? — спросил генерал.

— Вот увидишь! — ответил я.

Чуть только пушку подкатили ко мне, я направил её дуло прямо в дуло неприятельской пушки, и, когда испанский пушкарь поднёс к своей пушке фитиль, я громкоскомандовал:

— Пли!

Обе пушки грянули в один и тот же миг.

Случилось то, чего я ожидал: в намеченной мною точке два ядра — наше и неприятельское — столкнулись с ужасающей силой, и неприятельское ядро полетело назад.

Представьте себе: оно полетело назад к испанцам.

Оно оторвало голову испанскому пушкарю и шестнадцати испанским солдатам.

Оно сбilo мачты у трёх кораблей, стоявших в испанской гавани, и понеслось прямо в Африку.

Пролетев ещё двести четырнадцать миль, оно упало на крышу убогой крестьянской лачуги, где жила какая-то старуха. Старуха лежала на спине и спала, а рот у неё был открыт. Ядро продырявило крышу, угодило спящей прямо в рот, выбило у неё последние зубы и застряло в горле — ни туда ни сюда!

В лачугу вбежал её муж, человек горячий и находчивый.

Он засунул руку ей в горло и попытался вытащить оттуда ядро, но оно не сдвинулось с места.

Тогда он поднёс к её носу хорошую понюшку табаку; она чихнула, да так хорошо, что ядро вылетело из окошка на улицу!

Вот сколько бед причинило испанцам их собственное ядро, которое я послал к ним обратно.

Наше ядро тоже не доставило им удовольствия: оно попало в их военный корабль и пустило его ко дну, а на корабле было двести испанских матросов!

Так что англичане выиграли эту войну главным образом благодаря моей находчивости.

— Спасибо тебе, милый Мюнхаузен, — сказал мне мой друг генерал, крепко пожимая мне руки. — Если бы не ты, мы пропали бы. Нашей блестящей победой мы обязаны только тебе.

— Пустяки, пустяки! — сказал я. — Я всегда готов служить своим приятелям.

В благодарность за мою услугу английский генерал хотел произвести меня в полковники, но я, как человек очень скромный, отклонил столь высокую честь.

ОДИН ПРОТИВ ТЫСЯЧИ

Я так и заявил генералу:

— Не нужно мне ни орденов, ни чинов! Я помогаю вам по дружбе, бескорыстно. Просто потому, что я очень люблю англичан.

— Спасибо тебе, дружище Мюнхаузен! — сказал генерал, ещё раз пожимая мне руки. — Помогай нам, пожалуйста, и дальше.

— С большим удовольствием, — ответил я и похлопал старика по плечу. — Я рад служить британскому народу.

Вскоре мне представился случай снова помочь моим друзьям англичанам.

Я переоделся испанским священником и, когда наступила ночь, прокрался в неприятельский лагерь.

Испанцы спали непробудным сном, и никто не увидел меня. Я тихонько принялся за работу: пошёл туда, где стояли их страшные пушки, и быстро-быстро стал бросать эти пушки в море — одну за другой — подальше от берега.

Это оказалось не очень легко, потому что всех пушек было больше трёхсот.

Покончив с пушками, я вытащил деревянные тачки, дрожки, повозки, телеги, какие только были в этом лагере, свалил их в одну кучу и поджёг.

Они вспыхнули, как порох. Начался ужасный пожар.

Испанцы проснулись и в отчаянии стали бегать по лагерю.

Они вообразили с перепугу, что ночью в их лагере побывало семь или восемь английских полков.

Они не могли себе представить, чтобы этот разгром мог произвести один человек.

Испанский главнокомандующий в ужасе пустился бежать и, не останавливаясь, бежал две недели, пока не добежал до Мадрида.

Всё его войско пустилось за ним, не смея даже оглянуться назад.

Таким образом, благодаря моей храбрости англичане окончательно сломили врага.

— Что делали бы мы без Мюнхаузена? — говорили они и, пожимая мне руки, называли меня спасителем английской армии.

Англичане были так благодарны мне за оказанную помощь, что пригласили меня в Лондон погостить.

Я охотно поселился в Англии, не предвидя, какие приключения ожидают меня в этой стране.

ЧЕЛОВЕК-ЯДРО

А приключения были ужасные.

Гуляя как-то по окрестностям Лондона, я очень устал, и мне захотелось прилечь отдохнуть.

День был летний, солнце жгло немилосердно; я мечтал о прохладном местечке где-нибудь под развесистым деревом. Но дерева поблизости не было, и вот в поисках прохлады я забрался в жерло старой пушки и немедленно заснул крепким сном.

А нужно вам сказать, что как раз в этот день англичане праздновали мою победу над испанской армией и на радостях палили из всех пушек.

К пушке, в которой я спал, подошёл пушкарь и выстрелил.

Я вылетел из пушки, как хорошее ядро, и, перелетев на другой берег реки, угодил во двор какого-то крестьянина. К счастью, во дворе было сложено мягкое сено. Я воткнулся в него головой — в самую середину большого стога. Это спасло мне жизнь, но, конечно, я лишился сознания.

Так, без сознания, пролежал я три месяца.

Осенью сено вздорожало, и хозяин захотел продать его. Рабочие окружили мой стог и принялись ворошить его вилами. От их громких голосов я очнулся. Кое-как выкарабкавшись на вершину стога, я покатился вниз и, упав хозяину прямо на голову, нечаянно сломал ему шею, отчего он сразу скончался.

Впрочем, никто особенно не плакал о нём. Он был бесовестный скряга и не платил своим работникам денег. К тому же он был жадный торгаш: продавал своё сено только тогда, когда оно сильно поднималось в цене.

СРЕДИ БЕЛЫХ МЕДВЕДЕЙ

Мои друзья были счастливы, что я оказался в живых.

Вообще у меня было много друзей, и все они нежно любили меня. Можете себе представить, как они обрадовались, когда узнали, что я не убит. Они давно считали меня мёртвым.

Особенно радовался знаменитый путешественник Фиппс, который как раз в это время собирался совершить экспедицию к Северному полюсу.

— Милый Мюнхаузен, я в восторге, что могу вас обнять! — воскликнул Фиппс, едва я показался на пороге его кабинета. — Вы должны немедленно ехать со мною в качестве моего ближайшего друга! Я знаю, что без ваших мудрых советов мне не будет удачи!

Я, конечно, тотчас согласился, и через месяц мы уже были неподалёку от полюса.

Однажды, стоя на палубе, я заметил вдали высокую ледяную гору, на которой барахтались два белых медведя.

Я схватил ружьё и прыгнул с корабля прямо на плывущую льдину.

Трудно было мне карабкаться по гладким, как зеркало, ледяным утёсам и скалам, ежеминутно скатываясь вниз и рискуя провалиться в бездонную пропасть, но, несмотря на препятствия, я добрался до вершины горы и подошёл почти вплотную к медведям.

И вдруг со мною случилось несчастье: собираясь выстрелить, я поскользнулся на льду и упал, причём стукнулся головой об лёд и в ту же минуту лишился сознания.

Когда через полчаса сознание вернулось ко мне, я чуть не вскрикнул от ужаса: огромный белый медведь подмял меня под себя и, разинув пасть, готовился поужинать мною.

Ружьё моё лежало далеко на снегу.

Впрочем, ружьё было тут бесполезно, так как медведь всей своей тяжестью навалился мне на спину и не давал шевельнуться.

С большим трудом я вытащил из кармана мой маленький перочинный ножик и, недолго думая, отрезал медведю три пальца на задней ноге.

Он заревел от боли и на минуту выпустил меня из своих страшных объятий.

Воспользовавшись этим, я со своей обычной храбростью подбежал к ружью и выстрелил в лютого зверя. Зверь так и рухнул в снег.

Но этим не кончились мои злоключения: выстрел разбудил несколько тысяч медведей, которые спали на льду недалеко от меня.

Вы только представьте себе: несколько тысяч медведей! Они всей оравой направились прямо ко мне. Что мне было делать? Ещё минута — и я буду растерзан свирепыми хищниками. И вдруг меня осенила блестящая мысль. Я схватил нож, подбежал к убитому медведю, содрал с него шкуру и напялил её на себя. Да, я напялил на себя шкуру медведя! Мед-

веди обступили меня. Я был уверен, что они вытащат меня из шкуры и разорвут на клочки. Но они обнюхивали меня и, приняв за медведя, мирно отходили один за другим.

Скоро я научился рычать по-медвежьи и сосал свою лапу, совсем как медведь.

Звери отнеслись ко мне очень доверчиво, и я решил воспользоваться этим.

Один доктор рассказывал мне, что рана, нанесённая в затылок, причиняет мгновенную смерть. Я подошёл к ближайшему медведю и вонзил ему свой нож прямо в затылок. Я не сомневался, что, если зверь уцелеет, он немедленно растерзает меня. К счастью, мой опыт удался. Медведь пал мёртвым, не успев даже вскрикнуть.

Тогда я решил тем же способом разделаться и с остальными медведями. Это мне удалось без большого труда. Хотя они видели, как падали их товарищи, но так как они принимали меня за медведя, то и не могли догадаться, что их убиваю я.

В какой-нибудь час я уложил несколько тысяч медведей.

Совершив этот подвиг, я вернулся на корабль к моему приятелю Фиппсу и рассказал ему всё.

Он предоставил мне сотню самых дюжих матросов, и я повёл их на льдину. Они содрали шкуры с убитых медведей и перетасили медвежьи окорока на корабль.

Окороков было так много, что корабль не мог двинуться дальше. Нам пришлось вернуться домой, хотя мы не доехали до места своего назначения.

Вот почему капитан Фиппс так и не открыл Северного полюса.

Впрочем, мы не жалели об этом, потому что медвежье мясо, привезённое нами, оказалось удивительно вкусным.

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЛУНУ

Вернувшись в Англию, я дал себе слово никогда больше не предпринимать никаких путешествий, но не прошло и недели, как мне понадобилось снова отправиться в путь.

Дело в том, что один мой родственник, человек немолодой и богатый, вбил себе почему-то в голову, будто на свете существует страна, в которой живут великаны.

Он просил меня непременно отыскать для него эту страну и в награду обещал оставить мне большое наследство. Уж очень хотел посмотреть великанов!

Я согласился, снарядил корабль, и мы отправились в Южный океан.

По пути мы не встретили ничего удивительного, кроме нескольких летающих женщин, которые порхали по воздуху, как мотыльки. Погода была превосходная.

Но на восемнадцатый день поднялась ужасная буря.

Ветер был такой сильный, что вскинул наш корабль над водой и понёс его, как пушинку, по воздуху. Всё выше, и выше, и выше! Шесть недель носились мы над самыми высокими тучами. Наконец увидели круглый сверкающий остров.

Это, конечно, была Луна.

Мы нашли удобную гавань и вышли на лунный берег. Внизу, далеко-далеко, мы увидели другую планету — с городами, лесами, горами, морями и реками. Мы догадались, что это — покинутая нами Земля.

На Луне нас окружили какие-то огромные чудовища, сидевшие верхом на трёхголовых орлах. Эти птицы заменяют жителям Луны лошадей.

Как раз в то время лунный царь вёл войну с императором Солнца. Он тотчас же предложил мне стать во главе его армии и повести её в бой, но я, конечно, наотрез отказался.

На Луне всё гораздо больше, чем у нас на Земле.

Мухи там величиною с овец, каждое яблоко не меньше арбуза.

Вместо оружия жители Луны употребляют редьку. Она заменяет им копья, а когда нет редьки, они сражаются голубиными яйцами. Вместо щитов они употребляют грибы-мухоморы.

Видел я там нескольких жителей одной далёкой звезды. Они приезжали на Луну для торговли. Их лица были похо-

жи на собачьи морды, а их глаза находились или на кончике носа, или внизу под ноздрями. У них не было ни век, ни ресниц, и, ложась спать, они закрывали глаза языком.

Тратить время на еду лунным жителям никогда не приходится. В левой стороне живота есть у них особая дверца: они открывают её и кладут туда пищу. Потом закрывают дверцу до другого обеда, который у них бывает раз в месяц. Они обедают всего двенадцать раз в году!

Это очень удобно, но вряд ли земные обжоры и лакомки согласились бы обедать так редко.

Лунные жители вырастают прямо на деревьях. Эти деревья очень красивые, у них ярко-пунцовые ветви. На ветвях растут огромные орехи с необыкновенно крепкой скорлупой.

Когда орехи созреют, их осторожно снимают с деревьев и кладут на хранение в погреб.

Чуть только царю Луны понадобятся новые люди, он приказывает бросить эти орехи в кипящую воду. Через час орехи лопаются, и из них выскакивают совсем готовые лунные люди. Этим людям не приходится учиться. Они сразу рождаются взрослыми и уже знают своё ремесло. Из одного ореха выскакивает трубочист, из другого — шарманщик, из третьего — мороженщик, из четвёртого — солдат, из пятого — повар, из шестого — портной.

И каждый немедленно принимается за своё дело. Трубочист взбирается на крышу, шарманщик начинает играть, мороженщик кричит: «Горячее мороженое!» (потому что на Луне лёд горячее огня), повар бежит на кухню, а солдат стреляет в неприятеля.

Состарившись, лунные люди не умирают, но тают в воздухе, как дым или пар.

На каждой руке у них один-единственный палец, но работают они им так же ловко, как мы пятернёй.

Голову свою они носят под мышкой и, отправляясь в путешествие, оставляют её дома, чтобы она не испортилась в дороге.

Они могут совещаться со своей головой, даже когда находятся далеко от неё! Это очень удобно.

Если царь пожелает узнать, что думает о нём его народ, он остаётся дома и лежит на диване, а его голова незаметно пробирается в чужие дома и подслушивает все разговоры.

Виноград на Луне ничем не отличается от нашего.

Для меня нет никакого сомнения, что град, который падает порою на землю, есть этот самый лунный виноград, сорванный бурей на лунных полях.

Если вы хотите попробовать лунного вина, соберите несколько градин и дайте им хорошенько растаять.

Лунным жителям живот служит вместо чемодана. Они могут закрывать и открывать его, когда им вздумается, и класть в него всё, что угодно. У них нет ни желудка, ни печени, ни сердца, так что внутри они совсем пустые.

Глаза свои они могут вынимать и вставлять. Держа глаз, они видят им так хорошо, как будто он у них в голове. Если глаз испортится или потеряется, они идут на базар и покупают себе новый. Поэтому на Луне очень много людей, которые торгуют глазами. Там то и дело читаешь на вывесках: «Дёшево продаются глаза. Большой выбор оранжевых, красных, лиловых и синих».

Каждый год у лунных жителей новая мода на цвет глаз.

В тот год, когда я был на Луне, в моде считались зелёные и жёлтые глаза.

Но почему вы смеётесь? Неужели вы думаете, что я говорю вам неправду? Нет, каждое моё слово есть чистейшая истина, а если вы не верите мне, отправляйтесь сами на Луну. Там вы увидите, что я ничего не выдумываю и рассказываю вам одну только правду.

СЫРНЫЙ ОСТРОВ

Не моя вина, если со мною случаются такие диковины, которых ещё не случалось ни с кем.

Это потому, что я люблю путешествовать и вечно ищу приключений, а вы сидите дома и ничего не видите, кроме четырёх стен своей комнаты.

Однажды, например, я отправился в дальнее плавание на большом голландском корабле. Вдруг в открытом океане на нас налетел ураган, который в одно мгновение сорвал у нас все паруса и поломал все мачты.

Одна мачта упала на компас и разбила его вдребезги.

Всем известно, как трудно управлять кораблём без компаса. Мы сбились с пути и не знали, куда мы плывём.

Три месяца нас бросало по волнам океана из стороны в сторону, а потом унесло неизвестно куда, и вот в одно прекрасное утро мы заметили необыкновенную перемену во всём. Море из зелёного сделалось белым. Ветерок доносил какой-то нежный, ласкающий запах. Нам стало очень приятно и весело.

Вскоре мы увидели пристань и через час вошли в просторную глубокую гавань. Вместо воды в ней было молоко!

Мы поспешили высадиться на берег и стали жадно пить из молочного моря.

Между нами был один матрос, который не выносил запаха сыра. Когда ему показывали сыр, его начинало тошнить. И вот, едва мы высадились на берег, как ему сделалось дурно.

— Уберите у меня из-под ног этот сыр! — кричал он. — Я не хочу, я не могу ходить по сыру!

Я нагнулся к земле и всё понял.

Остров, к которому пристал наш корабль, был сделан из отличного голландского сыра!

Да, да, не смейтесь, я рассказываю вам истинную правду: вместо глины у нас под ногами был сыр.

Мудрено ли, что жители этого острова питались почти исключительно сыром! Но сыра этого не становилось меньше, так как за ночь его вырастало ровно столько, сколько было съедено в течение дня.

Весь остров был покрыт виноградниками, но виноград там особенный: сожмёшь его в кулаке — из него вместо сока течёт молоко.

Жители острова — высокие, красивые люди. У каждого

из них по три ноги. Благодаря трём ногам они свободно могут держаться на поверхности молочного моря.

Хлеб здесь растёт печёный, прямо в готовом виде, так что жителям этого острова не приходится ни сеять, ни пахать. Я видел много деревьев, увешанных сладкими медовыми пряниками.

Во время наших прогулок по Сырному острову мы открыли семь рек, текущих молоком, и две реки, текущие густым и вкусным пивом.

Признаюсь, эти пивные реки понравились мне больше молочных.

Вообще, гуляя по острову, мы видели много чудес.

Особенно поразили нас птичьи гнёзда. Они были невероятно огромны. Одно орлиное гнездо, например, было выше самого высокого дома. Оно было всё сплетено из испанских дубовых стволов. В нём мы нашли пять сотен яиц, каждое яйцо величиной с хорошую бочку.

Мы разбили одно яйцо, и из него вылез птенец, раз в двадцать больше взрослого орла.

Птенец запищал. К нему на помощь прилетела орлица. Она схватила нашего капитана, подняла его до ближайшего облака и оттуда швырнула в море.

К счастью, он был отличный пловец и через несколько часов добрался до Сырного острова вплавь.

В одном лесу я был свидетелем казни.

Островитяне повесили на дереве трёх человек вверх ногами. Несчастные стонали и плакали. Я спросил, за что их так жестоко наказывают. Мне ответили, что они — путешественники, которые только что вернулись из дальнего странствия и бессовестно лгут о своих приключениях.

Я похвалил островитян за такую мудрую расправу с обманщиками, потому что я не выношу никакого обмана и всегда рассказываю одну только чистую правду.

Впрочем, вы, должно быть, и сами заметили, что во всех моих рассказах нет ни одного слова лжи. Ложь мне отвратительна, и я счастлив, что все мои близкие всегда считали меня правдивейшим на земле человеком.

Вернувшись на корабль, мы тотчас же подняли якорь и отплыли от чудесного острова.

Все деревья, что росли на берегу, словно по какому-то знаку, дважды поклонились нам в пояс и снова выпрямились, как ни в чём не бывало.

Растроганный их необыкновенной любезностью, я снял шляпу и послал им прощальный привет.

Удивительно вежливые деревья, не правда ли?

КОРАБЛИ, ПРОГЛОЧЕННЫЕ РЫБОЙ

У нас не было компаса, и поэтому мы долго блуждали по незнакомым морям.

Наш корабль то и дело окружали страшные акулы, киты и другие морские чудовища.

Наконец мы наткнулись на рыбу, которая была так велика, что, стоя возле её головы, мы не могли увидеть её хвоста.

Когда рыба захотела пить, она распахнула пасть, и вода рекой потекла в её глотку, таща за собой наш корабль. Можете себе представить, какую мы испытали тревогу! Даже я, уж на что храбрец, а и то задрожал от страха.

Но в животе у рыбы оказалось тихо, как в гавани. Весь рыбий живот был набит кораблями, давно уже проглоченными жадным чудовищем. О, если бы вы знали, как там темно! Ведь мы не видели ни солнца, ни звёзд, ни луны.

Рыба пила воду дважды в день, и всякий раз, когда вода вливалась в её глотку, наш корабль вздымался на высоких волнах. В остальное время в животе было сухо.

Дождавшись, когда вода схлынула, мы с капитаном сошли с корабля погулять. Тут мы встретили моряков всего мира: шведов, англичан, португальцев... В рыбьем животе их было десять тысяч. Многие из них жили там уже несколько лет. Я предложил собраться вместе и обсудить план освобождения из этой душной тюрьмы.

Меня выбрали председателем, но как раз в ту минуту,

когда я открыл собрание, проклятая рыба начала снова пить, и мы все разбежались по своим кораблям.

На другой день мы снова собрались, и я внёс такое предложение: связать две самые высокие мачты и, как только рыба откроет рот, поставить их торчком, чтобы она не могла сдвинуть челюсти. Тогда она так и останется с разинутой пастью, и мы свободно выплывем наружу.

Моё предложение было принято единогласно.

Двести самых дюжих матросов установили во рту у чудовища две высочайшие мачты, и оно не смогло закрыть рот. Корабли весело выплыли из брюха в открытое море. Оказалось, что в брюхе этой громадины было семьдесят пять кораблей. Можете себе представить, какой величины было туловище!

Мачты мы, конечно, так и оставили в разинутой пасти рыбы, чтобы она больше никого не могла проглотить.

Освободившись из плена, мы, естественно, желали знать, где мы находимся. Оказалось — в Каспийском море. Это очень удивило нас всех, потому что Каспийское море закрытое: оно не соединяется ни с какими другими морями.

Но трёхногий учёный, которого я захватил на Сырном острове, объяснил мне, что рыба попала в Каспийское море через какой-нибудь подземный канал.

Мы направились к берегу, и я поспешил на сушу, заявив своим спутникам, что больше никогда и никуда не поеду, что с меня довольно и тех передряг, которые я испытал в эти годы, а теперь я хочу отдохнуть.

Мои приключения порядком утомили меня, и я решил зажить спокойной жизнью.

СХВАТКА С МЕДВЕДЕМ

Но, как только я вылез из лодки, на меня набросился огромный медведь.

Это был чудовищный зверь необыкновенных размеров.

Он растерзал бы меня в одно мгновение, но я схватил его за передние лапы и так сильно сжал их, что медведь заревел от боли.

Я знал, что, если я отпущу его, он немедленно растерзает меня, и потому держал его лапы три дня и три ночи, пока он не умер от голода. Да, он умер от голода, так как медведи утоляют свой голод лишь тем, что сосут свои лапы. А этот медведь никак не мог пососать своих лап и потому погиб голодной смертью.

С тех пор ни один медведь не решается напасть на меня.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Собачье царство

Одолеем Бармалея

Сказки разных народов

Детские народные песенки

СОБАЧЬЕ ЦАРСТВО

Шура и Юра были злые мальчишки. Жил у них пёс Полкан. Они мучили и дразнили его. Привяжут к хвосту бумажку, подожгут её спичкой, хвост у него загорится, ему больно, он плачет, визжит, а они смотрят на него, и смеются над ним, и бросают в него снежками, и обливают его холодной водой. Такие нехорошие злые мальчишки! А то запрягут его в санки, усядутся на санках вдвоём и требуют, чтобы он возил их по улице. Ему тяжело, он устал, еле дышит, вот-вот упадёт, а они погоняют его и хлещут его длинным кнутом.

Трудно жилось Полкану! Но он был терпеливый и добрый и прощал этих жестоких мальчишек. А они с каждым днём становились всё злее и злее.

И вот наконец он не выдержал. Как-то утром, когда дети отправились в школу, он выбежал из своей будки и бегом-бегом — по полям, по лесам, по горам — до самого Собачьего царства!

В Собачьем царстве ни одного человека: там живут собаки, собаки, собаки, даже кошки там нет ни одной: всё мопсы, бульдоги, таксы, болонки, овчарки, и много простых дворняг. Собаки гуляют под зонтиками, собаки толпятся в кино, собаки читают газеты, собаки продают, собаки покупают...

И везде: на улицах, в трамваях, в автобусах, в магазинах, в квартирах только и слышно: гав, гав, гав, гав...

Посредине Собачьего царства — огромная золоченая будка. В ней живет царь всех собак знаменитый Уляляй Восемнадцатый. Он в золотом ошейнике, и на голове у него золотая корона.

Рассказал Полкан собачьему царю Уляляю, как мучили его Шура и Юра, как бросали в него снежками, как обливали его на морозе холодной водой. Царь выслушал его и сказал:

— Ты, Полкан, оставайся здесь, отдохнёшь, погуляешь, а этих негодных мальчишек завтра же доставить ко мне!

Тут все собаки зарычали, завыли, залаяли и позвали кудлатую дворнягу Барбоску:

— Ступай и приведи поскорее к царю этих злых и жестоких мальчишек!

И кудлатая дворняга Барбоска замахала кудлатым хвостом и тотчас же пустилась к тому дому, где живут Шура и Юра.

Они ещё не вернулись из школы.

Барбоска встала у крылечка и ждёт. Вот они идут, вот пришли, и как увидели Барбоску, захлопали в ладоши от радости:

— Какая здоровенная собака! Дай-ка мы запряжём её в большую тележку, и она повезёт нас по полям, по лесам, по горам. А мы будем бить её кнутом и покрикивать.

И вот они сели в тележку вдвоём, и погоняют Барбоску кнутом. А Барбоска того и ждала, полетела она, как стрела.

Ах, как весело ехать так быстро! Но куда она везёт их? Дорога незнакомая, страшная. Дремучие леса и высокие горы!

— Эй, собака, куда ты везёшь нас?

А собака как будто не слышит. Всё бежит и бежит вперёд!

— Тпру! — закричали они. — Эй, ты, собака, стой!

Но собака как будто не слышит: бежит и бежит вперёд.

Мальчики испугались, заплакали и стали кричать:

— Спасите! Помогите! Эта собака — бешеная! Остановите её.

Но кругом — никого! А собака бежит и бежит.

— Слушай, собака! — взмолились они. — Мы дадим тебе хлеба и мяса! Отпусти нас домой, ну пожалуйста!

Но Барбоска и слушать не хочет: несётся вперёд и

вперёд, и вот наконец они прибыли в город Кусилай, столицу Собачьего царства.

Тотчас же подбежали к ним какие-то страшные чёрные псы.

— Кто вы такие? — спросил у них Шура.

— Куда мы попали? — спросил у них Юра.

— Это столица Собачьего царства, — ответили чёрные псы, — а мы — городские стражники. Мы вас давно поджидаем. Вас велено доставить к царю.

Испугались Шура и Юра, руки-ноги задрожали у них, и они заплакали опять:

— Отпустите нас, пожалуйста, домой!

Но тут подбежали бульдоги, запряжённые в красивый экипаж. Мальчиков усадили туда, и бульдоги примчали их к золочёной будке царя Уляляя.

Уляляй вышел из будки такой злой и сердитый, что мальчики думали: он разорвёт их в клочки.

Чёрные стражники поклонились царю и сказали:

— Вот, ваше собачье величество, это те самые злодеи-мальчишки, которых вы приказали представить пред ваши светлые очи.

— Р-р-р-р! — ответил царь Уляляй и оскалил свои острые зубы.

«Сейчас он разорвет нас на части!» — подумали в ужасе Шура и Юра.

— Отпустите нас домой! — закричали они. — Мы будем хорошие, добрые и не станем никого обижать.

— Я вам не верю! — сказал Уляляй. — Вы глупые и злые грубияны, и вам весело мучить собак. Оставайтесь же у нас в Собачьем царстве, покуда не станете добрей и умней!

И вот набросились чёрные огромные псы на Шуру и Юру, схватили их зубами и потащили куда-то. Долго волокли они мальчиков по каменистой дороге и наконец впихнули в какую-то будку. То была собачья конура. Мальчики пытались убежать, но псы надели на них тугие ошейники и посадили их на железную цепь. Цепь была очень короткая, и вспомнили Шура и Юра, что и у Полкана там, дома, на родине, тоже была короткая цепь.

Ни на шаг от будки они не могли отойти. Они упали на грязную солому и заплакали. Долго не могли они заснуть, но когда, наконец, заснули, — им приснилось шоколадное мороженое. Как будто они обедают с папой и мамой, и к обеду у них сладкий компот и мороженое. Но когда они проснулись, они нашли у себя на соломе только вонючие, гнилые объедки, кости какой-то рыбы, яичную скорлупу и твёрдую, как камень, корку хлеба.

Им так сильно хотелось есть, что они жадно набросились на чёрствую корку. Но тут прибежали два пса и отняли у них эту корку. Так и они когда-то отнимали еду у Полкана.

Долго они плакали от обиды и голода, но вот прибежала Барбоска, спустила их с цепи, запрягла их в тележку, усе-лась в неё и давай погонять их кнутом. Мальчики побежали. Сначала было как будто легко, но с каждым шагом становилось всё труднее. Тележка тяжёлая, Барбоска тяжёлая, уздечка царапает губы — упали мальчики на землю и плачут: они выбились из сил, ослабели и дальше уже не могут бежать.

А Барбоска хлещет их кнутом:

— Н-но, лодыри! Вставайте! Бегите! Я вам покажу, как бездельничать!

Заплакали бедные пленники, а кругом столпились десятки собак: мопсы, бульдоги, сенбернары, таксы, пудели, овчарки, дворняги, лягавые, борзые и гончие. Важная болонка Жужу посмотрела на них и сказала:

— Так им и нужно, негодным мальчишкам! Не дальше, как этой зимою, когда я жила у них в городе, они окатили меня холодной водой. У меня потом три дня был отчаянный насморк. Три дня я чихала и кашляла.

Тут все собаки грозно сказали «Р-р-р!» — и оскалили страшные острые зубы.

Вот-вот разорвут они Шуру и Юру в клочки!

Те поклонились Барбоске и очень вежливо попросили её:

— Пожалуйста, отведи нас к царю! Мы хотим ему что-то сказать...

Барбоска повела их к царю.

— Чего вы хотите? — зарычал на них Уляляй Восемнадцатый.

— Мы хотим быть хорошими, — сказали мальчики.

— А если хотите, тем лучше! Кто же вам мешает?

— Отпустите нас, пожалуйста, домой! Там мы сразу же станем хорошими.

— Позвать сюда Полкана! — сказал царь Уляляй.

Полкан прибежал, и, не сказав ни слова, взглянул на детей.

— Можешь ты простить этих мальчиков? — спросил Уляляй Восемнадцатый. — Они говорят, что уж больше не будут обижать и дразнить собак.

— С удовольствием, — ответил Полкан и засмеялся от радости. — Я верю, что они станут добрыми, потому что здесь, в нашем царстве, ты дал им хороший урок!

— Ну что ж! — сказал царь. — Ступайте! Видите, какой он добряк, ваш Полкан. Он гораздо добрее вас. И пусть это будет вам наукой: никогда не обижайте и не мучьте животных!

Дети поклонились и вышли. Им позволили сесть в тележку. Они сели и посадили с собою Полкана.

Шура обнял старого пса и сказал:

— Я так рад, что мы едем домой. Никогда уже, милый Полкан, я не буду тебя обижать.

Юра тоже охватил шею Полкана руками.

— Я постелю тебе чистой соломки, — сказал он, — и каждый день буду давать тебе самые вкусные кости!

Тогда подошла к ним Барбоска, впряглась в тележку и повезла их домой. Как они были рады снова увидеть и папу, и маму, и свой город, и свою комнату, и свой огород, и свой сад.

И стали они очень добрые, — не только к собакам, но и к кошкам, и к воробьям, и к утятам. Потому что: а вдруг есть кошачье царство? И утиное? И воробьиное?

И как им сделалось весело: они кормили Полкана, ласкали его, и резвились, и прыгали с ним, и ходили с ним вместе купаться: забросят палку в море, далеко-далеко, а он по-

плывёт вслед за нею, схватит её зубами, и принесёт её к ним, и визжит от радости, и весело виляет хвостом.

Больше уже не придётся посылать их к собачьему царю в город Кусилай, в Собачье царство.

Собачий царь Уляляй Восемнадцатый очень доволен ими.

ОДОЛЕЕМ БАРМАЛЕЯ

От автора

За далёкими морями, у подножия Синей горы, над быстрою рекою Соренгою, есть маленькая страна Айболития. Правит ею доктор Айболит, румяный, седой и добрый. Главные жители этой страны лебеди, зайцы, верблюды, белки, журавли да орлы, да олени.

Рядом с Айболитией — звериное царство Свирепия. Там, среди пустынь и лесов, живут ягуары, шакалы, удавы, носороги и другие кровожадные звери. Царь этой страны — Бармалей. Горе тому, кто заблудится и попадёт в его царство!

Но, к счастью, вдали, на широкой равнине есть могучая страна Чудославия. В этой стране миллионы героев, и среди них — знаменитый боец, доблестный Ваня Васильчиков. Послушайте, как он одолел Бармалея и спас Айболитию от ужасного нашествия диких зверей.

Часть первая

1

Злая-злая, нехорошая змея
Молодого укусила воробья.
(Больно воробышку, больно!)

Захотел он улететь, да не мог,
И заплакал и упал на песок.
(Больно воробышка, больно!)

И пришла к нему беззубая старуха,
Пучеглазая зелёная лягуха.
(Жалко воробышка, жалко!)

За крыло она воробышка взяла
И больного по болоту повела.
(Жалко воробышка, жалко!)

Из окошка высунулся ёж:
«Ты куда его, зелёная, ведёшь?»
«К доктору, миленький, к доктору!»

«Подожди меня, старуха, под кустом,
Мы вдвоём его скорее доведём —
К доктору, к доброму доктору».

2

Но такая кругом темнота,
Что не видно в лесу ни куста.
И они заблудились в пути
И не знают, куда им идти.

Только вдруг прибежал светлячок,
Он чудесный фонарик зажжёт:
«Идите за мною, друзья,
Мне вашего жаль воробья!»

И они побежали бегом
За его голубым огоньком.
И видят: вдали под сосной
Домик стоит расписной,

И там на балконе сидит
Добрый седой Айболит.
Он галке крыло перевязывает
И кролику сказку рассказывает.

3

У входа встречает их
Ласковый слон
И к доктору тихо
Ведёт на балкон.

Но плачет и стонет
Больной воробей,
Он с каждой минутой
Слабей и слабей:
Пришла к нему смерть воробьиная!

И на руки доктор
Больного берёт,
И лечит больного
Всю ночь напролёт.

И лечит, и лечит его до утра.
И вот поглядите — ура! ура! —

Больной вострепнулся,
Крылом шевельнул,
Чирикнул: чик! чик!
И в окно упорхнул.
«Спасибо, мой друг,
Меня вылечил ты!
Вовек не забуду
Твоей доброты!»

4

А там у порога толпятся убогие:
Слепые утята и белки безногие,
Хромой лягушонок с больным животом,
Худой кукушонок с подбитым крылом
И зайцы волками искусанные.

И лечит их доктор весь день до заката,
И вдруг засмеялись лесные зверята:
«Опять мы здоровы и веселы!»

И в лес убежали играть и плясать,
И даже спасибо забыли сказать,
Забыли сказать *до свидания!*

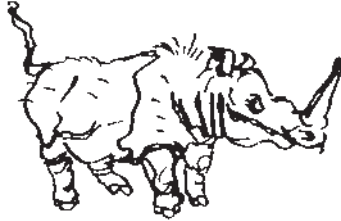
5

А доктор, усталый, свалился на стул,
Зевнул, улыбнулся и сладко уснул.

Но тотчас же кто-то
Стучится в ворота:
«Ах, доктор, скорее
Спаси бегемота!
У бегемота икота!
Только икнёт бегемот,
Бедное наше болото
Так ходуном и пойдёт!
Даже слоны и удавы
Летят, кувыркаясь, в канавы!»

«Нет, не пойду я
Лечить бегемота,
Мне бегемота
Лечить неохота:

Ваш бегемот —
Кровожадный злодей,
Он задушил четырёх лебедей!»

Но тут прибежали
К нему носороги,
Они закричали
Ему на пороге:

«Спасите гориллу,
Горилла больна;
Живую осу
Проглотила она!»

«Ну что ж! Поделом!
Проглотила осу!
Я злую осу
Ни за что не спасу!»

И злая горилла
Пускай себе мучится,
Пока от обжорства
Она не отучится!»

Но тут к Айболиту стучится волчица
«Я тоже хочу у тебя полечиться!»
«А чем ты хвораешь?»
«Да зубы болят.
Я съела сегодня
Двенадцать козлят!»

«Ступай себе, злая!
Лишь добрых лечу я,
Тебя, кровопийцу,
Лечить не хочу я!»

6

Рассердилася волчица:
«С ними нечего возиться —
С индюшатами, с ежами,
Да с козлятами!
Если кто и околеет,
Их никто не пожалеет!»

И сказала бегемотица:
«Ишь нашёл о ком заботиться.
Это всё простой народ,
Не беда, коли помрёт».

И акула Каракула
Рот широко распахнула:
«Ты лечи моих детей,
А воробышков не смей!»

И оскалился шакал,
И зубами застучал:
«Нам не надо докторишек
Для каких-то воробьишек!
Мы сейчас тебя съедим,
Никому не отдадим!»

7

Но смело глядит
На врагов Айболит:

«Ну что же! Я в вашей власти!
Рвите меня на части!
Хватайте меня
И глотайте меня!
Но знайте, злодеи:
Несметная рать
Будет меня защищать!
Она не простит,
Отомстит,
Она за меня постоит!»

А лютые звери всё злее и злей.
Не будет пощады от лютых зверей.
Ужасны их зубы, рога и копыта,
Они растерзают, убьют Айболита.
Бедный седой Айболит!
Кто же его защитит?

Тут в окно к нему влетает
Воробей:

«Ты не бойся, добрый доктор,
Не робей!

Не расстанусь, добрый доктор,
Я с тобой,

За тебя я, добрый доктор,
Выйду в бой.

Ведь сегодня, добрый доктор,
Ты меня от смерти спас!
И за это, добрый доктор,
Я спасу тебя сейчас».

И доктор ответил:
«Спасибо, родной!
Я верю, я знаю:
Победа за мной».

И оскалилась горилла,
И рыча проговорила:
«Мы – свирепые зверюги,
Мы – кровавые злодеи,
Никого мы не жалеем,
Кто добрее и слабее.
Мы зубами, мы когтями,
Мы копытом и клыком
Этих тварей беззащитных
Растерзаем, загрызём».

Часть вторая

1

Война! Война! Со всех сторон
Дом Айболита окружён!
В саду – моржи, а на дороге –
Гиены, тигры, носороги!

«Ну, доктор, выходи-ка в бой!
Теперь сразимся мы с тобой!»

И поставили злодеи
Девятнадцать батарей,
У двадцатой батарее –
Сам разбойник Бармалей.

Он стоит и не шевелится,
В Айболита прямо целится.

Шестьдесят четыре пушки
Он поставил на опушке,
И с акулою вдвоём
Схоронился за ручьём,
И смеётся, и хохочет,
И кривую саблю точит:
«Ну, теперь-то Айболит
От меня не убежит!»

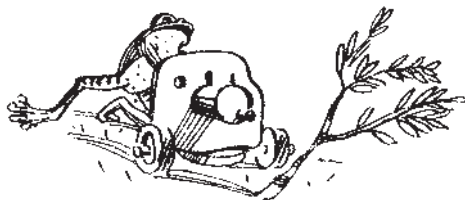
Отвечает добрый доктор:
«Погоди же ты, зверьё!»
И скликает добрый доктор
Войско верное своё:

«Вы, кузнечики-
Разведчики,
Побегите по полям
К тем зелёным тополям
И спросите поскорей
У сорок и снегирей,
Где пехота
Бегемота —
У реки
Иль у болота,
Чтобы наши журавли
Разбомбить её могли.

И поставьте у калитки
Дальнобойные зенитки,
Чтобы наглый диверсант
К нам не высадил десант!

Ты, лягушка-пулеметчик,
Схоронися за кусточек,
Чтоб на вражескую часть
Неожиданно напасть.

Вы, орлицы-партизанки,
Сбейте вражеские танки
И пустите под откос
Бармалеев паровоз!

Ты же, милый воробей,
В поле вылети скорей,
И лети, лети стрелою
За мохнатую пчелою,
Чтоб мохнатая пчела
Бармалея прогнала!»

2

Злобно хохочут
Акулы и волки:
«Нет, Айболит, не спасут тебя пчёлки!
Мы навсегда захватили твой дом
И никогда из него не уйдём!»

Но с жужжанием весёлым
Из окошек и дверей
Налетели пчёлы, пчёлы,
Пчёлы, пчёлы, пчёлы, пчёлы,
Пчёлы, пчёлы, пчёлы, пчёлы,
Пчёлы, пчёлы, пчёлы, пчёлы
На испуганных зверей.

И давай колоть их жалами,
Словно острыми кинжалами.

Укусили бегемота,
И от боли бегемот,
Рот разинув, как ворота,
Так и грохнулся в болото
И белугою ревёт.

А они не унимаются,
Пуще прежнего кусаются.

Испугались носороги,
Побежали по дороге,
И в испуге носорог
Носорогу сел на рог.

А над ними пчёлы тучею,
Так и жалят, так и мучают.

И на веточке весёлый
Распевает воробей:
«Ай да пчёлы!
Вот так пчёлы!
Всех зверей они сильнее
И умнее и храбрей!»

И звенят над ними птенчики,
Словно звонкие бубенчики:
«О, хвала тебе, хвала!
Трудовая,

Боевая,

Беспощадная

Пчела!»

Часть третья

1

Победа! Победа! Но враг не разбит!
Злодей Бармалей за рекою стоит.
Он стоит, Бармалей, и позёвывает,
На цветы луговые поплёвывает,
А слюна у него ядовитая:

Где ни плюнет, там змеи и ящерицы.

Он стоит со своими удавами,
Со своими волками кровавыми.
Вкруг него павианы поганые
На траве развалилися пьяные.
Он стоит над весёлыми сёлами,
Над полями стоит он весёлыми
И бормочет бессмысленным голосом:
«Истребить! Погубить!
Уничтожить! Убить!
Погубить! Разбомбить!
Ни людей,
Ни детей —
Никого не щадить!»

А за ним крокодилы с гориллами,
С кабанами его тупорылыми
Повторяют и ночью, и днём:
«Загрызём! Искалечим! Убьём!»

Долго доктор Айболит
На разбойника глядит:
«Делать нечего! Придётся
С этой гадиной бороться,
А иначе весь народ
От чудовища умрёт, —
Только тигры да волки останутся.

Но тут прилетели четыре дрозда,
 Четыре дрозда из большого гнезда.
 Они закричали: «Беда! Беда!
 Бегите скорее в убежище!»

И сразу во тьме, как четыре гудка,
 Вдали замычали четыре быка:
 «Тревога! Тревога! Тревога!»

Вышел доктор на балкон,
 Тихо в небо глянул он:
 «Да, над нами самолёт,
 В самолёте – бегемот,
 У того у бегемота
 Скорострельный пулемёт.
 Он летает над болотом,
 Реет брющим полетом,
 Чуть пониже тополей,
 И строчит из пулемёта
 В перепуганных детей».

Ой, беда! беда! беда!
 Мчатся дети, кто куда.
 И зайчата бегут
 За ежатами,
 И кричат, и ревут,
 И визжат они.

Он взлетел под небеса,
 Чёрным вороном взвился
 И бросает бомбы, бомбы
 На луга и на леса.
 И вздыхает и грустит
 Добрый доктор Айболит:

«Кто же,
Кто же
Мне поможет?
Кто пирата уничтожит?
Кто взовётся и собьёт
Этот чёрный самолёт?»

«Я!» — чирикнул воробей,
Прыгая среди ветвей:
«Иль погибну я в бою,
Или я его собью!»

3

И помчался воробей
Мимо вражьих батарей:
«Вылетайте же за мною,
Восемнадцать журавлей!»

И взлетели над полями
Журавли за журавлями,
И в атаку понеслись:
«Ну, проклятый, берегись!»

Налетели на зверюгу,
Окружили самолёт,
И захрюкал с перепугу
Ошалелый бегемот.

Над темными равнинами
За ним они летят,
И длинными-предлинными
Носами журавлиными
Долбят его, долбят.

Всего его истыкали,
Истыкали, как пиками,

Истыкали, изранили,
Проткнули, протаранили,
И всё ещё долбят его,
Долбят его, проклятого,
Долбят, долбят, долбят:

«Так вот тебе! Так вот тебе,
Бессовестный пират,
Чтобы не смел расстреливать
Беспомощных ребят!»

И смотрите: закружился,
Завертелся самолёт,
И свалился, и разбился
Стопудовый бегемот.

И доктор с поклоном сказал журавлям:
«Спасибо, спасибо, отважные, вам».

Потом удалому сказал воробью:
«Вовек не забуду я службу твою».

И птицы в ответ: «Мы служить тебе рады,
Скорее бы сгинули лютые гады!»

Часть четвертая

1

Но бой не стихает. И вот поутру
На тихой поляне в сосновом бору
Весёлое слышится радио:

«Мы сегодня взяли в плен
Сто четырнадцать гиен,
Захватили десять дотов,

Восемнадцать самолётов,
Сто один мотоциклет,
Сто один велосипед,

Нам достались трофеи:
Сто четыре батареи,
Триста ящиков гранат,
Полевой аэростат
И сто двадцать миллионов
Нерасстрелянных патронов.

А когда врага мы гнали
До исходных рубежей,
К нам тайком перебежали
Триста семьдесят моржей:
«Не хотим служить бандиту,
А послужим Айболиту!»

Отступая, враг поджёт
Лебединый городок,
Но орлицы без усилий
Всё крылами погасили,
А у города Эн-Эн
Мы гориллу взяли в плен
И спасли пятьсот тюленей
Из разрушенных селений.

Правда, враг еще силён,
Так и прёт со всех сторон.
У него на левом фланге —
Лютые орангутанги,
А на правом — сто полков
Бешеных волков.

Но уже близка победа
Над ордою людоеда.
Скоро, скоро будет он
Побеждён и сокрушён
Окончательно!»

Но тих и печален седой Айболит.
Он, тяжело вздыхая, на камне сидит
И звонкое слушает радио.

И думает он о великих бойцах,
О их благородных и смелых сердцах,
Погибших за вольную родину.

Но вдруг прилетели к нему журавли:
«Мы светлую радость тебе принесли!»
(Слушайте! Слушайте! Слушайте!)

Чудесная есть на востоке страна,
Державою славы зовётся она.
(Слушайте! Слушайте! Слушайте!)

Свободна она, и сильна, и горда,
Врагу не сдаётся она никогда.
(Слушайте! Слушайте! Слушайте!)

И витязей много могучих у ней,
Но всех благородней, сильнее и храбрей
Доблестный Ваня Васильчиков.

Он шлёт тебе, доктор, сердечный привет
И так говорит: «Если злой людоед
Ворвётся в твою Айболитию, —

Он мигом на помощь к тебе прилетит
И недруга лютого он сокрушит
Со всем его бешеным полчищем!»

И рад Айболит,
И ликует народ:
«Теперь-то разбойник от нас не уйдет!
Да здравствует Ваня Васильчиков!»

Часть пятая

Весь вечер толпятся на тихой поляне
Слоны и медведи, тюлени и лани,
И белки, и зайцы, и лебеди.

А доктор в раздумьи
Сидит за столом
С отважным оленем
И мудрым орлом,
И план обсуждает большого сраженья,
Чтоб завтра врагу нанести поражение.

Сидит и не знает,
Что тайной тропой
Сюда пробралась
Из чащи лесной
Коварная злая лисица.

Что к самому дому,
Подкралась она,
Что встала злодейка
Во тьме у окна
И в тёмной крапиве таится.

Сюда подослал ее сам Бармалей,
Но доктор не знает,
Не знает о ней,
И речи ведёт откровенные
Про все свои тайны военные:

«Я завтра, друзья,
В наступленье пойду:
Хочу я вконец
Сокрушить этих гадов!

Сто тысяч бойцов
На врага я веду.
Но горе: у нас
Не хватает снарядов!»

«А где же снаряды?» —
Орёл закричал.

И доктор в ответ:
«Меж утёсов и скал,
На Синей горе,
Под сосной одинокой
Я сам закопал их
В пещере глубокой!»

«Скорее за ними! —
Воскликнул олень. —
Уж ночь посветлела
И близится день».

И вдаль поскакал он
По тихой поляне,
И следом за ним —
Быстроногие лани.

Ни слова не вымолвил
Мудрый орёл.

Взмахнул он крылами
И в небо ушёл –
К той Синей горе,
К той вершине далёкой,
Где скрыты снаряды
В пещере глубокой.

И стаи орлов
Над лесами взвились,
И в звёздное небо
За ним понеслись.

И ласково доктор
Глядит им вослед:
«Теперь-то злодеям
Спасения нет!..
Победа за мною!»

А злая лисица
Шмыгнула в кусты
И к разбойнику мчится.
И всё, что подслушала
Там у окна,
Сейчас же ему
Рассказала она.

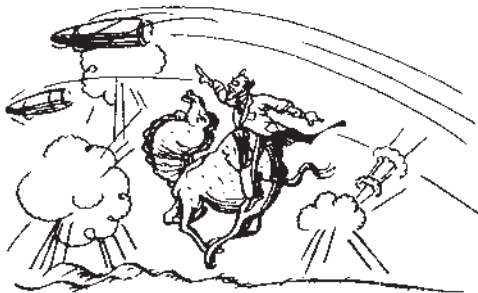
И весело крикнул
Злодей Бармалей
Своим кровожадным
Шакалам:
«На Синюю гору
Бегите скорей,
К далёким утёсам
И скалам,
И там динамитом
Взорвите тайник,
Где спрятал снаряды
Безумный старик!»

И мигом шакалы
Умчались вдаль,
И рад людоед,
И рукою кровавой
В награду даёт он
Лисице лукавой
Живой сколопендры
Большую медаль,
И орден мокрицы,
И орден гиены —
«За ложь», «За коварство»,
«За подлость измены»...

А доктор на тёмном
Балконе стоит
И в тёмнее небо
С балкона глядит.

О, если б скорее
Сквозь чёрные тучи
До Синей вершины
Домчались орлы!
О, если б олень
Сквозь кустарник колючий
Скорей доскакал
До желанной скалы!

О, если бы глыбами
Снежных обвалов
В горах раздавило
Свирепых шакалов!

Часть шестая

1

И утро настало.
В саду светляки
Уже погасили
Свои огоньки.

И грянули залпы
Могучих орудий,
И доктор к войскам
Поскакал на верблюде:
«Ура! Мы идём в наступление!»

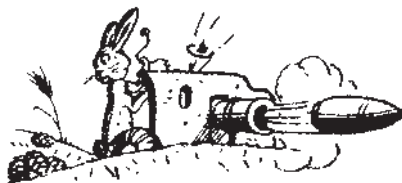
«За мною,
Герои!
Вперёд!
Напролом!»

Сперва
Мы сметём
Ураганным огнём
Те чёрные танки,
Что там, на полянке,
Стоят, притаясь,
За высоким холмом,

Потом
На волков
Мы в атаку
Пойдём,

Потом ягуаров
Мы выбьем
Штыком,

И если к полудню
Получим снаряды,
Мы к ночи врага
Разгромим без пощады!»

И с радостным криком
Он бросился в бой
И всё своё войско
Повел за собой:
«Ура! Мы идём в наступление!»

И прочь побежала
Орда людоеда,
И доктор за нею:
«Победа! Победа!
Ура! Мы идём в наступление!»

Как весело гнать
Ошалелых зверей
От мирных селений
Отчизны своей!

И доктор кричит
Своим воинам верным, —
Медведям, слонам,
И тюленям, и сернам:

«Спасибо, герои!
Вам слава и честь!»

И вдруг разнеслася
Ужасная весть:

«Врага разгромить
Наши воины рады,
Но кончились
Их боевые снаряды».

Что делать? Что делать?
Седой Айболит
И в небо, и в поле
С тоскою глядит.
Глядит, не летят ли
Сквозь чёрные тучи
Орлы за орлами
На крыльях могучих?
Глядит, не бежит ли
К родным берегам
Отважный олень
По зелёным лугам?

То в небо глядит он,
То в поле глядит,
Но нет никого, —
Только ветер гудит.

А издали смотрит
Злодейка лисица
И подлое сердце её
Веселится.

Часть седьмая

1

А свирепые зверюги
Словно с цепи сорвались
И кровавою
Оравую
По болоту понеслись.

Мчатся танки, танки, танки,
А за ними на волках

3

И вот уже с гор по зелёной поляне
Бегут за оленем весёлые лани, —
Снаряды, снаряды везут они.
И рад Айболит, и бойцы его рады:
«Теперь мы врага разгромим без пощады,
Теперь ты пропало, чудовище!»

4

Но тут прилетели четыре дрозда,
Четыре дрозда из большого гнезда.
Они закричали:
«Беда! беда! Смотрите, по тёмной дороге
Навстречу оленю бегут носороги!
Сюда через наши леса
Тайком привела их злодейка лиса!
Сейчас из засады
Они на него нападут
И наши снаряды
Они у него отобьют!
О, храбрый олень!
Он пред ними стоит,
Как гранит!

Но вот он упал и не встал!
Он убит!
Он убит!
Он убит!
Рогами они забодали его!
Ногами они затоптали его!
И он, бездыханный, лежит на поляне,
И разбежались пугливые лани!
И наши снаряды злодеям достались,
И наши бойцы без снарядов остались!
«О, горе нам! горе нам! горе нам!»

И все зарыдали:
«Какая беда!

Такой мы не знали
Ещё никогда!»

И вот со сворою своей
Уже примчался Бармалей.

Он налетел на Айболита
И прохрипел ему сердито:

«Ага, попался, милый мой!
Уж я разделаюсь с тобой!»
И над седою головою
Взмахнул он саблею кривою.

Но вдруг... Смотрите... Что случилось?
Рука злодея опустилась.
И побледнел, и задрожал он,
И по болоту побежал он...

Но нет! Злодею не спастись!
И с ужасом глядит он ввысь,
И там, вверху, под чёрной тучею
Он видит гибель неминуемую.

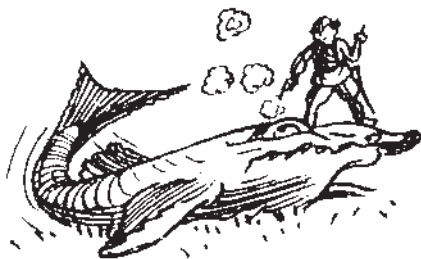
Часть восьмая

1

Там летит самолёт,
В самолёте — пилот,
Это он, это Ваня Васильчиков!

Он раскрыл парашют,
И смотрите: он тут, —
Он бежит к людоеду проклятому.

Он бежит и кричит:
«Погоди же, бандит,
Будешь помнить ты Ваню Васильчикова!»

И акуле своей
Говорит Бармалей:
«Помоги мне, акула зубастая!

У тебя за спиной,
Как за крепкой стеной,
Схоронюсь я от Вани Васильчикова».

Но Ванюша вынимает из-за пояса наган
И с наганом налетает на неё, как ураган:

«Слушай, гадина зубастая,
Я скажу тебе, не хвастая:
Коль глотать тебе охота.
Проглоти-ка бегемота,

А со мною, акула, не справишься,
Уж ты мною, акула, подавишься!»
И всадил он Каракуле
Между глаз четыре пули
И бегом, бегом, бегом
По болоту за врагом.

2

Тут мохнатая горилла
Ване путь загородила:
«Стой, куда ты? не пущу!
Растерзаю, растопчу!»

Но взмахнул он что есть силы
Острой саблей раз и два,
И от бешеной гориллы
Отлетела голова.

И, как бомба, над болотом
Полетела к бегемотам,
Изувечила хорьков,
Искалечила волков,
И в канаву угодила,
Где убила крокодила
И удава контузила лютого.

3

Только, глядь, сидит лисица
У студёного ручья:
«Здравствуй, Ваня, храбрый рыцарь,
Я — союзница твоя!»

Но, минуты не теряя,
Он пырнул её штыком,
И в овраг лисица злая
Покатилась кувырком
И в крапиву свалилася дохлая.

4

А злодей помчался в гору
По крутому косогору,
Чтоб оттуда как-нибудь
В тёмный лес улепетнуть.

Но Ванюша
За пиратом —
Через поле
Через рожь:

«Нет, проклятый,
Никуда ты
От расплаты
Не уйдёшь!»

И грозит он Бармалею
Острой саблею своею.

5

Оробел, обомлел Бармалей,
И, как мел, побелел Бармалей,
И зарыдал Бармалей,
И пред Ваней упал Бармалей:
«Не губи ты меня,
Не руби ты меня,
Пожалей ты меня, пожалей!»

Часть девятая

1

Но Ванюша усмехнулся,
Вправо-влево повернулся
И спросил у медведей,
У орлов и лебедей:
 «Пощадить ли Бармалея,
 Кровожадного злодея?»

И сейчас же из лесов
Триста тысяч голосов
Закричали: «Нет! нет! нет!
Да погибнет людоед!
Палачу пощады нет!»

И примчались на танке
Три орлицы-партизанки
И суровым промолвили голосом:
«Ты предатель и убийца,
Мародёр и живодёр!»

Ты послушай, кровопийца,
Всенародный приговор:

**НЕНАВИСТНОГО ПИРАТА
РАССТРЕЛЯТЬ ИЗ АВТОМАТА
НЕМЕДЛЕННО!»**

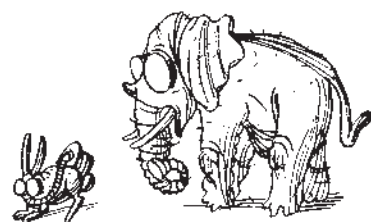

И сразу же в тихое утро осеннее,
В восемь часов в воскресенье
Был приговор приведён в исполнение.

И столько зловонного хлынуло яда
Из чёрного сердца убитого гада,
Что даже гиены поганые —
И те зашатались, как пьяные.
Упали в траву, заболели
И все до одной околели.
А добрые звери спаслись от заразы,
Спасли их чудесные противогазы.

2

И смеются медвежата,
Улыбаются моржи,
И с мохнатыми
Зайчатами
Кувыркаются ежи.

Рада, рада вся земля,
Рады рощи и поля,
Рады синие озера
И седые тополя:

«Нет на свете Бармалея,
Кровожадного злодея!
Сгинул лютый Бармалей,
Стало в мире веселей!»

И вороны над полями
Вдруг запели соловьями.

И ручьи из-под земли
Сладким мёдом потекли.

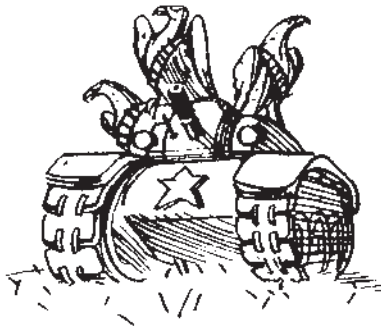
Куры стали павами,
Лысые — кудрявыми.

И корова вдоль села
Поскакала весела.

Рады, рады, рады
Светлые берёзы,
И на них от радости
Расцветают розы.

Рады, рады, рады
Тёмные осины,
И на них от радости
Растут апельсины.

3

То не дождь пошёл из облака
И не град,
То посыпался из облака
Виноград.

Столько пряников, и яблоков,
И сластей
Вдруг посыпалось из облака
На детей,
Что ребята три недели
Ели, ели, ели, ели
И с набитым животом
Завалились под кустом,
А потом давай сначала
Наедаться до отвала, —
Да и то ещё много осталось
Леденцов и орехов несъеденных.

Пляшут гуси с индюками
И ромашки с васильками.
Даже мельница — и та
Заплясала у моста.

И с лопатою топор
Прискакал во весь опор.
А за ним и молоток
Ток-ток, ток! Ток-ток-ток!
Будет, будет вам работа
До седьмого пота!

Нет на свете Бармалея,
Кровожадного злодея!
Сгинул лютый Бармалей,
Стало в мире веселей.

Так бегите же за мною
На зелёные луга,
Где над синею рекою
Встала радуга-дуга!

Мы на радугу вскарабкаемся,
Поиграем в облаках
И оттуда — вниз по радуге
На салазках и коньках!

И с весёлым Айболитом
Сам Васильчиков идёт.
Пред героем знаменитым
Расступается народ:
«Слава, слава победителю,
Нашей родины спасителю!»

И герою Айболит,
Улыбаясь, говорит:
«Нелегка была победа
Над ордою людоеда,
Но затем и проливалась
Наша доблестная кровь,
Чтобы каждому досталось
Только счастье, только радость,
Только ласка и любовь!»

ЦАРЬ ПУЗАН

1

Царь Пузан Восемнадцатый был очень хороший царь, и подданные любили его. Сердце у него было добрейшее. Что у него ни попросят, он даст. Корону попросят, он даст. Денег попросят, он даст, — всё отдаст до последней копейки, а сам ходит с пустыми карманами. Отличный царь! Восхитительный царь! Но был у него один недостаток: он был ужасно толстый. Вы такого толстяка и не видали: ну не человек, а гора. Круглый, как шар. Брюхо — во! Подданные звали его Царь-Самовар и при встрече с ним умирали от смеха. Им бы нужно кричать ура, а они — ха-ха-ха! И рады бы не смеяться, да нельзя, — царь был такой смешной. Где он ни появится — хохот. Женщины, дети, солдаты, министры так и падали от хохота наземь! Добрый царь даже виду никому не показывал, что его обижает этот жестокий, бессмысленный смех. Но когда он оставался один у себя во дворце, он плакал, как маленький мальчик.

— Боже, — говорил он тогда, — моё сердце пред Тобою открыто! Ты знаешь, как я люблю свой народ. Почему же он глумится надо мной? За что он оскорбляет меня?

И слёзы неудержимо бежали по его пухлому смешному лицу.

Его народу жилось превосходно: царь не обижал никого. Но вскоре случилась беда: вблизи на высокой горе поселился великан Ермолай. Это был длинный верзила, вышиной с колокольню, тощий, унылый, голодный.

Он был парень не злой и не хотел никого обижать, но что ему было делать, если для него поросёнок — все равно что для нас бутерброд. Поневоле бедняга был вынужден ежедневно пробираться к мужикам, которые жили внизу, и похищать у них всякую живность: коров, лошадей, овец.

— Вы думаете, мне приятно разбойничать? — объяснял Ермолай мужикам, которые умоляли его, чтобы он пощадил их скотину. — Поверьте, мне совестно смотреть вам в глаза. Но что же мне делать, если у меня такой аппетит? Я и то стараюсь есть поменьше, лишь бы только не умереть с голоду, а если б я хоть однажды захотел покушать как следует, досыта, вы остались бы совсем без скотины.

Мужикам было не легче от его извинений, и они пошли в город к царю. В городе все уже знали о злодействах великана Ермолая, потому что великан, не довольствуясь быками и овцами, стал ежедневно являться в столицу и похищать маленьких девочек и мальчиков.

— Извините, пожалуйста, — говорил он рыдающим людям, — я и рад бы не трогать ваших детей, но у меня такой большой аппетит.

Вся столица оделась в траур, и вот наконец царь повелел объявить по всему свету, всем рыцарям, богатырям и царевичам, что он пожалует полцарства тому, кто победит великана.

— Жаль, что у меня нет дочерей, — сказал он своим вельможам. — Я отдал бы прекраснейшую из них победителю, чтобы победитель женился на ней. Так всегда поступают цари, когда заводится в их царстве великан. Но и полцарства — немалая плата. Завтра же расклеить объявления во всех ближних и дальних краях!

Объявления были расклеены, но богатыри не являлись. Дело в том, что придворные сдуру на каждом объявлении напечатали портрет своего смешного царя — и кто только ни подходил к объявлению, тотчас же начинал хохотать.

— Вот так огородное чучело! Вот так забавная рожа!

И, сотрясаясь от хохота, люди забывали прочесть объявление. Все только и смотрели, что на смехотворный портрет. А великан не унимался, и ежедневно газеты описывали его новые и новые зверства. Он уже перестал извиняться, а прямо глотал что попадётся под руку: сгребёт своей огромной лапищей ребятишек, идущих из школы, и проглотит одного за другим.

Что делать? К кому обратиться за помощью?

Царь не спал ночей и всё думал. И наконец он решил: он сам пойдёт и убьёт великана. Он спасёт свой народ от чудовища.

— Дайте мне меч! — крикнул он. — Я иду сразиться с великаном.

— Но, ваше величество! — воскликнули придворные. — Вы рискуете своей благородной жизнью. Великан свиреп и силен.

— Но должен же я защищать своих подданных! Кто их защитит, если не я! Молитесь за меня, мои милые, и знайте, что я либо вернусь победителем, либо совсем не вернусь.

2

И, надувшись, как индюк, он ушёл. Путь был не близкий — всё в гору и в гору. Слабенькие, кривенькие ножки подкашивались под тяжестью десятипудового туловища, но царь не присел ни на миг. Бедный, он должен идти пешком, ибо нет такой лошади, которая могла бы его удержать. Сломится лошадь, как гнилая скамья, если он вздумает сесть на неё! Он уже не идёт, а ползёт, — ползёт на четвереньках, как младенец, — и тот самый народ, ради которого он идёт умереть, смотрит на него и гогочет. Из каждого оврага, из-за каждого кусточка он слышит: ха-ха-ха! Только к вечеру, весь в пыли, исцарапанный, еле живой от усталости, дополз царь Пузан до вершины горы и тихонько постучался в окошко.

— Кто там? — заревел великан.

— Это я, — сказал царь. — Отопри.

Ермолай был голоден, не ел целый день, лежал в нетопленной хате и злился. Он давно уже съел всех мышей, шмыгавших по грязному полу, съел тараканов и мух, а больше у него съестного не было. Он пошёл бы на улицу, раздобыл бы там телят, поросят или деток, да доктор не позволил ему выходить, потому что у него сегодня жар, нужно лежать в кровати и принимать какое-то лекарство. А тут ещё кто-то стучит у окна, — неизвестно кто и зачем.

— Войдите! — закричал великан. — Что вам нужно? Кто вы такой? Извините, что я лежу... Я болен... Садитесь, пожалуйста...

Царь вошёл в избу и обомлел. Тот самый великан, которого он так ненавидел, которого он жаждал убить, лежит на кровати и стонет. В избе холодно, темно, неудобно. Печь не топлена, свеча не горит. Жалко ему стало Ермолая.

— Отчего у вас темно? — спросил он.

— Спичек нет, — отвечал великан. — Кто вы такой? Что вам нужно?

— Какой у вас холод! — сказал добрый царь, с ласковым состраданием глядя на больного трёхсаженного дылду, который скрючился на кровати. — Где у вас ключ от сарая? Я пойду и принесу дров и затоплю печь. И где у вас ведро? Я принесу вам воды. Нельзя же оставлять больного одного...

— Кто вы такой? — простонал великан.

— Видите... — замялся добряк. — Я царь... я Пузан Восемнадцатый... я пришёл сюда, чтобы отрубить вам голову... но вы больны, вы лежите в постели... Не могу же я рубить голову больному... Мне вас очень жалко, и я сейчас принесу вам воды...

И смертельно усталый, ничего не евший Пузан поплелся с ведром к колодцу.

Потом он ходил в сарай за дровами, потом в аптеку за лекарством, потом приволок из амбара целый мешок крупы, высыпал её в огромный котёл и сварил Ермолаю кашу, которой хватило бы на целую роту солдат, — накормил, напоил больного, укрыл его одеялом, поправил подушку и лег неподалеку в соседней каморке, и немедленно заснул, как убитый: натрудился-таки он за целый день!

3

А великан, подремав часа два, проснулся от мучительного голода. Каша, которую сварил ему добрый Пузан, только раздражила его аппетит, и, ворочаясь на своей кровати, он

стал думать ту самую думу, которую думал каждый день: где ему достать себе поесть?

— Можно бы, конечно, съесть аптекаря! — разговаривал он сам с собою, — да тощ, и стар, и невкусен аптекарь, и жена у него — кожа да кости. А клячу ихнюю я уже съел, и кошку съел, и собаку съел, что же мне делать теперь? И зачем это я родился великаном! Был бы я такой же человек, как другие, ел бы по крошечке в день, и женился бы я на купеческой дочке, и пил бы чай с сухарями, и все звали бы меня Ермолай Ермолаич.

Тут из соседней каморки до него донёсся храп царя.

— А, так этот чудак не ушёл!.. Какое у него дивное, вкусное имя: Пузан. Я плохо разглядел его в потёмках, но мне кажется, что он гораздо жирнее аптекаря. Вот и отлично, ура! Съестное у меня под боком, в двух шагах, а я-то, глупый, чуть не плачу от голода!

И, схватив свой огромный нож, Ермолай тихонько подкрался к царю, который, не предвидя никакого коварства, спал ясным, блаженным сном.

Луна озаряла своим нежным сиянием его доброе смешное лицо, и тут только впервые увидел великан, какой уморительный у него в гостях человек! Всё задрожало от великаньего хохота; чем дольше верзила смотрел на царя, тем неистовее, громче хохотал; наконец он повалился, как подкошенный, на пол, и в судороге стал кататься по земле. Хотел разбудить царя, — он долго с состраданием смотрел на смеющегося и наконец произнёс:

— Перестаньте смеяться, пожалуйста... Вам вредно... вы больны... Перестаньте...

— Ха-ха-ха-ха-ха! — отвечал великан. — Ха-ха-ха!

— Идите, лягте и закройте глаза... Вам вредно смотреть на меня.

— Ой, лопну! — стонал великан. — Ой, не выдержу! Вот так Пузан!

Когда он утомился и лег, повернувшись к стене, чтобы не глядеть на своего забавного гостя, царь снова затопил ему печь, принёс из колодца воды, сварил ему кашу, купил ему на собственные деньги пуд пряников и всячески

старался не попадаться ему на глаза, чтобы не вызвать в нём нового приступа смеха. Десять дней и десять ночей он ангельски ухаживал за больным великаном, и тот, наконец, так привязался к нему, что часу не мог прожить без него.

— Я и не думал, что на свете бывают такие хорошие люди! — сказал он царю как-то вечером, когда царь угощал его чаем. — Налей-ка мне, голубчик, чашечку.

Чашечка была величиною с ведро. Царь еле донёс её до постели больного.

— Видишь ли, Ермолай Ермолаич, — сказал он великану, улыбаясь. — Доброму живётся легко. Для доброго и горе — не горе. Попробуй-ка ты сделаться добрым, полюби-ка ты всех на свете людей, и заживёшь припеваючи.

— Я бы и рад, — отвечал Ермолай. — Надоело мне душегубствовать. Да сам ты знаешь, какой у меня аппетит. И дня не проживу без телёнка. Поневоле приходится грабить, воровать, убивать. Такая жизнь моя окаянная.

— Знаешь что? — сказал царь. — Я придумал. Идём-ка со мною в город... Я найду тебе отличную работу. Ты знаешь, что мое царство — на острове. Так вот у берегов этого острова, на котором лежит моё царство, разбросано множество скал. Об эти скалы разбилось немало судов. Нет дня, чтобы к нашему берегу не прибывало корабельных обломков. А сколько погибло людей! Как мы ни старались, мы были бессильны оградить наши берега от несчастья. Для тебя же это был бы пустяк: выдернуть все эти скалы, избавить мореплавателей от лютой опасности, и я знаю, что мой народ с удовольствием платил бы тебе за каждую скалу по телёнку.

— А много ли там этих скал? — спросил великан, встреपунувшись.

— Достаточно! Хватит надолго!

— А что же я буду делать потом?

— О, работа найдётся, не бойся! Нужно только, чтобы ты поклялся, что ты будешь исполнять её честно, не станешь никого обижать, будешь послушен и вежлив. Я задумал

мал построить маяк. Вот ты и будешь таскать для этой постройки камни.

— Клянусь, я буду честным работником! — закричал Ермолай, и вот на другой день, спозаранку, в городе, на базаре, к изумлению и ужасу народа, появился трёхсаженный верзила, а рядом с ним семенил, улыбаясь, сияющий от счастья царь. Все мгновенно разбежались кто куда, ибо думали, что Ермолай — людоед, но он снял шапку и, поклонившись народу, заявил, что он поумнел и раскаялся, что больше он не станет душегубствовать, а сейчас же идёт на работу.

Все обрадовались и хвалили царя за то, что он покориł великана.

Раскланиваясь, царь пошёл во дворец, ожидая, что вот сейчас он услышит такие же раскаты громового хохота, какие он слышал всегда, появляясь среди своих подданных.

Но что это? Никто не смеётся! Все почтительно и нежно глядят на него и приветствуют своего избавителя.

Царь смотрит и не верит глазам.

Лишь добравшись до своей опочивальни и увидя своё отражение в зеркале, царь понял причину этого непонятного чуда: в зеркале перед ним появился изящный худощавый красавец, лишь отдалённо похожий на того тучного, шарообразного, смешного уроды, который вызывал в окружающих такую непреодолимую веселость.

Оказывается, что от долгой и тяжёлой работы он похудел чуть не вдвое!..

Значит, даром целые дни напролёт он таскал мешки, рубил дрова, носил из колодца вёдра, надрывался в непосильной работе, — он с каждым днём всё худел и худел. Отныне уже никто не назовёт его обидным прозвищем: Царь-Самовар. Завтра же он оседлает коня и помчится к прекрасной принцессе Монессе, и та уже не отвергнет его, а выйдет за него немедленно замуж, и если Бог пошлёт ему маленьких деток, то нянчить их будет великан Ермолай Ермолаич.

СКАЗКА О ГЛУПОМ ЦАРЕ (Норвежская сказка)

1

Жил-был Петер, — без отца, без матери. Он варил себе кашу. Вдруг видит: идёт к нему царь. Вздумал Петер подшутить над царём: вытащил из печки котёл, в котором варилась каша, поставил котёл на пол, а сам сел у котла и запел:

Варись, моя каша,
Без огня, без жару,
Для мышат, для котят,
Для мохнатых чертенят.

Царь вошёл в избу и удивился:

— Что это ты, Петер, сидишь на полу?

— Кашу варю, — отвечает Петер. — Видишь, булькает, сейчас закипит.

— А где же огонь? Где печка?

— А я без огня, — отвечает Петер. — Поставлю её на пол, и кипит. На огне всякий дурак сварит кашу, а ты попробуй сvari без огня!

— Без огня?

— Смотри сам.

Сел царь на корточки, смотрит: каша и вправду кипит, — булькает в горячем котле!

Сунул царь палец, обжётся.

— Вот так чудо! — удивляется царь. — Что это у тебя за чудесный котёл?

— Заколдованный! — отвечает Петер. — Сыпь в него что хочешь, ставь его на голой земле, всё сварит, и печки не надо.

У царя от жадности даже слюна потекла. Ласково посмотрел он на Петера:

— Продай мне, Петруша, этот котёл.

— Нет, не продам, не могу! Неохота мне за дровами ходить.

— Ну пожалуйста!

— Нет, ни за что.

Долго упрашивал царь. Наконец Петер согласился. Высыпал кашу в горшок, подал царю пустой котёл и сказал:

— Сыпь сюда золота до самого верху. Золото — мне, а котёл — тебе.

Царь отвалил ему золота, схватил котелок и — бегом.

Прибежал во дворец, созвал своих вельмож и говорит:

— Вот сейчас я угощу вас обедом, какого вы не ели никогда.

Вельможи обрадовались: они были очень голодные.

Царь поставил котёл посреди дворца, навалил туда сала, картошки, налил воды, накрыл крышкой и ждёт, что вот-вот закипит. Ходит над котлом и улыбается.

Вельможи улыбаются тоже: давно они не ели картошки.

Но проходит час, проходит два, а картошка и не думает вариться. Вода в котле ледяная-холодная.

Царь поминутно подбегает к котлу, трогает его справа и слева, а котёл холоднее, чем был.

Вельможи с голоду хмурятся, дуются: не доведётся им сегодня обедать.

Прохожие заглядывают в окна дворца и хохочут.

Понял царь, что Петер насмеялся над ним, — как подбежит к котлу, как пнёт его со всего размаха ногой, картошка так и рассыпалась по полу, а сам замахал кулаками и без шапки — бегом — прямо к Петеру.

— Вот я тебе покажу! Погоди!

2

А Петер взял пистолет, зарядил его клюквой и сказал своей сестре Катерине:

— Я ложусь спать. И смотри, чтобы меня не будили. Кто разбудит, того застрелю.

Лег на кровать и храпит.

Тут вбежал в избу царь, разъярённый. Машет руками, орёт:

— Где этот обманщик? Где злодей?

— Тише, ваша милость, мой брат почивает, — шёпотом говорит Катерина. — Пожалуйста, не будите его!

— Разбудить негодяя сию же минуту! — заревел рассерженный царь.

— Рада бы, да не смею: убьёт.

— А не разбудишь, так убью тебя я!

Нечего делать, подошла Катерина к кровати и крикнула:

— Петер, вставай!

Вскочил Петер на ноги и хлоп! — выстрелил в сестру из пистолета. Сестра так и грохнулась на пол. Из раны у неё хлынула кровь: на самом деле то была не кровь, а клюквенный сок, потому что Петер зарядил свой пистолет не пулей, а клюквой, — но царь не знал об этом и завопил:

— Что ты наделал? Убийца! Ты убил свою сестру.

— Не беда! Не беспокойся, — сказал Петер. — Я могу воскресить её.

— Да ведь она умерла!

— Ну так что ж! Вот смотри! Я достаю из кармана волшебную дудочку, играю на ней *фа-та-та*, и сестра моя поднимается с полу и танцует как ни в чём не бывало.

Он заиграл *фа-та-та* и лукаво подмигнул своей сестре.

Та вскочила и пошла танцевать.

— Продай мне эту волшебную дудочку, — взмолился одураченный царь.

Долго не соглашался Петер, наконец продал царю самодельковую камышовую дудочку за тысячу тысяч рублей.

Царь сунул её в карман и весело побежал во дворец. А навстречу ему царица, сварливая, злая старуха. Стала она кричать на царя, вцепилась ему в бороду, отхлестала его по щекам; он разозлился, схватил пистолет и хлоп из пистолета в неё.

Царица так и грохнулась наземь.

— Что вы наделали? — закричали вельможи. — Вы застрелили царицу!

— Не беда, — отвечает царь, — пустяки! Я могу ведь воскресить её.

— Да она умерла!

— Ну так что же! Вот смотрите: я достаю из кармана волшебную дудочку, играю на ней *фра-та-та...* и царица поднимается с полу.

Но как он ни старался, как ни дул, мёртвая лежала и не двигалась. У царя чуть не лопнули щёки, чуть не выскочили глаза изо лба, так он сильно дул в свою дудку, а убитая жена не воскресла.

3

Понял царь, что Петер опять насмеялся над ним, и в бешенстве бросился к Петеру.

А Петер стоит на пороге своего дома, ухмыляется.

— Связать этого молодца! — крикнул царь. — И посадить его в бочку! Пусть знает, как смеяться надо мною.

Вельможи схватили Петера, поволокли его на высокую гору, посадили в дубовый бочонок, наглухо заколотили и уши.

Завтра, чуть свет, придёт царь — и толкнёт его ногою прямо в море.

Но Петер и не думает плакать. Он весело и лихо поёт:

Как я рад, как я рад,
Что вы все пойдёте в ад,
Я же в небо укачу,
Прямо в рай улечу!

Шёл мимо богатый старик. Смолоду он был большой грешник и знал, что не миновать ему ада. А ему, конечно, хотелось в рай. Он только и думал о том, как бы ему попасть в рай. Услышал он Петерину песню, подошёл к бочонку и спрашивает:

— А откуда ты знаешь, что попадёшь в рай?

— Разве ты не видишь, — отвечает Петер, — что этот бочонок волшебный? Он сделан из райского дерева. Посади в него лютого грешника, и тот полетит прямо в рай. Я нарочно залез в него, чтобы очутиться в раю.

— Да не может быть! — закричал грешник, и даже руки у него задрожали. — Пусти меня в эту бочку!

— Что ты, что ты? — возражает Петер. — Бочонок тесный, не поместиться вдвоём.

— Ну так, голубчик, выходи из бочонка. Я дам тебе всё, что захочешь.

— Что же ты дашь?

Старик был очень богатый — богаче царя. Он выпустил Петера из бочки и дал Петеру все свои сады и дворцы, всех своих слонов и верблюдов — и с радостью залез в бочку сам:

— Скоро я буду в раю!

Петер забил его наглухо и, спрятавшись за кусточком, видел, как утром, чуть свет, прибежал в одном халатике царь, толкнул бочку ногой, и бочка покатила прямо в море.

— Наконец-то я покончил с Петером, — радостно сказал царь и побежал обратно во дворец.

Прибегает к крыльцу, а у крыльца стоит слон. На слоне сидит Петер и улетает рассыпчатый крендель.

Царь так удивился, что даже рот от удивления разинул.

— Откуда ты взялся, Петер? Откуда у тебя этот слон?

— А с морского дна, — отвечает Петер. — Там слонов без счёту, бери, сколько хочешь.

— Да не может быть!

— Ну конечно. Кто же этого не знает. Там, под водою, сидит царь Элефант, он велел тебе кланяться и зовёт тебя к себе погостить. Он даст тебе слона какого хочешь: зелёного, синего, розового.

Царь даже подпрыгнул от радости. Он был очень жадный и любил, когда ему дарили слонов.

— Милый Петер, посади меня скорее в бочку, я еду к морскому царю.

И бросился бегом на высокую гору и сам залез в бочку, но, как ни сжимался, ни ежился, бочка была для него слишком мала. Корона торчала наружу и мешала царю поместиться в бочке. Тогда он снял корону, надел на Петера и сказал:

— Носи её, пока не вернусь. Да смотри, чтобы она не пропала.

— Не бойся, не пропадёт, — отвечал ему Петер, толкнул бочку сапогом и ушёл.

Люди увидели Петера в короне и закричали: «Он царь!»

И стал Петер царём, и все радовались, что избавились от глупого царя.

Особенно ликовали вельможи: давно они не ели картошки.

НАЯ

(Шотландская сказка)

Жил-был царь, а у царя была дочка, которую он очень любил.

Дочку звали Бархатные Щёчки, и была она такая хорошая, что в том царстве её любили все.

Мама у неё не было. Мама давно умерла, и девочка очень скучала.

— Ах, если бы у меня была сестричка, с которой я могла бы играть! — часто говорила царевна. — Мне так скучно без подруги, без сестрички.

Царю стало жалко девочку, и он решил жениться опять. Он женился на одной вдове, у которой тоже была девочка. Девочку звали Ная.

Ная была чуть поменьше царевны, и обе стали отлично играть. Они скоро подружились и зажили весело. Полюбили друг дружку, как родные сёстры.

Но Наина мама, к несчастью, оказалась злая и гадкая. Она невзлюбила царевну и задумала её погубить.

— Желая, чтоб царевна звала меня мамочкой и каждый день целовала мне ручку, — сказала она царю.

— Вы мне не мамочка, — отвечала царевна. — Моя мама была гораздо лучше. Не хочу целовать ваши гадкие руки.

Царица рассердилась и сейчас же побежала к колдунье, которая жила в лесу.

— Я хочу, чтобы ты заколдовала царевну, — сказала она колдунье.

— С удовольствием! — отвечала колдунья. — Пришли её ко мне завтра утром, и я заколдую её. Но пусть она придет натощак, не евши, не пивши. Иначе колдовство не удастся.

Царица ушла от колдуньи весёлая и утром, чуть свет, разбудила царевну и велела ей идти к колдунье за яблоками.

— Беги сию же минуту, не евши, не пивши. Нечего тебе валяться в постели. И что за лежебока ленивая!

— Хорошо, — сказала царевна, взяла корзиночку и весело побежала к колдунье.

Но, пробегая мимо царской столовой, увидела на столе пирожок, отломала кусочек и съела. И хорошо сделала, потому что сытым никакие колдуньи не страшны.

Колдунья встретила её ласково.

— Здравствуй, милая царевна-красавица. Зачем пожаловала? Чего тебе надобно?

— Мачеха прислала к тебе за яблоками, — отвечала царевна.

— Яблоки в той миске, — сказала колдунья, — сними с неё крышку и выбери, какие получше.

А сама принялась колдовать. Но напрасно. Ведь царевна была не голодная.

Царевна нагнулась над миской, набрала в свою корзиночку яблок и сказала старухе:

— Прощай!

— Прощай, голубушка, — отвечала старуха. — Да скажи своей мачехе, что она сама виновата.

Царевна ушла невредимая. Мачеха, чуть увидела, что она пришла невредимая, ужасно разгневалась и на следующее утро опять послала царевну к колдунье за яблоками, но уже провожала её до самого крыльца, чтобы она не перехватила в столовой ни крошки.

Царевна не могла уже съесть пирожок, но, проходя огородами, увидела стручья гороху, нарвала их и в рот. Так что и на этот раз колдовство не удалось старой ведьме. Царица ещё больше рассердилась и на следующее утро, чуть свет,

взяла царевну за руку и повела её прямо к колдунье, зорко следя, чтобы девушка не съела чего по дороге.

Бедная царевна! Её уже ничто не спасёт!

На этот раз колдовство удалось. Чуть только царевна подняла волшебную крышку, злая колдунья запела:

С плеч вались голова человечья!
Вырастай на плечах голова овечья!

И что же! Свалилась на пол прекрасная голова милой царевны, розовая, с синими глазами, с мягкими волосами, и вместо неё на плечах у царевны выросла овечья голова, глупая, смешная овечья морда.

Мачеха захохотала, затанцевала от радости, расцеловала ведьму и бегом побежала домой.

А царевна, прячась за плетнями, за кусточками, чтоб никто её не увидел, не засмеял, тихонько поплелась во дворец.

Когда она подошла ко дворцу, царица встретила её на крыльце и сказала:

— Ступай, ступай на скотный двор, тут тебе не место. Овцы не живут во дворцах.

— Здесь мой папочка! — жалобно проблеяла царевна.

Но царица позвала пастухов и велела им гнать её в хлев. Слава Богу, что милая Ная стояла в это время у окна и видела, как мучат царевну.

Ночью она пробралась к царевне в хлев, обняла её, поцеловала в овечьи глаза, обмотала её овечью голову шалью и сказала:

— Давай убежим!

И они убежали. Бежали они долго, бежали, бежали и прибежали в соседнее королевство, где жил добрый король Онибрас.

Ная хотела постучаться к нему во дворец, но бедная царевна сказала:

— Не надо, нас прогонят отсюда, когда увидят, что у меня овечья голова.

— Не увидят, — ответила Ная. — Ты только закройся хорошенько платком, никто и не увидит.

И она постучала в окошко дворца. Вышел сам король Онибрас, с длинною седою бородою, лысый, с морковкой в руке. Он очень любил морковку и ел её целые дни.

– Что вам надобно? – спросил он у девушек.

– Добрый король Онибрас, жалься надо мною. У меня больная сестра, приюти её у себя во дворце. А я буду тебе за это верно служить и работать.

– Вот и хорошо, – сказал король Онибрас. – Пусть твоя сестра отдохнёт у меня во дворце, а ты за это посиди нынче ночью у постели моего больного сына.

Оказалось, что сын короля, королевич Валентин, очень болен, и нужна хорошая сиделка. Надо подавать ему лекарство.

– Я сидел у его постели две ночи и очень хочу спать, – зевая, сказал король. – Я рад, что ты заменишь меня.

И, доедая морковку, он ушёл в свою опочивальню.

Царевне отвели во дворце уютную тёплую горницу, и она заснула вся в слезах.

А Ная пошла к больному королевичу.

Он вздрагивал, всхлипывал, протягивал руки, глядел перед собой безумными глазами и кричал безумные слова.

Ровно в полночь он поднялся с кровати, торопливо оделся и, как угорелый, спустился по лестнице.

Ная побежала за ним.

В прихожей он накинул плащ, схватил шляпу, опрומетью бросился в конюшню, быстро взнуздal коня, свистнул собаку – и собрался ускакать.

Ная подкралась сзади, вскочила на того же коня, так что королевич и не заметил её, – и вот они скачут вдвоём по горам, по долам, по лесам.

Ветви хлещут их обоих по лицу, конь бежит, как бешеный, вот-вот опрокинет! Проезжая лесом, Ная сорвала себе с дерева больших орехов и спрятала их в карман.

«Пригодятся!» – подумала она.

Путники выбрались из лесу и выехали на какую-то поляну. В небе сияла луна. Посредине поляны стояла невысокая горка. Королевич остановил коня и запел:

Откройся, откройся, зелёная горка,
Впусти королевского сына!

Ная поспешила прибавить:

Откройся, откройся, зелёная горка,
Впусти черноглазую Наю!

Горка открылась, впустила королевича и девушку и медленно закрылась.

Они очутились в ярко позолоченной зале, украшенной цветами и павлинами. Посреди залы стояли такие красавицы, каких Ная никогда не видала. Они были в розовых шелковых платьях, а волосы у них были зелёные. Красавиц окружали красавцы, статные, гордые юноши.

Откуда-то из-под земли доносилась волшебная музыка.

Чуть только красавицы увидели королевского сына, они кинулись всей гурьбою к нему и закричали:

— Королевич приехал! Приехал королевич Валентин!

И странно: едва они подбежали к нему, как он стал петь, плясать, смеяться, будто никогда и не был болен.

Ная спряталась в темном углу и смотрела, что будет дальше. И вдруг она заметила, что у её ног на полу копошится какой-то ребенок.

У ребёнка в руках была палочка, он хлестал ею по полу и кричал:

— Н-но! Поезжай!

— Эта палочка волшебная! — сказала ей одна из зеленоволосых красавиц. — Она может спасти царевну.

Ная очень обрадовалась, вынула из кармана орешки, которые нарвала в лесу, и стала катать их по полу. Ребёнку это понравилось, он захлопал в ладоши, кинул свою волшебную палочку и пополз по золочённому полу за орешками.

А Ная схватила палочку и спрятала. Тут закричал петух.

Красавцы и красавицы исчезли, как будто растаяли, остался один королевич. Он быстро вскочил на коня, Ная опять незаметно уцепилась сзади, зелёная гора распахнулась — и они помчались назад.

И вот он опять лежит у себя в постели и бредит, и плачет, и смотрит пред собой безумными глазами, и твердит

безумные слова, а Ная тихонько пробирается в спальню к бедной заколдованной царевне, подходит неслышно к её кровати, касается волшебной палочкой её гадкого овечьего лица, и, о чудо! — овечьё лицо исчезает, и опять появляется милое, доброе личико царевны Бархатные Щёчки.

Колдовство уничтожено. Ная спешит к больному. Он мирно и тихо спит. Вскоре входит король Онибрас и спрашивает, как здоровье его сына, лучше ли ему, хорошо ли он спал.

Ная говорит королю:

— Погодите ещё немного, король, я вылечу вам вашего сына.

Король грустно качает головой:

— Куда тебе! Лучшие доктора лечили, и те не могли вылечить.

— А я вылечу, вот увидите, что вылечу, — говорит Ная.

Она поняла, что королевич не болен, что он заколдован той же самой колдуньей, которая заколдовала царевну, — и вот решила уничтожить колдовство.

Ровно в полночь королевич опять вскочил на коня и помчался по горам, по лесам, по долам. Она опять уцепилась сзади и понеслась на коне вместе с ним. Опять нарвала по дороге орехов, опять увидела ребёнка в позолоченной зале, среди смеющихся красавиц и красавцев. Но у ребёнка уже не было палочки, а была хорошенькая птичка. Он крепко держал её в ручонке, птичка жалобно пищала и билась.

— Если эта птичка споёт королевичу песенку, королевич будет снова здоров, — прошептала Нае одна из красавиц.

Ная обрадовалась, вынула из кармана орешек и покатила его перед мальчиком. Мальчик пополз за орешком по золочённому полу, растопырил пальчики и выпустил птичку. Ная поймала птичку, пригладила ей пёрышки, сунула её себе за пазуху, и тут опять закричал петух. Все исчезли, и ребёнок, и весёлые гости, остался один королевич Валентин. Он вскочил на коня, Ная уселась сзади, и они помчались назад.

Волшебная палочка была у Наи за поясом, а на груди билась волшебная птичка.

По дороге им встретился лохматый, грязный, нехороший пёс. Он с лаем кинулся на них. Ная испугалась, ударила его палочкой, и что же! — пёс превратился в прекрасного стройного юношу. Юноша хотел что-то сказать, но они промчались мимо.

Тут из-за леса показалось солнце. Птичка на груди у Наи встрепенулась и зачирикала, запела, засвистала. Королевич Валентин услышал ее милое пенье, и злые чары, которыми он был очарован, рассеялись, и безумие покинуло его, он сделался по-прежнему здоров.

Он оглянулся и увидел Наю.

— Ты спасла меня, милая девушка, — сказал он ей. — Ты добрая и мудрая. Будь мне женой. Ты возвратила мне жизнь.

Она засмеялась, но ничего не ответила. Скоро они подъехали к дому.

Королевич пошёл к себе, умылся и сел у огня. Вошёл его отец, король Онибрас. Он был очень удивлён и обрадован, видя своего сына здоровым.

— Ты спасла мне сына, — сказал он и поцеловал Наю в голову. — Я тебе не верил, что ты его вылечишь, а ты и вправду вылечила его.

Тут в комнату вбежал тот самый юноша, который был превращён в собаку. Он кинулся на шею королю. Оказывается, это был младший сын короля.

Все считали его погибшим, оплакивали его, думали, что он утонул или убит на войне, а на самом деле злая ведьма превратила его в негодного пса, и он скитался по большим дорогам, всеми избиваемый и грязный. Но чуть Ная коснулась его волшебной палочкой, злые чары рассеялись, он сделался опять королевичем и тотчас же побежал к отцу.

Все во всём королевстве радовались его возвращению, пели, ликовали, танцевали.

Вскоре были сыграны две свадьбы: старший королевич женился на милой Нае, а младший — на царевне Бархатные Щёчки. Со всех концов света съехалось много гостей. Приехали и злая мачеха и колдунья. Обе дрожали от злобы и смотрели злыми глазами, как бы кого погубить.

Королевич Валентин схватил волшебную палочку и весело побежал к злым старухам.

— Что ты хочешь сделать? — спросил его король Онибрас.

— Я хочу превратить их в лягушек, — ответил он со смехом отцу. — Пусть квакают в болоте вместе с гадами. Нечего им сидеть за столом.

— Не надо! — сказал добрый король Онибрас. — Право, не надо. Бог с ними! Пожалей этих несчастных старух... Брось свою волшебную палочку, ну её к Богу!.. Забудь всё зло, которое они причинили тебе, садись рядом со мною, и вот тебе отличная морковь, сочная, сладкая, — ешь!

Королевич послушался, сломал волшебную палочку на мелкие кусочки и выбросил её из окна. Колдунья и мачеха, когда узнали об этом, раскаялись и сделались добрыми.

С тех пор на земле нет ни колдунов, ни колдуний.

ГОРЕ СЧАСТЛИВОГО ЦАРСТВА

(Валлийская сказка)

1

Было некогда Счастливое Царство. Сколько там водилось всякой рыбы, какие яблоки, какие цветы! Нигде не было такого сладкого меду, как в этом счастливом краю.

И царь тамошний был очень счастливый. Звали его Златокудрый, потому что у него были жёлтые длинные волосы. Жил он во дворце с женой Эланой и любимым своим другом Манадуном. И не было у него другой заботы, как рыскать целые дни по полям, по лесам, гоняясь за лисицами и зайцами, вместе со своим неразлучным товарищем. А вечерами они пировали на славу, слушая весёлые песни баянов.

И всем в этом Царстве жилось хорошо, но вдруг случилось страшное несчастье, как раз в именины царя.

В этот день во дворце было много народу — королевичи, знатные дамы, князья. Они приехали поздравить именинника, но чуть только сели за стол, как вдруг — трах-та-ра-

рах! — грянул гром, дворец задрожал, как корабль, гости в ужасе вскочили и бежать! Но опустился туман, да такой, что в двух шагах не видать ничего; гости барахтаются, как слепые котята, кто-то кричит, кто-то плачет, кто-то разбивает окно, — но когда посветлело опять, в зале никого не оказалось: исчезли и дамы, и рыцари, и пажи, и знатные вельможи, остались только царь да царица.

— Где мои товарищи? Где мои воины? — воскликнул царь и кинулся в соседнюю горницу, но и там было пусто. Он в следующую, — и там никого! Он обошёл все подвалы, все башни, но не увидел ни одного человека. Только в конюшне, в углу под соломой, он отыскал свою милую матушку, престарелую вдову Рианонну, да в собачьей конуре — Манадуна.

В лугах — ни пастухов, ни овец. В полях — ни одного земледельца. В домах — ни женщин, ни детей, никого, только дикие медведи и волки.

Какой-то отвратительный колдун превратил Счастливое Царство в пустыню.

— Я знаю этого колдуна, это Луд, — сказала Рианонна и заплакала. — Он давно уже добивается нашей гибели, ибо до смерти ненавидит наш род. Что делать, к кому обратиться за помощью? Он самый сильный колдун во всём свете, и его чар не расколдовать никому.

— Если это Луд, мы погибли, — в отчаянии прошептал Златокудрый. — Против Лудовых чар мы бессильны.

И началась полуголодная, горькая жизнь в пустыне. Хорошо ещё, что царь и Манадун были лихие охотники, иначе погибнуть бы им с голоду. Целые дни приходилось им гоняться за дикими кабанами и вепрями, чтобы к ночи накормить обеих женщин, — старую и молодую царицу. И вот на охоте случилось однажды, что борзые собаки окружили какой-то куст и стали на него бешено лаять. Когда охотники приблизились к кусту, оттуда выскочил белый кабан, — ослепительно белый, как снег, — и кинулся наутёк через поле. Охотники за ним во весь опор. Но кабана не догнать. Он мчался, как на крыльях, и вдруг добежал до какого-то незнакомого белоснежного замка, юркнул в ворота и пропал. За ним, как вихрь, вбежали в ворота собаки.

— Что за диво, — сказал Манадун, — здесь вчера ещё было голое, дикое место, а сегодня, посмотри, какой замо́к.

— Я и сам не понимаю, — сказал царь, — откуда взялся этот замок... Однако надо бежать за собаками, а то как бы они не пропали.

И он побежал к воротам.

— Остановись! — закричал Манадун. — Что ты делаешь! Это безумие! Воротись сию же минуту! Ведь ясно же, что замо́к заколдованный.

Но Златокудрый и слушать не стал.

— Куда ты? Опомнись! Назад! — кричал ему Манадун, но напрасно.

Царь скрылся в заколдованном замке.

2

В замке не оказалось ни кабана, ни собак.

Первое, что увидел Златокудрый, был великолепный бассейн, а возле бассейна колонна, на которой сверкала роскошная чаша, кованная из чистого золота.

Чаша так полюбила царя, что он забыл обо всём остальном и потянулся к ней обеими руками. Ему захотелось потрогать её, рассмотреть, но едва только он к ней прикоснулся, его руки прилипли к ней, словно припаянные. Как он ни отрывал их, ни дергал, они прилипали всё крепче. И так как чаша была на цепи, то и царь оказался как бы прикованным к колонне.

Он — кричать, да голосу нет. Стоит у колонны, как статуя, окаменел, окоченел, — и ни звука.

А Манадун постоял, подождал — и домой. Увидела его Рианонна и спрашивает:

— А где же мой сын? Где царь?

— Увы, — отвечал Манадун, — с ним случилось большое несчастье.

И он рассказал ей о приключении с белым кабаном. И воскликнула разгневанная женщина:

— Ты покинул своего верного друга в беде! Ты оставил его одного! Ты не друг, а вероломный предатель!

И поспешила к своему несчастному сыну.

Вбежав в заколдованный замок, она увидела молодого царя у колонны.

— Златокудрый! — вскричала она. — Что с тобой? Отчего ты молчишь? Что делаешь ты здесь, в этом замке?

Но он не ответил ни слова.

Она захотела оторвать его руку от чаши, но едва только к ней прикоснулась, как тотчас же прилипла к ней сама. Хотела крикнуть — ни звука. Рядом с сыном и она окаменела, как статуя.

И грянул гром, и на землю спустился туман, и в замке стало темно, как в аду; когда же туман развеялся, на том месте ничего не оказалось: ни чаши, ни женщины, ни замка, ни царя, — голое, дикое место.

Только и остались в том царстве Манадун да молодая царица. Царица тосковала и плакала. Так как Манадуновы псы пропали в заколдованном замке, охотиться без них он не мог — и пришлось ему заняться земледелием. Непривычными руками засеял он три борозды, и — чудо! — урожай

оказался невиданный. Тучные колосья сгибались под тяжестью зёрен и радовали новичка-земледельца.

«Завтра же нужно косить! — думал он. — Я такого урожая и не чаял».

Но когда на следующее утро он пришёл спозаранку с кошой, поле оказалось уже скошенным, только щетина соломы торчала кое-где из земли. Он кинулся к другой полосе, но и там не нашёл ничего, кроме той же ненужной соломы. Только третья полоса, за горой, была ещё не тронута злыми грабителями, и это дало Манадуну надежду, что ему удастся изловить колдуна, который шутит с ним такие жестокие шутки.

«Это, несомненно, тот самый колдун, что погубил наше Счастливое Царство и отнял у меня моего лучшего друга», — сказал себе Манадун и, решив подстеречь похитителя, лёг за кустом у оврага.

Часы протекали, но ничего не случалось. Манадуна клонило в сон. Вдруг, ровно в полночь, послышался какой-то удивительный шорох и шелест, — какое-то шуршанье, словно топот бесчисленных ножек, и, глянув из-за куста, Манадун увидел, что прямо на него по поляне движется целая армия крыс, — покрыла собою всю землю, так и льётся неудержимым потоком, и вот ринулась на его полосу, каждая крыса на один только колос, каждая перекусила стебелёк пополам, и во мгновение ока кинулась с добычей назад.

Манадун побежал за ними, но они бежали так быстро, что ему удалось поймать только последнюю, отставшую крысу.

Он привёз её с собой во дворец и показал Элане.

— Завтра я убью эту крысу, — злорадно сказал он царице.

— Высокородный рыцарь, — сказала Элана, — едва ли тебе подобает расправа с мышами и крысами. Предоставь эту забаву деревенским мальчишкам. Отпусти зверька на свободу.

— Нет, государыня, — отвечал Манадун. — Это зверёк не простой. Я чувствую, что он заколдованный. Его необходимо казнить.

— Делай, как знаешь, — сказала Элана.

На следующее утро Манадун взял колдовского зверька и пошёл к реке, чтобы его утопить. Вдруг послышался конский топот. Манадун удивился, потому что с тех пор, как Счастливое Царство чарами злого волшебника было превращено в пустыню, он не видал ни одного человека, кроме царя и обеих цариц. Вскоре на великолепном коне к нему подъехал какой-то величавый старик, за которым в роскошных нарядах следовала многочисленная свита.

— Здравствуй, рыцарь! — сказал величавый старик. — Что ты делаешь здесь над рекой?

— Воришку наказываю, — отвечал Манадун. — Эта крыса обокрала меня. Вот я сейчас привяжу ей на шею бульжник и швырну её на середину реки.

— Стыдись, благородный рыцарь. Пристало ли тебе вонзиться с крысами? Отпусти эту бедную тварь на свободу, и я дам тебе за неё десять червонцев.

— Нет, — отвечал Манадун. — Нужно её наказать.

— Я дам тебе двадцать червонцев, — волнуясь, сказал старик. — Отпусти, отпусти эту крысу. Отпусти её сию же минуту.

Рыцарь догадался, что этот величавый старик и есть тот самый колдун, который погубил всю страну, который похитил молодого царя и его мать Рианонну.

И он сказал старику:

— Дай мне хоть сотню червонцев, я и то не отпущу этой крысы.

Лицо старика омрачилось. Руки у него задрожали.

— Возьми всех моих коней, и всё моё золото и все мои драгоценные ткани, только отпусти эту крысу.

— Ни за что! — отвечал Манадун.

— Проси, чего хочешь, я всё тебе дам, только отпусти эту крысу.

— Хорошо, — сказал Манадун. — Я согласен, если ты отпустишь на волю царя Златокудрого и его мать Рианонну.

Старик нахмурился и нехотя сказал:

— Я готов... Освободи эту крысу — и они тотчас же будут свободны.

— Это не всё, — сказал рыцарь. — Ты должен сию же минуту снять свои проклятые чары с нашего Счастливого Царства.

— Отлично, отлично! — закричал скороговоркой старик. — Отпусти же крысу скорее, не медли...

— Но и этого мало, — медлительно сказал Манадун. — Раньше ты должен сказать мне, кто такая эта крыса и почему ты так хлопчешь о ней.

— Это моя жена, — застонал со слезами старик. — Я сам превратил её в крысу, чтобы уничтожить у тебя урожай и уморить тебя голодной смертью. Я — волшебник Луд, сын Килкуда, и мой отец, умирая, завещал мне на смертном одре ненависть к вашему Счастливому Царству. «Преврати его в Несчастное Царство, разори его, сокруши, погуби!» — такова была его последняя заповедь. Мой отец ненавидел счастливых и хотел искоренить их на земле. Их весёлость оскорбляла его, их буйные песни и радостный смех причиняли ему лютую боль. Я выполнил отцовский завет. На земле не стало Счастливого Царства, я превратил его в голую степь... Но бедная моя жена... я не предвидел, что своими жестокими кознями я подвергаю её такой позорной опасности. Отпусти же её, рыцарь, скорее. Посмотри, как она бьётся и мечется.

Едва он произнес эти слова, как на холме появился царь и рядом с ним его мать Рианонна.

— Видишь, я выполняю свои обещания, — сказал нетерпеливо старик, — отпусти же, отпусти мою жену.

Рыцарь выпустил крысу из своей железной перчатки, она подбежала к колдуну; тот коснулся её своим волшебным жезлом, и она мгновенно превратилась в красавицу, вскочила на коня и ускакала. Колдун и вся его блестящая свита тотчас же помчались за ней.

А голая и дикая пустыня снова превратилась в Счастливое Царство. Всюду снова появились весёлые, смеющиеся люди, и когда царь вместе с матерью, женою и другом вернулся к себе во дворец, он увидел там целую толпу короле-

вичей, рыцарей, дам, которые как ни в чём не бывало пировали за круглым столом, уставленным роскошными яствами.

Волшебник сдержал своё слово: Счастливое Царство навеки избавилось от всякого горя.

КРАСНОЗУБЫЙ АИН (*Староанглийская сказка*)

1

Калиган был жадный и грубый мальчишка. Он никого не любил — только себя самого. Надоело ему сидеть дома, и он решил уйти куда глаза глядят. И сказала Калигану его мать, старая вдова Мэри-Анна:

— Возьми ковшик и принеси мне из колодца воды. Я испеку тебе пирожок на дорогу. Да смотри, чтобы вода не расплескалась.

Взял Калиган ковшик, пошёл к колодцу, кое-как зачерпнул воды и, покуда бежал назад, расплескал всю воду. Только и осталось, что на доньшке.

И сказала ему Мэри-Анна:

— Мало же принёс ты мне воды! Оттого и пирожок выйдет маленький. Принёс бы больше — и пирожок был бы больше.

И правда, пирожок вышел крошечный.

И сказала Мэри-Анна Калигану:

— Сын мой, я не ела целый день. Дай мне кусочек твоего пирожка.

— Ну нет! — отвечал Калиган. — Мне и самому еле хватит.

И сунул пирожок себе в котомку.

— Так ступай же прочь с моих глаз! — крикнула ему Мэри-Анна. — За то, что ты не дал мне пирожка, я не дам тебе материнского благословения!

— И не надо! — сказал Калиган. — Плакать не стану. На что мне твоё благословение! Обойдусь без него!

И, беззаботно напевая, он отправился в путь. Шёл он, шёл по полям, по лесам и видит: у дороги пасутся овцы. И тут же на пригорке сидит старей-престарей пастух.

Калиган подошёл к пастуху и спросил:
– Чьи это овцы? Какого хозяина? Не нужен ли хозяину работник?

Пастух посмотрел на него и прошамкал в ответ:

Мой хозяин – Аин,
Краснозубый Аин.
У пяти у царей
Он украл дочерей.
Он им есть не даёт,
Он их палками бьёт, –
Палки золотые,
Шёлком обвитые.

«Ну нет, – подумал про себя Калиган. – Не нужно мне такого хозяина!»

И пошёл по дороге дальше. Шёл он день, шёл другой, видит: огромное стадо свиной, и тут же на пригорке сидит свинопас. И спросил он у свинопаса:

– Скажи-ка, дедушка, кто твой хозяин? Не нужно ли твоему хозяину работника?

Свинопас был старей-престарей. Долго он молчал и о чём-то думал. Наконец пробормотал тихим голосом:

Мой хозяин – Аин,
Краснозубый Аин.
У пяти у царей
Он украл дочерей.
Он им есть не даёт,
Он их палками бьёт, –
Палки золотые,
Шёлком обвитые.

«Опять этот Аин! – подумал удивлённый Калиган. – Нет, не нужно мне такого хозяина. Скорее бы уйти из этих мест!»

И он быстрее зашагал по дороге. И к вечеру увидел стадо коров, а возле них на траве – пастуха с длинной седой бородой.

– Чьи это коровы? – спросил он. – Не возьмёт ли меня твой хозяин в работники?

Но пастух еле слышным голосом пропел ему ту же песен-

ку о краснозубом разбойнике Аине, который похитил несчастных девушек, и морит их голодом, и мучит их.

— Надоело мне слышать про этого Аина! — сердито сказал Калиган. — Всё Аин да Аин, куда ни пойдёшь! Уйти бы от него поскорее! — И быстрее зашагал по дороге.

Но старичок закричал ему вслед:

— Что ты делаешь, безумный? Опомнись! Или ты хочешь погибнуть? Свиньи, коровы и овцы, которых ты встречал по дороге, — безобидные, мирные твари, но те людые звери, которых ты встретишь теперь, растерзают тебя, как мышонка.

— Выдумывай, трусишка старикашка! — грубо сказал Калиган и пошёл как ни в чём не бывало вперёд.

Но не прошёл он и сотни шагов, как вдруг видит: идут на него страшные звери — у каждого по три головы, а на каждой голове по четыре рога, — идут, и рычат, и хотят его съесть.

Он испугался и бросился прочь, через горы, через поля и леса, и вдруг увидел ворота высокого замка. Ворота были распахнуты настежь. Он вбежал туда и очутился в богато убранной комнате. В комнате не было ни одного человека. Он вбежал в другую комнату и там не нашёл никого. Он в третью — и та пустая. Где же люди? Он спустился по лестнице в кухню. Там он увидел горбатую старуху, которая сидела около печки и вязала.

— Не гони меня, пожалуйста, добрая женщина! — сказал он, дрожа от страха. — Позволь мне переночевать в этом замке.

— Ладно, оставайся, — сказала старуха. — Никто тебя отсюда не гонит. Но едва ли тебе здесь понравится. Ведь это замок Краснозубого Аина, а он не щадит никого: глотает и женщин, и стариков, и детей!

Калигану стало ещё страшнее, и он кинулся к двери бежать, да вспомнил тех страшных трёхголовых чудовищ, которые гнались за ним в поле, и сказал, обливаясь слезами:

— Спрячь меня, бабушка, приюти до утра, до рассвета, а утром я уйду потихоньку!

— Полезай сюда, — сказала женщина и толкнула его в тёмный угол под лестницу.

Там он улёгся и скоро уснул. Но вот лестница зазвонела, и он услышал у себя над головой чьи-то медленные и тяжёлые шаги. Это Аин вернулся домой и поднимается по лестнице в спальню. Но почему он остановился на лестнице? Почему он спускается вниз? Вот он на кухне... чего ему нужно? Почему он шарит по всем закоулкам?

И вдруг словно гром прогремел, — Аин зарычал по-звериному:

— Чую, чую человеческий дух! Будет мне хороший ужин!

Он сунул под лестницу огромную лапищу и вытащил оттуда Калигана. Глянул Калиган и обомлел: Аин — огромный, как дом, разинул рот и щёлкает зубами, а зубы у Аина красные-красные, как человеческая кровь. И взмолился Калиган о пощаде. Аин засмеялся и сказал:

— Ладно, я пощажу твою жизнь, если ты отгадаешь одну загадку. Если же нет, не прогневайся.

И снова защёлкал зубами.

— Какую загадку? — пролепетал Калиган.

— А вот какую: что дороже золота и краше солнца?

Калиган мгновенно ответил:

— Сладкие медовые пряники лучше всего на земле!

Людоед захохотал и воскликнул:

— Ну, куда тебе, глупцу, отгадать!

Ударил его волшебным жезлом и мгновенно превратил в камень.

2

Был у Калигана брат, которого звали Гарольд. Он тоже был грубый и жадный. Когда он захотел путешествовать, мать испекла и ему маленький пирожок на дорогу. И сказала: «Отломи мне кусочек, я ничего не ела со вчерашнего дня». И он ответил: «Не дам ни кусочка».

И ушёл из дому, даже не взглянув на неё.

И вскоре попал в плен к Краснозубому Аину. Тот загадал и ему загадку:

— Что дороже золота и краше солнца?

И он ответил:

— Медовые пряники!

И Краснозубый Аин посмеялся над ним и превратил его в камень.

Был у бедной вдовы Мэри-Анны ещё один сын — самый младший. Звали его Валентайн. Однажды он сказал своей матери:

— Что-то долго не возвращаются братья... Не случилось ли с ними беды? Позволь мне, я пойду искать их. Может быть, им нужна моя помощь.

И сказала ему Мэри-Анна:

— Оставайся, сыночек, со мной. Ты ведь у меня самый младший.

— Нет, матушка, благослови меня в путь. Чует моё сердце, что с ними случилось недоброе.

И сказала ему Мэри-Анна:

— Ну, нечего делать, иди. Только раньше возьми этот ковш и принеси мне воды из колодца. Да смотри не расплескай, не пролей.

И мальчик принёс ей воды — полный ковш! Нёс осторожно, чтобы не расплескать, не разбрызгать. Она испекла ему пирожок и сказала:

— Дай-ка мне кусочек твоего пирожка. Я не ела сегодня целый день.

— Да возьми себе, родная, хоть весь!

И обняла его вдова Мэри-Анна, и благословила его, и пожелала ему счастливого пути. И пошёл он по той же дороге, по которой прошли его братья. Шёл он, шёл, и захотелось ему есть, и вынул он из сумки кусок пирожка, но только поднёс его к губам — подошла к нему горбатая и хромая старуха, протянула руку и сказала:

— Я умираю с голоду. Накорми меня, сынок, дай мне кусочек.

Хотя Валентайн и сам был голоден, но, когда он посмотрел на печальное лицо бедной старухи, ему стало так жалко её, что он дал ей кусок пирога.

И случилось чудо! Горбатая нищенка превратилась в красавицу фею, её рваные лохмотья стали роскошной

одеждой, и в руке у неё оказалась маленькая волшебная палочка.

— Возьми эту волшебную палочку, — сказала она. — Я добрая фея. Мать благословила тебя и пожелала тебе счастливого пути, и потому тебе будет удача во всех твоих делах и приключениях. Благословение твоей матери привело и меня сюда, на твой путь. Смотри же, не потеряй эту палочку, она скоро тебе пригодится.

И фея растаяла, как облако. А Валентайн весело и бодро пошёл дальше. И вот он, подобно братьям, увидел трёх стариков пастухов, которые пропели и ему песню о злом великане Аине:

Наш хозяин — Аин,
Краснозубый Аин.
У пяти у царей
Он украл дочерей.
Он им есть не даёт,
Он их палками бьёт, —
Палки золотые,
Шёлком обвитые.

И, когда появились страшные трёхголовые звери, Валентайн не испугался. Он только взмахнул своей волшебной палочкой, и чудовища сейчас же исчезли. Он бесстрашно подошёл к замку Аина и громко, что есть силы, постучал в ворота. К нему вышла седая горбунья и зашептала в испуге:

— Уходи, уходи скорее! Сюда уже приходили какие-то люди, и с ними случилась беда. Аин беспощаден и зол.

Но смелый Валентайн сказал:

— Впусти меня, я никого не боюсь! Уж я покажу твоему Аину, только бы добраться до него! Живым он от меня не уйдёт!

Старуха нехотя впустила его и спрятала в чулане под лестницей.

И вот снова заскрипела лестница, и в кухню ввалился Аин. Он громко зачмокал губами и заревел на весь дом:

— Чую, чую человеческий дух! Будет мне хороший ужин!

Сунув под лестницу руку, он вытащил оттуда Валентайна.

— Ну-ка, отгадай мою загадку: что дороже золота и краше солнца?

И отвечал Валентайн не задумываясь:

— Дороже золота, и краше солнца, и слаще мёда, и лучше всего на земле — благословение любящей матери.

— Отгадал! Отгадал! — завопил людоед и заплакал.

Его красные зубы застучали от страха. Ему издавна было предсказано, что тот, кто отгадает загадку, победит и погубит его. Руки у злодея опустились, и он стал умолять о пощаде.

Но смелый юноша схватил топор и с одного маху отрубил великану голову. А потом взял у старухи ключи, спустился в подвал замка и освободил бедных девушек, которых мучил и терзал великан. С весёлыми песнями выбежали они из темницы, прославляя своего избавителя.

Но Валентайну было некогда веселиться и радоваться. Он оставил пляшущих девушек на зелёной лужайке и побежал в старый, запущенный сад, к двум заплесневелым камням, которые валялись под кустами. Камни были холодные, скользкие, по ним ползали жабы и ящерицы. Не медля ни минуты, Валентайн взмахнул своей волшебной палочкой, и камни ожили, зашевелились, запрыгали и превратились в братьев Валентайна. Братья кинулись к Валентайну на шею и горячо благодарили его за то, что он освободил их от чар колдуна.

— Теперь уж мы никогда-никогда не будем причинять нашей матери ни малейшего горя! Теперь мы видим, какая великая сила таится в материнской любви.

Все были счастливы. Юноши и девушки взяли за руки и, смеясь, побежали по лугам и лесам — домой. И как обрадовались их друзья и родные, когда увидели, что они живы, здоровы, свободны и веселы!

И все хвалили смельчака Валентайна. Старая Мэри-Анна до конца своей жизни гордилась его подвигами и постоянно твердила, что трусами бывают только злые люди, а добрые, великодушные, щедрые — все до одного храбрыцы.

ЗОЛОТОЙ ПОРОШОК

(Арабская сказка)

1

Отчего ты так печален, мой добрый визирь? — спросил однажды у своего визиря юный калиф Аль-Шаид.

— Повелитель, я скажу тебе правду, — отвечал со вздохом визирь. — На улице я встретил купца, который разложил предо мною такие редкостные, ценные товары, что мне страстно захотелось их купить. Но я беден, в кошельке у меня ни червонца, и пришлось отпустить продавца, не купив у него ничего.

Засмеялся калиф и сказал:

— Ну, твоя беда поправимая. Бегите, мои верные слуги, на улицу и скорее приведите купца. Посмотрим, что у него за товары, которые так полюбились взыскательному моему визирю.

Слуги кинулись в разные стороны и вскоре ввели во дворец смуглого седого старика, который, поклонившись калифу, разложил перед ним на полу ожерелья, браслеты, кинжалы.

Калиф полюбовался товарами и, купив для себя золотую гребёнку, украшенную изумрудом и жемчугом, остальное подарил визирю. Купец, получивший немалую прибыль, встал и собрался уходить, когда вдруг в его опустелом ларце калиф заметил шкатулку, расписанную эмалью и золотом.

— Что это у тебя за шкатулка? — любопытствовал он.

— Это? — смутился купец. — Это столь ничтожный пустяк, что я не осмеливаюсь его показать такому тонкому ценителю, как ты.

— А что в этой шкатулке внутри?

— Обыкновенный золотой порошок... Говорят, что будто он волшебный, да мало ли что говорят! Если тебе по душе эта дрянная коробочка, оставь её, владыка, у себя, хоть она и недостойна такой чести.

И, поклонившись до земли, он исчез. Калиф внимательно рассматривал подарок и вскоре заметил, что он весь испещрѐн какими-то непонятными знаками, узорчатыми, замысловатыми буквами. Он выдвинул крышку, и перед ним засверкал огненно-золотой порошок. Что это за порошок, что за буквы? Любопытство разбирало калифа. Он созвал своих слуг и повелел привести во дворец ученого Селимахана, которого величали мудрейшим. Вскоре мудрейший предстал пред очами калифа. Калиф дал ему шкатулку и сказал:

— Вникни в эти письма, Селимахан, и разгадай их таинственный смысл. Если разгадаешь, я награжу тебя красным кафтаном, а если нет — твои пятки отведают палок, чтобы ты не звал себя понапрасну мудрейшим.

Селимахан задрожал, как былинка, и, напаялив черепаховые большие очки, стал всматриваться в непонятный узор.

— Благодарение Аллаху! — радостно сказал он наконец. — Мои пятки спасены от позора. Письмена на шкатулке — китайские, а этот язык мне знаком.

Вот что прочитал он калифу:

«Тот, кому достанется этот золотой порошок, пусть проглотит его натошак и, глядя на свою левую пятку, скажет одиннадцать раз магическое слово «Мутабор». Тогда он превратится в какое угодно животное и ему станет доступен язык всех зверей, и камней, и деревьев. Но горе ему, если, превратившись в животное, он не воздержится от неуместного смеха: не быть ему тогда человеком. Так он и останется до конца своих дней в диком нечеловеческом образе».

Выслушав Селимаханово чтение, калиф несказанно обрадовался. Он подарил мудрецу алый кафтан и, отпустив его с миром, весело сказал визирю:

— Разбуди меня завтра пораньше, и мы оба, превратившись в животных, послушаем, о чем говорят меж собою лесные и болотные твари. А к ужину мы снова преобразимся в людей и за дымящимся блюдом баранины посмеёмся над своими приключениями.

Обрадованный визирь отвечал:

— С детства я только о том и мечтаю, как бы превратить-

ся в журавля. Журавли — учёные, вещие птицы, они всю жизнь скитаются по свету, и их беседа была бы для нас поучительна, если бы мы понимали её. Преврати меня, владыка, в журавля!

— Хорошо, — сказал калиф. — Я согласен. Не забудь же разбудить меня пораньше.

2

На следующий день, на рассвете, визирь разбудил калифа, и оба они, проглотив по щепотке золотого порошка, вышли в сад и зашептали:

— Мутабор... мутабор.

И вдруг почувствовали, что носы у них вытягиваются, а руки превращаются в крылья. Шея удлинилась на целый аршин, тело покрылось перьями, и не успели они оглянуться, как превратились в журавлей.

— Посмотри-ка, — воскликнул калиф, — вон там, на болотной трясине, журавль беседует о чем-то с журавлихой. Подойдем-ка к ним поближе и послушаем.

Они подкрались неслышно к журавлиной чете и услышали такой разговор:

— Здравствуй, красавица Длинные Ноги. Что это ты поднялась спозаранку? Хорошо ли ты почивала? Здорова ли?

— Спасибо, мой любезный Долгонос. Мне просто захотелось полакомиться какой-нибудь лягушкой или змейкой. Нет ли у тебя на примете холодненькой, свеженькой гадины?

Калиф и визирь обомлели. Неужели придется и им насыщаться лягушками, змеями, жабами и другими тошнотворными гадами! Скорее бы превратиться в людей и покинуть эту смрадную топь, где кишат такие богомерзкие твари!

Они поспешили назад. Смешно было глядеть со стороны, как шагает длинноносый визирь, а за ним, с кочки на кочку, калиф. Выбравшись наконец на поляну, они остано-

вились перевести дух, и к ним вернулась былая беспечность.

— У тебя преуморительный вид, — сказал, развеселившись, калиф. — Особенно забавно ты машешь хвостом. Жалко, что здесь нет твоей жены, то-то посмеялась бы она вместе со мной над этим новым твоим украшением.

И оба стали беззаботно смеяться.

— Боже мой, что мы наделали! — внезапно спохватился визирь. — Ведь сказано, чтобы мы не смели смеяться, а не то останемся журавлями навек. Скорее же вымолви волшебное слово, которое превратит нас в людей.

Но напрасно несчастный калиф старался вспомнить волшебное слово, оно ушло из его памяти бесследно.

— Му... му... му... — лепетал он растерянно, но дальше припомнить не мог.

— Мукатор, муратор... — бормотал вслед за своим повелителем в припадке ужаса великий визирь, бормотал весь день и всю ночь, покуда наконец не убедился, что волшебное слово забыто и что не бывать ему визирем никогда.

Уныло поплелись они обратно к болоту, чувствуя страшное изнеможение и голод. Ах, если бы им горячего кофе да жареной, дымящейся баранины! Два дня они не ели ничего. Тайком от визиря, за кусточком, клюнул калиф лягушонка, а потом — червяка, а потом какую-то мелкую болотную змейку. Ему совестно было взглянуть на товарища. Когда же наконец он взглянул, то почувствовал большое облегчение: визирь с таким же застенчивым видом охотился за жирной увесистой жабой. Потом, хлебнув грязноватой воды из болота, оба друга погрузились в сон. Отдохнув, они полетели обратно в столицу и долго кружились над башнями бывшего калифова дворца. Башни были украшены флагами, и на улицах толпился народ. «Боже мой, если бы только они догадались, что я, жалкий длинноносый журавль, — их царь!» — в отчаянии воскликнул калиф. Но народ и не глядел на него. Все взоры были устремлены на какого-то юношу, который в богато расшитом кафтане, на великолепном коне медленно ехал по площади, приветствуемый радостными криками.

— Да здравствует великий Мирза! — кричал народ.

Калиф услышал эти крики и с сокрушением молвил:

— Они выбрали себе другого калифа. Этот Мирза был моим злейшим врагом. Его отец Рашанур — дьявольски хитрый колдун — давно уже замыслил погубить меня и сделать калифом своего сына. Теперь это ему удалось. Я уверен, что проклятый золотой порошок, который довёл нас до гибели, изготовлен колдуном Рашануром.

— Что же нам делать? — застонал огорченный визирь.

— Летим на могилу пророка. Может быть, пророк услышит нашу молитву и снимет с нас проклятые чары.

Долго летели они, — до могилы Магомета не близко. С непривычки они очень устали и опустились в долину для отдыха. В долине они увидели развалины какого-то старинного здания, откуда до них донеслись какие-то отчаянные стоны.

— Кто это там так громко рыдает? — воскликнул в тревоге калиф. — Пойдем и поможем несчастному!

3

Рыдания звучали всё громче. Журавли влетели в окно и остановились в немом удивлении. Они увидели на железной заржавленной двери большую круглоглазую сову, которая неутешно рыдала. Крупные слёзы струились у неё по щекам и падали с шумом на пол. Увидев журавлей, она вся встрепенулась, утёрла крылом глаза и на чистейшем арабском наречии сказала им радостным голосом:

— Здравствуйте, милые гости! Добро пожаловать! Я рада вас видеть, потому что мне было пророчество, что меня спасут журавли. Знайте, я не сова, а прекрасная девушка Лула, дочь храброго морехода Синдбада. Злой чародей Рашанур превратил меня в мерзкую птицу за то, что я прогнала его сына, татарского царевича Мирзу. Мирза хотел жениться на мне, но я прогнала его прочь. Рабы Рашанура напоили меня какой-то сладостной благоуханной водой, и вот я ста-

ла омерзительным пугалом, и Рашанур швырнул меня на эту груду камней и со злорадством сказал:

— Ты отвергла моего сына Мирзу, прекрасного татарского царевича, посмотрим же, кто возьмет тебя в жёны теперь! Не много найдет женихов гадкая уродина-сова! Сиди в этой дыре и рыдай: куда ты не станешь невестой, мои чары с тебя не спадут...

Выслушав этот горький рассказ, калиф кинулся к сове и воскликнул:

— Будь моей женой, дорогая сова! Я ведь тоже не журавль... я калиф. А это — мой великий визирь. Мы тоже околдованы злым Рашануром. Я с радостью возьму тебя в жёны, чтобы спасти тебя от его дьявольских чар и вернуть тебе человеческий облик.

И он подробно рассказал своей невесте, как погубил их злодей Рашанур.

— Ты так великодушен, благородный калиф! — радостным голосом сказала сова. — И мне кажется, что за твоё благодеяние мне удастся отплатить тебе тем же. Слушай: злой чародей Рашанур со своими колдунами и ведьмами нередко приходит сюда по ночам. Они пируют здесь от зари до зари и похваляются своими злодеяниями. Спрячься здесь за стеною, в углу, вслушайся в их пьяные речи. Авось они сболтнут то волшебное слово, которое тебе нужно припомнить. Тогда и ты и твой верный визирь снова превратитесь в людей.

Едва она закончила речь, как послышался грохот и топот. Среди развалин закопошились какие-то безобразные люди. Калиф сразу узнал в их толпе того самого злодея-торговца, который всучил ему колдовской порошок. Торговец был, видимо, пьян и горланил бессвязную песню. Вскоре к нему подошел отвратительный скрюченный карлик, злой чародей Рашанур.

— Ну что, ты исполнил моё поручение? — громко спросил он у пьяного.

— Твоё поручение исполнено, — со смехом отвечал ему торговец. — Я сам наблюдал из-за дерева, как глупый калиф и его крепкоголовый визирь превратились навсегда в журавлей.

— Отлично! — сказал Рашанур. — Иди ко мне, и я расцелую тебя. Но почему ты уверен, мой сын, что они останутся журавлями навсегда?

— Я сказал им такое волшебное слово, которое они сейчас же забыли.

— Какое же сказал ты им слово?

И громко и отчетливо пьяный голос произнес:

— Мутабор.

Журавли так и запрыгали от радости. Они выбежали впопыхах на поляну и закричали: «Мутабор, Мутабор!» и тотчас же превратились в людей. Как сумасшедшие, стали они плясать и мальчишествовать, и вдруг, оглянувшись, увидели, что за ними с улыбкой следит какая-то прекрасная девушка. Они застыдились и опустили глаза, а красавица сказала нежным голосом:

— Не узнали своей бедной совы! Я дочь морехода Синдбада и невеста калифа Аль-Шадида.

Пленённый ослепительной её красотой калиф воскликнул:

— Спасибо злomu колдуну Рашануру! Если бы не его жестокие чары, не найти бы мне такой прекрасной жены.

И он вместе с невестой и другом поспешил к мореходу Синдбаду, который безмерно обрадовался, увидя вновь свою милую дочь, — и через несколько дней в Багдаде была справлена пышная свадьба, после которой все четверо взошли на корабль Синдбада и уехали в дальние страны.

— Не желаю быть калифом, — сказал своему другу Аль-Шаид. — Куда приятнее быть мореплавателем!

И он уже не возвращался в Багдад.

А сын колдуна Рашанура не долго оставался калифом. Однажды, блуждая по залам дворца, он увидел расписную шкатулку, наполненную золотыми песчинками. Он долго любовался их блеском и, сам не замечая, что делает, взял их нечаянно в рот. Мгновенно он стал уменьшаться и превратился в летучую мышь.

Так ему и надо, нехорошему!

ЖАН-БЕДНОТА И ЗАЯЦ (По П. Кутюрье)

1

Все мальчики и девочки любят смеяться.

Но был такой мальчик, который никогда не смеялся.

Его звали Жан. У него не было ни папы, ни мамы. Мама у него умерла, а папа ушёл на войну. Жан был несчастный, голодный, оборванный. Все звали его Жан-Беднота. Он ходил по улицам и плакал. У него даже хлеба не было, и он должен был выпрашивать себе черствую корку.

Как же ему было смеяться? За всю свою жизнь он даже не улыбнулся ни разу.

Вот однажды ушёл он в лес и видит, что за деревом притаился охотник. В руках у охотника ружьё. Охотник злой, он хочет убить зайца, который весело резвится на поляне.

Мальчику стало жаль зайца, он хлопнул в ладоши и крикнул:

Зайка, зайка,
Убегай-ка
За кусток,
Под мосток!

А не то тебя убьют,
Шкурку серую сдерут,
На базаре продадут!

Заяц услышал песню и — бежать. Охотник выстрелил, но не попал. Очень он рассердился на Жана, погрозил ему кулаком и крикнул:

— Негодный мальчишка! Ты прогнал мою дичь! Вот погоди, я подстрелю тебя вместо зайца!

Но Жан даже не посмотрел на охотника. Он ушел далеко, в чащу леса, сел на камушек и горько задумался. Скоро ночь, пора ложиться спать, а где он ляжет? Трудно маленькому мальчику спать на голой холодной земле, где ползают

жабы и змеи. Жану очень хотелось есть. Он сунул руку в карман и нащупал хлебные крошки — о, радость! Сейчас он отлично полакомится!

Но вдруг неподалеку раздался какой-то крик. Ко-ко-ко-ко! Это кричали куропатки. Они кричали так жалобно, будто плакали.

«Бедные! — подумал Жан. — Отдам-ка я им мои хлебные крошки. Меня эти крошки все равно не насытят».

Вот обрадовались куропатки! Они действительно были голодные. Поклевали они крошки и уже собрались улететь, как вдруг Жан-Беднота заметил, что из-за дерева торчит дуло ружья. Это злой охотник хочет подстрелить бедных птиц. Жан сейчас же закричал что есть силы:

Куропатки, куропатки!
Улетай во все лопатки!

Куропатки вспорхнули и спаслись от охотника.

Жан-Беднота остался один и уже хотел лечь спать тут же в лесу под кустом, но глядит, а перед ним знакомый заяц — ушки вверх, весь трясется, встал на задние лапы и говорит, немного заикаясь:

— Спа-па-сибо тебе, Ж-жан-Б-беднота! Ты с-па-а-пас м-меня от смерти, и этого я н-никогда не заб-буду.

Заяц был заика. Он заикался от страха. Все зайцы — заики. И все же они любят поболтать. Жаль, что люди не хотят их слушать. Мы узнали бы от зайцев много интересных вещей. Чуть заяц откроет рот, чтобы сказать первое слово, люди налетают на него, пугают его, гонят, убивают. Поэтому еще ни один заяц никогда не говорил с человеком. Вины в этом не зайцы, а люди.

Но так как этот заяц знал, что Жан-Беднота очень добрый, он не побоялся подойти к Жану и заговорить.

Жан снял шляпу и сказал ему вежливо:

— Здравствуй, милый зайнышка! Очень рад, что ты в добром здорovie.

Заяц совсем осмелел. Он лихо закрутил свои усы, посмотрел на луну и сказал:

— Какова п-п-п-по-го-да! П-п-п-росто п-п-п-ре-лесть. Дь-дь-дивная луна. П-п-п-ревос-ходная ночь! Не хочешь ли п-п-п-прогуляться!

— С удовольствием, милый заяц, но я боюсь, что мне за тобой не угнаться, у тебя такие быстрые ноги.

Заяц засмеялся и сказал:

— Неужели ты думаешь, ч-что я зову тебя прогуляться п-пешком! Нет, я п-п-покатаю тебя на моем аэроплане.

— На твоём аэроплане! — воскликнул Жан-Беднота. — У тебя, у зайца, есть аэроплан?

— Неужели ты не знал! — сказал заяц. — Теперь у всех зверей — аэропланы. У волка — свой, у лисицы — свой. И у меня, у зайца, тоже свой.

Тут заяц так заважничал, что даже заикаться перестал.

— А звери не рассердятся, что ты катаешь меня? Они, кажется, не очень-то любят людей.

— Людей они не любят, — сказал заяц. — Люди такие злые. Но ты, Жан, — добрый, ты не обидишь ни зверушки, ни птицы, и поэтому все звери полюбили тебя. К тому же, милый Жан, ты за всю свою жизнь не съел ни кусочка мяса. Случалось ли тебе, например, кушать котлеты из зайца?

— Нет, не случилось, — ответил Жан и вздохнул. — Куда мне мясо! Хлеба бы побольше, и то хорошо.

— Я так и знал! — сказал заяц. — За то тебя и любят наши звери, что ты даже не пробовал ихнего мяса. Им давно уже хочется доставить тебе удовольствие — покатавать тебя под облаками. Они желают, чтобы ты улыбнулся.

— Чтобы я улыбнулся? — переспросил Жан.

— Да, да, чтобы ты хоть раз улыбнулся! — ответил заяц. — Ты ведь никогда не улыбаешься. Мы давно уже заметили это. Ты часто плачешь, но не умеешь смеяться. Мы хотим, чтобы ты засмеялся.

Жан посмотрел на небо. Полететь туда, к облакам, где летают журавли и жаворонки. Долететь до звёзд, до луны.

— Ну, где же твой аэроплан? — крикнул он.

Заяц прыгнул в кусты, собрал какие-то ветки и прутики, смастерил из них носилки и сказал Жану:

— Садись!

— Но где же твой аэроплан? — воскликнул мальчик.

Заяц ничего не ответил, но вскочил на кочку и свистнул.

Тотчас же откуда ни возьмись прилетели на поляну куро-патки, те самые, которых Жан накормил черствыми крошками хлеба. Все они уселись по краям сделанных зай-цем носилок, каждая куропатка взялась клювом за какой-ни-будь прутик, заяц сел спереди и крикнул:

Милый, милый Жан,
Садись в аэроплан!
Надо, надо Бедноте
Полетать на высоте!

Жан сел рядом с зайцем. Куропатки взмахнули крыль-ями и подняли носилки на воздух. Они полетели над лесом. У Жана даже дух захватило. О, какие красивые звёзды, крас-ные, зелёные, синие. А небо широкое, большое, большое.

Заяц спросил:

— Н-н-ну что? Хорошо?

— Хорошо, — ответил Жан, но не улыбнулся. Уж очень ему хотелось есть.

2

Полетели дальше, летели, летели, вдруг заяц крикнул:

— Стоп!

И куропатки опустились на какую-то крышу.

— Смотри! — сказал заяц.

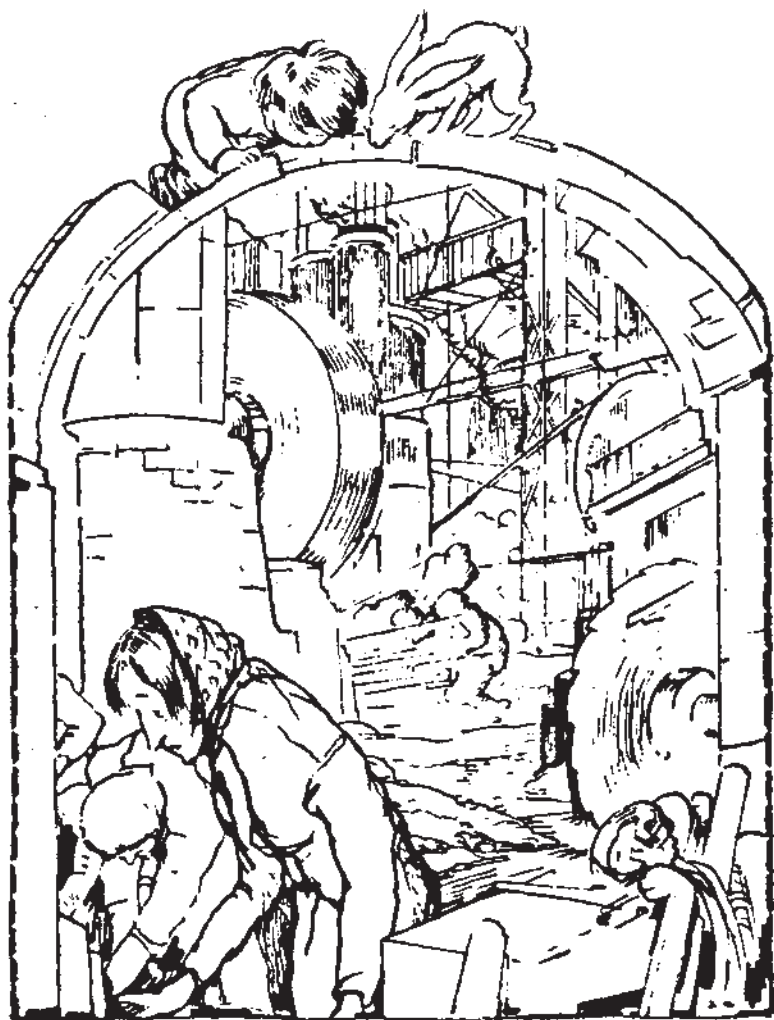
В крыше было окошечко — открытое. Жан заглянул ту-да, и ему чуть не сделалось дурно.

— Фу, какой гадкий запах, какая ужасная вонь!

— Что это такое? — спросил он.

— Это фабрика, — ответил заяц.

— Улетим отсюда, — сказал Жан. — Здесь такая вонь. Я не

могу дышать. Мне кажется, я сейчас упаду и умру. Уведи меня на свежий воздух в леса и поля.

— Нет, Жан, потерпи, — сказал заяц. — Ведь таким отвратительным воздухом дышат миллионы людей. Они никогда не бывают ни в лесах, ни в полях, ни на дачах.

— За что же им такое мучение? Разве эти люди плохие? Что сделали они такого дурного?

— Нет, эти люди — хорошие. Только они бедняки. У них нет ни денег, ни дома, ни земли, ни коровы, ни лошади. У них нет ничего. Вот они и работают на этих ужасных фабриках. Здесь работала твоя мама, Жан, и оттого она так скоро умерла. Она жила бы до сих пор, если бы не работала здесь. Здесь работает много мам. И все они скоро умрут.

Жан зажал нос и стал всматриваться в то, что происходит внизу. Он увидел машины, машины, машины, — машины, которые пилят, машины, которые режут, машины, которые бьют, машины, которые буравят, сверлят, долбят, и все они так грохочут, что у Жана заболели уши.

— А где же люди?

— Вон они — в грязных лохмотьях, чёрные, худые, замученные.

Как они страшно кашляют! Так кашляла мама Жана.

Вон у какой-то машины стоит исхудалая женщина, — кажется, что эти машины выпили всю её кровь. Бедная, какие у нее жёлтые щеки! Будто она никогда не бывала на воздухе. Ей надо скорее к доктору, потому что она больная. Ей ни минуты нельзя оставаться в этой копоти, в этом дыму, в этой пыли, в этой отвратительной вони.

— Эту женщину зовут Мария, — сказал заяц. — Она дочь углекопа. Её муж убит на войне, её отца задавило землёю, когда в шахте случился обвал, её дети умирают от голода.

Жан заплакал. Ему стало жалко Марию. Но заяц сказал:

— Ты думаешь, одна только Мария — несчастная? Нет! Каждая женщина, которая работает здесь, такая же больная и замученная.

— Уйдем, уйдем отсюда! — крикнул Жан. — Ты обманул меня, заяц. Ты сказал, что хочешь, чтобы я улыбался, а сам

привел меня в такое гадкое место, где я могу только плакать.

— Но ведь нужно же тебе знать, — сказал заяц, — какая доля ожидает бедняков. Недаром ты Жан-Беднота.

3

Они полетели дальше. Мальчик прижался к зайцу и горько всхлипывал. Он уже не смотрел ни на луну, ни на звёзды.

И вдруг он прилетел в какую-то великолепную залу. В зале было много столов и белые-белые скатерти. Всюду золото, серебро, цветы, красивые картины, ковры.

За столами сидят люди и едят. Ах, какие удивительные кушанья! У Жана даже глаза разбежались. Ветчина! Колбаса! Жареная курица! Щука! Стерляди! Лососи! Сиги! И ещё какие-то огромные рыбы! Жан таких никогда не видал. О, как чудесно пахнет! Пирожное! Пряники! Торты! Блинчики! Варенье! Мороженое! Мармелад! Шоколад! Сливы! Груши! Апельсины! Абрикосы! Персики! Целые горы винограда, целые башни из разноцветных конфет!

Заяц захлопал в ладоши, но вдруг опустил голову и тяжело вздохнул: он увидел тут же на блюде прекрасное жаркое из зайца.

Жан не мог прийти в себя от восторга. Особенно ему понравился хлеб, — знаешь, такой белый, рассыпчатый, не хуже пирожного, пахнет чудесно и тает во рту. Мальчик жадно пожирал его глазами.

О, как всё блестит и сверкает! Электрические лампочки! Люстры! Зеркала! Хрустальные графины! Стаканы! Какие белые манишки у мужчин, какие яркие бриллианты у женщин! И столько генералов! У каждого генерала вся грудь в орденах! Ордена развешаны, как кастрюли на кухне! Висят на зеленой, на красной, на синей, на оранжевой ленточке!

Но странно: наряды у этих людей были очень красивые, а люди были похожи на самых безобразных и гадких животных.

Один мужчина — толстенький, лысенький, с маленькими глазками, заплывшими жиром, — был так похож на свинью, что было удивительно, почему он не хрюкает.

Другой — тощий, длинноносый, с отвисшей губой — был удивительно похож на осла.

Был там еще мужчина в фиолетовой рясе с тремя подбородками. Он то и дело открывал рот, ну совсем как жаба, когда ей становится жарко.

А женщины! Вот эта похожа на козу, эта — на жирафа, эта — на гусыню, эта — на ящерицу. Вот бык в генеральском мундире, вот индюк, вот обезьяна, вот крокодил, вот волк.

Жуют, попивают вино и хохочут.

Жан спрятался с зайцем под стол и рассматривал весь этот странный зверинец.

— Сколько они едят, — сказал Жан. — Должно быть, они очень много работали.

— Ну нет, — сказал заяц. — Потому они так хорошо и едят, что они совсем не работали.

— Откуда же они достали столько вкусного? Неужели украли?

— Да, — ответил заяц, — они воры.

— О, как нехорошо! — сказал Жан.

— Да, — ответил заяц, — хорошего мало. Посмотри-ка, например, на того толстяка, что похож на свинью. Это хозяин Марии, той, которая работает на фабрике.

— О! — крикнул Жан. — Я побегу и расскажу ему, как Мария больна и несчастна. Он пожалеет её, он сейчас же поедет на фабрику, он даст ей денег, чтобы она отдохнула...

— Не надо, он прогонит тебя, — сказал заяц. — Он никогда и не слышал о Марии, а если бы узнал, что она так больна, рассчитал бы её, как плохую работницу.

— Неужели он такой злой человек?

— Нет, он — фабрикант, — сказал заяц.

— А это одно и то же? — спросил Жан.

Но заяц ничего не ответил.

— Видишь того генерала, который похож на быка, — сказал он, — это и есть самый главный; он командует всеми солдатами там... на войне...

— Но ведь война не здесь, — сказал Жан. — Война там, в окопах, на позициях.

— А на что ему окопы? — сказал заяц. — Ведь сам он не воюет, он сидит вот тут в ресторане, а посылает на войну других. Сам же он только и знает, что обжираться да пьянствовать.

— Значит, он мошенник, обманщик?

— Да, много народу он послал на верную смерть.

— Значит, он злой человек?

— Нет... он — генерал.

— А кто вот этот? — спросил Жан. — Этот в фиолетовой рясе, у которого рот, как у жабы?

— Это? Это важный священник! — ответил заяц. — Его вера велит ему жить бедняком, раздавать все свои деньги нуждающимся, любить всех людей, как родных, а он посылает солдат убивать своих братьев, а сам накопил много золота.

— Ах, какой обманщик! — крикнул Жан. — Ну а этот, который похож на осла?

— Это министр, — сказал заяц, но не кончил своих объяснений, потому что вдруг что-то звякнуло, что-то зазвенело и рухнуло:

Д-цынь! Бум! Трах-та-ра-рах!

Это покатился под стол генерал.

Он так наелся и так накачался вином, что стул не выдержал его и сломался.

Кряк!

Падая, генерал ухватился за скатерть, и все чашки, тарелки, бутылки, вилки, ножи, стаканы со звоном посыпались на генерала.

Огромная суповая чашка тоже полетела со стола и обваляла супом толстый генеральский живот.

Все бросились на помощь к герою. Он хотел подняться и не мог: слишком отяжелел от еды. Жану стало жалко генерала, он вылез из-под стола и спросил:

— Что, этот бедный мошенник, он больно ушибся?

Но вместо ответа Жану дали такого пинка, что он отлетел на пятнадцать шагов. Не успел он подняться на ноги, как на него налетела целая орава генералов, женщин, лаке-

ев. Генералы махали саблями, женщины царапали его, как дикие кошки, и все они отчаянно кричали:

– Держите, держите его! Это он толкнул генерала под стол! Зовите сюда полицейского!

Жан думал, что ему пришел конец. Он кинулся зайцу на шею и крепко обнял своего милого друга.

– Держись крепче! – сказал ему заяц и поскакал что есть силы из зала. Офицеры и дамы – за ними. Обступили их, кричат, не пускают. Заяц увидел, что дело плохо, и крикнул:

Эй, ребята,
Куропатки,
Прилетайте,
Выручайте!

Услышав эту песню, с шумом выпорхнули из-под стола куропатки, задевая крыльями люстры и лампы, разбивая посуду, опрокидывая набор бутылки.

Фррр-фррр-фррр! – шелестели их крылья.

Офицеры подумали, что это началась бомбардировка, и спрятались под столами, за креслами. Дамы упали в обморок.

А куропатки подхватили плетёнку из веток и улетели в окно, унося с собой Жана и зайца. Жан оглянулся: сзади бежали по улицам полицейские, генералы, священник в фиолетовой рясе. Как они кричали, махали кулаками, подпрыгивали!

4

– Трах, тарарах!

– Бум! Бум! Бум!

– Та-та-та-та-так!

– Зиииии! Хлоп!

– Ррррау! Рррррау!

Жана привезли на войну, на позиции.

О, как гадко на войне, как безобразно! Ямы, канавы, грязь, вонь. Жан сделал два шага и упал. Потом прошёл ещё немного и растянулся опять. На войне всегда спотыкаешь-

ся: всюду навалены какие-то камни, какие-то брёвна, какая-то дрянь!

— Что это за мальчишка шатается здесь? — проворчала себе в бороду колючая проволока.

И — хватъ Жана за ногу!

— Откуда ты взялся, малыш? — спросил у него лед, спрятавшийся под водою в канаве. — Вот погоди, я тебя проглочу!

И — крак! Лед сломался, а Жан провалился в канаву.

— А! — сказал штык. — Очень рад! Какие маленькие, миленькие ножки в стоптанных дырявых башмаках! Вот сейчас мы пусти́м из них кровь!

И — тыр: штык вонзился в самую пятку Жана.

— Эй, букашка, куда ты ползёшь? — крикнул огромный снаряд, который был сердит на весь свет, потому что он ещё никого не убил. — Наступи, наступи на меня, я с удовольствием разорву тебя на мелкие части.

И — бах-барабах! — Жан в ту же минуту наступил на него.

— Уйдём, уйдём отсюда! Здесь гадко, здесь страшно! — кричал он зайцу, но заяц и слушать его не хотел.

— Миллионы людей, — сказал он, — живут в этой мерзости несколько лет подряд, а ты не хочешь тут побыть и двух минут!

Жан разбил себе нос, ободрал руки, промочил и оцарапал ноги; нечего делать, — надо было идти вперёд.

— Долго ли ещё будет тянуться этот проклятый фронт? — спросил Жан. — Долго ли будет тянуться война?

— Да, долго, очень долго, — ответил со вздохом заяц. — Целые вёрсты и целые годы.

Они пошли дальше.

Пули свистали кругом, и каждая старалась укусить.

— З-з-з-з-з-и — где же ты? где же ты?

— Ж-ж-ж-ж-ж — я ищущу тебя, тебя, тебя!

— Фьюи-фьюи-фьюи — может быть, ты наверху?

— Звяк! — не попала.

— Блям! — хлопнулась о землю.

— Так-так-так-так-так! Прочь! Не попадайся, беги!

А вот и люди. Жан остановился. Один человек лежит на

снегу, отдыхает, а другой наклонился над колючею проволокой, как будто хочет поправить ее.

Жан подбегает и смотрит. Лицо у человека зелёное, а во лбу у него черная дырочка.

Жан испугался, отскочил и попал прямо в яму. Заяц кинулся за ним. Жан весь дрожал.

— Кто этот человек? — спросил он. — Тот... который там наверху?

— Это какой-то солдат, — сказал заяц. — В голову ему попала пуля, одна из тех, которые свистели кругом... Если бы он остался в живых, он сделался бы великим ученым.

— Почему же он пошел на войну? — спросил Жан.

— Потому что тот обжора-генерал, тот, который кувыркнулся на стуле, приказал ему идти на войну.

— Тот мошенник?

— Да.

Жан так рассердился, что начал дрожать. Ему стало холодно, и он крепко прижался к зайцу.

— Уйдём, уйдём отсюда, милый заяц!.. Ты сказал, что поведёшь меня туда, где мне станет весело, где я буду смеяться, а здесь я могу только плакать.

— Ничего, ты скоро засмеешься, — сказал заяц.

5

Да, довелось и Жану засмеяться.

Пули все еще свистали, пушки все еще лаяли, но вдруг стало тихо, и в небе засияла луна... Вот из неприятельских окопов вылезли какие-то люди.

Это враги, это немцы. Ярко сверкают их медные каски. Сейчас они начнут колоть штыками, стрелять.

Но нет. Они подбегают к французским солдатам, дружески жмут им руки, кричат:

— Товарищи! Товарищи! Товарищи!

И французы хлопают их по плечу и говорят:

— Мы больше не желаем сражаться, к черту войну! Мы

рабочие люди, мы не враги, а друзья, мы не хотим убивать друг друга!

Жан стоит тут же и радуется. Наконец-то поняли люди, что пора прекратить эту глупую бойню.

Ура! Больше не будет войны!

— Пусть воюют между собой генералы, если им так нравится драться. А мы больше не желаем их слушаться!

К Жану подходит немец.

— Я Генрих-Убогий, — говорит он. — Я родился в Мюнхене, в Германии. Там живет моя дочка Клара. Она ждёт меня и вышивает мою жилетку цветочками. Но, кажется, ей не придется увидеть меня.

— А я — Анри-Горемыка, — говорит французский солдат. — Я родился под Парижем, во Франции. Там в деревне живёт моя старая мать. Она ждёт не дожждётся меня, она плачет, но я боюсь, что ей не увидет меня никогда.

— Почему же? — спросил Жан. — Почему?

Жану страшно захотелось, чтобы Генрих вернулся к своей маленькой дочке, а Анри — к своей старухе-матери.

— Почему же вам не вернуться домой? — твердит он. — Кто же может убить тебя, Генрих?

Генрих-Убогий молча показывает на Анри-Горемыку.

— А тебя кто может убить? — обращается он к Анри.

Анри молча указал на Генриха-Убогого.

— Значит, вы оба злые? — спрашивает Жан.

— О, нет! — кричат в один голос и тот и другой. — Мы очень любим друг друга.

— Так зачем же вам драться? — удивленно спрашивает Жан.

— Ничего не поделаешь! Потому что война.

— Так не надо же, не надо войны! — кричит Жан.

И вспомнилась Жану машина, которая выпила всю кровь из Марии, вспомнилась гадкая, вонючая фабрика, вспомнился толстяк фабрикант, похожий на большую свинью, вспомнился важный священник, у которого рот, как у жабы, и генерал, похожий на быка, и страшное поле сражения.

— Нет, больше не надо войны! — кричит Жан. — Идите

по домам, воротитесь на родину, вы все убогие, горемыки, работники! Обнимите друг друга, братайтесь, кричите: долой войну!

Солдаты обрадовались; они засмеялись и заплакали сразу, стали говорить о своих детях и женах. И не было больше ни французов, ни немцев, все были братья, и хором кричали одно:

— Долой генералов, долой войну!

О, как щедро они накормили Жана чёрным солдатским хлебом!

Тогда-то и случилось это чудо: *Жан улыбнулся*. Жану захотелось смеяться. Да, да, он смеётся, он хлопает в ладоши, он счастлив.

Он забыл, что он голоден, что его папа убит на войне, что его мама умерла на заводе; он рад, что больше не будет ни крови, ни слез.

Довелось и Жану посмеяться.

— Спасибо тебе, заяц, — кричит он, — ты и вправду доставил мне счастье!

Даже луна, и та не может удержаться от смеха.

Даже колючей проволоке стало совестно царапаться и злиться. Она решила провалиться сквозь землю. Только её и видели!

Трёхцветные знамёна разлетелись в клочья.

Штыки сломались.

Пули и бомбы утопились в болоте.

Пушки опрокинулись на спину.

То-то была радость. Даже куропатки запели, даже заяц заплясал на задних лапках.

Тра-та-та, тра-та-та!
Поумнела беднота!
Не желает воевать,
А желает пировать!

Эх! довольно бедноту
Одурачивали!
Бедноту-простоту
Околпачивали!

Уж народ
Стал не тот,
Да, не тот,
Да, не тот!
Не клади им пальца в рот!
Пальца в рот,
Пальца в рот!

Тра-та-та, тра-та-та!
Поумнела беднота!

Так расплясался косой, что даже унять было трудно.
А потом все солдаты, — все, сколько их было, — уселись в
аэропланы и помчались — куда?

Конечно, в Россию, на север, туда, где люди захотели на-
учиться, как им сделаться свободными и добрыми.

Написано в 1917 году

СОРОКА-ВОРОНА

Сорока-ворона
Кашу варила,
На порог скакала,
Гостей созывала.

Гости не бывали,
Каши не едали.

Всю свою кашу
Сорока-ворона
Деткам отдала.

Этому дала,

Этому дала,

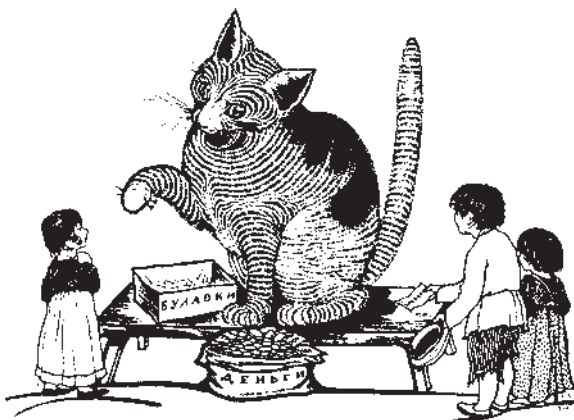
Этому дала,

Этому дала,

А этому не дала:

— Зачем дров не пилил,

Зачем воду не носил!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

У кота ли, у кота
Колыбелька золотá;
У дитяти моего
Есть покраше его.

У кота ли, у кота
Периночка пуховá;
У мово ли у дитяти
Да помягче его.

У кота ли, у кота
Изголовья высокá;
У дитяти моего
Да повыше его.

У кота ли, у кота
Одеяльца хороша;
У дитяти моего
Есть получше его.

У кота ли, у кота
Занавесочка чиста;
У мово ли у дитяти
Есть почище его.

Есть почище его
Да покраше его.

КОЗА

Идёт коза рогатая.
Идёт коза бодатая,
Ножками топ-топ,
Глазками хлоп-хлоп.
Кто каши не ест,
Молока не пьёт,
Забодает, забодает, забодает.

ПОЖАР

Тили-тили-тили-бом!
Загорелся кошкин дом.
Кошка выскочила,
Глаза выпучила.
Бежит курица с ведром,
Заливает кошкин дом.

НА УЛИЦЕ

На улице
Две курицы
С петухом дерутся.
Две девушки-красавицы
Смотрят и смеются:
— Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!
Как нам жалко петуха!

ЗАИНЬКА В ГОСТЯХ

— Заинька серенький,
Где ты был-побывал?
— Побывал я, заинька,
Был-побывал
В огороде-ельничке,
В амбарчике-спальничке.

— Кого же ты, зайнышка,
Видал-повидал?
— Видал-повидал я три девицы,
Видал-повидал три красавицы:
Аришенька черноглаза,
Варюшенька черноброва,
Катюшенька удала,
Катюшенька лучше всех.

— Заинька серенький,
Звали ли тебя?
— Звали-позывали меня
В гости гостить:
Аришенька на часок,
Варюшенька на денёк,
Катюшенька удала
На недельку позвала.

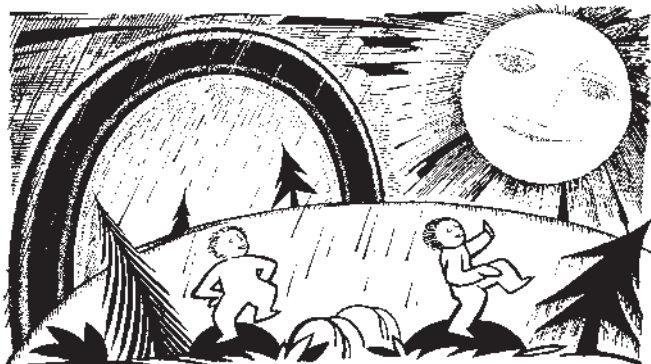
— Заинька серенький,
Кормили ли тебя?
— Аришенька-то блинами,
Варюшенька пирогами,
Катюшенька удала
Кашу с маслом подала.

— Заинька серенький,
Поили ли тебя?
— Аришенька-то чайком,
Варюшенька кофейком,
Катюшенька удала
Стакан мёду поднесла.

— Заинька серенький,
Где клали спать тебя?
— Аришенька под лавку,
Варюшенька на лавку,
Катюшенька удала
Подушечку подала.

– Заинька серенький,
Провожали ли тебя?
– Аришенька до сенец,
Варюшенька до крылец,
Катюшенька удала
Провожала до села.

РАДУГА

Радуга-дуга,
Не давай дождя,
Давай солнышка –
Колоколнышка.

СОЛНЫШКО

Солнышко-вёдрышко,
Выглянь в окошечко.
Твои детки плачут,
По камушкам скачут.

ЕЩЕ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Баю-баюшки баю,
Не ложися на краю —
Придёт серенький волчок,
Он ухватит за бочок.
Он ухватит за бочок
И потащит во лесок,
Под ракитовый кусток.

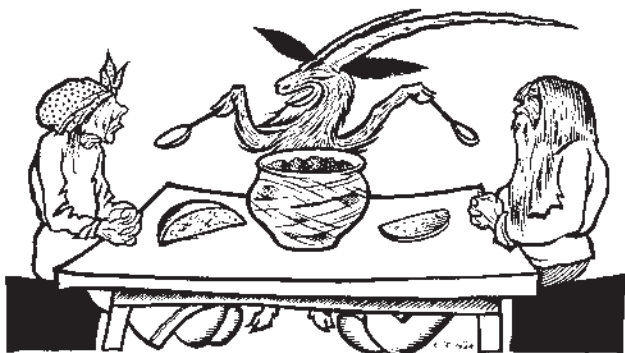
К нам, волчок, не ходи,
Нашу Катю не буди.

ГОСТИ

Стала Маша гостей созывать:
И Иван приди, и Степан приди,
И Сергей приди, и Матвей приди.
А Никитушка — ну, пожалуйста!

Стала Маша гостей угощать:
И Ивану блин, и Степану блин,
И Сергею блин, и Матвею блин.
А Никитушке — мятный пряничек.

КОЗЁЛ

Как у нас-то козёл
Что за умный был:
Сам и по воду ходил,
Сам и кашу варил,
Деда с бабой кормил.

Попросился козелок
У бабушки во лесок:
— Уж ты, бабушка,
Ты, Варварушка,
Отпусти меня, козла,
Во лесок на часок.

Как пошёл наш козёл
Да по ельничку,
А навстречу козлу
Бежит зайнышка.

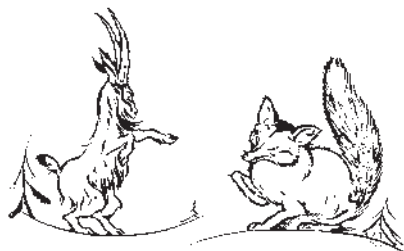
Испугался козёл,
Приужахнулся:
— Ах ты, зверь, ты, зверина!
Ты скажи своё имя.
Ты не смерть ли моя?
Ты не съешь ли меня?

— Я не смерть твоя,
Я не съем тебя:
Ведь я зайчика,
Ведь я серенький.
Всё я по лесу хожу
Да капусты ищу.

Как пошёл наш козёл
Да по ельничку.
А навстречу козлу
Бежит лисонька.

Испугался козёл,
Приужахнулся:
— Ах ты, зверь, ты, зверина!
Ты скажи твоё имя.
Ты не смерть ли моя?
Ты не съешь ли меня?

— Я не смерть твоя,
Я не съем тебя:
Ведь я лисонька,
Ведь я рыженька.

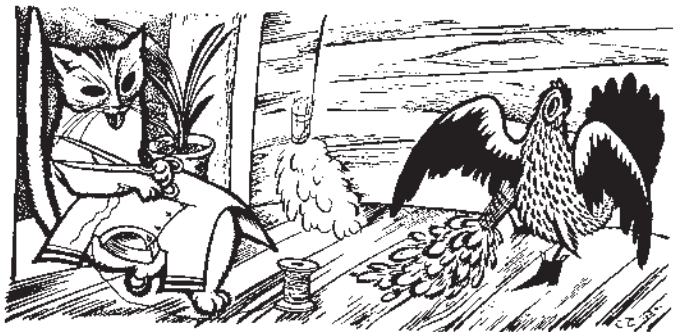
СОКОЛ МОЛОДОЙ

Как за синею рекой
Летел сокол молодой,
И на батюшкин дворок
Уронил он сапжок.
— Катя, Катенька, беги,
Сапжок мой подними!

СОВУШКА

Ах ты, совушка-сова,
Ты, большая голова!
Ты на дереве сидела,
Головою ты вертела —
Во траву свалилася,
В яму покатилася!

КОШКА И КУРОЧКА

Кошка на окошке
Рубашку шьёт,
Курочка в сапжках
Избёнку метёт.

ДЕДУШКА ЕГОР

Из-за лесу, из-за гор
Едет дедушка Егор:
Сам на лошадке,
Жена на коровке,
Дети на телятках,
Внуки на собачках.

ЛУНЬ

У нашего луня,
У милого друга,
Сорок кадушек
Солёных лягушек,
Сорок амбаров
Сухих тараканов,
Пятьдесят
Поросят —
Только ножки висят.

РЫЖИЙ И КРАСНЫЙ

Как по речке, по реке
Ехал рыжий на быке.
Только на гору взобрался,
Ему красный повстречался.

Рыжий красного спросил:
– Чем ты бороду краси́л?
– Я не краской,
Не замазкой –
Я на солнышке лежал,
Кверху бороду держал.

МУЗЫКАНТЫ

Как у нашего соседа
Веселá была беседа:
Гуси – в гусли,
Утки – в дудки,
Овцы – в дóнцы,
Тараканы – в барабаны.

НЕБЫВАЛЬЩИНА

По поднебесью, братцы, медведь летит,
Медведь летит, хвостом вертит.
Свинья на ели гнездо свила,
Гнездо свила, деток вывела,

Милых деточек, поросяточек.
Поросяточки по сучкám висят,
По сучкám висят, полететь хотят.

КАК ЗАЯЦ ОТ ОХОТНИКОВ СПРЯТАЛСЯ

Сидит, сидит зайчик,
Сидит заяка серый
 Под кустом,
 Под кустом.
Охотнички едут,
Едут-скачут в поле
 Во пустом,
 Во пустом.
— Вы, охотнички, скачите,
На мой хвосток поглядите;
 Я не ваш,
 Я ушёл.

Сидит, сидит зайчик,
Сидит заяка серый,
 Ушки жмёт,
 Ушки жмёт.
Охотнички едут,
Едут-скачут в поле
 Вмимолёт,
 Вмимолёт.
— Вы, охотнички, скачите,
Меня, зайку, не ищите!
 Я не ваш,
 Я ушёл.

ИВАНУШКА

Ваня, Ваня-простота,
Купил лошадь без хвоста.
Сел задом наперёд
И поехал в огород.

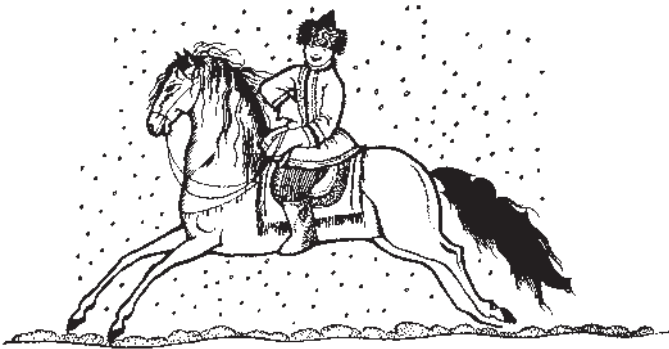
СКОК-ПОСКОК

Скок-поскок
Молодой дроздок.
По водичку пошёл,
Молодичку нашёл.

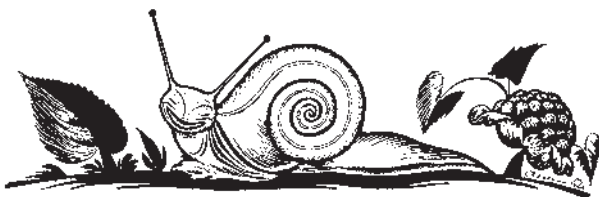
Молодиченька
Невеличенька:
Сама с вершок,
Голова с горшок.
Молодичка-молода
Поехала по дрова,
Зацепилась за пенёк,
Простояла весь денёк.

ВАНЯ

Как на тоненький ледок
Выпал беленький снежок.
Выпал беленький снежок,
Ехал Ванюшка-дружок.
Ехал Ваня, поспешал,
Со добра коня упал.
Где упал, там лежит,
Никто к Ване не бежит.
Две девочки увидали,
Скоро к Ване подбегали,
На коня Ваню сажали,
Путь-дорогу показали.

УЛИТА

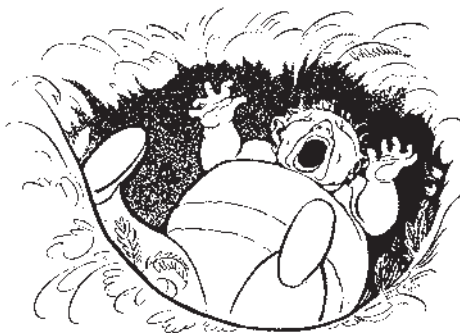

Улита, улита,
Высуни рога!
Дам тебе, улита,
Пи-ро-га!

* * *

Катя-Катя-Катюха́
Оседлала петуха.
Петух заржал,
На базар побежал.

ФЕДЯ-БРЕДЯ

Федя-Бредя
Съел медведя,
Упал в яму,
Крикнул маму:
«Ма-а-ма!»

* * *

Села баба на баран,
Поскакала по горам.
Виндадоры, виндадоры,
Виндадорушки мои!

ДОМОК

1

Давай-ка мы, жёнушка,
Домок наживать.
Поедем, голубушка,
На базар гулять.

Купим-ка, жёнушка,
Куричку.

Куричка по сеничкам —
Тюк-тюрюрюк!

2

Давай-ка мы, жёнушка,
Домок наживать.
Поедем, голубушка,
На базар гулять.

Купим-ка, жёнушка,
Уточку.

Уточка с носка́ плоска́,
Куручка по сеничкам —
Тюк-тюрюрюк!

3

Давай-ка мы, жёнушка,
Домок наживать.
Поедем, голубушка,
На базар гулять.

Купим-ка, жёнушка,
Гусыньку.

Гусынька гага́-гага́!
Уточка с носка́ плоска́,
Куручка по сеничкам —
Тюк-тюрюрюк!

4

Давай-ка мы, жёнушка,
Домок наживать.
Поедем, голубушка,
На базар гулять.

Купим-ка, жёнушка,
Барашка.

Барашек-то шатры́-матры́!
Гусынька гага́-гага́!
Уточка с носка́ плоска́,
Куручка по сеничкам —
Тюк-тюрюрюк!

5

Давай-ка мы, жёнушка,
Домок наживать.
Поедем, голубушка,
На базар гулять.

Купим-ка, жёнушка,
Козыньку.

Козынька-то прыг-прыг, прыг-прыг!
Барашек-то шатры́-матры́!
Гусынька гага́-гага́!
Уточка с носка́ плоска́,
Курочка по сеничкам —
Тюк-тюрююк!

6

Давай-ка мы, жёнушка,
Домок наживать.
Поедем, голубушка,
На базар гулять.

Купим-ка, жёнушка,
Свинушку.

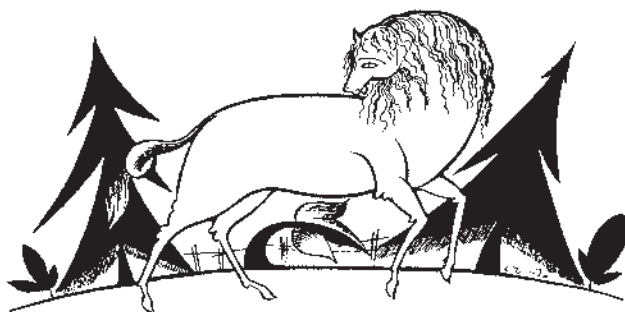
Свинушка у нас хрюк-хрюк, хрюк-хрюк!
Козынька-то прыг-прыг, прыг-прыг!
Барашек-то шатры́-матры́!
Гусынька гага́-гага́!
Уточка с носка́ плоска́,
Курочка по сеничкам —
Тюк-тюрююк!

7

Давай-ка мы, жёнушка,
Домок наживать.
Поедем, голубушка,
На базар гулять.

Купим-ка, жёнушка,
Лошадку.

Лошадка-то у нас ги-ги, го-го!
Свинушка у нас хрюк-хрюк, хрюк-хрюк!
Козынька-то прыг-прыг, прыг-прыг!
Барашек-то шатры́-матры́!
Гусынька гага́-гага́!
Уточка с носка́ плоска́,
Куточка по сеничкам —
Тюк-тюрюрюк!

В первый том Собрания сочинений входят оригинальные стихотворные сказки, песенки, загадки Корнея Чуковского для детей, а также его переводы сказок Р. Киплинга, пересказ «Барона Мюнхаузена» Распэ, пересказы сказок народов мира и обработки русских народных песенок.

В 1969 году, в последний год своей жизни, Корней Иванович подготовил к печати сборник «Чудо-дерево». Книга вышла вскоре после смерти автора.

Все сказки и стихи в настоящем издании печатаются по этому сборнику: «Чудо-дерево» (М.: Детская литература, 1970).

Том дополнен «Приложением», куда вошли несколько произведений, которые подверглись нападкам в печати в 40-е годы и поэтому не включались в сборники сказок Чуковского и не вошли в его Собрание сочинений 1965–1969 гг.

В «Приложение» вошли также «Сказки разных народов», которые в советское время не переиздавались и «Детские народные песенки» в обработке К. Чуковского.

В комментариях указана первая публикация; разночтения при переизданиях не приводятся.

Поскольку почти каждая новая сказка Чуковского встречала возражения в прессе, в комментариях даны выдержки из этих критических выступлений и ссылки на них. Читая сегодня эти суждения, надо помнить, что в те годы, когда они высказывались, главным было не столько то, что говорилось, сколько то, *где* это печаталось. Возмущенные статьи в «Правде» или «Известиях» были, по существу, циркулярами для государственных издательств. После таких статей книги запрещались, а имя обличаемого автора надолго исчезало из издательских планов. Чуковский пережил две мощные волны травли в печати. Сначала — во второй половине 20-х годов во время кампании «борьбы с “Чуковщиной”». Почти все его сказки были тогда запрещены, спасло их только выступление М. Горького в «Правде» (подробнее документы, касающиеся «борьбы с “Чуковщиной”», см. в Приложении к Т. 2 настоящего издания). Вторая волна — 1944–1946 годы, грубая и оскорбительная статья П. Юдина в «Правде» в 1944-м и запрет сказки «Одолеем Бармалея». А после постановления ЦК «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» в августе 1946 года — шельмование в печати «Бибигона» и «Собачьего царства», еще две обличающие в политической неблагонадежности

статьи в «Правде» и запрет печатания этих сказок. В результате этой последней волны травли 40-х годов Чуковский перестал писать для детей. Только после смерти Сталина, с середины 50-х вновь печатается «Бибигон», переиздается после большого перерыва книга «От двух до пяти».

«Сказки мои были приняты в штыки, — вспоминал Чуковский в одной из своих поздних статей, — скопом напали на них леваки-педологи и прочие человеки в футляре, которые гнездились тогда в Наркомпросе. Их возмутила и новая, непривычная форма стиха, и фантастичность сюжета, и несоответствие моей простодушной тематики с их мертвыми, канцелярскими схемами.

Вскоре сказки оказались под обстрелом пролеткультовской, а потом и рапповской критики, была развернута “широкая антисказочная кампания, и я хорошо помню те сотни ненавидящих глаз, которые буквально вонзались в меня, когда я осмеливался выступать на собраниях педологов в защиту своих бедных “Мойдодыров”.

Именно в борьбе с этими врагами детей и родилась моя книжка “От двух до пяти”, вся направленная против их вульгаризаторских бредней (см. главы “Борьба за сказку” и “Лепые нелепицы”). В книжке я восставал против наивно-утилитарного подхода к детской литературе и доказывал, что даже небывальщины, даже “перевертыши”, даже явные нелепицы служат утверждению детей в реализме; что отнимать у них фантастическую, волшебную сказку — значит уродовать их душевную жизнь.

Именно этой борьбой порождены такие мои сказки, как “Путаница”, “Бармалей”, “Муха-Цокотуха”, “Чудо-дерево”. Я писал их, так сказать, назло этим душителям детства, наперекор их канонам и лозунгам и заранее радовался, что они придут в ярость от моего пренебрежения к их “установкам”. Это определило мой дальнейший писательский путь.

Главную поддержку оказали нам, детским писателям, дети. Вспоминая то грозное время, Маршак писал в своем стихотворном обращении ко мне:

Могли погибнуть ты и я,
Но, к счастью, есть на свете
У нас могучие друзья,
Которым имя — дети.

Это чудесное, многомиллионное, могучее племя отстояло нас (в том числе и меня) от всех наших врагов и злопыхателей. Своим сердечным расположением к нам (в том числе и ко мне) оно внушило нам, что наше дело правое и что мы на верном пути.

...Я не кинул своей профессии сказочника, так как мало-помалу научился считать ее очень актуальной и нужной. По-моему, цель сказочника — как я и говорю в своей книжке “От двух до пяти” — заключается в том, чтобы какую угодно ценою воспитать в ребенке человечность — эту

дивную способность человека волноваться чужими несчастьями, радоваться радостям другого, переживать чужую судьбу, как свою. Сказочники хлопочут о том, чтобы ребенок с малых лет научился мысленно участвовать в жизни воображаемых людей и зверей и вырвался бы этим путем за рамки эгоцентрических интересов и чувств. А так как при слушании сказки ребенку свойственно становиться на сторону добрых, мужественных, несправедливо обиженных, будет ли это Иван-царевич, или зайчик-побегайчик, или муха-цокотуха, или просто “деревяшечка в зыбочке”, вся наша задача заключается в том, чтобы пробудить в восприимчивой детской душе эту драгоценную способность сопереживать, сострадать, сородоваться, без которой человек – не человек» (*Корней Чуковский. Об этих сказках / Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1965. С. 169–171*).

В последние десятилетия сказки Чуковского постоянно печатаются в нашей стране. Вот что писал о них В. Каверин в своих воспоминаниях о Чуковском:

«Никто с таким постоянством, с такой энергией, в течение десятилетий в теории и на практике не изучал все свойства “детского зрения”, как Чуковский. Его книга “От двух до пяти” выдержала более двадцати изданий, и в каждое из них он вносил исправления и прибавления. Он блестяще доказал, что детской литературы – в исключительном смысле – вообще не существует. Сказки Пушкина, басни Крылова, написанные для взрослых, были подхвачены детьми и стали их любимым чтением. “Конек-Горбунок” П.П. Ершова был написан для взрослых.

О стихах Чуковского можно сказать обратное: взрослые подхватили его стихи и сказки, написанные для детей. Они в полном смысле слова стали “всеобщим” чтением. К этому надо прибавить, что Корней Иванович был не только одним из основателей нашей детской литературы. Он создал теорию детской поэзии, показав ее “графичность”, ее ритмическую подвижность, ее музыкальное и игровое начала. Но теории не было бы без “Крокодила”, “Бармалея”, “Мойдодыра”. Кто не знает детских стихов и сказок Чуковского? Кто не восхищался их изяществом, звонкостью, простотой? Бесценное дело детской поэзии удалось ему потому, что он первый с высоты своего огромного роста наклонился к ребенку и прислушался к его речи, проник в сущность его интересов. Он понял, что дети должны как бы сами писать для себя, потому что книги взрослых, написанные вне этого открытия, проносятся мимо детского сознания.

В нем самом навсегда осталось что-то детское – вот почему ему удалось заговорить с детьми на их собственном языке.

Он, как на сцене, разыгрывал перед детьми их же собственный мир. Вот почему его детские книги не стареют – и никогда не состарятся.

Через детство проходят все, а детство и книги Корнея Ивановича нерасторжимы.

Но вот еще одна важная сторона его деятельности: народность. В книге “От двух до пяти” он доказал, что русская детская песня была одним из сильнейших средств мудрой народной педагогической практики...

Нарочитой бессмыслицей, чудачествами, словесной игрой неисчислимо богат дописьменный русский фольклор и лубочная литература. Но богатство это было едва затронуто до того “ренессанса” двадцатых-тридцатых годов, который неразрывно связан с именами К. Чуковского и С. Маршака. Однако мало было, шагнув через столетия, окинуть все это богатство свободным и широким взглядом. Мало было понять всю своевременность этого “ренессанса”, возникшего на взлете молодой советской литературы. Надо было защитить свое открытие от прописной морали, от унылого мещанства, от людей, которые решительно доказывали, что на деревьях не могут расти башмаки (“Чудо-дерево”) или что крокодилу нечего делать на Невском проспекте: “Не того мы ждем от наших детских писателей”.

В главе “Лепые нелепицы” (“От двух до пяти”) Чуковский неопровержимо доказал, что стремление взрослых навязать детям свое, “взрослое” обречено на неудачу, потому что дети сотни лет боролись за свое право быть детьми — и победили.

Все, что написал для них Чуковский, в сущности, было живым воплощением этой победы. Более того — многие его стихи написаны с такой меткостью, с таким тонким чувством языка, что народ наградил его самой высокой наградой, на которую может рассчитывать писатель: они вошли в язык и сами стали фольклором. Монтер, которого просишь починить электричество, отвечает: “Если могу, помогу”, — не подозревая, может быть, что он цитирует “Телефон” Чуковского. Кто из нас не говорил, сетуя на затруднительность своего положения:

Ох, нелегкая это работа —
Из болота тащить бегемота.

Можно привести множество подобных примеров. Поэзия Чуковского вышла из фольклора и вернулась в фольклор — счастье, которое достается немногим» (*В. Каверин. Я — добрый лев / Воспоминания о Корнее Чуковском. — М.: Советский писатель, 1983. С. 356–359*).

Единственное прижизненное Собрание сочинений Корнея Чуковского в шести томах выходило в 1965 — 1969 годах в издательстве «Художественная литература».

При подготовке настоящего Собрания сочинений в комментариях широко использовались сведения, заимствованные из книги: *Д. Берман. Корней Иванович Чуковский. Биобиблиографический указатель. М., 1999*.

В комментариях к «Сказкам» указаны те художники, которые иллюстрировали прижизненные издания этих стихов. Их иллюстрации были одобрены автором.

«О себе». — Печатается по Собр. соч. (Т. 1. 1965. С. 7–18).

«ЧУДО-ДЕРЕВО» И ДРУГИЕ СКАЗКИ

«Муха-Цокотуха». — Впервые под названием «Мухина свадьба». Иллюстрации В. Конашевича. — Л.; М.: Радуга, 1924.

В 1925 году сказка была запрещена Гублитом. На страницах дневника Чуковского сохранилось его письмо в защиту своей сказки:

«В Гублите мне сказали, что муха есть переодетая принцесса, а комар — переодетый принц!! Надеюсь, это было сказано в шутку, т. к. никаких оснований для подобного подозрения нет. Кроме того, мне сказали, что муха на картинке стоит слишком близко к комарику и улыбается слишком кокетливо!..

Возражают против слова *свадьба*. Это возражение серьезнее. Но уверяю Вас, что муха венчалась в *Загсе*. Ведь и при гражданском браке бывает свадьба. А что такое свадьба для ребенка? Это пряники, музыка, танцы. Никакому ребенку фривольных мыслей свадьба не внушает.

“Мухина свадьба” моя лучшая вещь. Я полагал, что написание этой вещи — моя заслуга. Оказывается, это моя вина, за которую меня жестоко наказывают. Внезапно без предупреждения уничтожают мою лучшую книжку, которая лишь полгода назад была тем же Гублитом разрешена и основ советской власти не разрушила.

Есть произведения халтуры, а есть произведения искусства. К произведениям халтуры будьте суровы и требовательны, но нельзя уничтожать произведение искусства лишь потому, что в нем встретилось слово именины.

Ведь даже монументы царям не уничтожаются советской властью, если эти монументы — произведения искусства.

Мне посоветовали переделать “Муху”. Я попробовал. Но всякая переделка только ухудшает ее. Я писал эту вещь два года, можно ли переделать ее в несколько дней. Да и к чему переделывать? Чтобы удовлетворить произвольным и пристрастным требованиям?..

Я хотел бы, чтобы на эту книгу смотрели проще: паук злой и жестокий, хотел поработить беззащитную муху и непременно погубил бы ее, если бы не герой комар, к-рый защитил беззащитную. Здесь возбуждается ненависть против злодея и деспота и привлекается сочувствие к угнетенным. Что же здесь вредного — даже с точки зрения тех педагогов, которые не понимают поэзии?» (наст. изд. Т. 12: Дневник. С. 239–240).

В 1927 году 6-е издание сказки выходит под заглавием «Муха-Цокотуха» (Л.: Радуга). Включалась во все сборники «Чудо-дерево» и «Сказки».

О том, как писалась эта сказка, см. «Признания старого сказочника» — главу «Как была написана “Муха-Цокотуха”» (наст. изд. Т. 2), о дальнейших нападках на сказку см. «От двух до пяти», глава третья. Борьба за сказку. Обывательские методы критки. 1956 (наст. изд. Т. 2).

Кроме В. Конашевича, сказку иллюстрировали М. Митурич, О. Зотов и другие.

«*Тараканище*». — Впервые в издательстве «Радуга» с иллюстрациями С. Чехонина. Пг., 1923.

«...В 1921 году, — писал Корней Чуковский в автобиографической заметке, — я весной в два-три дня сочинил две сказки — “Мойдодыр” и “Тараканище”. Издавать эти сказки было негде. Я обратился к журналисту Льву Клячко с предложением основать детское издательство “Радуга”. Клячко, мой старый товарищ по газетной работе, человек энергичный и пылкий, увлекся этим делом, очень быстро напечатал обе книжки, а вместе с ними и ряд других» («Заметка автобиографическая» в сб: Советские писатели. Автобиографии в двух томах. Т. 2. М.: Гос. изд-во художественной литературы. 1959. С. 637).

Сказка Корнея Чуковского «Тараканище» писалась в 1921–1922 годах и была опубликована в 1923 году. Вряд ли в те годы Чуковский, далекий от партийных дел, даже слышал о Сталине, чье имя начало громко звучать лишь после смерти Ленина и загрохотало в сознании каждого в конце 20-х годов.

Однако с начала 50-х годов начали распространяться упорные слухи, что Таракан — это Сталин. Отголоски этих слухов даже проникли в литературу.

В книге Евгении Гинзбург «Крутой маршрут» есть глава под названием «Тараканище». Там рассказано, как Евгения Семеновна читает эту сказку дочке. Дело происходит в бараке для ссыльнопоселенцев в начале 1953 года еще при жизни Сталина. «Всех нас поразила второй смысл стиха», — замечает автор, цитируя строки: «Покорилися звери усатому, чтоб ему провалиться, проклятому!»

Лев Копелев, вспоминая свои тюремные годы, пишет: «В Марфинской спецтюрьме мой приятель Гумер Измайлов доказывал, что Чуковского травили и едва не посадили за сказку “Тараканище”, потому что это сатира на Сталина — он тоже рыж и усат».

На самом деле Таракан — такой же Сталин, как любой другой диктатор в мире.

Попытки приписать сказкам Чуковского тот или иной политический смысл постоянно предпринимались в 20-е и 30-е годы. Вульгарно-социологическая критика убеждала читателя, что в «Крокодиле» показан мятеж генерала Корнилова, а «Муха-Цокотуха» — это прославление нэпа и кулацкого накопления.

Не переставая удивляться этим обвинениям, Чуковский писал в 1928 году: «...как беззащитна детская книга и в каком унижении находится детский писатель, если имеет несчастье быть сказочником. Его трактуют как фальшивомонетчика и в каждой его сказке выискивают тайный политический смысл». Чуковский пытался объяснить своим прокурорам, что его сказки — не «политиканские пасквили», что у него совсем другие задачи.

Но, пожалуй, этих простых объяснений недостаточно.

Нельзя не задуматься об удивительной способности искусства воплощать действительность и предугадывать будущее, нельзя не сказать о такой неуловимой субстанции, как интуиция художника.

Очевидно, будущее бросает свою тень на настоящее. И искусство умеет проявить эту тень раньше, чем появится тот, кто ее отбрасывает.

Сказка «Тараканище» входила во все сборники «Чудо-дерево» и «Сказки». Кроме С. Чехонина, сказку иллюстрировали В. Конашевич, В. Сутеев, А. Каневский, В. Пивоваров, М. Митурич и другие художники.

«*Мойдодыр*». — Впервые в издательстве «Радуга». С подзаголовком: «Кинематограф для детей». Иллюстрации Ю. Анненкова. Пг.; М., 1923. Включалась во все сборники «Чудо-дерево» и «Сказки». Сказку, кроме Ю. Анненкова, иллюстрировали художники В. Конашевич, В. Сутеев, А. Каневский, В. Андриевич, К. Узбяков и другие.

«*Чудо-дерево*». — Впервые в «Муркиной книге». Иллюстрации В. Конашевича. Пг.; М.: Радуга, 1924. Заглавие этого стихотворения послужило названием многих сборников сказок Корнея Чуковского. Стихотворение включалось во все сборники «Сказки» и «Чудо-дерево».

«*Что сделала Мура, когда ей прочли сказку “Чудо-дерево”*». — Впервые под названием «Туфелька» в «Муркиной книге». Иллюстрации В. Конашевича. Пг.; М.: Радуга, 1924. Включалось во все сборники «Чудо-дерево» и «Сказки».

Мура — так звали дома младшую дочь Корнея Чуковского Марию (1920–1931).

«*Айболит*». — Оригинальная стихотворная сказка Корнея Чуковского впервые вышла под названием «Приключения Айболита» в журнале «Ёж», 1929, №№ 7, 8, 9. Изданию предшествовал запрет сказки в 1928 году со стороны комиссии Главсоцвоса. В 1935 году была включена в сборник «Сказки» (М.: Academia) под названием «Лимпопо». «Айболит» печатался во всех сборниках «Чудо-дерево» и «Сказки». В некоторых издательствах (М.: Детский мир, 1964; Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1968; М.: Малыш, 1970) сказку выпустили под ошибочным названием «Доктор Айболит». На самом деле это заглавие принадлежит прозаическому пересказу (по Гью Лофтингу).

В 1948 году «Айболит» выпущен отдельным изданием (М.; Л.: Детгиз). Сказку иллюстрировали В. Сутеев, В. Андриевич, В. Конашевич и другие художники.

О том, как писалась эта сказка, см. т. 2 настоящего издания «Признания старого сказочника» в главке «История моего “Айболита”».

Упомянутое в «Истории...» стихотворение «И пришел к нему печальный мотылек...» Корней Иванович включил в прозаическую сказку «Доктор Айболит».

В некоторые сборники «Сказок» или «Чудо-дерево» Чуковский включал стихотворение «Айболит и воробей». Стихи представляют собой «Часть первую» из запрещенной сказки «Одолеем Бармалея». Поскольку сказка печатается на страницах этого тома, «Айболит и воробей» не вошел в наше издание.

«*Бармалей*». — Впервые сказка вышла отдельной книжкой в издательстве «Радуга», Л.; М., 1925. Включалась во все сборники «Чудо-дерево» и «Сказки». Иллюстраторы М. Добужинский, В. Конашевич, К. Ротов, М. Митурич.

В комментариях к рукописному альманаху «Чукоккала» Корней Иванович писал:

«В 1924 году мы бродили с Добужинским по Петроградской стороне.

Он нежно любил Петербург, о чем свидетельствуют его поэтические иллюстрации к “Белым ночам” Достоевского и многие другие рисунки.

Гуляя, мы вышли на Бармалееву улицу.

— Почему у этой улицы такое название? — спросил я. — Что это был за Бармалей? Любовник Екатерины Второй? Генерал? Вельможа? Придворный лекарь?

— Нет, — уверенно сказал Добужинский, — это был разбойник. Знаменитый пират. Вот напишите-ка о нем сказку. Он был вот такой. В трюмке, с такими усищами.

И, вынув из кармана альбомчик, Добужинский нарисовал Бармалея.

Вернувшись домой, я сочинил сказку об этом разбойнике, а Добужинский украсил ее прелестными своими рисунками. Сказка вышла в издательстве “Радуга”, и теперь это издание редкость» (Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского. М.: Русский путь, 2006. С. 428).

«*Топтыгин и Лиса*». — Впервые в сборнике «Барабек и другие стихи для детей». — Л.: Гос. изд-во. 1929. Отдельным изданием вышла в 1942 году (Ташкент: Госиздат УзССР). Включалась в сборники «Чудо-дерево» и «Сказки». Иллюстрировала сказку художники В. Андриевич, Е. Ведерников, В. Конашевич, А. Каневский и другие.

«*Топтыгин и Луна*». — Впервые в сборнике «Сказки». М., 1940. Иллюстрировал сказку К. Ротов. Первое отдельное издание вышло в 1973 году (Л.: Художник РСФСР. Рис. Г. Кузова).

«*Федорино горе*». — Впервые сказка опубликована отдельной книжкой в издательстве «Радуга». Рис. В. Твардовского. Л.; М., 1926. Включалась во все сборники «Чудо-дерево» и «Сказки». Сказку иллюстрировали художники В. Конашевич, Н. Лекаренко, В. Сутеев.

О том, как создавалась эта сказка, см. т. 2 настоящего издания, «Признания старого сказочника».

«*Краденое солнце*». — Впервые в журнале «Литературный современник», 1933, № 12. Отдельным изданием вышла в 1936 году с рисунками Ю. Васнецова. Включалась в сборники «Чудо-дерево» и «Сказки». Иллюстрировали ее также художники В. Конашевич, Н. Радлов, К. Рудаков, М. Митурич.

«*Телефон*». — Впервые сказка опубликована отдельной книжкой в издательстве «Радуга». Рис. К. Рудакова. Л., 1926. Включалась во все сборники «Чудо-дерево» и «Сказки». Иллюстраторами этой сказки были художники В. Конашевич, Е. Ведерников, В. Андриевич, Н. и М. Мазрухо.

«*Путаница*». — Впервые в «Муркиной книге». Иллюстрации В. Конашевича. Пг.; М.: Радуга, 1924. Отдельным изданием вышла в 1926 году (Л.; М.: Радуга). Иллюстраторами сказки были также художники Ю. Васнецов, И. Бекетов, Ю. Бугельский, Ф. Ярубсова.

«*Крокодил*». — Впервые под названием «Ваня и Крокодил» в ежемесячном приложении к журналу «Нива» — «Для детей». 1917. №№ 1–12. В 1919 году поэма была издана Петроградским Советом рабочих и крестьянских депутатов под названием «Приключения Крокодила Крокодиловича».

«Сказка вышла огромным тиражом, — написал в автобиографической заметке Корней Чуковский, — с рисунками художника Ре-Ми и одно время раздавалась бесплатно». (Советские писатели: Автобиографии в двух томах. Т. 2. М., 1959. С. 637.)

Говоря о прототипах «Крокодила», Чуковский вспоминал издателя — Зиновия Исаевича Гржебина, его жену Марию Константиновну и их дочь — Лялю. «Жил он [Гржебин] на Таврической улице в роскошной большой квартире. В моей сказке “Крокодил” фигурирует “милая девочка Лялечка”, это его дочь — очень изящная девочка, похожая на куклу.

Когда я писал: “А на Таврической улице мамочка Лялечку ждет”, — я ясно представлял себе Марию Константиновну, встревоженную судьбою Лялечки, оказавшейся среди зверей» (наст. изд. Т. 13: Дневник. С. 493).

«Крокодил» пользовался большим успехом у читателей. Чуковский собирался написать продолжение сказки: «Придумал сюжет продолжения своего “Крокодила”, — пишет он в дневнике 28 июня 1920 года. — Такой: звери захватили город и зажили в нем на одних правах с людьми. Но люди затеяли свергнуть звериное иго. И кончилось тем, что звери посадили всех людей в клетку, и теперь люди — в Зоологическом саду, — а звери ходят и щекочат их тросточками. Ваня Васильчиков спасает их» (наст. изд. Т. 11: Дневник. С. 300).

Сохранилась рукопись киносценария «Приключения Крокодила Крокодиловича», написанного в феврале 1924 года (Архив Е. Ц. Чуковской). В своих «Предварительных замечаниях» к киносценарию Чуковский утверждает:

«Критики и педагоги, ошарашенные эксцентрической формой моей поэмы, часто не замечают, что в поэме есть *мораль и поучение*.

Эта поэма *героическая*, побуждающая к совершению подвигов. Смелый мальчик спасает весь город от диких зверей, освобождает маленькую девочку из плена, сражается с чудовищем и проч.

Нужно выдвинуть *на первый план серьезный смысл этой вещи*. Пусть она останется легкой, игривой, но под спудом в ней должна ощущаться прочная моральная основа.

Автор в своей поэме хотел прославить *борьбу правды с неправдой, доброй воли со злой силой*. («Предварительные замечания» и вторая часть сценария опубликованы. См. сб.: История становления советского кино. М., 1986. С. 127–135.)

Почти сразу после издания «Крокодила» начались резкие нападки на эту поэму в печати.

«Поэма Чуковского — сплошная болтовня, — писал критик. — Науке от него никакой пользы быть не может. Наука и болтовня несовместны. Материальных благ никто (кроме автора) от этого крокодила не получит... Жертвами этого крокодила являются именно дети, к тому же дети *младшего* возраста, которых облюбовал Чуковский» (*Тувим*. Два крокодила // Книга и революция. 1920. № 1. С. 56).

В 1928 году с критикой «Крокодила» выступила Н. К. Крупская. Она заявила, что «Крокодил» — это пародия на Некрасова. «Что вся эта чепуха обозначает? Какой политический смысл она имеет? — возмущалась Крупская. — Я думаю, «Крокодил» ребятам нашим давать не надо, не потому, что это сказка, а потому, что это буржуазная муть» (*Н. Крупская*. О «Крокодиле» Чуковского // Правда. 1928. 1 февр.).

После этого выступления Крупской началась травля сказок Чуковского и запреты их печатания. (Подробнее об этом см.: Борьба за сказку. Из архива Корнея Чуковского // Детская литература. 1988. № 5. С. 31–36; Борьба с «Чуковщиной». Документы из истории литературы 20-х годов // Горизонт. М., 1991. № 3. С. 17–25; Приложение к т. 2 настоящего издания.) «Крокодил» был впервые переиздан лишь через десять лет после статьи Крупской, долгое время не включался в сборники сказок Чуковского и печатался во много раз меньшими тиражами, чем все остальные сказки.

Однако еще в конце 30-х годов Юрий Тынянов так оценил роль этой первой сказки Чуковского:

«Быстрый стих, смена метров, врывающаяся песня, припев — таковы были новые звуки. Это появился «Крокодил» Корнея Чуковского, возбудив шум, интерес, удивление, как то бывает при новом явлении литературы.

Книги открылись для изображения улиц, движения, приключений, характеров.

Детская поэзия стала близка к искусству кино, к кинокомедии. Забавные звери с их комическими характерами оказались способны к циклизации: главное действующее лицо одной сказки стало появлять-

ся как старый знакомый в других сказках. Это задолго предсказало мировые фильмы-мультипликации с их забавными звериными персонажами.

Мощное сейчас и живое искусство кино, теперь близкое литературе, вызывало тогда сомнения, пренебрежение. Нужна была большая смелость, чтобы так *открыть* детскую литературу, распахнуть ее. Победа была полной, потому что новая детская литература обладала мастерством, о котором и не подозревала старая, на слабых ножках, лилипутская литература.

Стих стал так гибок, что вдруг стали возможны передача и закрепление впервые подмеченных разговорных интонаций, стих стал просторен.

Детская поэзия вдруг приняла метры, рифмы, даже язык классической русской поэзии, от народной песни до Некрасова.

Дальнейшие сказки Чуковского были развитием и расширением найденного. Они связались в детский комический эпос. Персонажи их – бегемот, слоны, тараканище – стали действующими лицами этого эпоса, характерами.

Эти стихи известны всем. Детская литература и детское сознание непредставимы без них.

Сказка Чуковского начисто отменила предшествующую немощную и неподвижную сказку леденцов-сосулек, ватного снега, цветов на слабых ножках. Детская поэзия открылась. Был найден путь для дальнейшего развития» (Ю. Тынянов. Корней Чуковский // Детская литература. 1939. № 4. С. 24–26).

Кроме Ре-Ми, сказку иллюстрировали художники В. Конашевич, В. Курчевский, Н. Серебряков, В. Сутеев. Полностью поэма включалась в сборники «Чудо-дерево» и «Сказки» лишь с середины 50-х годов

«Цыплёнок». – Впервые в детском сборнике «Жар-Птица» – СПб.: Шиповник, 1912. Кн. 1. Отдельное издание впервые в издательстве «Радуга». Рис. С. Рахманина. Л.; М., 1928. Неоднократно включалась в сборники «Чудо-дерево» и «Сказки». Иллюстрировали «Цыплёнка» художники Е. Чарушин, В. Щербаков, В. Каневский.

«Так и не так». – Впервые в издательстве «Радуга». Рис. В. Конашевича. Л.; М., 1928. Иллюстрировали сказку также художники А. Каневский, Е. Волянская, П. Саркисян.

«Приключения Бибигона». – Впервые под названием «Бибигон» в журнале «Мурзилка», 1945, №№ 11 и 12; 1946, №№ 1–6, с рисунками В. Конашевича. Однако печатание сказки в журнале не было доведено до конца.

«Бибигона» оборвали на самом интересном месте, – записывает Чуковский в дневнике 12 ноября 1946 года. – Главное, откуда зло торжествует, сказка печатается. Но там, где начинается развязка, – ее не дали детям, утаили, лишили детей того нравственного удовлетворения, какое дает им победа добра над злом» (наст. изд. Т. 13: Дневник. С. 94).

Печатание сказки было остановлено, так как в августе 1946 года состоялось печально известное постановление ЦК «О журналах “Звезда” и

“Ленинград”». После этого в каждом журнале или издательстве начали отыскивать и шельмовать в печати «безыдейные» произведения. Уже 29 августа в «Правде» появилась статья С. Крушинского «Серьезные недостатки детских журналов».

«Нельзя допускать, — заявлял Крушинский, — чтобы под видом сказки в детский журнал досужие составители тащили явный бред.

С подобным бредом под видом сказки выступает в детском журнале “Мурзилка” писатель Корней Чуковский».

Наспех пересказав некоторые эпизоды из сказки, Крушинский продолжал:

«Нелепые и вздорные происшествия следуют одно за другим! А как всё это написано! Дурная проза чередуется с дурными стихами...

Натурализм, примитивизм... в этой сказке нет ничего волшебного, а есть только уродливое. В ней нет фантазии, а есть одни только выкрутасы.

Чернильница у писателя большая, а редакция журнала “Мурзилка” неразборчива».

Через десять лет, в 1956 году, «Бибигон» вышел отдельным изданием в переработанном виде. Широко известны иллюстрации М. Митурича к этой сказке.

«ЗАКАЛЯКА» И ДРУГИЕ СТИХИ

«*Радость*». — Впервые в составе сказки «Одолеем Бармадея» (Ч. 9). Ташкент: Советский писатель, 1943. С. 50–53. В виде отдельного стихотворения впервые — в сборнике «День поэзии. 1956». М., 1956. Отдельным изданием стихотворение вышло в издательстве «Малыш» (Рис. В. Дувидова; М., 1965).

«*Головастики*». — Впервые в сборнике «Барабек и другие стихи для детей». Рис. В. Конашевича. Л.: Гос. изд-во, 1929.

«*Бутерброд*». — Впервые в «Муркиной книге». Рис. В. Конашевича. Пг.; М.: Радуга, 1924.

«*Ёжики смеются*». — Впервые в сборнике «Барабек и другие стихи для детей». Рис. В. Конашевича. Л.: Гос. изд-во, 1929.

«*Закаляка*». — Впервые в книжке «Закаляка». Рис. С. Чехонина. Л.: Радуга, 1926.

«*Обжора*». — Впервые в книжке «Чепушинка». Рис. Н. Радлова. Л.: Красная газета, 1928.

«*Бебека*». — Впервые в сборнике «Сказки». Рис. В. Конашевича. М.: Academia, 1935.

«*Поросёнок*». — Впервые в книжке «Закаляка». Рис. С. Чехонина. Л.: Радуга, 1926.

«*Слониха читает*». — Впервые в сборнике «Ёжики смеются». Рис. В. Твардовского. М.; Л.: Радуга, 1927.

«Свинки». — Впервые в «Муркиной книге». Рис. В. Конашевича. Пг.; М.: Радуга, 1924.

«Черепашка». — Впервые под названием «Черепашка и лягушка» в журнале «Ёж», 1929, № 1. Рис. В. Конашевича.

«Федотка». — Впервые в сборнике «Чудо-дерево». Рис. В. Конашевича. М.; Л.: Детгиз, 1943.

«Ёлка». — Впервые под названием «Ёлочка» в сборнике «Бутерброд». М.: Детский мир, 1961. Худ. М. Клячко и Ф. Збарский.

«Доктор». — Одно из самых ранних стихотворений К. Чуковского для детей. Впервые опубликовано в книге «Жар-птица». СПб.: Дет. сб. изд-ва «Шиповник», 1912. Кн. 1. С. 39 (под названием «Лягушонок»). Позднее входило в сборники «Муркина книга» (1924) и «Свинки» (1926).

«Муха в бане». — Стихотворение написано в 1969 году и напечатано посмертно в «Веселых картинках» (1970, № 3. Рис. С. Билковской). В 1981 году стихи вошли в сборник «Радость» (М.: Малыш).

АНГЛИЙСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСЕНКИ

«Храбрецы». — Впервые в журнале «Ёж», 1928, № 8. Рис. В. Замирайло.

«Скрюченная песня». — Впервые под названием «Английская песенка» в журнале «Чиж», 1934, № 1. Печаталась также под названием «Скрюченные ножки», «Жил на свете человек» и «Песня-загадка».

«Барабек». — Впервые в сборнике «Барабек и другие стихи для детей». Рис. В. Конашевича. Л.: Гос. изд-во, 1929.

«Котауси и Мауси». — Впервые в сб.: «Барабек и другие стихи для детей». Л.: Гос. изд-во, 1929.

В 1936 году вышел сборник английских песенок под названием «Котауси и Мауси» с рисунками В. Конашевича. В сборник, кроме «Путаницы» и нескольких «Загадок», вошли четыре английские песенки: «Храбрецы», «Котауси и Мауси», «Скрюченные ножки» и «Барабек». На эту тоненькую книжку отозвались 3 июля 1936 года «Известия» статьей «Плохая книжка хорошего писателя». Автор статьи Т. Чугуев утверждал: «Чуковский выпустил для дошкольников книжку “Котауси и Мауси”, которая... является ярким образцом небрежности, сюсюканья и бессодержательности. Это формалистическое кривлянье и рифмованное сюсюканье Чуковского, закрепляя неправильности языка, встречающиеся у детей, мешает развитию их речи».

По поводу «Скрюченной песни» автор замечает: «Логика протестует: почему это у ворот должны гулять волки?» По поводу «Барабек» новое возражение: «Обжорство — это отнюдь не специфически детский порок». И еще: «Детишки должны... прийти вместе с автором к выводу, что мясники и кузнецы не относятся к категории людей...» То же и о «Храбрецах»: «Но почему Чуковский пишет именно о трусах портных? Разве людям этой профессии трусость особенно присуща? Зачем же вос-

питывать неправильное отношение к людям определенной профессии?»

Вывод автора статьи в «Известиях» таков:

«Итак, сюсюканье, небрежность, путаница, воспитание у детей неправильного отношения к некоторым категориям людей – таково содержание книжки Чуковского.

Иллюстрации вполне соответствуют содержанию книжки – это сплошная мазня, отвратительная и уродливая. Мазня эта может быть только помехой для детей в познании мира, может только портить эстетические вкусы детей.

Детиздату... должно быть стыдно от того, что они выпускают для нашей советской детворы такие недоброкачественные книжки, как “Котауси и Мауси”».

«*Курица*». – Впервые в книге: Новый год. Сборник сказок, рассказов, стихов, самоделок. Рис. Н. Радлова. М.; Л., 1943.

«*Дженни*». – Впервые под названием «Дженни туфлю потеряла» в сборнике «Чудо-дерево». Рис. В. Конашевича. М.; Л.: Детгиз, 1943.

25 ЗАГАДОК – 25 ОТГАДОК

1. «*Был белый дом...*» – Впервые в сб. «Топтыгин и лиса». Рис. А Каневского. – Ташкент: Гос. Изд-во УзССР, 1942. Печаталось также под названием «Чудесный дом».

2. «*Паровоз без колес!*...» – Впервые в сб. «Загадки». – Л.: Молодая гвардия, 1933. Печаталось также под названием «Чудесный паровоз».

3. «*Красные двери в пещере моей...*» – Впервые в сб. «Топтыгин и лиса». Рис. А. Каневского. – Ташкент: Гос. изд-во УзССР, 1942. Печаталось также под названием «Чудесная пещера».

4. «*Была телега у меня...*» – Впервые в сб. «Новые загадки». Рис. М. Синяковой. – М.: Гос. изд-во, 1930. Печаталось также под названием «Чудесная телега».

5. «*Лежит, лежит копейка у нашего колодца...*» – Впервые в сб. «Стихи». – М.: Гослитиздат, 1961. Печаталось также под названием «Чудесная копейка».

6. «*Два коня у меня...*» – Впервые в сб. «Новые загадки». Рис. М. Синяковой. – М.: Гос. Изд-во, 1930. Печаталось также под названием «Чудесные кони».

7. «*Всюду, всюду мы вдвоем...*» – Впервые в сб. «“Чудо-дерево” и другие сказки». – М.: Дет. лит., 1970.

8. «*Ах, не трогайте меня...*» – Впервые в сб. «Топтыгин и лиса». Рис. А Каневского. – Ташкент: Гос. изд-во УзССР, 1942. Печаталось также под названием «Берегись».

9. «*Мудрец в нем видел мудреца...*» – Впервые в сб. «Топтыгин и лиса». Рис. А Каневского. – Ташкент: Гос. изд-во УзССР, 1942.

10. «*Лежу я у вас под ногами...*» – Впервые в сб. «“Чудо-дерево” и другие сказки». – М.: Дет. лит., 1970.

11. *«Растет она вниз головою...»* — Впервые в сб. «Чудо-дерево: Сказки. Песенки. Загадки». Рис. В. Конашевича. — М.; Л.: Детгиз, 1943.
12. *«Марьюшка, Марусенька, Машенька и Манечка...»* — Впервые в журнале «Ёж», 1928, № 3. С. 42.
13. *«Хожу, брожу не по лесам...»* — Впервые в сб. «Новые загадки». Рис. М. Синяковой. — М.: Гос. изд-во, 1930.
14. *«На малину налетели...»* — Впервые в сб. «Загадки». Рис. В. Конашевича. — М.; Л.: Детгиз, 1951.
15. *«Если бы сосны да ели...»* — Впервые в сб. «“Чудо-дерево” и другие сказки». — М.: Дет. лит., 1970.
16. *«Я одноухая старуха...»* — Впервые в сб. «Топтыгин и лиса». Рис. А. Каневского. — Ташкент: Гос. изд-во УзССР, 1942.
17. *«Маленькие домики по улице бегут...»* — Впервые в сб. «“Чудо-дерево” и другие сказки». — М.: Дет. лит., 1970. Печаталось также под названием «Домики».
18. *«Много этого добра...»* — Впервые в сб. «Стихи». — М.: Гослитиздат, 1961. Печаталось также под названиями «Еще одна загадка»; «Туман».
19. *«Шел Кондрат в Ленинград...»* — Впервые в журнале «Ёж», 1928, № 1. С. 24.
20. *«Возьмите меня, умывайтесь, купайтесь...»* — Впервые в сб. «“Чудо-дерево” и другие сказки». — М.: Дет. лит., 1970.
21. *«Я великан! Вон ту громадную...»* — Впервые в сб. «“Чудо-дерево” и другие сказки». — М.: Дет. лит., 1970.
22. *«Я лаю со всякой собакой...»* — Впервые в сб. «Чудо-дерево: Сказки. Песенки. Загадки». Рис. В. Конашевича. — М.; Л.: Детгиз, 1943. Печаталось также под названием «Голосистая загадка».
23. *«Две ноги на трех ногах...»* — Впервые в журнале «Ёж», 1928, № 1. С. 27.
24. *«Вот иголки и булавки...»* — Впервые в журнале «Ёж», 1929, № 11. С. 13.
25. *«Вдруг из черной темноты...»* — Впервые в сб. «Сказки». — М.; Л.: Детгиз, 1953. Печаталось также под названием «Чудесные цветы».

«ДОКТОР АЙБОЛИТ» И ДРУГИЕ ИСТОРИИ

«Джек — покоритель великанов». — Впервые под названием «Джек, победитель великанов» с рис. В. Замирайло в кн. «Ёлка». Книжка для маленьких детей. Пг., 1918. Отдельным изданием сказка вышла в издательстве «Эпоха». Пг., 1921.

«Храбрый Персей». — Впервые в журнале «Ёж» с рисунками В. Конашевича, 1934, № 1. Отдельной книжкой этот пересказ древнегреческого мифа вышел в 1940 году. (Рис. П. Алякринского. М.; Л.: Детиздат.)

«Доктор Айболит» (По Гью Лофтингу). — Впервые первые две части («Путешествие в Страну Обезьян» и «Пента и морские пираты») вышли отдельной книжкой в 1936 году (Л., Гос. изд-во). Издание 1938 года (с рисунками Е. Сафоновой) Корней Чуковский дополнил главами «Огонь и вода» и «Приключения белой мышки». Сказку иллюстрировали Е. Сафонова, В. Конашевич, В. Чижиков, В. Дувидов, М. Ромадин и другие.

«Огонь и вода». — Впервые в книжке 1938 года.

«Приключения белой мышки». — Впервые в журнале «Чиж» с рисунками В. Конашевича. 1935. № 1. С. 3–9.

«Сказка о царевне Ясновете» (По Н. А. Некрасову). — Впервые в журнале «Чиж». 1935. № 1.

В архиве Чуковского сохранился его протест против запрета этой сказки в 1928 году. Тогда он пытался опубликовать свой пересказ под названием «Дураки».

«Комиссия Главсоцвоса сочла это произведение Некрасова вредным и запретила его, — пишет Чуковский в письме к председателю правления Госиздата А. Б. Халатову. — Не потому ли, что оно пересказано для детей младшего возраста мною, Чуковским. Неужели мое имя так одиозно для этой Комиссии, что она готова запретить даже произведения Некрасова, если к ним имел касательство я».

ПЕРЕВОДЫ И ПЕРЕСКАЗЫ

Р. Киплинг. Сказки.

Чуковский начал переводить сказки Р. Киплинга еще в 1909 году. Четыре сказки в его переводе были опубликованы в сборнике Р. Киплинга «Рассказы» со вступительной статьей В. Тана (СПб.: Пантеон, 1909). В 1923 году Чуковский перевел еще несколько сказок и заново отредактировал свои старые переводы. В том же году в Гос. издательстве вышло несколько сборников «Сказок» Р. Киплинга, причем было указано, что это «новый перевод К. Чуковского. Стихи в переводе С. Маршака». С тех пор сборники «Сказок» Р. Киплинга издавались многократно с рисунками В. Курдова, В. Лебедева, Н. Чарушина, В. Дувидова и других. Корней Иванович постоянно для новых изданий редактировал и правил свои переводы. Свою последнюю правку он внес в издание «Сказок» (М.: Детская литература, 1966). В настоящем томе «Сказки» Р. Киплинга печатаются по изданию 1966 года с учетом последних исправлений переводчика.

«Откуда у Кита такая глотка». — Впервые в сб. «Сказки». (Стихи в пер. С. Маршака). Рис. Е. Белухи. — М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923.

«Отчего у Верблюда горб». — Впервые в сб. «Вот так сказки». (Стихи в пер. С. Маршака). Рис. Е. Белухи. — М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923.

«Откуда у Носорога шкура». — Впервые в сб. «Рассказы». — СПб.: Пантеон, 1909.

«Слонёнок». — Впервые там же.

«Откуда взялись Броненосцы». — Впервые в сб. «Сказки». (Стихи в пер. С. Маршака). Рис. Е. Белухи. — М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923.

«Как было написано первое письмо». — Впервые в сб. «Сказки». (Стихи в пер. С. Маршака). Рис. В. Дувидова. — М.: Детгиз, 1956.

«Кошка, гулявшая сама по себе». — Впервые в сб. «Рассказы». — СПб.: Пантеон, 1909.

«Мотылёк, который топнул ногой». — Впервые в сб. «Сказки». (Стихи в пер. С. Маршака). Рис. Е. Белухи. — М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923.

«Рикки-Тикки-Тави». — Впервые в сб. «Рассказы». СПб.: Пантеон, 1909.

Э. Распэ. Приключения барона Мюнхаузена. — Впервые в пересказе К. Чуковского. С 80 рис. Г. Доре. — М.; Л.: Гос. изд-во, 1925. Печатается по изданию — Л.: Дет. лит. 1965.

Первый отзыв на этот пересказ звучал строго: «Социальное значение Мюнхаузена заглушено» отметила в своей рецензии Е. Книпович (Детская и юношеская литература, 1934, № 1. С. 6). Однако «Мюнхаузен» переиздавался множество раз и прочно вошел в число любимых детских книг.

ПРИЛОЖЕНИЕ

«Собачье царство». — Впервые в детском сборнике «Жар-птица». — СПб.: Шиповник, 1912. Кн. 1. С. 14–24. После заглавия указано: «[Сюжет заимствован]». В 1946 году появилось отдельное издание сказки с рисунками С. Чехонина (М.: Сотрудник). В архиве К. Чуковского сохранился экземпляр 1946 года с большой стилистической правкой по всему тексту. Печатается с учетом авторских исправлений.

На выпуск сказки отозвалась газета «Культура и жизнь». 10 декабря 1946 года Е. Ватова, руководитель детских учреждений Министерства сельхозмашиностроения, в статье «Пошлятина под флагом детской литературы» писала: «Новая его [Чуковского] книжка представляет вопиющий пример пошлости: автор издевательски относится к большим целям воспитания наших детей...

Этот пасквиль Корней Чуковский выдает за сказку, а близорукие редакторы и издатели распространяют это сочинение, оскорбляющее чувства детей, их представление о человеке.

Нужно оградить детей от сочинений, в которых проповедуется зоологическая мораль».

В статье дело было представлено так, что сказка — это пасквиль на современную действительность, говорилось об «исправительно-трудовой политике пса-самодержца», о том, что автор призывает детей жить по законам «собачьей морали».

То обстоятельство, что сказка впервые печаталась в 1912 году и по

одному этому не могла быть пасквилом на обстоятельства 1946 года, никого не смутило.

В 1981 г. был издан библиографический указатель «Список книг, не подлежащих распространению в книготорговой сети» (М.: Книга). Там, среди других «опасных» изданий, на странице 111 значилось:

Чуковский К. Собачье царство. — М.: Кооп. т-во «Сотрудник», 1946. — 16 с. — 50 000 экз.

Сказка не включалась ни в какие сборники Чуковского и была переиздана лишь один раз в 1991 году в виде репринтного воспроизведения книги 1946 года.

«*Одолеем Бармалея*». — Впервые — в «Пионерской правде» (1942, 19, 26 авг., 1, 9, 16, 23 сент.). Отрывки печатались в «Правде Востока» (1942, 9 авг.). В 1943 году сказка вышла отдельными изданиями в Ереване, в Ташкенте, в Пензе.

Печатается по изданию: *Одолеем Бармалея: Воен. сказка* / Рис. В. Басова. Литогр. М. Хакимджановым и В. Сапожниковым. — Ташкент: Сов. писатель, 1943. В архиве Чуковского сохранился экземпляр этой книги с небольшой авторской правкой. В настоящий том эти исправления внесены.

В 1943 году сказка была включена в антологию советской поэзии и вычеркнута оттуда лично И. В. Сталиным (см. статью Эдуарда Пашнева «Сталин-цензор» (Литературная газета, 19 ноября 1997)).

1 марта 1944 года в «Правде» появился большой подвал под вызывающе грубым названием «Пошлая и вредная стряпня К. Чуковского». В своей разносной статье П. Ф. Юдин — крупный партийный начальник, академик, в 1938–44 годах директор института философии АН СССР, писал: «К. Чуковский перенёс в мир зверей социальные явления, наделив зверей политическими идеями “свободы” и “рабства”, разделил их на кровопивцев, туеядцев и мирных тружеников. Понятно, что ничего, кроме пошлости и чепухи, у Чуковского из этой затеи не могло получиться, причем чепуха эта получилась политически вредная».

Статья состояла из потока политических обвинений и завершалась угрожающим выводом: «Сказка К. Чуковского — вредная стряпня, которая способна исказить в представлении детей современную действительность».

“Военная сказка” К. Чуковского характеризует автора, как человека, или не понимающего долга писателя в Отечественной войне, или сознательно опошляющего великие задачи воспитания детей в духе социалистического патриотизма».

В архиве сохранились листы верстки сказки для сборника «Чудо-дерево» (Л., 1944). Сказка стояла в самом конце книги и была выдрана оттуда после разносной статьи в «Правде». В этой верстке имеется небольшая авторская правка, которую мы также учли при подготовке этого издания.

С тех пор сказка никогда не переиздавалась и впервые напечатана почти через полвека на страницах настоящего тома.

Однако два отрывка из нее, а именно «Часть первую» и «Часть девятую» Чуковский позже включал в свои сборники под названием «Айболит и воробей» и «Радость».

«Айболит и воробей». — Впервые в журнале «Мурзилка», 1955, № 1, под названием «У доктора Айболита». Публиковалось стихотворение также под названием «Спасибо Айболиту!».

Сказки разных народов

«Царь Пузан». — Впервые в журнале «Для детей». Ежемес. ил. прил. к журн. «Нива». СПб. 1917. № 8. С. 237–244. Печатается по этому изданию.

Чуковский написал еще и пьесу для детей под таким же названием. В июне 1917 года он заносит в свой дневник: «Пишу пьесу про Царя Пузана. Дети заставили. Им была нужна какая-нб. пьеска, чтобы разыграть, вот я в два дня и катаю. Пишу с азартом, а что выйдет... Черт его знает. Потуги на остроумие. Места, не смешные для взрослых, смешат детей до слез».

И через четыре дня: «Делаем детский спектакль...» (наст. изд. Т. 11: Дневник. С. 209). Спектакль был поставлен в Куоккале.

В 1918 году «Царь Пузан» был снова поставлен в Тенишевском училище, где учились старшие дети Чуковского. Декорации для спектакля делал художник Иван Пуни. (См.: *Б. Витвицкая*. Утро для маленьких К. И. Чуковского. «Царь Пузан» в Тенишевском зале // Театр и искусство. 1918. №№ 16, 17. С. 171.)

Пьеса в архиве Чуковского не сохранилась. В середине 60-х годов Чуковский вместе с А. Галичем вернулся к работе над этой пьесой для кукольного театра, но работа не была завершена.

«Сказка о глупом царе». — Впервые в сборнике: Ёлка: Книжка для маленьких детей / Сост. А. Бенуа и К. Чуковский; Под ред. А. Бенуа и М. Горького. — Пг.: Парус, [1918].

Печатается по изданию: Сказка о глупом царе. Пг.: Эпоха, 1922. С. 7–16.

«Ная». — Впервые в журнале «Для детей». Ежемес. ил. прил. к журн. «Нива». 1917. № 2. СПб. С. 37–48. Печатается по этому изданию.

«Горе Счастливого Царства». — Впервые в журнале «Для детей». Ежемес. ил. прил. к журн. «Нива». 1917. № 4. СПб. С. 101–108. Печатается по этому изданию.

«Краснозубый Аин». — Впервые в журнале «Для детей». Ежемес. ил. прил. к журн. «Нива». 1917. № 5. СПб. С. 137–144. Для следующего издания сказка сильно отредактирована автором. Печатается по тексту сборника:

Волшебная кисть: Сказки зарубежных стран. — М.: Гос. изд-во детской литературы Министерства просвещения РСФСР, 1962. С. 29–36.

«*Золотой порошок*». — Впервые в журнале «Для детей». Ежемес. ил. прил. к журн. «Нива». 1917. № 6. СПб. С. 165–172. Печатается по этому изданию.

«*Жан-Беднота и заяц*» (По П. Кутюрье). — Впервые сказка вышла отдельным изданием в 1925 году в Гос. изд-ве. Печатается по этому изданию.

Детские народные песенки

В этот отдел вошли детские народные песенки в обработке Корнея Чуковского. Для каждой указана первая публикация. Большинство этих песенок печатаются по последним прижизненным сборникам (вначале дано сокращение):

ПП-59 — Пятьдесят поросят: Детские народные песенки. Собрал К. Чуковский. Рисунки Ю. Васнецова. — М.: Детгиз, 1959;

РД — Радуга-дуга: Русские народные песенки, потешки, прибаутки. [В обработке К. Чуковского]. Рисунки Ю. Васнецова. М.: Детская литература, 1969.

«*Сорока-ворона*». — Впервые — в журнале «Чиж». 1936. № 1. С. 11. Рисунки Ю. Васнецова.

«*Колыбельная*». — Впервые в сб.: Пятьдесят поросят: Детские народные песни. Выбрал К. Чуковский. Картинки нарисовал С. Чехонин. — Л.: Изд-во А. Ф. Маркса. 1924. Печатается по *ПП-59*.

«*Коза*». — Впервые — в журнале «Чиж». 1936. № 1. С. 11. Рисунки Ю. Васнецова. Печатается по *ПП-59*.

«*Пожар*». — Впервые в сб.: Пятьдесят поросят, 1924. Печатается по *ПП-59*.

«*На улице*». — Впервые в сб.: Пятьдесят поросят, 1924. Печатается по *ПП-59*.

«*Заинька в гостях*». — Впервые стихи вышли отдельным изданием с рис. В. Конашевича. — [Л.]: Гос. изд-во. 1929. Печатается по *ПП-59*.

«*Радуга*». — Впервые в сб.: Пятьдесят поросят, 1924. Печатается по *ПП-59*.

«*Солнышко*». — Впервые в сб.: Пятьдесят поросят, 1924. Печатается по *ПП-59*.

«*Еще колыбельная*». — Впервые в сб.: Пятьдесят поросят, 1924. Печатается по *ПП-59*.

«*Гости*». — Впервые в сб.: Охотник. Народные стишки выбрал К. Чуковский. Рис. В. Конашевича. [Л.]: Гос. изд-во, [1929]. Печатается по *ПП-59*.

«*Козёл*». — Впервые под назв. «Как один козел хотел волка убить» в сб.: Пятьдесят поросят, 1924. Печатается по *ПП-59*.

«Сокол молодой». — Впервые в сб.: Пятьдесят поросят: Детские народные песенки. Собрал К. Чуковский. Рисунки Ю. Васнецова. — М.: Детгиз, 1957. Печатается по ПП-59.

«Совушка». — Впервые в сб.: Пятьдесят поросят: Детские народные песенки. Собрал К. Чуковский. Рисунки Ю. Васнецова. — М.: Детгиз, 1957. Печатается по ПП-59.

«Кошка и курочка». — Впервые под названием «Работа» в сб.: Пятьдесят поросят, 1924. Печатается по ПП-59.

«Дедушка Егор». — Впервые в сб.: Пятьдесят поросят, 1924. Печатается по ПП-59.

«Лунь». — Впервые в сб.: Пятьдесят поросят, 1924. Печатается по ПП-59.

«Рыжий и красный». — Впервые в сб.: Пятьдесят поросят, 1924. Печатается по ПП-59.

«Музыканты». — Впервые в сб.: Вдоль по сахару. Детские народные стишки выбрал и обработал К. Чуковский. Рисунки В. Конашевича. [Л.]: Гос. изд-во, 1929. Печатается по ПП-59.

«Небывальщина». — Впервые в сб.: Пятьдесят поросят, 1924. Печатается по ПП-59.

«Как заяц от охотников спрятался». — Впервые в сб.: Пятьдесят поросят, 1924. Печатается по ПП-59.

«Иванушка». — Впервые в сб.: Пятьдесят поросят, 1924. Печатается по ПП-59.

«Скок-поскок». — Впервые под названием «Умница» в сб.: Пятьдесят поросят, 1924. Печатается по ПП-59.

«Как на тоненький ледок...» — Впервые под названием «Ваня» в сб.: Пятьдесят поросят, 1924. Печатается по РД.

«Улита, улита, высуни рога!..» — Впервые в сб.: Пятьдесят поросят, 1924. Печатается по РД.

«Катя-Катя-Катюха...» — Впервые в сб.: Вдоль по сахару. Детские народные стишки выбрал и обработал К. Чуковский. Рисунки В. Конашевича. [Л.]: Гос. изд. 1929. Печатается по РД.

«Федя-Бредя съел медведя...» — Впервые в сб.: Пятьдесят поросят, 1924. Печатается по РД.

«Села баба на баран...» — Впервые под названием «Баба» в сб.: Пятьдесят поросят, 1924. Печатается по РД.

«Домок». — Впервые в сб.: Пятьдесят поросят, 1924. Печатается по этому изданию.

Позже, в 1927 и 1929 году, выходили сборнички детских народных песенок «Домок» — в обработке Корнея Чуковского с рисунками Сергея Чехонина. На издание 1929 года «Литературная газета» отозвалась гневной статьей без подписи под названием «Вредная книжка» (13 января 1930). Неизвестный автор писал: «Об идеологии этой книжки говорить незачем... собственнические идеи вбивают в голову ребенка талантливому».

вейшие мастера слова». Шел 1929/30 год — год «великого перелома», год коллективизации.

С тех пор Чуковский ни разу не решился включить «Домок» в сборник детских народных песенок. В настоящем издании стихи печатаются после семидесятилетнего перерыва.

Елена Чуковская

СОДЕРЖАНИЕ

<i>О себе</i>	5
-------------------------	---

«ЧУДО-ДЕРЕВО» И ДРУГИЕ СКАЗКИ

Муха-Цокотуха. <i>Рис. В. Конашевича</i>	17
Тараканище. <i>Рис. К. Ротова</i>	22
Мойдодыр. <i>Рис. Анненкова</i>	30
Чудо-дерево. <i>Рис. В. Конашевича</i>	38
Что сделала Мура, когда ей прочли сказку «Чудо-дерево». <i>Рис. В. Конашевича</i>	40
Айболит. <i>Рис. В. Конашевича</i>	41
Бармалей. <i>Рис. К. Ротова</i>	50
Топтыгин и Лиса. <i>Рис. В. Конашевича</i>	60
Топтыгин и Луна. <i>Рис. В. Конашевича</i>	65
Федорино горе. <i>Рис. К. Ротова</i>	68
Краденое солнце. <i>Рис. Н. Радлова</i>	76
Телефон. <i>Рис. К. Ротова</i>	83
Путаница. <i>Рис. К. Ротова</i>	89
Крокодил. (<i>Старая-престарая сказка</i>). <i>Рис. Ре-Ми</i>	94
Цыплёнок. <i>Рис. Е. Чафушина</i>	120
Так и не так. <i>Рис. В. Конашевича</i>	123
Приключения Бибигона. <i>Рис. В. Конашевича и И. Кабакова</i>	128

«ЗАКАЛЯКА» И ДРУГИЕ СТИХИ

Радость	157
Головастики	158
Бутерброд. <i>Рис. В. Конашевича</i>	159
Ёжики смеются. <i>Рис. В. Конашевича</i>	160
Закаляка. <i>Рис. В. Конашевича</i>	160
Обжора. <i>Рис. В. Конашевича</i>	162
Бебека	163
Поросёнок. <i>Рис. В. Конашевича</i>	163
Слониха читает. <i>Рис. В. Конашевича</i>	164

Свинки. <i>Рис. В. Конашевича</i>	164
Черепаха. <i>Рис. В. Конашевича</i>	165
Федотка	165
Ёлка. <i>Рис. В. Конашевича</i>	166
Доктор	167
Муха в бане	167

Английские народные песенки

Храбрецы. <i>Рис. В. Конашевича</i>	169
Скрюченная песня. <i>Рис. В. Конашевича</i>	170
Барабек. <i>Рис. В. Конашевича</i>	171
Котауси и Мауси. <i>Рис. В. Конашевича</i>	171
Курица	172
Дженни	172

25 загадок — 25 отгадок

Загадки. <i>Рис. В. Конашевича</i>	172
Отгадки. <i>Рис. И. Кабакова</i>	180

«ДОКТОР АЙБОЛИТ» И ДРУГИЕ ИСТОРИИ

Джек — покоритель великанов. <i>Рис. В. Замирайло</i>	185
Храбрый Персей. <i>Рис. Ф. Лемжуля</i>	191
Доктор Айболит (<i>По Гью Лофтингу</i>). <i>Рис. Е. Сафоновой</i>	
Часть первая. Путешествие в Страну Обезьян	201
Часть вторая. Пента и морские пираты	232
Часть третья. Огонь и вода	258
Часть четвёртая. Приключения белой мышки	278
Сказка о царевне Ясносвете (<i>По Н. А. Некрасову</i>). <i>Рис. Ф. Лемжуля</i>	287

ПЕРЕВОДЫ И ПЕРЕСКАЗЫ

Р. Киплинг. Сказки. (<i>Стихи в переводе С. Маршака</i> .) <i>Рис. В. Курдова</i>	293
Откуда у Кита такая глотка	293
Отчего у Верблюда горб	297
Откуда у Носорога шкура	301
Слонёнок	305

Откуда взялись Броненосцы	316
Как было написано первое письмо	325
Кошка, гулявшая сама по себе	336
Мотылёк, который топнул ногой. <i>Рис. Р. Киплинга</i>	351
Рикки-Тикки-Тави.	363
Э. Распэ. Приключения барона Мюнхаузена. <i>Рис. Гюстава Доре</i>	385

ПРИЛОЖЕНИЕ

Собачье царство. <i>Рис. С. Чеховина</i>	447
Одолеем Бармалея. <i>Военная сказка. Рис. В. Басова</i>	454

Сказки разных народов

Царь Пузан. <i>Английская сказка</i>	491
Сказка о глупом царе. <i>Норвежская сказка. Рис. В. Ходасевич.</i>	499
Ная. <i>Шотландская сказка</i>	506
Горе Счастливого Царства. <i>Валлийская сказка</i>	514
Краснозубый Аин. <i>Староанглийская сказка</i>	521
Золотой порошок. <i>Арабская сказка</i>	529
Жан-Беднота и заяц (<i>По П. Кутюрье</i>).	537

Детские народные песенки. *Рис. С. Чеховина*

Сорока-ворона	553
Колыбельная	554
Коза	554
Пожар	555
На улице	555
Зайнъка в гостях	555
Радуга	557
Солнышко	557
Еще колыбельная	558
Гости	558
Козёл	559
Сокол молодой	561
Совушка	561
Кошка и курочка	561
Дедушка Егор	562

Лунь	562
Рыжий и красный	562
Музыканты	563
Небывальщина	563
Как заяц от охотников спрятался	564
Иванушка	565
Скок-поскок	565
Ваня («Как на тоненький ледок...»)	566
Улита («Улита, улита, высуну рога!..»)	567
«Катя-Катя-Катюха...»	567
Федя-Бредя	567
«Села баба на баран...»	568
Домок	568
<i>Комментарии</i>	572